

SECRET

КУЛЬТОВЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена Кинга в его лучших романах.

Daily Mail

Бернар
МИНЬЕР

НЕ ГАСИ
СВЕТ

18+

Annotation

Еще пару недель назад Кристина, ведущая на местной радиостанции в Тулузе, не могла и представить, что ее жизнь, такая безоблачная и размеренная, за короткое время превратится в дикий кошмар. Вокруг нее стали происходить странные и до смерти пугающие события, совершенно расшатавшие ее рассудок. Анонимные письма, мерзкие надписи на стенах ее квартиры, подброшенные на рабочий стол наркотики, клевета со стороны коллег... И, самое главное, присылаемые ей музыкальные диски с операми, каждая из которых посвящена самоубийству главной героини. В результате Кристина потеряла работу, ее личная жизнь разрушена, здоровье пошатнулось. Чей-то жестокий расчет толкает журналистку к краю пропасти, полагая, что ее рассудок не выдержит этой пытки. Но Кристина не из таких, она никогда не сдавалась без борьбы. Ей во что бы то ни стало нужно понять, кто добивается ее смерти...

+18

- [Бернар Миньер](#)
  - [Увертюра](#)
    -
  - [Акт 1](#)
    - [1. Занавес поднимается](#)
    - [2. Партитура](#)
    - [3. Хор](#)
    - [4. Баритон](#)
    - [5. Концертато\[18\]](#)
    - [6. Солист](#)
    - [7. Вибрато](#)
    - [8. Мелодрама](#)
    - [9. Антракт](#)
    - [10. Сопрано](#)
    - [11. Крещендо](#)
    - [12. Поучение мрака](#)

- [13. Опера-Буфф](#)
- [14. Колоратура](#)
- [15. Дуэт](#)
- [16. Речитатив](#)
- [17. Статист](#)
- [18. Веризм](#)
- [19. Тенор](#)
- [20. Оперетта](#)
- [21. Ансамбль](#)
- [22. Лакме](#)
- [23. Лейтмотив](#)
- [24. Голос](#)
- [25. Контрапункт](#)
- [26. Аргумент](#)
- [27. Дива](#)
- [28. Интермеццо](#)
- [29. Либретто](#)
- [30. Опера-серия\[62\]](#)
- [31. Гранд-опера](#)
- [32. Освистывание](#)
- [Акт 2](#)
  - [33. Королева ночи](#)
  - [34. Лирическая драма](#)
  - [35. Бис](#)
  - [36. Балкон](#)
  - [37. Вторичные детали картины](#)
  - [38. Уход со сцены](#)
  - [39. Могила](#)
- [Акт 3](#)
  - [40. Ария da Capo](#)
  - [41. Sola, Perduta, Abbandonata](#)
  - [42. Финал](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности и основные источники](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
-

Бернар Миньер

Не гаси свет

Увертюра

*Беловежская пуца,
на границе Польши с Белоруссией*

Он находился в самом сердце леса. Шел сквозь пургу и стучал зубами от холода. Снег оседал на ресницах и бровях, на стеганой лыжной куртке и насквозь промокшей шерстяной шапочке и мгновенно превращался в лед. Рекс глухо ворчал, проваливаясь в снег по заливкам, и то и дело начинал лаять, демонстрируя хозяину свое неодобрение. Чаща отзывалась на его лай гулким эхом. Время от времени пес останавливался, отряхивался, как после купания, и с его рыжевато-черной шкуры взлетало облако обледеневшей снежной пыли. Его стройные мускулистые лапы глубоко впечатывались в пухлый белый ковер, а живот оставлял за собой след наподобие санного.

День подходил к концу. Ветер усилился. *Где она? Где хижина?* Человек остановился передохнуть. Спина его под одеждой была мокрой от пота, дыхание сбивалось, из груди рвались хрипы... Лес вокруг жил своей жизнью: шуршали отяжелевшие от снега ветки, трещала, лопаясь на морозе, кора, пел хрустальным голоском ручеек, северный ветер налетал, как дикий зверь, и улюлюкал в ушах. Идти становилось все труднее, мороз крепчал... Господи, как же холодно! Ему никогда в жизни не было так холодно...

Он взгляделся покрасневшими глазами в муть тусклых сумерек и вдруг заметил на снегу какой-то металлический отблеск. Два зубчатых кружала... Капкан... В стальных челюстях зажато что-то темное.

Ему стало не по себе: *оно* не было похоже ни на одно живое существо. Попавшего в капкан беднягу терзали, рвали на части и пожирали живьем. Снег вокруг ловушки был запачкан липкой кровью и шерстью, рядом валялись косточки и припорошенные инеем розоватые внутренности.

Внезапно тишину леса нарушил протяжный вой, полоснувший по нервам ржавым лезвием. Человек впервые слышал подобный звук, сплетенный из ужаса, боли и нечеловеческого страдания. Никто из людей не смог бы исторгнуть из глубин своего существа подобного

звука. Вой повторился, леденя кровь, и ему показалось, что на него надвигается грозная волна, что она все ближе, ближе... Крик взметнулся в небо и растаял, унесенный порывом ветра.

На короткий миг на землю вернулась тишина, а потом в глубине окутанного тьмой леса зазвучал хор голосов, откликаясь на призыв вожака. Волки... Человек содрогнулся и двинулся дальше, подгоняемый энергией отчаяния и страха. Он шел в ту сторону, откуда доносился вой, и наконец увидел ее. Увидел хижину. Темный приземистый силуэт маячил в конце просеки, и мужчина, не выдержав, побежал, оскальзываясь на обледеневшем снегу. Собака что-то почуяла и с громким лаем помчалась вперед, обогнав хозяина.

— Ко мне, Рекс! Ко мне, собачка! — позвал ее тот. — Рекс! РЕКС!

Немецкая овчарка не подчинилась команде и с разбега влетела в хижину: у порога намело много снега и дверь была приоткрыта. Зыбкую тишину разорвал улюлюкающий, ухающий крик ночной птицы, и ей снова ответил волчий хор: хищники тьякали, визжали, гортанно переговаривались... Они приближались, и человек, с трудом преодолев сугроб, шагнул через порог и оказался в комнате, залитой жарким желтым светом штормовой лампы...

Майор Мартен Сервас повернул голову и окаменел. Ледяная игла прострелила мозг.

Он зажмурился. Открыл глаза.

Это невозможно. Нереально. Я брежу. Или сплю.

В центре комнаты на столе лежала обнаженная Марианна. Тело еще не остыло, хотя воздух в хижине был морозный. «Гиртман не мог далеко уйти...» — подумал мужчина и хотел было кинуться в погоню, но не сумел даже шевельнуться: ноги стали ватными, руки онемели. Он боялся потерять сознание, понимая, что оказался на краю пропасти... Или безумия. Наконец Мартен шагнул вперед, приказав себе не отводить взгляда. Тело Марианны было распорото от ямки на шее до самого паха — и, судя по количеству крови, рану нанесли при жизни. Торс, деревянная столешница и грубые доски пола были глянцево-красными от теплой крови. Сделав разрез, палач оттянул кожу и раздвинул грудную клетку. Все внутренние органы остались на своих местах, кроме одного... Сердце исчезло... Прежде чем уйти, Гиртман положил его на лобок Марианны. Сердце было теплым. Сервас заметил белый пар, поднимавшийся к потолку. Как это ни

странно, его даже не затошнило — он вообще не почувствовал отвращения.

Что-то было не так. Его не вывернуло наизнанку. Он не завыл от ужаса, не зашелся в крике, а отупел, впал в какое-то странное оцепенение. Рекс зарычал, оскалил клыки, и шерсть на его загривке встала дыбом. Пес смотрел на приоткрытую дверь, и в его желтых глазах плескались угроза и страх.

Полицейский похолодел. Он подошел к двери и выглянул наружу.

Они пришли на поляну. Взяли хижину в кольцо. Человек насчитал восьмерых. Восемь волков. Отощавшие от голода хищники.

Марианна...

Нужно отнести ее в машину. Мужчина вспомнил, что оставил оружие в бардачке. Рекс все не унимался, и Сервасу передались ужас и растерянность мохнатого друга. Он погладил его по голове успокаивающим жестом. Овчарка дрожала крупной дрожью, и Мартен, присев на корточки, обнял ее за шею:

— Ничего, дружок, все будет в порядке.

Пес посмотрел на хозяина, и в его золотистых глазах было столько любви, что Сервас едва не расплакался. Он знал, что шансов на спасение нет и что ему предстоит сделать самую тяжкую и самую трудную вещь на свете.

Мартен вернулся к столу, взял сердце и вложил его в грудную клетку Марианны. Затем, судорожно сглотнув, закрыл глаза и взял обнаженное тело на руки. В голове мелькнула нелепая мысль: «Не такая уж она и тяжелая...»

— Вперед, Рекс! — приказал он и направился к двери.

Пес недовольно гавкнул, но последовал за хозяином. Он глухо рычал, прижав уши и спрятав хвост между лапами.

Волки ждали, выстроившись полукругом. Их желтые глаза горели, как угольки в камине. Шерсть собаки встала дыбом, она свирепо скалилась, угрожая хищникам, а те завывали и щерились, показывая чудовищные клыки, и из их разинутых пастей текла слюна.

Овчарка залаяла. Одна против восьми. Домашний питомец против хищников. У него не было ни малейшего шанса.

— Давай, Рекс! — скомандовал Сервас. — Ну же... ФАС!

Он заливался слезами, его нижняя губа дрожала, его внутренний голос вопил: *Нет! Остановись! Не делай этого, не слушай меня!* Пес

заходился лаем, но с места не двигался. Его научили беспрекословно повиноваться приказам, но сейчас инстинкт выживания оказался сильнее.

— Пошел, Рекс! Вперед! — снова велел ему майор.

Обожаемый хозяин — никто в этом мире не будет любить его сильнее, никто не сумеет проявить большую верность! — отдал приказ, и в его голосе прозвучал гнев:

— НУ ЖЕ, ВПЕРЕД, ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

Рекс хотел помочь хозяину, доказать свою преданность. Ему было страшно, но он кинулся на волков.

Сыщику вдруг показалось, что собака может одолеть своих извечных врагов. Когда вожак стаи прыгнул на пса, тот ловко увернулся, вцепился ему в шею, и волк заскулил от боли, а другие хищники сразу попятились назад. Вожак и овчарка сплелись в смертельном объятии. Рекс превратился в дикого, свирепого, кровожадного зверя.

Дольше ждать было нельзя.

Мартен развернулся и пошел прочь. Волки не обращали на него внимания — пока. Он брел по аллее с телом Марианны на руках и плакал, слыша за спиной жалобный вой своей собаки и плотоядное рычание стаи. Рекс издал пронзительный крик, полный боли и ужаса. *Рекс звал его на помощь.* Сервас стиснул зубы и ускорил шаг. Еще триста метров...

В ветреной ночи прозвучал последний скорбный взвизг и наступила тишина. Рекс погиб. Мужчина не знал, удовольствуются волки этой победой или кинутся в погоню за ним. Ответ на свой вопрос он получил почти сразу: хищники возбужденно затыкали — их не пугали метель и холод, они преследовали добычу, и этой добычей был человек.

Машина...

Она была припаркована у обочины дороги, до нее оставалось не больше ста метров. Кузов покрылся тонким слоем снега. Страх подгонял майора — быстрее, еще быстрее! — он задыхался, и его легкие готовы были взорваться от напряжения. Рычание раздалось прямо у него за спиной. Он резко обернулся. Волки догнали его. Четыре хищника из восьми... их янтарно-желтые влажные глаза смотрели, не моргая: они как будто оценивали ситуацию. Он не сможет

добраться до машины. Слишком далеко. И тело Марианны все сильнее оттягивает руки...

Она мертва. Ты больше ничего не можешь для нее сделать. Но за собственную жизнь есть шанс побороться...

Нет! Его мозг отказывался воспринимать эту идею. Он уже пожертвовал своей собакой. Тело Марианны еще не остыло, куртка Серваса пропиталась ее кровью. Он поднял глаза, и ему почудилось, что небо над ним разверзлось, что Вселенная стремительно надвигается на него и вот-вот проглотит. Снежинки кружились в танце и падали на землю, как летучие звезды. Мартен издал вопль ярости и отчаяния, но волков это не впечатлило. Им надоело ждать, они чувствовали, что этот одинокий человек не представляет никакой опасности. Хищники чуяли его страх и запах крови второй жертвы. Не один пир. Целых два. Они были слишком голодны и слишком возбуждены.

Прочь! Пошли вон! УБИРАЙТЕСЬ, МЕРЗКИЕ ТВАРИ! Он произнес это вслух, или его мозг исторг безмолвный вопль?

Беги! Не медли! Для нее все кончено. Беги!

На этот раз мужчина подчинился своему внутреннему голосу. Он «поставил» Марианну на снег, сунул руку в ее рану, нащупал сердце — все еще теплое, упругое, вытащил его и сунул себе за пазуху, туда, где билось его собственное, живое, сердце. Свитер был мокрым от крови. Он уронил бледное голое тело, и снежный саван с тихим вздохом принял его в свои объятия. Сервас медленно отступил на три шага, а волки набросились на труп. В мгновение ока человек оказался рядом с машиной. Дверцу он не запирает, но боялся, что она примерзла. Из последних сил Мартен потянул за ручку окровавленными пальцами и едва не опрокинулся на спину, когда она заскрежетала и внезапно открылась.

Сервас рухнул на сиденье. Рука в липкой от крови перчатке так сильно дрожала, что он с трудом вытащил ключ из кармана и чуть не уронил его, пытаясь вставить в зажигание. Но Мартен справился с ключами, после чего бросил взгляд в зеркало и вдруг понял, что сзади него кто-то есть. Ему стало ясно, что он сходит с ума. *Нет, этого не может быть!*

А она открыла рот и произнесла молящим тоном:

— Мартен...

— Мартен! Мартен!

Сервас вздрогнул и открыл глаза.

Он сидел в старом кожаном кресле, уронив правую руку с подлокотника, а Рекс лизал ему ладонь.

— Прекрати немедленно! — произнес чей-то голос. — Давай, давай! Пойди поищи себе другую игрушку! Как ты, Мартен?

Пес удалился, виляя хвостом. Он был настоящим хозяином здешнего заведения, он принадлежал всем и никому персонально, и играть с ним стало частью терапии. Полицейский встряхнулся — в точности как овчарка в его сне — и уставился в телевизор. Показывали репортаж о французской космической программе. На экране мелькали кадры съемки Космического городка,^[1] расположенного на восточной окраине Тулузы, и корпуса Высшего института аэронавтики и космоса, выстроенного на склоне холма в центре города, неподалеку от Обсерватории Жолимон.

Кроме Серваса и Элизы, в общей гостиной никого не было. Мартен понял, что задремал перед телевизором, разомлев от жары в этот бесконечно долгий и нудный зимний день (в здании сильно топили). Сыщик повернул голову в сторону балконной двери. Солнце все утро сияло над заснеженным пейзажем, в коридорах витал аромат кофе — там смеялись и переговаривались сотрудники, — и огромная, украшенная кем-то из пансионеров елка радовала взгляд каждого, кто видел ее. Снег сверкал и переливался, и душа проснувшегося мужчины ненадолго обрела безмятежный, почти детский покой.

Но сразу после обеда («постояльцы» ели в общей столовой) холодный ветер загнал солнце за тучи. Голые ветки деревьев застучали в стекла, температура упала до -1 °C. Одолеваемый мрачными мыслями майор устроился в кресле перед телевизором. Убавив звук, он погрузился в забытие и увидел кошмар.

— Вы кричали, — сказала Элиза. — Плохой сон?

Мартен посмотрел на нее мутным взглядом и внутренне содрогнулся, вспомнив заснеженный лес, хижину, волков... и Марианну... Кошмарный сон, навеванный ужасной реальностью. Осталась ли у него надежда? Ответ ясен: никакой.

— Вы уверены, что все хорошо? — допытывалась Элиза.

Эта пухленькая сорокалетняя женщина со смеющимися глазами была единственной сотрудницей центра, которая нравилась Сервасу, и единственной, кто мог выносить его. Все остальные сотрудники раньше работали в полиции. Сначала они сами были пациентами центра, потом стали его хозяевами: их называли общественными медицинскими помощниками. Они проявляли к другим пансионерам братское участие, которое Сервас воспринимал как нечто навязчиво-липкое.

Они его не любили. Он отказывался соблюдать правила игры. Не желал смириться, не собирался жалеть себя и сотрудничать...

А вот Элиза ничего от него не ждала.

И никогда не работала в полиции. Ее много лет унижал и третировал муж, и она в конце концов ушла от него. Чаша терпения этой женщины переполнилась после одного вопиющего случая: супруги поехали гулять за город, она что-то «не так сказала», и мерзавец сел в машину и уехал, бросив Элизу с маленьким сыном в незнакомом месте среди ночи. После развода бывший муж день и ночь донимал ее телефонными звонками, поджидал после работы, подкарауливал в супермаркете, молил о прощении, грозился похитить сына или убить их обоих, а потом покончить с собой... Однажды он так сильно толкнул ее на парковке, что она ударилась головой о бампер собственной машины и потеряла сознание. Все это произошло на глазах у ребенка. Судья выдал запретительный ордер, но бывший супруг Элизы не утихомирился: у него и раньше бывали неприятности с полицией, и он знал, что ему ничего не грозит. А Элиза нашла работу в доме отдыха для вышедших в тираж полицейских и быстро стала всеобщей любимицей. Через какое-то время она поделилась своими проблемами кое с кем из пансионеров, и в один далеко не прекрасный день у экс-мужа началось «тесное общение» с полицейскими. Они наносили ему визиты по самым ничтожным поводам, звонили утром, днем и вечером на работу, заезжали, чтобы дружески поприветствовать, как минимум два раза в неделю парковались у его дома, подходили на улице, «тыкали» ему при соседях, а иногда «случайно» толкали — о, конечно, не так сильно, как он толкнул свою жену! Бывший обещал подать жалобу за преследование, но ничего подобного, естественно, не сделал, а вот жену с малышом доставать перестал. Как только негодяй исчез из жизни Элизы, она как будто

помолодела и снова стала энергичной, полной сил, веселой женщиной с заразительным смехом.

— Звонила ваша дочь, — сказала она Сервасу.

Тот приподнял бровь.

— Я сказала, что вы спите, и она не велела будить вас, но просила передать, что скоро заедет, — добавила женщина.

Мартен взял пульт и выключил телевизор. Поднявшись, он посмотрел на свой изношенный свитер, замахрившийся на локтях и манжетах, и внезапно вспомнил, что завтра Рождество.

— Может, хоть по случаю праздника побреетесь? — подколола его Элиза.

Пациент ответил не сразу.

— А что будет, если не побреюсь? — поинтересовался он наконец после долгой паузы.

— Подтвердите то, что думают о вас почти все, кто тут живет.

Сервас снова вздернул бровь:

— А что они думают?

— Что вы бирюк и бука.

— И вы с ними согласны?

Женщина пожала плечами:

— Что и говорить, характерец у вас тот еще...

Мартен рассмеялся, а она улыбнулась, покачала головой и вышла. Когда дверь за Элизой закрылась, Сервас задумался. Его не волновало, что думают о нем другие, но Марго не должна видеть его таким. Последний раз дочь навещала его три месяца назад, и он до сих пор не забыл, с какой печалью и укоризной она тогда на него смотрела.

Сервас прошел через холл и начал подниматься по лестнице. Его комната находилась под самой крышей и была очень маленькой — едва ли больше девяти метров. Обставлена она была по-спартански: кровать, узкая, как ложе тайно вернувшегося на Итаку Одиссея, шкаф, письменный стол, несколько полок с книгами — Платон, Цицерон, Тит Ливий, Овидий, Сенека... Размеры временного пристанища и отсутствие уюта не волновали Серваса, зато вид из окна на лес и поля был хорош даже зимой.

Он сменил старый свитер и майку на рубашку и чистый пуловер, надел любимую стеганую куртку, шарф и перчатки, спустился на первый этаж и покинул дом через заднюю дверь. Дойдя по засыпанной

снегом равнине до ближайшего перелеска, вдохнул полной грудью холодный влажный воздух. Его окружала вселенская тишина, а на снегу не было ни одного следа — здесь никто не гулял.

Мартен очистил каменную скамью, уютно устроившуюся под двумя вековыми деревьями, и сел. «Черт, как же холодно!»

В небе, белом под стать окружающему пейзажу, летали вороны, и мысли в голове у сыщика были такими же мрачными, как оперение этих птиц. Он запрокинул голову и сделал глубокий вдох. В памяти, как посмертный отпечаток портрета убийцы на сетчатке жертвы, всплыла улыбка того человека. В прошлом месяце он перестал принимать антидепрессанты, не поинтересовавшись мнением лечащего врача, и сейчас вдруг испугался, что тьма снова поглотит его.

Возможно, он поторопился...

Полицейский понимал, что недуг может убить его. Он сражается с тяжелой депрессией, его мозг бьется в конвульсиях, как попавший в капкан зверь, и никто не знает, надолго ли его хватит.

Жестокое страдание опустошает душу.

Полгода назад ему домой пришла посылка, доставленная UPS.^[2] Отправитель, некий М. Особа, жил в Пржевлоче, на востоке Польши, в лесистой местности на границе с Белоруссией. Внутри картонной коробки находился термобокс. Сердце едва не выскочило у Серваса из груди, когда он поддел кухонным ножом сургучную печать. Сыщик не помнил, что именно ожидал найти внутри. Отрезанный палец? А может, даже кисть руки (учитывая размеры упаковки)? Но увиденное оказалось во сто крат хуже. Предмет в форме большой груши красного — нет, алого, как сырое мясо, — цвета. Сердце... Определенно человеческое. Приложенная записка была не на польском, ее написали по-французски:

Она разбила твое, Мартен. Думаю, теперь ты наконец почувствуешь себя свободным. Сначала будешь страдать, но потом успокоишься — нет смысла искать, не на что надеяться. Подумай об этом.

С дружескими чувствами, Ю. Г.

Последняя надежда — мизерная, призрачная: это жестокая дурная шутка и сердце не ее...

Сотрудники лаборатории сделали генетический анализ, сравнив ДНК «подарка» с ДНК сына Марианны Юго, вынесли вердикт, и разум Серваса дрогнул. По указанному на посылке адресу находился отдельно стоящий дом в глубине векового леса. Беловежская Пуща была одним из последних первозданных лесных массивов Европы. Единственным нерукотворным памятником необъятного леса эпохи герцинской складчатости,^[3] который в начале христианской эры покрывал весь север континента. Взятые на месте анализы подтвердили, что Гиртман жил там — как и многие женщины, похищенные в последние годы в разных европейских странах. В том числе и Марианна... Сыщик выяснил, что фамилия «Особа» переводится с польского как «человек»: Гиртман тоже читал Гомера.

Разумеется, след на этом обрывался...

Месяц спустя Мартена признали временно негодным к службе и направили в центр, где впавших в депрессию полицейских заставляли заниматься спортом по два часа в день и выполнять мелкие бытовые поручения — например, сгребать опавшие листья в парке. Он беспрекословно подчинялся, когда ему давали эти задания, но вот от групповой терапии отказался наотрез. Уклонялся сыщик и от общения с другими пансионерами: почти все они были алкоголиками — то ли в силу природной склонности, то ли из-за «трудовой биографии». Люди годами купались в нечистотах, имея дело с отбросами общества, и неизбежно срывались. Даже самый бесчувственный и твердолобый человек ломается, когда его в глаза называют легавой сукой, мусором, сволотой, когда его детей задирают во время перемены на школьном дворе только за то, что их отец — полицейский, когда жена уходит, заявив, что «ей все обрыдло». Тех, кто стоит на страже безопасности граждан, эти самые граждане ненавидят и презирают, а подонки общества прохлаждаются в это время на террасах кафе или в постели с девками... Большинству постояльцев центра хоть раз да приходила в голову мысль о самоубийстве.

У депрессии много пагубных последствий. Одно из них — невозможность сконцентрироваться и заниматься своим делом. Патрон Серваса комиссар Стелен быстро понял, что майор совершенно выбит из колеи и неспособен. Да Мартен и сам это осознавал. Ему

было плевать на убийц, насильников и грабителей всех мастей. Он утратил вкус не только к работе, но и к еде, к происходящим в мире событиям и к своим любимым латинским авторам.

Даже музыка Малера перестала его волновать...

Последний симптом пугал мужчину сильнее всего. Выбрался ли он из пропасти? Не факт, хотя в последнее время появились признаки улучшения: душа понемногу оттаивала, кровь быстрее бежала по жилам... Так случилось каждый год, когда весна вступает в свои права, гоня прочь зимнее уныние. Сервас поймал себя на желании вернуться к папке с делом, пылившейся на его рабочем столе, и даже сказал об этом Венсану Эсперандье, своему помощнику и единственному другу. «Выздоравливаем?!» — обрадовался молодой сыщик. Майор улыбнулся. Венсан был страстным поклонником инди-рока,^[4] читал манга,^[5] обожал видеоигры, дорогие шмотки и навороченные гаджеты, но майор уважал его мнение. Помощник рассказал, как идет расследование двух сложных дел, над которыми они начинали работать вместе. «Мы зашли в тупик...» — сообщил он, заметил в глазах шефа искорку охотничьего азарта и обрадовался, как пацан, выкинувший ловкий фортель.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.^[6]

— Это откуда? — спросил Эсперандье, сдвинув брови.

— Из Данте, — ответил Сервас.

— А-а-а... Кстати, Аслен ушел.

Комиссар Аслен. Начальник уголовного розыска.

— И кто его заменил? — поинтересовался Мартен.

Эсперандье в ответ лишь кисло поморщился.

Теперь майор на мгновение снова перенесся мыслями в освещенный весенним солнцем лес. Земля под ногами еще не отмерзла, мороз пробирал до костей, и он ужасно продрог. Майор усилием воли прогнал ледяное видение. «Я очень скоро выйду из этого леса, — пообещал он себе. — Не во сне — наяву...»

АКТ 1

*Да познает
твоя душа
Вечную муку.*

*«Мадам
Баттерфляй»*

1. Занавес поднимается

Я пишу эти слова. Последние слова в этой жизни. Пишу, зная, что все кончено: на сей раз возврата назад не будет. Ты разозлишься: «Как можно, сегодня ведь Рождество!» Ты и твои проклятые «приличия». Ты и твои чертовы манеры. Не понимаю, как я могла верить твоим лживым обещаниям. Слова, все больше слов и все меньше правды: таков сегодняшний мир.

Знаешь, а я сдержу слово. Это не пустой треп. Что, у тебя вдруг задрожала рука? Ты взмок?

А может, все ровно наоборот, и ты улыбаешься, читая мое письмо? Кто за всем этим стоит? Ты? Или твоя баба? Вы прислали мне записи опер? И все остальное? Впрочем, какая разница? Еще совсем недавно я бы душу прозакладывала, чтобы узнать, кто до такой степени меня ненавидит. Я не понимала, чем вызвала такую злобу, говорила себе: «Ты сама во всем виновата!» Но теперь я так не думаю.

Кажется, я схожу с ума. Слетаю с катушек. Возможно, виноваты лекарства. Да какая разница, сил больше нет. Все кончено. Хватит. Кем бы ни был мой враг, он победил. Я совсем не сплю. Конец. Точка.

Я никогда не выйду замуж, не заведу детей. Это фраза из какого-то романа. Проклятие! Теперь я понимаю ее смысл. Конечно, я о многом жалею. Жизнь иногда делает нам щедрые подарки... чтобы потом укусить побольнее. У нас с тобой могло бы сложиться. Или не сложиться. Кто знает... Ну и ладно. Ты наверняка быстро меня забудешь, и я стану одним из тех досадных воспоминаний, которые человек заталкивает в самый дальний уголок мозга. Ты притворишься, что сожалеешь, скажешь своей нынешней: «Барышня она была депрессивная, шариков у нее в голове не хватало, но я не знал, что все настолько запущено...» И вы тут же заговорите о чем-нибудь другом. Будете смеяться. Займетесь любовью. Мне нет дела до тебя и твоей жалкой жизни. Я ухожу.

И ВСЕ-ТАКИ СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА.

На конверте не было ни марки, ни штемпеля. Ее имени — Кристина Штайнмайер — на нем тоже не было. Кто-то бросил письмо прямо в почтовый ящик. По ошибке... Ну конечно, произошла ошибка: письмо не имеет к ней никакого отношения. Она посмотрела на висящие на стене ящики: на каждом имелась этикетка с фамилией жильца. Да, тот, кто доставил конверт, просто ошибся ящиком.

Это письмо предназначалось кому-то другому... другому жильцу дома.

У Кристины перехватило дыхание от неожиданной догадки: «*Неужели это то, что я думаю?..*» Господь милосердный! Женщина не без труда справилась с подступившей к горлу дурнотой и снова взглянула на сложенный вдвое листок с отпечатанным на машинке текстом: *в таком случае нужно обязательно кого-нибудь предупредить...* Да, нужно, но кого? Штайнмайер подумала о женщине, написавшей это послание, представила себе всю меру ее отчаяния и похолодела от ужаса: в этот самый момент несчастная, должно быть, уже... Кристина медленно перечитала последние строки, вдумываясь в каждое слово: «*Мне нет дела до тебя и твоей жалкой жизни. Я уйду*». Никаких сомнений: это прощальное письмо самоубийцы.

Вот дерьмо...

Сегодня Рождество, а где-то в городе или неподалеку незнакомая женщина собирается свести счеты с жизнью — а может, уже сделала это... И никто, кроме Кристины, ничего не знает. Деваться от этого знания некуда, потому что человек, который должен был бы прочесть письмо сегодня вечером (не письмо — мольбу о помощи!), его не прочтет.

Розыгрыш. Ну конечно, это розыгрыш...

Она снова прочла первые строчки, ища признаки мистификации. Кому придет в голову так глупо шутить в вечер перед Рождеством? Только больному на всю голову. Мадемуазель Штайнмайер знала, что на свете много одиноких людей, которые терпеть не могут праздники, потому что в такие дни чувствуют себя еще более одинокими, но это не повод устраивать подобное безобразие. Кроме того, тон и содержание письма не показались ей фальшивыми, а отдельные детали наводили на мысль, что тот, кому оно адресовано, близко знаком с автором.

Будь в тексте хоть одно имя, она могла бы обойти всех соседей и спросить: «Вы знаете такого-то или такую-то?»

Сработал таймер, и холл погрузился в полумрак. Теперь тусклый свет проникал только с улицы, через двойную застекленную дверь из кованого железа. Кристина поежилась — ей вдруг показалось, что вот-вот появится человек, опустивший злосчастное письмо в ее ящик. На другой стороне улицы, в ярко освещенной витрине ремесленной булочной, покачивались сани Пера Ноэля.^[7] Кристине было не по себе не только из-за письма: темнота всегда внушала ей страх — как бритва в руках психопата.

В этот момент завибрировал лежащий в кармане мобильник.

— Где ты застряла? — услышала женщина голос своего жениха.

Входная дверь хлопнула у нее за спиной. Ледяной ветер взметнул в воздух концы шарфа, кинул в лицо колючую мокрую крупу. Снова пошел снег, устлав асфальт белым пушистым ковром. Она стояла на тротуаре, ища глазами машину Жеральда Ларше. Он заметил ее и включил фары.

В салоне вкусно пахло кожей, новым пластиком и мужским одеколоном. Ник Кейв^[8] пел «Jubilee Street». Кристина устроилась на сиденье могучего белого внедорожника, но дверцу закрывать не стала. Жеральд повернулся к ней, улыбнулся «особой», рождественской улыбкой и наклонился поцеловать. Легкое прикосновение серого шелкового шарфа, знакомый аромат тела пробудили желание.

— Готова к встрече с «мсье-раньше-все-было-лучше-чем-сегодня» и «мадам-почему-вы-ничего-не-едите-дорогая»? — спросил он, нацелив на нее телефон и нажав на кнопку камеры.

— Что ты делаешь? — спросила женщина.

— А ты не видишь? Снимаю тебя.

Его голос согрел ее, как глоток сладкого айриш-кофе, и она улыбнулась. Вот только улыбка вышла напряженная.

— Лучше взгляни вот на это. — Штайнмайер зажгла свет и протянула жениху листок и конверт.

— Мы вообще-то опаздываем, — заметил тот.

Тон у него был ласково-снисходительным и одновременно твердым. В момент знакомства Кристину впечатлила не внешность

Жеральда, а именно эта необычная смесь вкрадчивой мягкости и властной повадки.

— И все-таки взгляни, — попросила она.

— Где ты это нашла?

Тон Ларше был почти... неодобрительным, он как будто обвинял собеседницу за то, что она обнаружила конверт в...

— В почтовом ящике.

По его взгляду Кристина поняла, что он не только удивлен, но и раздосадован: этот человек не любил сюрпризов.

— Так что ты об этом думаешь? — спросила женщина.

Ее друг пожал плечами.

— Чья-то дурацкая шутка, что же еще?

— Не согласна. Тон письма кажется искренним.

Мужчина вздохнул, вернул очки на нос и начал перечитывать написанные на листе бумаги строки. В свете фар танцевали снежинки, мимо, прошуршав шинами по асфальту, проехала машина, и Кристине вдруг показалось, что они находятся на борту мрачного холодного батискафа и их сейчас занесет снегом. Она устремила взгляд на листок через плечо своего любимого. Слова складывались в мозгу в узор из снежинок.

— Значит, произошла ошибка, — сказал Жеральд. — Письмо предназначалось кому-то другому.

— Вот именно — другому.

— Мы поищем разгадку позже, а сейчас поедem, родители ждут, — веско произнес мужчина, гипнотизируя ее взглядом.

Да, да, да, конечно: твои родители... Рождество... Да какое все это имеет значение, если неизвестная женщина попробует убить себя сегодня вечером?

— Скажи честно, Жеральд, ты понимаешь, что это за письмо? — спросила мадемуазель Штайнмайер.

— Думаю, да... — нехотя ответил ее собеседник, сняв руки с руля. — Чего ты хочешь?

— Не знаю. У тебя есть идеи? Не можем же мы сделать вид, что ничего не произошло...

— Послушай меня, дорогая... — Снова эти осуждающие нотки! Ее друг как будто хотел сказать: *«Вечно ты вляпываешься в*

неприятности, Кристина». — У нас назначена встреча, первое свидание с моими родителями, мы уже и так на час опаздываем. Письмо может быть криком души — или глупой шуткой... Мы займемся этой историей, обещаю тебе, но не сейчас.

Жеральд говорил спокойно и рассудительно. Слишком рассудительно. Он всегда брал такой тон, когда бывал недоволен ею. В последнее время это случалось все чаще. *«Обрати внимание, какое потрясающее терпение я проявляю...»* — вот что имел в виду этот мужчина. Штайнмайер покачала головой:

— Если это призыв о помощи, он не будет услышан, потому что человек, которому адресовано письмо, не прочтет его, а значит, кто-то *действительно* покончит с собой сегодня вечером. И в том, и в другом случае в курсе дела я одна.

— Какого дела?

— *Мы должны обратиться в полицию.*

Ларше закатил глаза:

— Письмо даже не подписано! На конверте нет адреса! Думаешь, в полиции обрадуются? Знаешь, сколько времени уйдет на составление протокола? Праздничного ужина мы точно лишимся!

— Праздничного ужина? Да как ты можешь! Речь идет о жизни и смерти человека!

Жеральд шумно вздохнул, и его подруга кожей почувствовала, как он раздражен.

— **ЧЕГО ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ, А?!** — рявкнул он. — Мы не сможем узнать, кто написал это письмо, **НИКАК** не сможем! Я уверен — это блеф чистой воды: человек на грани самоубийства оставляет записку на столе в собственной квартире, а не играет в «почту», понимаешь, Кристина? Эта мифоманка — несчастная одинокая женщина, ей не с кем отпраздновать Рождество, вот она и решила привлечь к себе внимание! Да, письмо — крик о помощи, но это не значит, что она перейдет от слов к делу!

— И ты предлагаешь сесть как ни в чем не бывало за стол, есть, пить, веселиться и делать вид, что никакого письма не было?

Глаза Жеральда за стеклами очков недобро блеснули, и он отвернулся от Кристины, как будто надеясь, что из метели вынырнет волшебник, который поможет ему переубедить ее.

— Не мучай меня, Кристина. Я не знаю, что делать! Сегодня ты познакомишься с моими родителями — только представь, как это будет выглядеть, если мы опоздаем на три часа!

— Ты рассуждаешь как эгоистичный кретин, который смотрит на тело самоубийцы на рельсах и думает: «Чертов придурок, другого места не нашел, теперь я опоздаю!»

— Ты назвала меня кретином? — глухим, прерывающимся от бешенства голосом спросил Жеральд.

Его лицо побелело, губы посинели, и Кристина испугалась.

«Черт, кажется, я перегнула палку...»

Она примиряющим жестом коснулась руки собеседника:

— Ну что ты, конечно, нет, прости! Мне правда очень жаль, забудь, ладно?

Ларше вздохнул, раздраженно хлопнул ладонями по рулю и задумался, а Штайнмайер вдруг почему-то подумала, что в салоне «Лендкрузера» слишком много кожи.

Жеральд издал еще один тяжкий вздох и спросил:

— Сколько квартир в твоём доме?

— Десять. По две на этаже.

— Вот что я предлагаю. Обойдем всех, покажем письмо; может, кто-то знает женщину, которая его написала.

— Ты правда хочешь это сделать?

— Да. Половина твоих соседей наверняка уехала на праздники, так что много времени опрос не займет.

— А как же твои родители?

— Позвоню им, все объясню, скажу, что мы немного задержимся. Они поймут. Мы можем сузить поиск. Письмо написала женщина. Сколько у тебя соседей-мужчин?

Предыдущий владелец старого дома, в котором жила Штайнмайер, хотел выжать из своей собственности максимум дохода и произвел перепланировку: больших квартир имелось всего две — этажом ниже Кристины, а остальные были одно- и двухкомнатными.

— Двое, — ответила женщина.

— Тогда мы все провернем за несколько минут. Будем надеяться, что они празднуют Рождество дома.

«Он прав, — подумала Кристина. — Могла бы и сама сообразить...»

— Для очистки совести зайдём ко всем остальным, а потом сразу отправимся к родителям, — решил её друг.

— Но что, если мы ничего не выясним?

Жеральд посмотрел на неё, и она прочла ответ в его глазах: «Не зарывайся...»

— Я позвоню в полицию, пусть они решают, что предпринять. Больше мы ничего сделать не можем. Не будем портить праздник из-за чьей-то глупой шутки, — заявил он.

— Спасибо, что согласился помочь.

Ларше пожал плечами. Взглянув в зеркало заднего вида, он открыл дверцу и вышел на холод, оставив за собой шлейф аромата дорогого одеколона.

21.21, 24 декабря. Пошел сильный снег, тучи затянули ночное небо, свет праздничной иллюминации отражался от белоснежного асфальта, а люди темными силуэтами неслись по тротуару, спеша доделать последние дела. Она переключила приемник на другую волну. Голоса её коллег с «Радио 5» звучали так возбужденно, как будто сообщали о конце света или начале третьей мировой войны. Снег под колесами машин превращался в грязное месиво. Она проехала мост Помпиду и обогнула большое здание-ковчег медиатеки. Вокруг царило нетерпеливое возбуждение, водители жали на клаксоны, рычали двигатели, звучала брань... Жеральд тоже злился — но молча: они опаздывали уже на два часа.

Кристина вернулась мыслями к письму. К женщине, которая его написала.

Из их затеи ничего не вышло. Её спутник оказался прав — дверь им открыли всего в двух квартирах. В первой жила семья из шести человек, родители и четверо детей. Малышня носилась по комнатам и так вопила, что Ларше едва не сорвал голос, перекрикивая их. Он показал супругам письмо и объяснил суть дела. Те не сразу поняли, чего он от них хочет — все их мысли были заняты приготовлениями к ужину, — а когда наконец они включились в происходящее, мадемуазель Штайнмайер перехватила подозрительный взгляд, которым жена одарила мужа. Впрочем, его изумление показалось ей вполне искренним. Потом Жеральд с Кристиной пообщались с молодой парой, занимавшей одну из двух больших квартир. Муж

держал на руках ребенка и обнимал за плечи беременную жену, и они выглядели очень дружными и счастливыми. «Интересно, мы будем такими же, когда поженимся? — подумала Кристина и тут же одернула себя: — Не будь идиоткой!» История с письмом явно потрясла обеих ее соседей. Молодая женщина воскликнула: «Господи, какой ужас!» — и едва не расплакалась.

По лестнице жених и невеста спускались молча.

Ларше не соизволил заговорить и в машине. Весь его вид — желваки на скулах, страдальчески сморщенный лоб — выдавал глухое недовольство поведением спутницы.

— Мы правильно поступили, — произнесла она с нажимом.

Жеральд не ответил. Он даже не кивнул, и Кристина разозлилась. Что за идиотская демонстрация? Что такого из ряда вон выходящего она совершила? Да они оба должны чувствовать себя виноватыми, потому что, скорее всего, не смогут спасти незнакомку, написавшую жуткое письмо! А может, дело вовсе не в письме? Женщина не могла не заметить, что Жеральд все чаще противоречит ей по любому поводу, спорит зло, «с сердцем», а потом неизменно спохватывается и пытается смягчить ситуацию улыбкой или шуткой. Он переменялся к ней, и случилось это после того, как прозвучало слово «женитьба».

Рождество. Наш первый праздничный ужин «в семейной обстановке», черт бы его побрал! Сегодня с его родителями, завтра с моими... Понравится ли им Жеральд? А они ему?.. Не дергайся, Жеральд нравится всем. Коллегам, студентам, друзьям, автомеханику и даже твоей собаке... Ты поняла это в вашу первую встречу. На приеме в Капитолии, так ведь? Помнишь, сколько там было шикарных красоток в дизайнерских туалетах? А он выбрал тебя! Жеральд пил ром со льдом и лаймом — кайпиринья, так называется этот коктейль, ^[9] — вид у него был рассеянный, но он тебя заметил и подошел. Ты его отшила, но он не сдался, сказал: «Ваш голос кажется мне знакомым... Где я мог его слышать?» Ты долго и нудно рассказывала о своей работе на «Радио 5», а он терпеливо слушал. Не делал вид, а действительно слушал... Ты пыталась блеснуть умом и оригинальностью, и из этого, само собой, ничего не вышло, но Жеральду все твои слова казались ужасно забавными и невероятно увлекательными.

Да, Жеральда любили все, но ее родители — не все. Ее родители — Ги и Клэр Дориан. *Дорианы из телевизора...* Подите понравьтесь людям, которые брали интервью у Артура Рубинштейна, Шагала, Сартра, Тино Росси, Генсбура и Биркин...

«Ты прекрасно знаешь, как все будет», — поддал жару ее вечный мучитель — внутренний голос. Кристина ненавидела этот «глас рассудка», но за много лет привыкла прислушиваться к нему. Папиной реакции можно не опасаться, его в целом свете интересует одно: он сам. Нелегко прозябать в неизвестности, если ты был первопроходцем телевидения и большую часть жизни провел «на экране». Он упивается ностальгическими воспоминаниями и заливает хандру спиртным, не заботясь о чувствах окружающих. «Ну и ладно! Нравится человеку портить себе остаток дней — на здоровье! — разозлилась вдруг мадемуазель Штайнмайер. — Свою жизнь я ему испортить не позволю!»

— Как ты? — спросил Жеральд.

Кристина расслышала в его голосе примирительные нотки и кивнула.

— Я понимаю твои чувства, — продолжил он. — Это письмо...

Женщина посмотрела на него и снова кивнула, подумав: «Ни черта ты не понимаешь...» Они остановились на светофоре, и взгляд Штайнмайер упал на рекламный постер на стенке автобусной остановки. Дольче и Габбана. Весь город заклеен такими же. Пятеро молодых крепких мужчин стоят над лежащей на земле женщиной. У них мускулистые, блестящие от пота тела. Прекрасные. Гиперсексуальные. Возбужденные. Один удерживает женщину за запястья. Она сопротивляется, хотя ее позу и выражение лица можно трактовать как угодно. Сцена выстроена мастерски и не оставляет никаких сомнений в развязке. «Грошова провокация для зомбированных потребителей», — подумала Кристина. Она где-то читала, что двое французов из троих опрошенных не способны распознать в рекламе сексистские стереотипы. Женщины, демонстрирующие свою красоту, свою безупречную внешность, женщины «для представительства»: общественное пространство заполнено женскими телами... Как-то раз Штайнмайер пригласила на передачу главу Ассоциации помощи женщинам в бедственном

положении. Ей семь дней в неделю звонят избитые жены, женщины, которым мужа запрещают общаться даже с соседями (что уж говорить о других мужчинах!), несчастные, «наказанные» за пережаренное мясо или пересоленный суп, жертвы физического насилия, не имеющие доступа к банковскому счету, не смеющие обратиться к врачу... Те немногие, кто пересиливает страх и просит о помощи, смотрят на мир пустым затравленным взглядом.

В детстве Кристина сама была свидетельницей одной сцены...
Именно поэтому она приглашала в эфир сильных, состоявшихся женщин: руководящих работников, общественных активисток, актрис, политиков, которые ни одному мужчине не позволяют диктовать им свою волю.

Ты уверена?

Ларше не обращал на свою спутницу ни малейшего внимания, уйдя в свои мысли. Кто же написал это роковое письмо? Она обязана это узнать.

2. Партитура

Ей снилась женщина. Сон был неприятный. Ночь, луна, женщина стоит в центре темной тисовой аллеи, вроде тех, что ведут к кладбищу, а за ее спиной виднеются ворота, окаймленные двумя высокими каменными колоннами. Ночь снежная и очень холодная, но на женщине из всей одежды — только легкая ночная рубашка на бретельках. Кристина хочет войти на кладбище, но женщина преграждает ей дорогу и говорит: «*Вы ничего не сделали, вы бросили меня*».

— Я пыталась, — жалобно произносит Штайнмайер. — Правда пыталась. Пропустите меня!

Она обходит женщину, но та поворачивает голову на сто восемьдесят градусов — немыслимо, невозможно! — чтобы проследить за ней взглядом, и ее глаза заполняет мрак. В небе летает огромная стая черных птиц, они издают пронзительные крики, женщина начинает смеяться, и ее жуткий истерический хохот будит Кристину. Сердце пускается в бешеный галоп, как сорвавшаяся с поводка лошадь.

Письмо...

Жаль, что оно осталось в машине — его нужно перечитать. Обдумать. Попробовать угадать, что за женщина могла написать такое. И главное — зачем. Голубой ночник на столике высвечивает кружок на потолке. Через приоткрытую дверь в комнату проникает свет из коридора. Она высовывает ногу из-под одеяла и понимает, что в спальне холодно, как в погребке. За окнами еще темно, но над городом уже поднимается шум уличного движения — машины, скутеры, грузовички поставщиков... Кристина смотрит на радиобудильник: 7.41... *Проклятие! Проспала!* Она откидывает одеяло, обводит взглядом пустую комнату, похожую на безликий гостиничный номер. Место для спанья, не более того. Год назад она пришла посмотреть квартиру и мгновенно поняла, что жить хочет только здесь. Женщина сразу полюбила средневековые улочки старого, вошедшего в моду квартала с его ресторанчиками и бистро, магазином экопродуктов, прачечной самообслуживания, винным погребком и итальянской бакалеей. Цена у квартиры оказалась внушительной (высокие потолки,

мраморный камин!), выплачивать кредит придется тридцать лет, но дело того стоило. Мадемуазель Штайнмайер каждое утро просыпалась с мыслью, что это было лучшее из всех решений, которые она принимала в жизни.

По паркету зацокали коготки Игги. Он запрыгнул на одеяло и прошествовал по кровати, чтобы лизнуть хозяйку розовым языком в щеку. Породой собака похвастаться не могла, но экстерьер у нее был очень даже симпатичный: густая палево-белая шерсть, остроконечные стоячие уши и большие круглые карие глаза — совсем как у знаменитого рок-певца, в честь которого она и была названа.^[10] Пес пристально смотрел на хозяйку, ожидая ответной ласки. Кристина улыbnулась, погладила его по голове и встала.

Чтобы не замерзнуть, женщина натянула старую кашемировую водолазку и толстые шерстяные носки, после чего отправилась в совмещенную с кухней гостиную.

— Уж потерпите немножко, Ваше Мохнатое Высочество, — сказала она, выкладывая корм из банки в миску Игги, который пытался подлезть ей под руку и приступить к завтраку.

Обставлена комната была в минималистском стиле: старый кожаный диван, журнальный столик из «Икеи», рядом с камином — большая плазменная панель на деревянной подставке. Полностью оборудован был только кухонный уголок. В центре стоял гребной тренажер, а рядом на полу лежали гантели. Упражнялась Кристина по вечерам, во время просмотра какого-нибудь фильма. Сейчас на экране с выключенным звуком шла утренняя передача — хозяйка никогда не выключала телевизор на ночь. Перед камином высились стопки книг, газет и журналов. Штайнмайер работала на частной радиостанции «Радио 5», вела в будние дни утренний эфир с 9.00 до 11.00 (в субботу и воскресенье передача шла в записи). Двухчасовое «Утро с Кристиной» было таким салатом из новостей, музыки, игр и юмора, причем юмор медленно, но верно вытеснял информацию. До рождественского эфира оставалось меньше часа. Джон и Йоко порадуют слушателей своей знаменитой «Счастливого Рождества» («Война окончена»), Джулиан Касабланкас^[11] споеет «Вот бы сегодня было Рождество», юмористы взбодрят публику более или менее удачными шутками, а потом штатный психолог поговорит об одиночестве, посоветует, как пережить «тяжелые» праздничные дни

человеку, которого никто не позвал на торжественный ужин. Сочувствие — вещь необходимая, но перебарщивать не стоит — сегодня все-таки праздник...

Мысли Кристины были по-прежнему заняты письмом. Возможно, все-таки стоит с кем-нибудь посоветоваться. Она подружилась с Берковицем, который каждую среду приходит к ней на эфир (на этой неделе его выступление передвинули на сутки, приурочив к Рождеству): он был хорош, и рейтинг у него высокий.

Да, Берковиц выскажет профессиональное мнение о письме и посоветует, как поступить...

Все так, но он может упрекнуть ее за то, что она слишком долго ждала и ничего не сделала. Ни Кристина, ни Жеральд не обратились в полицию — она не могла окончательно испортить встречу с родителями жениха. Оказалось, что ее друг — улучшенная копия отца, хотя главные черты характера присутствовали у обоих: элегантность и солидность, самообладание, прямой теплый взгляд карих глаз, интеллигентная обольстительность, блестящий, хоть и несколько прямолинейный ум. К недостаткам же этой «породы» Штайнмайер относил излишнюю серьезность и досадную убежденность во второстепенной роли женщин.

Женские гены в ее друге явно оказались слабее: мать Жеральда всегда и во всем соглашалась с мужем, чем Кристина и объясняла нетерпимость жениха к любому проявлению «инакомыслия», особенно со стороны будущей жены.

Родители жениха сделали ей кучу подарков: планшет, док-станцию, позволяющую подключать мобильный телефон к колонкам, «минуя» компьютер (гостья подозревала, что идея принадлежала будущему свекру: он, как и его сын, обожал всяческие высокотехнологичные гаджеты), и красивый свитер (этот подарок явно был от хозяйки дома). Они проявляли живейший интерес ко всем ее словам, а вот во взгляде Жеральда сквозил скепсис.

Он все еще не простил тебе разговор в машине... Впредь будешь осторожней...

Покормив Игги, Кристина прошла за стойку, налила себе кофе, стакан сока (смесь манго и пассифлора), намазала два шведских хлебца низкокалорийным маслом, села на высокий хайтечный стул и принялась за еду. Она обмакнула хлебец в чашку, и тут в ее голове

снова зазвучал тонкий голосок: *«Ты глубоко заблуждаешься, если надеешься, что с твоими предками все обойдется так же легко, как с родителями Жеральда, тебе не стать Мадлен, Крис. Никогда не стать...»*

Рот женщины наполнился горечью, жесточайший спазм скрутил желудок...

«Детство... — продолжал ее “внутренний враг”, — длится недолго, но не проходит никогда — как хроническая болезнь. Душевная рана так и не затянулась, верно, Крис? Ты по-прежнему боишься наступления ночи... Ты, видевшая то, чего не должна была видеть...»

Стакан с соком разбился о кафельный пол, осколки разлетелись в разные стороны, мадемуазель Штайнмайер вздрогнула и едва не свалилась со стула.

Маленькая, сверкающая, как бриллиант, заноза впиалась ей в указательный палец. *«Нет, только не это!»* Кровь капала на пол, смешиваясь с лужицей сока, как грендин в бокале с коктейлем. Сердце в груди затрепыхалось согнанной с гнезда птицей, рот мгновенно пересох, на лбу выступила испарина... *Дыши... Дыши...* Она не переносила вида крови... *Дыши...* Берковиц научил ее методу абдоминального дыхания.^[12] Кристина закрыла глаза, втянула диафрагму, распрямила грудь и медленно выдохнула, после чего оторвала кусок бумажного полотенца и не глядя замотала порез. Потом взяла губку, подтерла пол и только после этого рискнула посмотреть на раненый палец.

И сразу об этом пожалела.

На неаккуратной повязке проступила кровь. Женщина нервно сглотнула. *«Скажи спасибо, что работаешь на радио, а не на телевидении...»*

Часы на стене.

8.03. Шевелись!

Штайнмайер прошла в ванную и разделась. Плафон на потолке противно мигал, предупреждая, что лампочка вот-вот перегорит. Самый короткий миг темноты уподоблялся порезу бритвой, причиняя физическое страдание. *«Фобии, фобии, фобии... — дразнящим тоном пропел внутренний голос. — Ты боишься не только крови, но и ночи, и темноты, иголок, уколов, боли... Кенофобия, никтофобия, альгофобия... У каждой свое красивенькое названьице. Но больше*

всего ты боишься безумия. Боишься, что “букет” фобий сведет тебя с ума. Психофобия, вот как это называется. Страх перед психическими заболеваниями...» Ей удалось укротить свои страхи, загнать их в разумные рамки с помощью антидепрессантов и разнообразных терапий, но совсем они не исчезли. Затаились в дальнем уголке мозга, готовые при первой же возможности вылезти из этого укрытия. Кристина сжала зубы и посмотрелась в зеркало, дававшее немного искаженное изображение. Ну те-с, что мы имеем? Тридцатилетняя женщина, шатенка, выбеленная прядь зачесана набок, над ушами волосы пострижены очень коротко. Зеленые глаза. Черты лица красивые, вот только выражение жестковато. Крошечные, едва заметные морщины в уголках глаз. А вот фигура как у двадцатилетней — узкие бедра, маленькая грудь... Она вспомнила актрису, сыгравшую главную роль в одном шведском фильме. Лицо у нее было как печеное яблоко, а тело — молодое и упругое, с красивыми изгибами и округлостями.

Кристина встала под душ, горячие струи сняли напряжение, и она в который уже раз вернулась мыслями к письму и написавшей его женщине. Где эта несчастная сейчас? Чем занята? Дурное предчувствие и страх за незнакомку терзали внутренности Кристины, как поселившаяся под полом крыса.

Десять минут спустя она приласкала на прощание Игги и вылетела за порог, даже не высушив волосы.

— Добрый день, Кристина... — Это была Мишель, ее соседка по лестничной клетке.

Мадемуазель Штайнмайер повернулась к невзрачной, щуплой — пятьдесят кило, не больше! — женщине с тусклыми и слишком длинными для ее возраста волосами. Мишель была на пенсии. По манере держаться и говорить и по тому, как соседка смотрела на мир, Кристина предполагала, что раньше она была чиновницей Министерства образования. Выйдя на пенсию, Мишель стала активисткой нескольких ассоциаций по защите прав нелегальных иммигрантов и участвовала во всех демонстрациях протеста против «недостаточно левой» политики мэрии. Кристина не сомневалась, что пожилой соседке и другим «активисткам» не нравятся ее передачи: она приглашала к себе и профсоюзных деятелей, и капитанов индустрии, и

сотрудников мэрии, и местных правых. Серьезные темы в эфире действительно обсуждались все реже.

— О чем собираетесь говорить сегодня? — хорошо поставленным голосом поинтересовалась строгая старая дама.

— О Рождестве, — ответила ей радиожурналистка. — И об одиночестве. Об одиноких людях, которые ненавидят праздники. Кстати, счастливого вам Рождества, Мишель.

Кристина тут же пожалела об этой попытке самооправдания. Соседка наградила ее неприветливым взглядом:

— Вам бы следовало провести репортаж из сквота на улице Профессёр-Жамм. Сходите туда и узнаете, как проводят Рождество семьи, не имеющие ни крыши над головой, ни будущего в нашей стране.

«*Да пошла ты...*» У этой пигмейки рот, как куриная гузка, но говорит она много лишнего!

— Обещаю, что обязательно приглашу вас на передачу и вы сможете высказаться, — бросила Штайнмайер и побежала вниз по лестнице, сочтя за лучшее не ждать лифта.

Морозный воздух улицы остудил ей лицо. Температура упала до — 5 °С, тротуары покрылись наледью, так что она едва не упала, сделав несколько шагов от подъезда. В воздухе пахло выхлопными газами и чем-то еще, тоже мерзким. Снег лежал на крышах припаркованных у обочины машин, на оконных ребордах и крышках мусорных баков. Но знакомый Кристине бездомный был здесь — сидел на привычном месте среди своих коробок, прямо напротив ее дома. Даже в такую погоду этот человек предпочитал ночевать на улице, а не в приюте, рядом с собратьями по несчастью. Женщина заметила, что он смотрит на нее зоркими светлыми глазами, похожими на два бледных окошка. Его лицо напоминало дорожную карту. Жизнь на улице метила всех бездомных без исключения: налитые кровью глаза, шрамы, нервные тики, алкогольный тремор, выпавшие зубы, щеки, впалые от недоедания, чахотки или наркотиков, кожа, задубевшая от солнца, непогоды и грязи. У него была странная борода — белая по краям, черная в центре, — напоминавшая окрас старого лесного зверя. Определить, сколько ему лет, не было никакой возможности. Может, сорок пять, а может, и все шестьдесят... Кристина помнила, что появился он в их квартале весной и уже много месяцев спал под

козырьком подъезда. Время от времени она приносила ему горячий кофе или суп. Этим утром времени у нее не было, но женщина все-таки подошла поздороваться.

— Доброе утро, — сказал бездомный. — Нежарко сегодня... Смотрите под ноги, берегитесь гололеда.

Он высвободил из груды одеял руку в черной митенке пальцы и ногти у него были одного цвета — и взял у Кристины деньги.

— Выпейте чего-нибудь горячего, — сказала она.

Мужчина кивнул и посмотрел на нее проницательным взглядом серых глаз, вздернув густые черные брови, от чего лицо его превратилось в смешную «резиновую» маску:

— У вас все хорошо? Выглядите озабоченной... Работа, хлопоты, ответственность, так?

Штайнмайер улыбнулась и покачала головой. Человек ночует под открытым небом, все его имущество умещается в несколько черных мешков для мусора, которые он таскает за собой, как улитка свой домик, у него нет ни семьи, ни крыши над головой, ни будущего — а он волнуется за совершенно чужую женщину... Именно эта участливость больше всего поразила Кристину, когда она в первый раз подошла дать незнакомцу денег. Они разговорились. Хорошо поставленный голос и манера речи выдавали в бездомном образованного и культурного человека. Он никогда не жаловался, часто улыбался и беседовал с нею о погоде и о происходящих в мире событиях, как с давней соседкой. Кристина так и не решилась спросить, кто он, откуда и почему так живет, но пообещала себе, что непременно сделает это — если он никуда не исчезнет...

— Почему бы вам не провести хоть несколько дней в приюте? — предложила она ему теперь.

— Вы ведь никогда не бывали ни в одном подобном заведении? — Бездомный добродушно улыбнулся. — Не обижайтесь, но... подобные места не очень-то... сами понимаете. Не тревожьтесь за меня, я вынослив, как старый койот. Лучшие времена вернуться, красавица моя, можете не сомневаться.

— Тогда до вечера...

— Удачного дня!

Кристина пошла к машине, припаркованной на соседней улице (*держись за землю, не торопись, не то растянешься на тротуаре, как*

корова на льду, а тебе и без того забот хватает!), открыла дверцу со стороны пассажирского кресла и достала из бардачка противообледенительный аэрозоль. Снега ночью выпало немного, так что кузов старенького «Сааба 9–3» можно было не чистить. Она обошла капот и на мгновение застыла, задохнувшись и беспомощно уронив руки. Кто-то написал на лобовом стекле:

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА,
ГРЯЗНАЯ ШЛЮХА.

Мадемуазель Штайнмайер вздрогнула и оглянулась. У нее закружилась голова, а горло сжалось от приступа панической атаки: злобный палец, оставивший след на снегу, принадлежал человеку, знавшему, что эта конкретная машина принадлежит женщине.

Она прыснула аэрозолем на стекло, стерла злобную фразу, убрала баллончик назад в бардачок и заперла дверцу. Ехать на работу на машине в такую погоду — себя не любить, лучше спуститься в метро.

Она опаздывала... Впервые за семь лет.

Впервые.

3. Хор

Здание, где располагалась радиостанция, стояло над аллеями Жана Жореса и выглядело куда скромнее своих соседей, надменных гигантов, раздраженно теснившихся вокруг «недомерка», провоцирующего окружающий мир задорным слоганом:

БЕРИТЕ ВЛАСТЬ, БЕРИТЕ СЛОВО.

На первом этаже, у лифтов, висели рекламные постеры, сообщавшие окружающим, что «Радио 5» — вторая по числу слушателей радиостанция региона Юг-Пиренеи, самого большого региона Франции, превосходящего по площади Бельгию и равного Дании (для наглядности приводилась карта Европы). Посетители сразу проникались важностью миссии работающих здесь людей. *Если миссия такая важная, почему за нее так мало платят?*

8.37. Кристина вышла из лифта на третьем этаже и, не заходя к себе, прошмыгнула в закуток-аквариум, где стояли кофейные автоматы и кулеры с водой. *«Если не выпью эспрессо макиато, работать не смогу».*

— Опа-а-здываем, — прошелестел голос у нее над ухом. — Поторопись, а то патрон вот-вот лопнет от злости.

Знакомый герленовский запах — «маленькое черное платье»... И физическое присутствие — слишком близко! — у нее за спиной.

— Проспала... — объяснила Штайнмайер своей помощнице, окунув губы в шапку пены.

— М-м-м... Веселая была ночка? — хихикнула та.

— Корделия...

— Запретная тема?

— Угадала.

— Ух ты, какие мы загадочные! Я таких как ты еще не встречала, но со мною можешь не тихариться.

— С чего бы это?

— Мы уже десять месяцев работаем вместе, а я ничего о тебе не знаю. Ну, кроме того, что ты — настоящий профессионал и трудяга,

жесткая, умная и амбициозная. Ты готова на все, чтобы забраться на самый верх, как и я. Я правда хочу...

Кристина резко повернулась и оказалась лицом к лицу с высоченной худой девушкой:

— Ты знаешь, что я могу тебя уволить?

— За что? — вскинула брови Корделия.

— За такие вот высказывания. Это называется преследованием.

— *Преследованием?* Господи Боже ты мой!

Молодая стажерка изобразила возмущенное удивление, приоткрыв рот и смешно оттопырив нижнюю губу, «украшенную» двумя стальными бусинками пирсинга.

— Мне девятнадцать! Я на стажировке! Получаю нищенскую зарплату! Ты же это не серьезно?!

— Ты мне не подружка, а ассистентка. В твоём возрасте я не вмешивалась в дела взрослых.

Кристина сделала упор на слове «*взрослых*».

— Времена меняются, детка. — Корделия наклонилась и, приобняв коллегу за плечо, опустила монетку в автомат и нажала на кнопку «капучино». Штайнмайер почувствовала на щеке чужое дыхание — от нахалки пахло кофе и табаком.

— Что ты сделала с волосами? — спросила она, торопливо допивая обжигающий эспрессо.

— Перекрасилась. Под тебя. Нравится?

С первого дня стажировки и до сих пор Корделия была платиновой блондинкой с отдельными черными прядями, носила за ухом сигарету, как делают дальнобойщики, густо красила ресницы и обожала майки с длинными рукавами и эпатажными надписями, вроде *Even the Paranoid Have Enemies*.^[13]

— Это так важно? — поинтересовалась Кристина.

— Не представляешь, насколько, — ответила девушка и толкнула стеклянную дверь, пропуская вперед старшую коллегу.

— Ты на часы смотрела?

Гийомо — программный директор. Этот человек не просто работал на радио — он был на нём женат. Прежде чем стать программным директором, он женился на владелице «Радио 5», и она платила ему зарплату, что довело его до язвы желудка, которую Гийомо

безуспешно лечил сукральфатом. Нервная работа стоила ему волос, поэтому он носил парик а-ля «Битлз» в версии 1963 года. Все незамужние женщины в возрасте от двадцати до шестидесяти находили его непривлекательным и даже слегка отталкивающим — такое чувство испытывают в комнате, которую давным-давно не проветривали. Гийомо производил впечатление человека, удрученного какой-то тайной печалью или тяжким бременем. Поддерживать на плаву радио, предлагающее вниманию слушателей не только популярные у подростков шлягеры, и отчитываться перед вышестоящим начальством, которому глубоко плевать и на контент, и на аудиторию, было ох как нелегко...

— И тебе счастливого Рождества, — на бегу ответила Кристина и нырнула в шумный лабиринт ньюсрума.

— Что у нас с обзором прессы? — с места в карьер поинтересовалась она у Илана. — Кстати, веселого Рождества!

— Веселого чего? — Илан улыбнулся и, не вставая из-за стола, кивнул на газетные вырезки, после чего перевел взгляд на электронное табло на стене. — Все готово. Ждали только тебя.

Кристина взяла маркер и ручку и быстро пробежала глазами подготовленный материал. Илан, как обычно, не подвел. «Отлично», — похвалила она его, читая статью из «Ла Паризьен» о родильном доме в Вифлееме, расположенном неподалеку от базилики Рождества Пресвятой Богородицы. Именно в этой больнице, патронируемой католическим орденом, производили на свет детей 90 % палестинок мусульманского вероисповедания. Остальные сообщения были скорее курьезными. Английские лорды подвергли остракизму фуа-гра (музыкальное сопровождение «Боже, храни королеву» в исполнении Sex Pistols). Гигантский рождественский спид-дейтинг^[14] в Южной Корее («Интересно, что все эти холостяки просили у Пера Ноэля?»). В аэропорту Бланьяка из-за непогоды отменено около двадцати рейсов («Прежде чем выезжать из дома, свяжитесь со справочной авиакомпания»).

— Филиалу «Народной помощи» грозит закрытие. Не интересуется? — рявкнул голос у нее за спиной.

Кристина крутанулась на кресле и увидела перед собой директора информационной службы Бекера. Невысокий (от силы метр шестьдесят), коренастый, мускулистый мужичок с «пивным» брюшком

под коричневым свитером, лысеющий — но без парика. Подобно всем остальным радиожурналистам, Бекер считал себя аристократом профессии, носителем высокой миссии, а ведущих и дикторов — шутами, паяцами, массовиками-затейниками. Кроме того, он был убежденным сексистом и не брал в свою группу женщин.

— Привет, Бекер, поздравляю с Рождеством, — поздравила его Кристина.

— Скажи, Штайнмайер, тебе знакомы слова «солидарность», «обездоленность», «великодушие»? Или тебе интересней трепаться о предпраздничном шопинге и самых красивых яслях? — поинтересовался директор.

— Этот филиал находится в Конкарно, а не в Тулузе.

— Да неужели?! Так почему национальный телеканал показал о нем сюжет в выпуске новостей? Видимо, для твоей аудитории он недостаточно *забавный*... Я ничего не услышал ни о разрешении торговать лекарствами через Интернет... ни о полном запрете отпускать алкогольную продукцию лицам моложе двадцати пяти лет...

— Я счастлива, что ты слушаешь мои обзоры прессы.

— Ты называешь это обзорами? По-моему, это чистой воды балаган. Обзоры должны готовить настоящие журналисты. — Взгляд Бекера переместился с Кристины на Илана, а затем задержался на Корделии. — Главное на радио — информация, вот только все об этом забыли.

Язвительная тирада коллеги ничуть не задела Кристину. На «Радио 5», как и на всех радио- и телеканалах мира, отношения между информационной службой, программной дирекцией и ведущими всегда были напряженными — чтобы не сказать враждебными. Сотрудники поносили друг друга, презирали, публично оскорбляли... Чем быстрее наступал им на пятки Интернет, тем жарче разгорались конфликты.

Штайнмайер вздохнула, откинулась на спинку кресла и повернулась к своим помощникам:

— Ладно, начинаем. Все готовы?

— Какую отбивку ставим? — поинтересовался стоящий к ней спиной Илан. Кристина улыбнулась, заметив, что он надел «праздничную» кипу со смайликами — из солидарности с коллегами.

— «В Вифлееме родился не только Иисус», — ответила она.

Помощник энергично покивал в знак одобрения и кивнул на плотный конверт, лежавший на углу его стола:

— Кстати, это пришло для тебя.

Ведущая взглянула на письмо и открыла — не без опаски. Внутри оказался старый CD-диск — «Трубадур» Верди. Она терпеть не может оперу...

— Это, наверное, для Бруно, — сказала женщина.

Бруно был их музыкальным продюсером.

— С нами доктор Берковиц — невролог, психиатр, этолог^[15] и психоаналитик, автор множества научных трудов и справочных изданий. Приветствую вас, доктор. Сегодня мы будем говорить о тех, для кого Рождество — тяжкое испытание.

9.01, 25 декабря. Берковиц ждал вопросов Кристины — он был опытным профессионалом радиоэфира, специалистом в области общения. Со слушателями он говорил заинтересованно и авторитетно, не утомляя их назидательностью, но и не впадая в фамильярный тон. Берковиц умел — и это было главным — установить доверительную связь практически с любым человеком, так что у того создавалось ощущение, будто выступающий сидит не в студии, а у него на кухне или в гостиной. Он был идеальным собеседником, и Кристина знала, что он недавно получил выгодное предложение от одного национального канала.

— Итак, доктор, снова наступило время праздников, — продолжала она. — Иллюминация, глаза детей и взрослых радостно сверкают. Объясните, почему в такие моменты мы всегда приходим в радостное возбуждение?

Вступительные фразы Берковица мадемуазель Штайнмайер слушала вполуха — он всегда начинал медленно, давая слушателям время привыкнуть к тембру своего голоса. «Рождество возвращает нас в детство», «Тот факт, что на всей планете миллиарды людей празднуют один и тот же праздник, невероятно возбуждает, внушает чувство единения», «Такое же чувство общности возникает на крупных спортивных мероприятиях и — как это ни ужасно — войнах»... Кристина машинально отметила для себя некоторую самодовольность в тоне психиатра, но это ее не волновало.

— А почему то, что дарит радость большинству из нас, для некоторых становится источником печали и причиной горестных раздумий? — задала она следующий вопрос.

А что, неплохо сформулировала...

— Здесь мы имеем дело с психологическим парадоксом: в праздники люди чувствуют особую близость с теми, кого любят, с друзьями и родственниками, и это единение еще больше подчеркивает изолированность одиночек, — пояснил ее собеседник с точно выверенной долей участия в голосе. — Сегодня родственные отношения утратили прежнее значение: многие семьи разъединены не только по территориальному, но и по ценностному признаку. Некоторые мои пациенты начинают проявлять признаки нервозности на месяц до Рождества. Чем ближе праздник, тем выше напряжение. Не будем забывать, что в этот период все мы перевозбуждены: витрины магазинов сверкают, улицы украшены яркой рекламой, лампочки мигают, в воздухе пахнет хвоей и корицей... Адреналин выбрасывается в кровь литрами, будоража подсознание. Для человека, который не любит Рождество — будь то по причине одиночества, недавнего болезненного расставания с партнером, свежей утраты или банального отсутствия средств, — возбуждающие факторы становятся источником перманентного конфликта между общественной установкой на веселье и собственным самоощущением. В Рождество на поверхность всплывают не только счастливые воспоминания детства, но и все мрачные тени.

— Но нельзя же лечь спать двадцать третьего декабря и проснуться второго января! Так что же делать, чтобы не захлебнуться тоской и одиночеством?

— Во-первых, постараться найти себе компанию. Можно создать так называемую «заместительную» семью. Отпраздновать Рождество не с родными, а с друзьями или симпатичными вам соседями. Близким людям наверняка захочется вас пригласить, так что не таитесь, скажите: «Я один...» — и отправляйтесь в гости. Можете проявить альтруизм и солидарность: вы почувствуете себя полезным, что наверняка принесет вам моральное удовлетворение. Благотворительные ассоциации, пункты раздачи еды, центры помощи бездомным всегда нуждаются в добровольных помощниках. Или есть

еще одно решение — сменить обстановку. Уезжайте, если есть такая возможность, и переключитесь.

Уехать... Уехать и избежать встречи с родителями на рождественском ужине. Слова психиатра звучали очень веско, западая в подсознание слушателей (и в голову Кристины тоже), как монеты в церковную кружку для пожертвований.

— А что *мы* можем сделать для тех, у кого нет ни денег на рождественскую «вылазку», ни друзей, чтобы сесть с ними за стол, ни сил и здоровья на добровольческую работу? — спросила ведущая, и у нее внезапно перехватило горло.

Черт, да что с нею такое? Женщина из сна, что она ей сказала? *Вы ничего не сделали...*

За стеклом, отделяющим студию от эфирной аппаратной, режиссер Игорь, тридцатилетний бородач с длинной сальной шевелюрой, наклонился к микрофону:

— Прибавьте темпа, док.

Гость программы кивнул и повернулся к Кристине:

— Мы должны быть предельно внимательны к признакам отчаяния... Одинокий сосед... Не поддающиеся объяснению фразы, которые могут быть зовом о помощи...

Вы меня бросили, повторяла женщина из сна ведущей.

Студия — четыре на четыре метра, стеклянная перегородка, отделяющая ее от аппаратной, другая, завешанная жалюзи, — от редакционного зала, ни одного окна, кондиционер — внезапно показалась Кристине душегубкой.

Берковиц продолжал вещать...

Глядя на нее...

Его узкие губы двигались. Но она не слышала ни единого слова.

В ее мыслях звучал другой голос.

Вы ничего не сделали.

— Десять секунд, — объявил Игорь.

Штайнмайер не заметила, что ее гость подвел итог и замолчал. Тридцатисекундная пауза. Ничто в масштабах суток или целой жизни. Вечность для слушателей. Игорь гипнотизировал ведущую через стекло, а Берковиц напоминал регбиста, ждущего, что партнер выйдет наконец из ступора, чтобы принять пас, и понимающего, что эта надежда тщетна.

— Э-э-э... спасибо, — произнесла Кристина. — Переходим... к вопросам слушателей.

9.21. Она покраснела и уставилась на экран своего компьютера. Недоумевающий Игорь дал отбивку. Лампочки всех трех телефонных линий нетерпеливо мигали, а кроме того, пришли и эсэмэски — аудитория рвалась в бой. Люди могли звонить и оставлять сообщения или просить вывести их в прямой эфир. В последнем случае координатор должен был оценить качество связи, уместность вопроса и умение позвонившего выражать свои мысли и успеть набросать короткие комментарии для Кристины.

Она сразу выделила первый номер в списке. Тридцать шесть лет. Архитектор. Холост. «Умен, вопрос четко сформулирован, приятный тембр голоса, изъясняется понятно, говорит с легким акцентом: идеальная кандидатура», — таков был вердикт координатора. Штайнмайер решила оставить его «на закуску» и сделала Игорю знак вывести в эфир линию № 2.

— Итак, мы начинаем, — сказала она. — С нами Рен. Добрый день, Рен. Вы живете в Верниоле, вам сорок два года, и вы учительница.

Слушательница добавила несколько деталей своей биографии и задала вопрос. Психиатр немедленно включился в беседу с нею: он говорил убедительным и одновременно задушевым тоном, и Кристина в который уже раз подумала, что, когда Берковиц «пойдет на повышение», ей будет его не хватать.

Поговорив с Рен, специалист ответил на одну из эсэмэсок, а потом на вопрос Самии по третьей линии. Ведущая поблагодарила и дала слово Матиасу.

Номеру 1.

9.30.

— *Тебя не беспокоит мысль о том, что ты оставила человека умирать?*

На долю секунды женщина впала в ступор. Сильный низкий голос, вкрадчивая интонация... Таким тоном человек шепчет на ухо признания или угрозы. Опасный человек. *Скользкий и увертливый...* Кристине почему-то показалось, что неизвестный сидит в темноте. Она содрогнулась, и в голове у нее мелькнула жалкая мыслишка: «Брось, ты ослышалась, тебе померещилось...»

Нет, не померещилось.

— Ты рассуждаешь о солидарности, а сама позволила человеку убить себя в рождественский вечер. А ведь этот человек взывал о помощи, — продолжал позвонивший.

Мадемуазель Штайнмайер встретила взглядом с психиатром. Он открыл было рот, но так ничего и не сказал.

— В чем... ваш... вопрос? — безжизненным, тусклым голосом спросила радиожурналистка. И куда только подевались ее фирменные чувственные нотки?

— Да что ты за человек?

На висках у Кристины выступила испарина. Игорь смотрел на нее, вытаращив от изумления глаза. В стекле отражалось ее перекошенное, оторопевшее лицо. Она знаком попросила отключить линию.

— Э-э-э... спасибо... Поблагодарим доктора Берковица за интересную беседу... Желаю всем вам счастливого Рождества.

В эфире зазвучала отбивка: «Намерение» Kings of Leon.^[16] Ведущая откинулась на спинку кресла. Ей не хватало воздуха, кровь стыла у нее в жилах. Стены студии давили на нее, а слова незнакомца все еще звучали в мозгу.

Неожиданно Игорь гаркнул в микрофон:

— КТО-НИБУДЬ ОБЪЯСНИТ ЧТО ЭТО БЫЛО? ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, КРИСТИНА, ТЫ СПИШЬ ИЛИ КАК?!

— Ты должна была немедленно его вырубить, — укорил Кристину программный директор. — Сразу, как только он обратился к тебе на «ты». Вырубить, а не слушать весь этот бред.

Взгляд у Гийомо был недобрый. Его голос доносился до журналистки как через вату, словно ее мозг обили изнутри специальным звуконепропускаемым покрытием. Она могла включить и отключить микрофон простым нажатием кнопки, после чего звукорежиссер со своего пульта в аппаратной запустил бы музыку и рекламу, но что делать с шумом в голове?

— Что с тобою сегодня, Кристина? — обратилась к ней редактор Саломе. — Ты провалила эфир!

— О чем ты? — слабо отозвалась ведущая.

— Вела себя, как зеленый новичок... Пауза, *отсутствующий вид!* — Глаза редакторши за стеклами очков метали молнии. — Не

забывай, дорогая, ты — лицо этой станции. Вернее, ее голос. Слушатели должны представлять себе веселую, жизнерадостную женщину... и очень профессиональную — *а не пофигистку с личными проблемами!*

Обидная несправедливость замечания «разбудила» Кристину:

— Ну, спасибо... Я, между прочим, семь лет делаю свою работу. И сегодня впервые допустила ошибку... А кстати, кто выпустил этого психа в эфир?

Саломе поджала губы, понимая, что за прокол придется отвечать.

— Могу я... послушать это еще раз? — спросила Штайнмайер.

Все эфиры записывались, месяц хранились в архиве и отсылались в Высший аудиовизуальный совет. Инциденты становились предметом разбирательства.

— Зачем? — вскинулся Игорь и энергично встряхнул головой, откидывая с лица длинные кудрявые волосы. — Что, скажи на милость, ты надеешься там разобрать?

Программный директор одарил Кристину подозрительным взглядом:

— Ты знаешь звонившего? Понимаешь, на что он намекал этими бреднями о самоубийстве?

Ведущая покачала головой, чувствуя, что все на нее смотрят.

— Его номер сохранился в компьютере, мы предупредили полицию, — сказала Саломе.

— И что они сделают? Арестуют за радиодомогательство? — съязвил Игорь. — Бросьте, это просто очередной псих! Как там говорил Одиар: «Благословенны безумные, ибо они несут свет».

— Я отношусь к случившемуся очень серьезно, — недовольным тоном произнес программный директор. — Это была рождественская программа, а какой-то придурок в прямом эфире обвинил нас в неказании помощи потенциальным самоубийцам! И это слышали пятьсот тысяч человек!

— Жеральд?

— Крис? В чем дело, у тебя странный голос.

Она стояла у кофемашины, где никто не мог ее слышать. Тусклый луч зимнего солнца освещал коридор, отражаясь от стеклянной панели автомата. Выходя из студии, Кристина столкнулась с Бекером, он

кивнул и наградил ее медоточивой улыбочкой, как будто и впрямь слушал эфир.

— Письмо у тебя? — спросила женщина своего жениха.

— Что-о-о? — В голосе Ларше явственно слышались удивление и досада. — Да... кажется...

— Где оно?

— Наверное, в бардачке. Господи, Крис, только не говори, что...

— Ты дома?

— Нет, на работе.

Секундное колебание, странный тон. Жеральд как будто собирался солгать, но в последний момент передумал. В мозгу Кристины прозвучал сигнал тревоги. Она научилась распознавать его мелкое вранье — как в тот раз, когда, решив записать фильм, обнаружила, что он накануне смотрел порнушку. Ларше тогда стал отпираться, но его подруга знала, что не ошиблась.

— На работе? — переспросила она. — Накануне Рождества?

— Я... У меня возникло срочное дело... Ты уверена, что все в порядке, Крис?

— Ты не забыл, что через два часа мы встречаемся с моими родителями?

В трубке прозвучал похожий на чих смешок:

— О таких вещах не забывают, дорогая...

4. Баритон

Щелк. Она не уверена. В том, что увидела. Мираж. Самовнушение. Факт? Щелк. Мозг работает как фотоаппарат. Щелк, одна деталь. Щелк, следующая. Щелк, вся сцена целиком. Все как в старых немых фильмах 20-х годов: камера в руках оператора дрожит, изображение на поцарапанной пленке мелькает, смещается вправо, влево, останавливается на...

...их руках.

По черному экрану воображения плывут строчки диалога: *«Увидела их руки? Они лежали на столе рядом. Близко, даже слишком близко, когда ты открыла дверь... Что это значит?»* Она шла по пустынным коридорам Высшего института авиации и космического пространства, мурлыкая себе под нос «Еду домой на Рождество», забытую песню Криса Ри, щеки ее горели от мороза, снежинки таяли на ее белой куртке... Толкнув дверь, она переступила порог:

— Привет...

Это прозвучало довольно глупо. Кристина удивилась, увидев Денизу, и сразу поняла, что аспирантка изумлена не меньше. Удивление читалось и на лице Жеральда. А потом Штайнмайер поймала краем глаза какое-то движение. Их руки... Левая рука ее жениха — загорелая, сильная — опирается о край стола. Рядом, совсем близко, правая рука Денизы — тонкая, изящная, с идеальным маникюром. Кристина не была уверена, кто из двоих убрал руку — она уловила только жест. Держались ли они за руки, когда она открыла дверь? Может, да, может, нет. Но оба смутились. «Это ни о чем не говорит!» — поспешил успокоить журналистку голос рассудка. Окажись она сама в подобной ситуации — тоже, как пить дать, испытала бы неловкость. Все так, но сослагательное наклонение не в счет. А эти двое все время держатся рядом — на вечеринке, на пикнике... И сегодня, в канун Рождества, они оказались наедине друг с другом в пустом здании, чего не должно было случиться. Кристина захотела сделать жениху сюрприз, и ее затея удалась. Еще как удалась!

— Привет, — сказала она.

Дальше — тишина.

Мадемуазель Штайнмайер почувствовала, что краснеет. Как будто это ее застукали на месте преступления. *«Тебя бросило в жар, но дело не в неловкости ситуации, просто на улице морозно, система обогрева в “Саабе” барахлит, а в помещении тепло».* Самогипноз не подействовал...

Между прочим, она постучала. Точно постучала. Висящие на стене часы показывают время: 12.21.

— Здравствуй, Кристина, — подала голос Дениза. — Как поживаешь?

Имя у этой девицы было старомодным — но только имя. Ей было двадцать пять, она была невысокой и очень красивой, с безупречной белозубой улыбкой и отличными мозгами. А еще у нее были удивительные глаза — восхитительно глубокого цвета, зеленые, как любимый коктейль Жеральда. Глаза цвета кайпиринья. Безо льда. Кристина делила всех женщин, окружавших ее друга, на три категории: безобидные, заинтересованные и опасные. Дениза выбивалась из общего ряда, она была в высшей степени заинтересованной, совершенно НЕ безобидной и очень опасной... *«Спрашиваешь, как дела? А ты как думаешь? Я застаю тебя наедине с моим будущим мужем в канун Рождества в пустом здании, где вам обоим совершенно нечего делать! Если б он сидел, ты наверняка оказалась бы у него на коленях и продолжила бы демонстрировать свое докторантское усердие, граничащее с благоговением. Так как же у меня дела?»*

Однако здравый смысл советовал не торопиться с выводами.

Ларше, конечно же, смотрит на вещи иначе — как и все остальные мужчины. Невеста бросила на него короткий взгляд, и он ответил ей той особенной улыбкой, которая всегда расслабляла, согревала и успокаивала ее. Всегда, но не сегодня. Сегодня улыбка этого мужчины напоминала рефлекторно сократившиеся мышцы лица, в ней чувствовалась нервозность. Или досада?

— Разве мы не должны были встретиться у твоих родителей? — спросил он.

Дениза, как по команде, отошла в сторону, слегка оттолкнувшись ладонями от стола:

— Ладно, мне пора. Работа может подождать до среды... счастливого Рождества, Кристина. Веселых праздников, Жеральд.

Даже голос у нее был безупречным. В меру низким, с легкой хрипотцой. Штайнмайер ответила на поздравление дежурной фразой, хотя в глубине души ничего хорошего этой девушке не желала. Она проводила взглядом ее изумительную попку в изумительно сидящих узких джинсах. Затем дверь за Денизой закрылась, и ее каблочки зацокали по пустым коридорам института к выходу.

— Ну что еще случилось? — спросил Ларше. — Никак не можешь забыть историю с письмом?

В его голосе явственно слышалось раздражение. В чем дело? Она нарушила его планы? *Прекрати...*

— Где оно? — спросила Кристина.

Ее друг вяло махнул рукой:

— Я же сказал — наверное, осталось в машине. Не знаю... Черт, Крис, не начинай!

— Много времени это не займет. Я отнесу письмо в комиссариат, и мы встретимся у моих родителей, как договаривались.

Жеральд смирился, взял пальто и шарф и лишь бросил в сердцах:

— Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь?

— Что ты делаешь на работе в рождественский вечер? — не удержалась от вопроса Кристина.

— Что? А... нужно было решить небольшую проблему.

— И Дениза тебе в этом помогала? — съехидничала женщина, но сразу же пожалела об этом.

— На что ты намекаешь?

Тепло полностью исчезло из голоса ее жениха.

— Ни на что... — пошла на попятный радиожурналистка.

Ларше толкнул застекленную дверь, и они вышли на заснеженную парковку.

— Нет уж, договаривай, будь любезна! — Мужчина был зол. Он всегда гневался, когда его уличали в промашке.

— Дело не в намеках; мне просто не нравится, что она вертится вокруг тебя, — сказала Штайнмайер.

— Дениза вовсе не вертится вокруг меня, как ты изволила выразиться! Я ее научный руководитель. Она болеет душой за работу. *Как и я.* Уж кто-кто, а ты должна это понимать, ты ведь у нас тоже трудоголик, верно? Твой помощник, этот, как его... Илан, он ни на шаг

от тебя не отходит, и, кстати, ты тоже сегодня работала. Или я ошибаюсь?

Аргументация Жеральда звучала вполне убедительно и в то же время слегка извращенно: надрыв в его голосе не соответствовал ситуации. Он открыл дверцу внедорожника, достал из бардачка конверт и протянул его Кристине. Порыв ледяного ветра растрепал его волосы, а снег залепил стекла очков.

— До скорого, — сухо бросил Жеральд и пошел назад в здание.

Кристина села в «Сааб». Машина успела остыть, и кожа сиденья леденила тело через плотную ткань джинсов. Женщина повернула ключ в зажигании, и в салоне заработали отопление и радио. Лу Рид^[17] пел о прекрасном дне. О да... Кристина зажгла фары, включила дворники, чтобы очистить лобовое стекло, и бросила взгляд на заднее сиденье, где лежали пакеты с подарками. Накануне, после работы, она долго ходила по магазинам, купила элегантное зимнее пальто для матери, сборник фильмов Кубрика для Жеральда, к которому в виде бонуса прилагалась книга «Архивы Стэнли Кубрика», и фривольный комплект белья для себя. Примеряя его в кабине перед зеркалом, она воображала реакцию жениха, улыбнулась и даже почувствовала некоторое возбуждение. Но теперь, после встречи с Денизой, эта идея показалась ей не слишком удачной.

Подарок отцу Кристина искала дольше всего. Два года подряд он получал дорогие ручки, так что в этот раз ее выбор в конце концов пал на планшет. А еще по просьбе матери журналистка купила устрицы, инжир, пармезан, рождественские хлебцы с изюмом и цукатами, сладкое белое вино для фуа-гра и «кофе для праздничного ужина». Кристина представила себе украшенный гирляндами дом, горящие свечи, яблоневые и дубовые поленья в камине, и к горлу у нее подступила тошнота, как случалось всякий раз при встрече с родителями (в последние годы она навещала их все реже). Ее взгляд упал на машину Денизы — красно-белый «Мини» так и не покинул стоянку. *Господи, как кружится голова...*

Кристина повернула голову и взглянула на темные окна института.

Голосок-провокатор подзуживал: *«Подожди — и увидишь, как они выйдут вместе!»* Глас рассудка вопил: *«Оставь все как есть и убирайся отсюда немедленно!»* Штайнмайер подчинилась второму

приказу и поехала к воротам по присыпанной снегом бетонной площадке. Тот же самый голос разума упрекнул ее в параноидальной подозрительности. Жених действительно не давал ей поводов для ревности. Да, Дениза так и вьется вокруг него, но она не первая и не последняя.

«Ты должна научиться доверять окружающим. Особенно ему».

Кристина прекрасно знала, почему так относится к людям: если тебя предал тот самый, единственный человек на свете, который не должен был так поступать ни при каких условиях, ты утрачиваешь доверие ко всем и ко всему. Да, все дело в той черной дыре, которая уже много лет поглощает свет ее жизни. Присутствие Денизы в кабинете Жеральда ничего не означает. Да, они были наедине, но на рабочем месте, а не в номере отеля и не в машине, спрятанной в гуще леса. *«Перестань бесноваться, они вместе работают! Твой, мужчина не виноват в том, что его лучшая сотрудница чертовски хороша собой. Что у нее блестящий ум. Что она милая. И опасная...»*

«Вранье, — вмешался голос, поселившийся в голове журналистки в те ужасные темные годы. — Не пудри себе мозги, милая моя. Видела их руки? Ты прекрасно знаешь, что дело не только в неумении доверять, так ведь? Ты просто снова боишься посмотреть правде в глаза».

— Почему вы обратились к нам только сейчас?

Лицо полицейского, беседовавшего с Кристиной, оставалось невозмутимым. Непроницаемым. Он был совершенно спокоен, только пальцы его теребили галстук. Дешевый, дрянной. Женщина ответила не сразу:

— Письмо бросили в ящик в канун Рождества. Я... у меня была назначена встреча с родителями жениха. Первая, понимаете? Я не хотела опаздывать.

— Ясно. — Полицейский посмотрел на часы. — Сейчас четверть второго. Вы могли бы явиться в комиссариат пораньше.

— Я работаю на радио, у меня был утренний эфир. А потом я сорок минут ждала своей очереди.

На лице сыщика появился интерес:

— Чем вы занимаетесь на радио?

— Веду ток-шоу.

Мужчина улыбнулся:

— Я знал, что уже слышал ваш голос... Через полчаса у меня совещание, так что много времени я вам уделить не смогу.

Он начал перечитывать письмо, и Кристина спросила себя: «Интересно, он решил проявить большее усердие, потому что узнал, где я работаю, или дело в профессиональной добросовестности?»

— Что думаете? — спросила она, когда ее собеседник отложил листок.

Тот пожал плечами:

— Ничего. Я не мозговед. В любом случае, вчера вечером не было зарегистрировано ни одного самоубийства. Как и сегодня утром. Надеюсь, это вас утешит...

Полицейский произнес эти слова почти равнодушно, как если бы речь шла о взломе или краже сумочки.

— Письмо и вправду странное, — добавил он. — Что-то с ним не так.

— О чем вы?

— Не знаю... Наверное, все дело в тоне... Кто сейчас изъясняется подобным образом? Кто так зовет на помощь? Никто...

«Он прав», — подумала Кристина. Она и сама это почувствовала, когда в энный раз перечитывала текст. В нем было нечто странное, какая-то невысказанная угроза.

Полицейский не спускал с нее глаз.

— Что, если письмо попало в ваш почтовый ящик не случайно? — спросил он внезапно.

— Я не понимаю...

— Возможно, оно написано специально для вас?

Мадемуазель Штайнмайер похолодела.

— Абсурд... Я не понимаю, что хотела сказать эта женщина.

— Уверены? — Глазки инспектора выражали... Сомнение? Недоверие?

— Конечно!

— Хорошо. Кто-нибудь еще держал письмо в руках?

— Мой жених. Так вы этим займетесь?

— Посмотрим, что можно сделать. Как называется ваша передача?

Неужели этот тип флиртует с нею? Кольца у него на пальце нет...

— «Утро с Кристиной». На «Радио 5».

Сыщик кивнул:

— Да, конечно. Мне нравится эта станция.

5. Концертато ^[18]

— Расскажите нам, чем именно вы занимаетесь, Жеральд.

Голубые глаза матери Кристины выражали искренний интерес — совсем как в те времена, когда она вела передачу на Первом канале и брала интервью у «цвета нации». К ней в гости приходили актеры, политики, барды, философы, иногда (не слишком часто) комики... Реалити-шоу, этот телеаналог клоаки под открытым небом, придумали много позже.

Кристина смотрела на родителей. Ее идеальные предки. Сидят рядышком на диване, держатся за руки, как новобрачные, а ведь живут вместе уже сорок лет. Штайнмайеры идеальны, во всем. В мельчайших деталях. Безупречный вкус в одежде. Изысканные вкусы в еде. Общие художественные пристрастия... Кристина уловила легкую неуверенность в голосе пустившегося в разъяснения жениха: он пытался говорить просто и ясно, но выходило скучно.

«Чего ты точно не ожидал, так это оказаться на некоем подобии телевизионной площадки: я виновата, нужно было предупредить. Что и говорить — сюрприз вышел на славу...» — думала радиожурналистка.

— Я понимаю, все это не слишком вам интересно, — заключил ее друг и покраснел. — Хотя дело, которым я занимаюсь, по-настоящему... увлекательно, поверьте. Во всяком случае, для меня.

«Боже, Жеральд, и куда только подевалось твое чертово чувство юмора?!»

Жених посмотрел на Кристину, ища поддержки, и она успела заметить снисходительную улыбку матери. О, как хорошо она знала и эту улыбку, и этот взгляд! Именно так двадцать лет назад мадам Штайнмайер смотрела на гостя, оказавшегося недостаточно харизматичным. Ее программа «Воскресенье на Первом» шла по последним дням недели и начиналась в 17.00. Позже, когда ее телевизионная карьера подошла к концу, она некоторое время руководила еженедельным журналом. Но с появлением Интернета печатное издание впало в кому: большинство читателей решили, что пишущие журналисты — продажные бездари, и всем стало казаться,

что бесплатная трехстрочная информация или твит в 140 знаков — абсолютно достаточная порция интеллектуального корма.

— Нет-нет-нет! — нагло соврала Клэр Штайнмайер. — Ваш рассказ действительно увлек меня, я говорю совершенно искренне.

«Не доверяй людям, которые жонглируют словами *действительно, искренне, честно*» — эту науку Кристина восприняла именно от матери!

— Хотя скажу честно — поняла я далеко не все, — продолжала знаменитая телеведущая. — Почему бы тебе не пригласить Жеральда к себе на эфир, дорогая?

«*Зачем? — вздохнула про себя ее дочь. — Чтобы усыпить слушателей? Нет, это было бы слишком жестоко...*»

А что же все это время делал ее отец? Улыбался, кивал и позволял всем присутствующим поддерживать разговор. Смотрел отсутствующим взглядом и думал о чем-то своем.

— Я... превосходное вино, — сказал друг Кристины.

— Совершенно с вами согласна. Знаешь, дорогой, Жеральд прав — твое вино просто восхитительно, — поддакнула ее мать.

— «Гран-Пи-Лакост» две тысячи пятого года, — последовал лаконичный ответ отца.

Он наклонился, чтобы долить вина в бокалы. «*Интересно, когда и как милый папочка заведет речь о Мадлен?*» — подумала Кристина. В том, что рано или поздно он это сделает, сомнений не было. Пусть даже вскользь, но с дрожью в голосе. Упоминание о ее сестре было таким же неизбежным, как рождественская индейка. Мадлен умерла девятнадцать лет назад, и с тех пор отец носил траур. Он был в вечном трауре — как профессиональный плакальщик. «*Ваша профессия? — Я был журналистом, писателем, работал на радио и телевидении, вы наверняка слышали о передаче “Большой Скандал”... — А чем занимаетесь сейчас? — Скорблю. Так и запишите — “он в трауре”*»... Посвященная ему статья в «Википедии» содержала следующие сведения: «Ги Дориан (настоящее имя Ги Штайнмайер), французский журналист и писатель, родился 3 июля 1948 года в Саррансе (Атлантические Пиренеи), двадцать лет вел самую известную во Франции ежедневную радиопередачу, запущенную в эфир в январе 1972 года и имевшую 6246 выпусков». Он беседовал с самыми знаменитыми артистами, политиками, спортсменами, писателями и

учеными Франции, а также с тремя президентами — одним бывшим и двумя действующими. (Кристина помнила несколько имен — Брижит Бардо, Артур Рубинштейн, Шагал, Сартр...) Перешел на телевидение, где успешно работал до тех пор, пока рекламные агентства, покупавшие время на канале, не решили, что передача, куда ежевечерне приглашают одного человека и говорят о значимых, умных и даже *интимных* вещах, — слишком большая роскошь для прайм-тайма...

— Мы так рады, что познакомились с вами, — сказала Клэр. — Кристина очень много о вас рассказывала.

«Правда? И когда же это?» — мысленно хмыкнула ее дочка.

Ларше взглядом попросил ее о помощи:

— Да... Мы с нею тоже часто о вас говорили.

«Вранье чистой воды, и все это знают».

— И мы счастливы, что она наконец нашла себе ровню, — отозвалась старшая Штайнмайер.

«Боже, сжался надо мною!»

— Кристина из тех, кто знает, чего хочет, — произнес вдруг Ги.

«Ну вот, благородный отец вступил-таки в разговор...»

Родители повернули головы к журналистке, как пара идеально синхронизированных роботов.

— Именно поэтому мы так гордимся нашей дочерью, — подала свою реплику мадам Штайнмайер, но в ее взгляде читалась скорее попытка убедить себя саму в собственных словах. — Она решила пойти по нашим стопам и очень много работает, чтобы добиться успеха.

— Да, мы очень ею гордимся, — веским тоном произнес отец Кристины. — Мы всегда гордились *нашими* дочерьми.

— У Кристины есть сестра? — удивился Жеральд.

Началось... Его невеста сглотнула горькую слюну.

— Мадлен была старшей сестрой Кристины, — поспешил объяснить мсье Штайнмайер, и его голос прозвучал на удивление молодо. — С нею произошел... *несчастный случай*. Мэдди была невероятно разносторонней и исключительно талантливой девочкой... Кристине было нелегко жить в ее тени, но она справилась. Проявила несгибаемую волю...

Зрительный образ — как яркая мучительная вспышка памяти. Лето 91-го. Дом семьи Боньё. Дружеская вечеринка у бассейна. Людей так много, и все лица такие знакомые, что из окна мансарды происходящее кажется телевизионной съемкой. Мадлен в центре внимания. Ей тринадцать, но выглядит она на все шестнадцать: высокая упругая грудь под майкой, крутые бедра и аппетитная попка в обтягивающих шортах. Мадлен разносит напитки, ей весело, она проверяет — о, конечно, неосознанно! — как ее юные прелести действуют на либидо мужчин (Кристина не знала, действительно ли в *десять* лет воспринимала реальность именно так или же память услужливо воссоздала и интерпретировала ее под влиянием внешних обстоятельств). Сообразительная нимфетка изображала женщину, но повзрослеть этой Бэби Долл^[19] было не суждено.

Любое упоминание о старшей сестре так сильно расстраивало младшую, что лицо Мадлен расплывалось, ускользало из ее памяти. Вот старшая мадемуазель Штайнмайер ставит поднос на железный столик, медленно снимает джинсовую юбку, топик и являет себя публике: загорелые ноги, хрупкая фигурка в голубом бикини, на редкость зрелая для ее возраста грудь, провокативная невинность... Кристина видела (думала, что видела, представляла себе, воображала), как мужчины ласкают взглядом волнующее совершенство этого юного, не достигшего половой зрелости тела (*«В Иране в этом возрасте девочек выдают замуж...»* — произнесла в тот момент феминистка у нее в голове), пытаясь скрыть вожделение. Глаза собравшихся у бассейна мужчин затуманились, стали пустыми. Напряжение спало, только когда умопомрачительная «Лолита» сделала три легких шага к краю бассейна, подпрыгнула и оказалась в воде. Последовали взрыв аплодисментов, радостные восклицания и всеобщее облегчение. Дамы и господа: королева вечера! И не только сегодняшнего. Мадлен оставалась королевой круглосуточно, двадцать четыре часа из двадцати четырех. А Кристине была уготована роль придворной дамы.

Она встретилась взглядом с Жеральдом и увидела в его глазах замешательство: *«Ты никогда не говорила, что у тебя была сестра... как и о том, что твои родители... Господи Боже ты мой... знаменитости...»*

Журналистка была благодарна ему за молчание.

— В детстве, — продолжала мадам Штайнмайер, — Кристина отчаянно пыталась сравняться с сестрой.

«О нет, только не ты, мама...»

Мадемуазель Штайнмайер издала нервный смешок. Ее отец не улыбнулся, не повернул головы и даже не поднял глаз от своих длинных пальцев.

— Она проявила невероятное упорство, когда отец учил ее плавать, — рассказывала Клэр. — Наша Кристина никогда не отступается. В детстве у нее перед глазами был образец для подражания, до которого не так просто было дотянуться...

Да, плавать ее научил отец. Он открыл для нее «Зов леса», «Двадцать тысяч лье под водой» и «Книгу джунглей», он начал водить ее в кино. Он всегда проявлял нежность и терпение (*«Ну что, обезьянка, поцелуешь меня, или ты только мамина девочка, а?»*), но любви ей доставалось *чутью меньше*, чем сестре. А его связь с Мадлен была проявлением чего-то большего. (*«Прекрати немедленно»*, — произнес внутренний голос.) Однажды младшая дочь спросила Ги: «Ты меня любишь?» — это было в ее десятый день рождения. *«Конечно люблю, обезьянка...»* — ответил он. Кристина обожала это прозвище; ей нравилось, как отец произносит его своим низким телевизионным — узнаваемым — голосом и лучезарно улыбается. Она весело хихикала в ответ и... ежилась, потому что, обращаясь к ней, он никогда не добавлял слова «моя»... А вот старшую дочь он всегда называл «моя дорогая», «моя птичка», «мой солнечный лучик». Мадлен никогда не задавала ему вопроса о любви. Ей это было ни к чему. Она знала...

Отец Кристины свято верил, что делит отцовские чувства точно поровну между дочерьми (*«Господи, старушка, умеешь же ты красиво говорить!»*), и ни за что бы не признался — даже себе самому! — что всегда больше любил Мэдди. Его младшая дочка инстинктивно понимала это своим детским умом.

Ирония заключалась в том, что из двух сестер больше была похожа на отца именно она, Кристина. Окружающие не раз говорили: *«У тебя его лицо, его глаза, его манера говорить, его...»*

— Черт, Кристина, ты должна была меня предупредить! — разорялся Жеральд в машине.

— Предупредить о чем? — удивилась его подруга.

Глаза ее спутника стали круглыми, как у кота.

— О том, что твои родители — знаменитости!

— Знаменитости? Да кто их сегодня помнит!

«Еще как помнят», — подал голос внутренний голос журналистки. С момента выхода в эфир последней родительской передачи прошло пятнадцать лет, но зрители все равно каждый год присылают «Дорианам» мешки писем. Медиаизвестность подобна раку — повсюду оставляет метастазы.

— Я помню! Помню, как возвращался из школы и находил мать у радиоприемника — она благоговейно внимала голосу твоего отца, беседовавшего с очередным политиком, артистом или высоколобым интеллектуалом, — стал рассказывать Ларше. — А какая потрясающая была заставка...

— Жорж Делерю, [\[20\]](#) — нехотя произнесла Кристина.

— Да. — Ее жених напел несколько тактов.

«Клавесин, электроорган «Хэммонд», флейта, — вспомнила Штайнмайер. — Вечная мелодия, ключ к детству, музыкальный пароль».

— Ты понимаешь, что его передачи изменили наше видение мира? Сформировали взгляды целого поколения? — все никак не мог успокоиться Жеральд. — А твоя мать?! Знаешь, сколько раз я видел ее лицо на экране, когда был подростком? Почему ты не взяла их фамилию?

— Да потому, что не видела смысла менять настоящую на псевдоним! — огрызнулась Кристина.

— И все-таки ты должна была сказать...

— Ну извини, хотела сделать сюрприз.

— И преуспела. У тебя потрясающие родители. Невероятные... Идеальная пара. Мы вместе уже много месяцев, а ты ни разу даже словом о них не обмолвилась! Почему?

Хороший вопрос.

— Это не самая любимая тема... — вздохнула журналистка.

Черт бы все это побрал... Она заперла «Сааб» и пошла по заснеженной улице к дому, ступая осторожно, как космонавт, по кочковатой, изрытой ямами лунной поверхности. К горлу подступала

тошнота, переполненный желудок готов был извергнуть из себя все деликатесы, съеденные за праздничным столом. *«В этом ежегодном обжорстве есть нечто отвратительное...»*

Непристойное...

Такое же непристойное, как скорбь ее отца. Бывали моменты, когда Кристина смертельно ненавидела его за тот кокон траура, в который он себя заключил. Иногда ей хотелось крикнуть: *«Мы тоже ее потеряли! Мы тоже ее любили! У тебя нет монополии на печаль!»* Ги уже перенес одну онкологическую операцию на слюнных железах. Следующая не за горами... Может ли человек убить себя посредством рака?

Мадемуазель Штайнмайер так разнервничалась, что сумела набрать код домофона только со второй попытки. В холле было темно и так холодно, что ее пробрала дрожь. Она быстрым шагом прошла к почтовым ящикам и с некоторой опаской открыла свой. *Почты не было.* Кристина облегченно выдохнула, и тут заметила на решетке лифта табличку «Не работает». Чертыхнувшись, она пожала плечами: логичное завершение ужасного дня.

Женщина начала подниматься по лестнице. В доме было тихо, как в могиле. Когда свет на площадке третьего этажа погас, она остановилась перевести дух и услышала приглушенный звук телевизора и крики детей, доносившиеся из-за дверей чьей-то квартиры. Серый свет из слухового окошка освещал ступени, и Кристина пошла дальше.

Она чувствовала себя усталой и подавленной. Канун Рождества обернулся катастрофой — от начала и до конца.

«У тебя потрясающие родители. Невероятные... Идеальная пара!»

«Бедный мой Жеральд, ты воистину умеешь рассмешить!»

На лестничной клетке было совершенно тихо, но Кристину это не удивило: ее соседка вела себя как мышка — до тех пор, пока не открывала рот, чтобы сказать очередную гадость...

Журналистке оставалось преодолеть две ступеньки, когда она почувствовала запах.

Фу, чем это воняет? На лестнице лежал старый вытертый ковер, но от него пахло только пылью.

Сильный запах.

Аммиачный...

Кристина судорожно сглотнула. В воздухе воняло мочой. Только этого еще и не хватало! Она подошла к своей двери, и запах усилился. Какая мерзость... Зажгла свет, наклонилась, стараясь дышать ртом, и ее чуть не вырвало: низ двери был забрызган, из-под коврика вытекала лужа. Собачка не дотерпела? Но у соседки нет собаки. И она ненавидит «людей, которых собаки волнуют больше, чем судьбы человечества» («защитница людей» высказала эту инвективу в спину жиличке с верхнего этажа, когда та шла мимо них со своим пуделем). Может, этот пуделек и «проштрафился»? Такое случилось впервые, и хозяйке следовало бы убрать за псом... Кристина решила, что непременно все ей выскажет.

В квартире зазвонил телефон. Хозяйка стала судорожно шарить в сумке в поисках ключей, которые по закону подлости оказались на самом дне, под бумажными салфетками, наушниками, мятной жвачкой, ручками и помадой... Телефон продолжал звонить, настойчиво, нетерпеливо.

Наконец женщина отперла дверь, перешагнула через темное пятно на коврике, швырнула сумку на диванчик и сорвала трубку:

— Слушаю вас...

Из динамика донеслось размеренное дыхание.

— Слушаю, — повторила Штайнмайер.

— *Ты могла бы спасти несчастную женщину, Кристина... Но не сделала этого... А теперь слишком поздно.*

Журналистка покачнулась. Мужской голос. Сердце ее затрепыхалось, как перепуганная птица.

— Кто говорит? — спросила она требовательно.

Человек молчал, но она узнала голос — теплый, низкий, слегка пришептывающий, с иностранным акцентом, — и ей снова показалось, что он доносится из темноты.

— Кто вы? — повторила женщина.

— *А ты знаешь, кто ты, Кристина? Кто ты на самом деле? Ты спрашивала себя об этом?*

Незнакомец называл ее по имени. Он ее знал! Штайнмайер вспомнила слова сыщика: «Что, если письмо бросили в ваш ящик не случайно?»

— Назовитесь, или я вызову полицию! — Она услышала страх в собственном голосе.

— *И что ты им скажешь?*

Угроза несколько его не встревожила, и этот наглый апломб усилил панику Кристины.

— Я сделала, что смогла: отнесла письмо в полицию.

«Ну вот, ты уже оправдываешься»...

— А вы, что вы...

«Тебя не волнует, что ты бросила человека умирать?» — зазвучали у нее в ушах слова, которые она услышала во время передачи.

— ...сделали? Откуда у вас мой номер телефона?

— *Тише, тише... Боюсь, ты сделала недостаточно. Думаю, ты могла бы сделать гораздо больше, но не захотела портить себе Рождество, я прав?*

— Немедленно скажите, кто вы, или...

«Болтаешь о солидарности — и дала женщине покончить с собой в канун Рождества».

— ...я повешу трубку. Что вам от меня нужно?

Кровь застучала в висках Штайнмайер, в голове у нее зашумело.

— *Тебе нравится эта игра, Кристина?* — поинтересовался ее неизвестный собеседник.

Она не ответила. О какой игре он говорит?

— *Ты слушаешь, Кристина?*

О да, она его слушает, вот только сказать ничего не может!

— *Так нравится или нет?.. Ничего не кончено. Игра только начинается.*

6. Солист

Сервас смотрел на пакет, пытался сглотнуть и не мог — горло мгновенно пересохло, затылок и грудь покалывало, как будто невидимый враг касался его тела когтистыми пальцами. Пакет был меньше предыдущего, и прислали его из Тулузы, но это, разумеется, ни о чем не говорило. Водонепроницаемой коробки внутри явно не было: не позволял размер упаковки — одиннадцать на девять сантиметров.

Отсутствовала и фамилия отправителя — на сей раз никакого господина Особы...

Мартен с сухим треском разорвал прозрачную упаковку. Он знал, что поступает неправильно: нужно было вызвать экспертов, чтобы те произвели все полагающиеся манипуляции и забрали посылку в лабораторию, но они ничего не нашли в прошлый раз, так что не найдут и теперь.

Коробочка из плотного жемчужно-серого картона была плотно закрыта крышкой. Майор взглянул в окно на заснеженный пейзаж, набрал в грудь воздуха и медленно открыл коробку, машинально отметив, что пальцы у него дрожат, как у законченного неврастеника. Он боялся увидеть *отрезанный палец, прядь волос или ухо*, но внутри лежал маленький белый пластиковый прямоугольник с красным логотипом в виде короны, ключа и букв «Т» и «В».

«Гранд-Отель Томас Вильсон» — гласила сделанная мелким шрифтом надпись.

Электронный ключ... От гостиничного номера 117. И тонкий, сложенный вдвое листок на подложке из красного атласа. Сыщик развернул его и прочел:

Встречаемся завтра в номере 117.

Почерк круглый, изящный. Синие чернила... *Писала женщина?*

Мартен спросил себя, что за женщина могла позвать депрессивного полицейского на встречу в дорогой отель. Что это — любовное свидание? Скорее всего, зачем еще встречаться в отеле? *Шарлен?* Она дважды навещала его, пока он «выздоровливал» в

центре. Шарлен Эсперандье была не только самой красивой женщиной из всех, кого он встречал в жизни, но и женой его подчиненного и лучшего друга. Четыре года назад они едва не совершили непоправимую ошибку. Шарлен была на седьмом месяце беременности, что ничуть не умаляло ее сексуальной привлекательности, и Сервасу стоило большого труда совладать с чувствами, но он справился и... стал крестным отцом ее малыша.

Потом в жизнь сыщика вернулась Марианна, и он забыл о несостоявшемся романе. Хотя... Да, он не мог не сознавать, что Шарлен не только нарушила покой и сон его «товарищей по несчастью», но и растревожила душу ему самому. Мартен понимал: все дело в его уязвимости, депрессии и одиночестве. Он чувствовал себя легкой добычей. А Шарлен не изменилась — была все такой же победительно красивой и сексапильной.

И потерянной.

Неужели это она решила назначить ему свидание? Почему вдруг сейчас?

Или ключ символизирует что-то другое?

Майор взглянул на электронную карточку и поежился, вспомнив, что уже бывал в этом роскошном отеле на площади Вильсона — его группа вела там расследование. Он достал мобильный и набрал номер.

— «Гранд-Отель Томас Вильсон», — ответил ему женский голос на другом конце провода.

— Я хочу зарезервировать номер.

— Конечно, мсье. Стандартный, люкс или апартаменты?

— Сто семнадцатый.

На другом конце трубки повисла тишина.

— Когда вы хотите заселиться? — спросила наконец собеседница Мартена.

— Завтра.

— Минуточку... Сожалею, этот номер уже заказан. Но я могу предложить вам другой, ничуть не хуже...

— Нет, благодарю, мне нужен именно сто семнадцатый.

— Могу я узнать, почему вы так настаиваете? — В тоне портье появились нотки сомнения. — Все наши номера одинаково хороши...

— Я же сказал — мне нужен именно номер сто семнадцать.

Пауза.

— В таком случае могу предложить одно: оставьте номер телефона, и, если бронь снимут, я немедленно сообщу вам, мсье...

Сыщик колебался. В конце концов, почему бы и нет?

— Сервас.

— Я правильно поняла — «Сервас»: С-Е-Р-В-А-С? — уточнила портъе еще более растерянным голосом.

— Все верно. А в чем дело?

— Прошу прощения, но я совсем ничего не понимаю: дело в том, что номер сто семнадцать заказан именно на эту фамилию...

7. Вибрато

Ей снилось, что она бежит по лесу, а за ней гонится что-то ужасно страшное. Она не знает, что именно, но не сомневается: ей грозит смертельная опасность. Она замечает вдалеке, среди деревьев, старую ферму, прибавляет ходу и падает в снег в нескольких метрах от двери. Поднимает голову и видит на пороге отца. Он в майке, брюках с подтяжками и высоких резиновых сапогах. «Тебе письмо», — говорит он, бросает конверт на землю и захлопывает дверь. Она просыпается.

Страх. Испарина. Сердце колотится. *Бум-бум-бум...*

Кристина рывком села на кровати и открыла глаза и рот, пытаясь успокоиться. Пот тек у нее по лбу, подмышки и спина были мокрыми. Простыни тоже оказались влажными от пота. Бледное зимнее солнце просачивалось через жалюзи. Сколько она спала?

8.01.

Господи, не может быть, она снова не услышала будильник! Вкус во рту стоял омерзительный: накануне она приняла снотворное. Впервые за долгое время. И запила таблетку джином с тоником... Веки опухли, в глазах резь... Игги забрался на кровать и начал лизать хозяйку в щеку — песик жаждал получить утреннюю порцию ласки. Мадемуазель Штайнмайер машинальным жестом погладила собаку, пытаясь стряхнуть остатки неприятных воспоминаний: *рождественский ужин, звонок неизвестного в эфир передачи, гадкая лужа на коврике, телефонный разговор...*

Кристина напряженно вслушалась в тишину квартиры — как будто боялась обнаружить чужое присутствие.

Ничего. Только Игги исходит нетерпением. Добрые круглые глазки смотрят непонимающе, острый розовый язычок облизывает черную пуговку носа. Его хозяйка встала, прошла в ванную, где на полу кучей валялись футболки, скомканные простыни, трусики и влажные полотенца, налила в стаканчик воды из-под крана и выпила залпом. Плафон на потолке все так же противно мигал, нервируя ее. Она отправилась на кухню, налила кофе в большую пиалу, открыла холодильник и вдруг поняла, что совсем не хочет есть.

Моча на коврике...

Накануне ей не хватило мужества убрать грязь, она просто вошла в квартиру и заперла замок на два оборота. Нужно взять себя в руки...

Кристина вышла на площадку. Запах стал слабее. Проще всего будет выбросить коврик и купить новый. Сегодня вечером она отправит его прямо на помойку — не нести же *эту дрянь* в квартиру!

Внезапно женщине в голову пришла «неаппетитная» мысль: «*Что, если на половик написал вовсе НЕ пес?*» Телефон зазвонил в тот самый момент, когда она подошла к двери. *Это не совпадение...* Кто-то ее ждал, шпионил... Неужели тот же человек, что звонил на радио? Возможно ли, что он пришел и *помочился* на дверь? Журналистка вздрогнула и отступила назад. Липкая волна страха накрыла ее, как посттравматический синдром: вчера ее преследователь мог сидеть на лестнице этажом выше и ждать, когда она вернется! Она с опаской взглянула на двери лифта, протянула руку и нажала на кнопку. Из глубины шахты донеслись шум мотора и скрип тросов поднимающейся кабины...

Он ли вывел из строя лифт? Или она сходит с ума?

Радио...

Кристина потеряла счет времени. Она никогда не опаздывала на работу — ни разу за семь лет! — и вот проспала вчера, проспала сегодня...

Вернувшись в квартиру, женщина заперла дверь и отправилась под душ. «*Нужно сменить замок. Срочно. И поставить засов...*»

После душа Штайнмайер обернулась полотенцем, села к компьютеру и открыла сайт «Желтых страниц». Три первых слесаря ответили, что смогут прийти не раньше чем через две недели. Она посмотрела на часы. 8.25... *Давай, шевелись!*

— Сегодня вечером, в пять, устраивает? — спросил ее четвертый слесарь.

— Договорились.

Женщина продиктовала адрес и повесила трубку. Оделась она «на четвертой скорости», а краситься и вовсе не стала. Игги сидел перед дверью и весело постукивал хвостом по полу. У Кристины сжалось сердце. Накануне она тоже не успела вывести песика на прогулку, и Игги послушно сделал свои дела в лоток на газету. Вечером она просто побоялась выходить на улицу, и ее мохнатый любимец долго

курсировал между комнатой и прихожей, не в силах поверить, что хозяйка может быть такой жестокой.

Она уже сутки не выгуливала собаку!

— Прости, дружок, — сказала Штайнмайер, погладив Игги по голове. — Мне правда очень жаль. Обещаю, сегодня вечером мы с тобой совершим долгую вылазку, договорились?

Питомец вопрошающе посмотрел на нее — он не понимал, за что его наказывают.

— Клянусь, мы будем бродить долго-долго... — пообещала его хозяйка.

Идея прогулки по пустынным улицам, где ее мог подкарауливать этот псих, наводила на нее ужас.

— Боже, Кристина, да что с тобой такое?!

— Прости, больше не повторится!

Она попыталась проскользнуть мимо Гийомо, но программный директор удержал ее за руку:

— Зайди в мой кабинет.

— Зачем? Мы уже опаздываем: до эфира двадцать минут!

— Плевать, мне необходимо кое-что тебе показать.

Тон начальника насторожил Кристину. Он пропустил ее вперед и закрыл дверь. На стенах кабинета висели плакаты, восхваляющие достоинства «Радио 5», в углу, на тумбочке, булькала кофеварка, а на экране компьютера в режиме онлайн шли новости.

— Хочешь кофе? — предложил директор.

— А успеем? — засомневалась его подчиненная.

— Эспрессо или двойной?

— Черный, с одним куском сахара.

Гийомо поставил перед журналисткой чашку и сел в кресло. Скрестив пальцы, он посмотрел ей прямо в глаза.

— Я... извини за опоздание, — виновато вздохнула мадемуазель Штайнмайер.

Шеф отмахнулся и одарил ее милейшей из улыбок:

— Забудь, с кем не бывает... Сколько лет мы работаем вместе? Шесть? Или семь? По тебе всегда часы можно было проверять. Ты не гриппуешь? А то вокруг все болеют... Может, тебе нужна какая-нибудь помощь?

— Нет-нет, всё в порядке.

Мужчина удовлетворенно кивнул:

— Ну и слава богу... Тогда скажи, как идут дела?

Кристина уставилась на него, не понимала, чего он от нее добивается.

— Ну, не мне тебе объяснять, что такое радио, — начала рассказывать она. — Все более или менее нормально. А в чем, собственно, дело?

— Бекер тебя не донимает?

Ведущая не смогла сдержать улыбку:

— Бекер есть Бекер. Сам знаешь, какой у него характер. Я справляюсь. Спасибо за кофе, но мне пора...

Программный директор не дал ей договорить: он открыл ящик стола, достал две упаковки лекарств и протянул ей.

— Что это? — удивилась женщина.

— Это ты мне скажи.

Кристина прочла названия лекарств — «Ксанакс» и «Флоксифрал». Сильнейший анксиолитик и антидепрессант, который прописывают при клинической депрессии и для лечения обсессивно-компульсивных расстройств. Тяжелая химия. Журналистка еще раз взглянула на коробочки и перевела недоумевающий взгляд на Гийомо:

— Я не понимаю...

— Ты уверена, что с тобой всё в порядке? В последние дни ты сама не своя... Ничего не хочешь мне рассказать?

Штайнмайер вспомнила о вчерашнем происшествии, о звонке неизвестного мужчины. Ей действительно хотелось с кем-нибудь поделиться, но уж точно не с Гийомо — ему она не доверяла ни на грош. Жеральд. Нужно все рассказать Жеральду.

— Извини, не стоило шарить по твоим ящикам... — продолжал тем временем ее начальник. — Но мне понадобился список приглашенных, и я наткнулся на... Может, все-таки поговорим?

— Ты хочешь сказать, что нашел это у меня в столе?!

Больше всего Гийомо теперь напоминал детектива из телесериала, ведущего допрос преступника, «пошедшего в отказ»:

— Да ладно тебе, Кристина, мы же друзья... Ты можешь...

Ведущая почувствовала, что заливается краской:

— Я понятия не имею, как эти лекарства попали в мой ящик! Наверно, кто-то ошибся комнатой... Они не мои!

Программный директор тяжело вздохнул:

— Слушай, девочка, у всех бывают плохие дни.

— Да говорю же, это — не мое! ПРОКЛЯТИЕ! Ну как тебе объяснить?

Кристина почти кричала. Гийомо смотрел на нее, вздернув брови, но сказать ничего не успел — она хлопнула дверью и направилась к себе, сопровождаемая взглядами всех сотрудников.

— Где ты была?! — набросился на нее Илан. — Видела, который час?!

— Заткнись, ладно?

— Летучка через пять минут, Кристина.

На сей раз Гийомо даже не посмотрел в ее сторону и исчез в своей комнате. Мадемуазель Штайнмайер скрипнула зубами и начала просматривать почту. Соображала она плохо — мысли были заняты большим ублюдком и тем, что он сказал. А еще тем, как наркотические препараты попали в ее ящик.

Женщина вздохнула, на секунду прикрыла глаза, потом незаметно обвела взглядом коллег. Сидящий за соседним столом Илан был красным как рак. Он даже не смотрел в ее сторону, делая вид, что поглощен изучением свежих газет и журналов, но рука с зажатой в пальцах ручкой тряслась от злости.

— Нет, ты только послушай! — срывающимся голосом воскликнул Илан. — Молодая мать назвала сына, родившегося одиннадцатого сентября, *Джихадом*! А когда мальчик подрос и пошел в детский сад, одела его в футболку с надписью «Я родился 11 сентября, я — бомба!». Тут пишут, что этот товар свободно продается в магазинах и пользуется бешеным успехом... Трехлетний пацан, уму непостижимо! А знаешь, кто ему подарил эту чудную маечку? Родной дядя. Когда на семейку подали в суд, адвокатша заявила: *«Если б моя клиентка хотела использовать своего трехлетнего сына как ходячую рекламу преступного деяния, она бы повела его в этой майке не в детский сад, где дети даже читать не умеют, а провезла бы в кабриолете по улицам города...»* Можешь себе представить? А что, воспитатели и родители тоже неграмотные?

На лице Илана появилась брезгливая гримаса, и он сокрушенно покачал головой. В кармане у Кристины зазвонил телефон, и она вздрогнула. Номер на экране не определялся.

— Слушаю... — поднесла она мобильник к уху.

— Кристина Штайнмайер?

Мужской голос — не тот, не вчерашний: никакого акцента, более высокий, совсем не вкрадчивый.

— Да... — уклончиво ответила журналистка.

— Вас беспокоят из комиссариата полиции по поводу письма, которое вы принесли нам вчера.

«Почитатель» ее таланта ведущей сработал оперативно!

— Нам бы хотелось с вами побеседовать, — продолжал звонивший.

— Я... у меня эфир.

— Ничего страшного, приезжайте, как только освободитесь. Обратитесь к дежурному и спросите лейтенанта Больё.

Женщина поблагодарила и разъединилась. Заметив, что ей на почту пришел новый мейл, она кликнула мышкой, и на экране появилось слово ИГРА. Адрес отправителя — *malebolge@hell.com* — был ей незнаком, и она едва не отправила его сразу в корзину, но в последний момент ее внимание привлекла фраза:

Взгляни-ка вот на это.

Жеральд

Кристина нахмурилась. С чего это вдруг ее жених пишет не со своего адреса? Если это шутка, то неудачная.

Она нажала на клавишу.

На мониторе стали появляться фотографии в формате .jpg.

На первой была запечатлена терраса кафе. Посетители сидели за вынесенными на тротуар круглыми столиками, спиной к витрине: молодая пара, явно студенты, старая дама с чихуа-хуа, поводок которого был привязан к ножке стола, мужчина в габардиновом плаще читает газету... Ни одного знакомого лица. Через две секунды на экране возник следующий снимок, и рот Кристины наполнился горькой слюной, а в мозгу у нее завыла сирена. Так бывает, когда на

подводной лодке срабатывает радар. *Боевая тревога! Команде стоять по местам!* На фото были Жеральд и Дениза: лицом друг к другу, за столиком того же кафе. *«Торпедная атака!»* — истерически кричал радист в голове журналистки. Фотограф снял пару через плечо мужчины с газетой. Они склонились друг к другу, смотрели друг другу в глаза, смеялись... Сигнал тревоги не умолкал, а невидимый враг уже выпустил следующую торпеду. Позы парочки не изменились, оставляя место для сомнения, а значит, и для надежды, намерения обоих не были ясны. *Вот только Дениза прикасается к щеке Ларше рукой в перчатке, да что там прикасается — она ласкает его!*

Не самый уместный жест для аспирантки по отношению к научному руководителю... На четвертой фотографии Дениза смотрела в окно — как будто опасалась, что кто-то мог заметить ее движение.

На Кристину нахлынула волна злобной ненависти. Даже снятая с большого расстояния телеобъективом аспирантка выглядела невероятно молодой и фантастически красивой, а Жеральд казался совершенно очарованным. Да он просто ел ее глазами!

Ее милый женишок... ее будущий муж.

Мадемуазель Штайнмайер потеряла ладонями лицо, не позволив слезам пролиться из глаз. *Кто? Кто и зачем сделал эти снимки? Кто их прислал? Какую цель он преследовал?*

— Кристина... *Кристина...*

Она с трудом осознала, что Илан смотрит на нее, вытаращив от натуги и изумления глаза, и не может дозваться.

— Они тебя ждут! На летучку, — сообщил он, когда взгляд его коллеги стал более осмысленным.

Слава богу, что со своего места он не мог видеть ее экран! На последней фотографии Жеральд с Денизой выходили из кафе. Мерзавка держала его под руку, как собственного жениха, смеялась и что-то шептала ему на ухо. А на лице Ларше играла довольная фатоватая улыбка самца, завладевшего самой красивой девушкой на свете.

Грязный ублюдок...

Ведущая рывком отодвинула стул и кинулась в туалетную комнату. Провожаемая обалдевшим взглядом Илана, она ввалилась в «предбанник» и двумя руками толкнула дверь дамской комнаты, так что та шваркнула по сушилке. Слава богу, никого... Кристина влетела

в кабину и наклонилась к унитазу, кашляя и икая, но ее так и не вырвало. *Ей было страшно...* Хотелось завывать в голос, но она сдержалась. Что происходит? Кто прислал эти фотографии, кто ей звонил?!

В кармане джинсов завибрировал телефон... Новое сообщение.

Не передумала поиграть, Кристина?

Она едва не разбила смартфон о перегородку.

— ПОШЕЛ НА ХРЕН, ЧЕРТОВ ПСИХ!

Ее вопль эхом отразился от кафельных стен.

Снова он. Тип из телефона. Он испоганил ее коврик. Может, и надпись на ветровом стекле «*Счастливого Рождества, грязная шлюха*» сделал тоже он? Что нужно этому человеку? Почему он так на нее ополчился? Неужели все дело в том, что она недостаточно быстро отреагировала на письмо? Но как он узнал...

— Кристина... Кристина... что с тобой?

Голос Корделии. Штайнмайер вздрогнула и резко обернулась. Дылда-стажерка с тревогой смотрела на нее, моргая тяжелыми от черной туши ресницами. Кристина не слышала, как она вошла. Помощница положила руку ей на плечо, а другой рукой коснулась ее щеки. Ее взгляд выражал любопытство, нежность и озабоченность:

— Ты как? Что происходит?

Девушка притянула Кристину к себе. У той не было сил сопротивляться, и из груди у нее вырвалось глухое рыдание, а по щекам потекли слезы.

— Расскажи, что случилось... — Голос Корделии звучал тихо, убаюкивающе; от ее волос пахло духами и табаком. — Ты можешь мне довериться...

Так ли это? Мадемуазель Штайнмайер колебалась. Ей очень хотелось открыться кому-нибудь. Ассистентка обнимала ее, убаюкивала, а потом наклонилась и поцеловала в щеку:

— Я здесь, все хорошо, все хорошо...

Еще один поцелуй — в уголок рта... Корделия искала губами ее губы. Нашла... Кристина напряглась, чувствуя ловушку.

ОТПУСТИ МЕНЯ!

Она резко оттолкнула от себя угловатое тело. Стажерка ударилась о стенку кабины, и на ее лице появилась хищная улыбка. Теперь на нем не было никаких следов нежности.

Неужели это она?..

Если да, засомневалась Штайнмайер, то что за мужчина донимает ее по телефону? Она побежала к двери, слыша за собой издевательский смех Корделии.

Кристина вошла в двери комиссариата полиции и... натолкнулась на стену. Стену гнева и недовольства. Стену печали. Стену безропотной покорности судьбе. Она вспомнила виденный когда-то давно фильм «Крылья желания», в котором ангелы выслушивают внутренние монологи людей, ища в них признаки красоты и смысла. Какой смысл, что за красоту смогли бы они отыскать здесь, кроме тотального отсутствия надежды?

Очередь тянулась от тамбура до стойки дежурного, и народу в ней было больше, чем в зале ожидания вокзала. Люди старались не смотреть друг на друга, а если случайно встречались взглядами, то видели лишь ожесточение или растерянность. Лица всех присутствующих были помятыми, как использованные салфетки. Дежурный с трудом сдерживал напор осатаневших от ожидания посетителей. Какой-то тощий тип, явно только что выпущенный из-под ареста, вдевал шнурки в ботинки, стоя у лифта. Он поднял голову, и Кристина внутренне похолодела, встретившись с взглядом его бледно-голубых глаз. На стойке, свернувшись калачиком в пластиковой корзинке, спал дымчато-серый кот (журналистка уже видела его, когда была здесь в первый раз).

— У меня назначена встреча с лейтенантом Больё, — сказала она, когда подошла ее очередь.

Дежурная сняла трубку, даже не взглянув на нее, коротко с кем-то переговорила и кивком показала — «Налево!» — так и не подняв глаз. Кристина почувствовала себя ничтожной букашкой.

Она миновала турникет и поравнялась с неприятным тощим типом, который как раз закончил обуваться, разогнулся и уставился на нее линиями глазками-бусинками. Мадемуазель Штайнмайер подумала, что охотно обошлась бы без подобного рода внимания. Тип и правда был премерзкий. Она заметила мелкие порезы у него на

подбородке и у ушей, как будто он брился второпях или лезвие было тупым. Парень растянул губы в кривой плотоядной ухмылке, наклонился и прошептал:

— Эй, милашка, у тебя голодный взгляд...

Кристина отшатнулась, почувствовав запах дешевого одеколona и пота от давно не мытого тела.

— Что... Что вам нужно?

— Хочешь «познакомиться» с моим умелым пальчиком? Машина на стоянке, у меня есть сто евро и самый большой...

Женщина вздрогнула от отвращения и инстинктивным жестом проверила, до конца ли застегнуты пуговицы на ее блузке. У нее закружилась голова, и ее бросило в жар. Она оперлась ладонью о стену:

— Отвалите...

— Ну же, куколка, не говори, что не любишь делать всякие развратные штучки... — не унимался мерзавец.

— Оставьте меня в покое...

Происходящее напоминало кошмар наяву: этого типа наверняка задержали за сексуальные приставания, а он прямо в комиссариате нашел себе новую жертву — и в гробу видал всех полицейских! Двери лифта открылись, и вышедший из кабины мужчина в штатском прикрикнул на негодея:

— Пошел вон, Гектор! — Затем он посмотрел на журналистку. — Вы — Кристина Штайнмайер?

На вид ему было около тридцати. Карие глаза, густые вьющиеся волосы и несколько вялый подбородок... В прошлый раз она встречалась с другим полицейским. Впрочем, галстук у этого оказался таким же уродливым...

— Лейтенант Больё, — представился он. — Пойдемте со мной.

Он открыл магнитной карточкой двери лифта, они вошли в кабину, и Кристина отодвинулась к дальней стенке. Она чувствовала взгляд своего нового знакомого и пыталась держать себя в руках, не показывать, что это ее нервирует. Полицейский, судя по всему, считал, что беззастенчивое разглядывание людей является неотъемлемой прерогативой его профессии. Выглядел лейтенант паршиво: мешки под глазами и разочарованно-брезгливое выражение лица

свидетельствовали о том, что сыщицкого азарта у него уже поубавилось.

Кабинет Больё находился на третьем этаже. Он снял со стула стопку бумаг, чтобы посетительница могла сесть, и ответил на телефонный звонок — разговор был коротким и односложным.

— Прошу меня извинить... — обратился он затем к радиожурналистке.

Сожаления в его тоне она не расслышала. Этот человек не моргая смотрел на нее круглыми, чуть навывкате глазами, намеренно выдерживая паузу, а потом спросил:

— Скажите, мадемуазель Штайнмайер, у вас в последнее время были какие-нибудь личные проблемы?

Вопрос застал ее врасплох.

— О чем вы? — не поняла женщина.

— Меня интересует, всё ли у вас в порядке.

— А какое отношение это имеет к делу? Меня ведь пригласили, чтобы поговорить о письме, верно?

— Именно так.

— Вот и давайте говорить о деле, а не о моей личной жизни.

Больё одарил ее хмурым подозрительным взглядом:

— Что вы делали двадцать четвертого декабря? Были одна или с семьей?

— С моим женихом...

Лейтенант никак не отреагировал, и Кристина сочла нужным добавить:

— Мои родители пригласили нас на рождественский ужин.

Она поудобнее устроилась на стуле, лихорадочно соображая, стоит ли говорить, что какой-то мужчина достает ее по телефону и о мочке на коврик. *«Не лучшая твоя идея, милочка»*, — съязвил внутренний голос. Ее собеседник выглядел не слишком восприимчивым. Интересно, коллега рассказал ему, чем она занимается? Видимо, нет, хотя это вряд ли помогло бы...

— Очень хорошо. Давайте поговорим о письме, — продолжил полицейский. — Его бросили в ящик двадцать четвертого декабря, так?

— Да. Мы собирались на обед с родителями Жеральда, опаздывали, нервничали...

— Письмо было в конверте?

— Да. Я отдала его вашему...

— Моему коллеге, знаю. И вы не имеете ни малейшего представления о том, кто мог его написать?

— Нет. Мы обошли соседей, потому что решили, что произошла ошибка и письмо предназначается одному из жильцов дома.

— Да, конечно. А что думает об истории с письмом ваш жених?

Кристина заколебалась — отвечать на этот вопрос ей не хотелось.

— Ему не очень улыбалось расспрашивать незнакомых людей в праздничный вечер.

Больё вздернул брови:

— Ммм?..

— Он не хотел еще больше опаздывать, — поспешила пояснить Штайнмайер.

— Понимаю... А в остальном между вами нет разногласий?

— Конечно, нет. К чему этот вопрос?

— Вы во всем согласны друг с другом? Никаких споров, никаких ссор?

— Я не понимаю, как это связано с письмом...

— Прошу вас, ответьте.

— Повторяю: у нас все в порядке. Мы скоро поженимся.

— Поздравляю! — Полицейский улыбнулся. — И когда же случится это радостное событие?

У Кристины появилось неприятное ощущение, что Больё расставляет ей ловушку. Но зачем?

— Точную дату пока не назначили.

Лейтенант многозначительно вздернул брови и кивнул с отсутствующим видом, как будто скоропостижно заболел раздвоением личности. Его собеседница тут же пожалела о своей откровенности: она ничего не знает об этом человеке, он может неправильно истолковать ее слова.

— Послушайте, — сказал он, помассировав веки, — ни двадцать четвертого, ни двадцать пятого, ни сегодня не было зарегистрировано ни одного самоубийства — что не может не радовать. Это почти подвиг, уж вы мне поверьте. В праздничные дни склонные к депрессии люди погружаются в безысходную тоску и нередко совершают непоправимое. Одиноким приходится нелегко.

Кристина могла бы ответить, что она вообще-то в курсе и даже сделала передачу на эту тему, но поостереглась перебивать полицейского. Пусть он доведет мысль до конца.

— Но в этом году — аллилуйя! — ничего, *niente*. Самоубийство — совсем не развлечение, уж я-то знаю! — заверил ее мужчина.

Журналистка почувствовала глубокое облегчение. Ни одного самоубийства... Просто груз с души свалился. Раз ничего не случилось, она ни в чем не виновата. Телефонному мучителю не за что ее обвинять.

— Так вы сумеете разыскать женщину, которая написала письмо? Возможно, она пока жива, но ее жизнь все еще в опасности. Я права? — спросила Штайнмайер.

— Ммм... Вы так думаете?

— Да. А вы не согласны? Я, конечно, не психолог, но... письмо — не шутка и не розыгрыш.

Полицейский встрепнулся:

— С чего вы взяли?

— Не понимаю...

— Почему вам в голову пришла мысль о розыгрыше?

Кристина помрачнела:

— Не знаю... пришла, и всё.

— Вы считаете, что кто-то мог сочинить идиотское письмо и не поленился зайти в ваш дом, чтобы бросить письмо в ящик? — Больё развел руками. — Зачем кому-то так поступать? Вам не кажется, что это несколько... *странно*?

Кристина нахмурилась, различив в его голосе новые нотки.

— Наверное... не знаю. Я просто высказываю гипотезы.

— В таком случае, не логичнее ли будет предположить, что некто написал письмо, желая привлечь к себе внимание?

— Да, конечно, но одно не исключает другого.

— Некто — сознательно или неосознанно — хочет, чтобы о нем... или о *ней*... говорили, посылает сигнал бедствия...

Женщина напряглась. Она вдруг поняла, что лейтенант не просто отвлеченно рассуждает — он к чему-то ведет. Сужает круги и вот-вот выдаст истинную цель встречи.

— Мне жаль, — мужчина наклонился вперед и бросил на посетительницу внимательный взгляд исподлобья, — но ни на бумаге,

ни на конверте мы не обнаружили никаких отпечатков — кроме ваших. Каким печатающим устройством вы пользуетесь?

— Что-о-о?! Да о чем вы? Вы же не думаете, что...

— Скажите, мадемуазель Штайнмайер, свадьбу решил отложить ваш жених? Он хочет взять паузу? У него возникли сомнения? Он не заговаривал о... разрыве?

Кристине показалось, что она ослышалась:

— Конечно же, нет!

Лейтенант повысил голос:

— У вас уже были проблемы с психикой? Не лгите! Я легко могу это проверить.

Пол ушел из-под ног журналистки. Мерзавец с самого начала к этому подводил. Кретин, он считает, что письмо написала она! Принимает ее за психованную мифоманку!

— Вы намекаете на то, что я сама сочинила эту галиматью и потом принесла письмо в полицию? — уточнила женщина.

— Я ничего подобного не говорил. — Глаза сыщика блеснули, и он наклонился еще ближе. — Но, возможно, я угадал?

— Идите к черту! — Кристина оттолкнула стул и вскочила.

— Что вы сказали?! — Больё побагровел. — Я могу привлечь вас за оскорбление офицера при исполнении и...

— Проводите меня, — перебила его посетительница. — Нам больше не о чем говорить.

— Как вам будет угодно...

8. Мелодрама

Сервас вошел в украшенные гербом двери «Гранд-Отеля Томас Вильсон» ровно в 13.00 и направился по устланному коврами холлу к стойке портье. Отделанные деревянными панелями и кожей стены поражали воображение своей роскошью. Майор протянул администратору электронный ключ и показал полицейский жетон.

Девушка посмотрела на карточку, потом на Серваса и перевела взгляд на экран компьютера. Она была молодой и очень хорошенькой, и в вырезе ее белой блузки виднелось кружево лифчика.

— Все верно, — сказала она, — но этот ключ деактивирован: сегодня утром в сто семнадцатый номер заселился постоялец. Где вы его нашли?

— У вас часто исчезают ключи? — спросил сыщик.

— Случается... — Администратор многозначительно поджала губы. — Их теряют, крадут, забывают вернуть, прежде чем сесть в самолет и улететь в Китай...

— Номер заказан на сегодня?

Красавица снова сверилась с компьютером:

— Да.

— Для кого?

— Не уверена, что имею право...

— Я сам назову фамилию — Сервас, так?

Девушка кивнула.

— Когда забронировали номер? — задал Мартен следующий вопрос.

— Три дня назад, на интернет-сайте нашего отеля.

Полицейский уставился на собеседницу с жадным нетерпением, как наркоман на дилера:

— У вас есть электронный адрес и номер банковской карты заказчика?

— Конечно. И номер телефона.

— Можете сделать распечатку?

— Ну... придется получить разрешение управляющего.

Администратор сняла трубку, и через две минуты появился высокий мужчина в круглых очках с крашеными в золотисто-

каштановый цвет волосами и седыми висками. Он церемонно пожал Мартену руку и спросил:

— Чем могу быть полезен?

Сервас задумался. Он в отпуске по болезни и не имеет права находиться здесь. Ордера у него нет, так что вопросы его неуместны.

— Я провожу расследование, — сказал он наконец. — Речь идет о «краже» личности. Кто-то забронировал номер в вашем отеле на имя человека, не проинформировав его об этом, а также совершил несколько противоправных действий — от его имени и с использованием его банковской карты... Я попросил вашу сотрудницу сделать копию документов о бронировании.

— Понимаю... — кивнул управляющий. — Не вижу препятствий.

Затем он повернулся к девушке:

— Марджори...

Та мгновенно исполнила приказ, а ее начальник, проглядев распечатанный листок, отдал его майору, заметившему легкую тень недовольства на его лице.

— Вот... держите...

— Благодарю. Скажите, в этом номере, сто семнадцатом, есть что-то особенное? — продолжил расспросы сыщик.

Служащие отеля переглянулись, и он насторожился.

— Как вам сказать... — Управляющий откашлялся. — Э-э-э... год назад в этом номере действительно кое-что случилось... — Он нервным движением потер лоб и закончил: — *Там покончила с собой женщина...*

Он так разнервничался, что перешел на гнусавый срывающийся фальцет, попытался взять себя в руки и продолжил шелестящим шепотом:

— Это было ужасно... чудовищно... Она... Она... в общем, сначала она... гм... гм... разбила все зеркала в ванной... и в комнате, а потом... потом вскрыла себе вены и... попыталась... — его голос звучал еле слышно, — *вспороть живот осколком зеркала, не сумела, и тогда перерезала себе горло.*

Он огляделся, надеясь, что сидевшие поблизости в креслах мужчины в дорогих костюмах не слышали этого ужаса. Кровь запульсировала у Мартена в ушах, и в памяти у него всплыл образ из сна: женщина, деревянный стол, голая «выпотрошенная» Марианна...

На него накатила дурнота... Страх молоточками стучал под черепом — его старый недруг, ледяной ужас.

— Я могу посмотреть этот номер? — Его собственный голос тоже звучал не слишком уверенно. Управляющий кивнул, протянул руку, и портье подала ему электронную пластиковую карточку — точную копию той, что прислали Сервасу.

— Следуйте за мной.

Свет в кабине лифта был тусклым, но сыщик заметил, что лоб его спутника покрылся бисеринками пота у основания волос. Он тяжело дышал и то и дело бросал взгляд на своего двойника в зеркале. Двери открылись, и они пошли по устланному ковром коридору.

— Это *платиновый* номер, — сообщил полицейскому его провожатый, — тридцать два квадратных метра, двуспальная кровать, экран жидкокристаллический, пятьдесят каналов, мини-бар, сейф, кофемашина, халат, тапочки, бесплатные ADSL и Wi-Fi, двухместная ванна...

Бедняга говорил, ни на секунду не закрывая рта, чтобы не думать о визите в «нехороший номер». «Он вряд ли часто заходит в сто семнадцатый, — подумал майор. — Нужно спросить, кто нашел тело».

— Вы помните имя той женщины? — поинтересовался полицейский.

— Разве такое забудешь? Селия Яблонка. Художница...

Мартен уже слышал это имя, а может, где-то читал о носившей его женщине. Ну конечно, год назад, в газетах! Уголовная полиция самоубийствами не занимается, эти дела находятся в юрисдикции Службы общественной безопасности, но способ, которым молодая женщина свела счеты с жизнью, привлек к этому случаю всеобщее внимание.

Управляющий остановился перед дверью и вставил магнитный ключ в массивный золоченый замок. В номере пахло, как во всех отелях класса люкс, цветочной отдушкой, чистящим средством и накрахмаленным бельем. В коридорном шкафу, на плечиках, висели два белых махровых халата. Дверь в ванную была приоткрыта. *Комната...* Наборный паркет, стены отделаны панелями красного дерева, маленькие хромированные лампы рассеивают мягкий свет на огромную кровать с доходящим до потолка изголовьем из серебристых

стеганых ромбов. Ярко-красные подушки, большие и маленькие, служат контрапунктом декора, выдержанного в пастельных тонах.

Безвкусная стилизация...

...и такое впечатление, что находишься внутри конфетной коробки, где в два ряда уложено пралине.

Тишина. Только управляющий тяжело дышит в спину. Двойное витражное стекло и толстые стены приглушают шум находящейся внизу круглой площади. За окном, не до конца задернутым темными шторами, кружатся белые пушистые хлопья. Сервас не мог припомнить подобного снегопада в Тулузе.

— Покажите, какие зеркала она разбила, — попросил сыщик. — И в какой позе лежала. А еще опишите, что именно она с собой сделала.

— Конечно... — прошелестел сотрудник отеля.

Свет ламп отражался в стеклах его очков, и сыщик не мог уловить выражения глаз этого человека. Затем управляющий щелкнул выключателем ванной, и Мартен увидел двойную раковину, блестящие хромированные краны, корзинку с кусочками мыла и бутылочками шампуня и аккуратно сложенные чистые полотенца. Их лица — ослепленные, изумленные, глупые — отразились в большом зеркале.

— Вот это зеркало, — сказал служащий отеля. — Повсюду валялись осколки... и кровь... чистый ужас... Раковина, ванна, пол, стены — все было забрызгано кровью. Невыносимое зрелище. Но нашли ее не здесь...

Он повел Серваса в комнату и продолжил рассказывать:

— Это она тоже разбила.

Второе зеркало висело напротив кровати, над столом, где стояли поднос с электрическим чайником и лампа, а на углу лежали бумага для писем и конверты. Внизу был оборудован мини-бар.

— Она лежала на кровати со сложенными на груди руками... — Управляющий выдохнул, как ныряльщик перед прыжком, и уточнил: — Голая.

Мартен промолчал. У него в мозгу свистел ледяной «польский» ветер и выли волки. Кровь на снегу, хижина в ночи... Он сглотнул и почувствовал, как подгибаются ноги. *Он не готов...* Еще слишком рано.

— Кто ее нашел? — задал Сервас очередной вопрос. — Вы?

Управляющий удивился смятению в его голосе: «До чего впечатлительные пошли легавые!» Они на мгновение встретились взглядом, и служащий ответил:

— Нет. Коридорный. Дверь номера была приоткрыта, так что музыка разносилась по всему этажу... Ему это показалось странным, он вошел, окликнул. Никто не ответил... а музыка все гремела... оперная...

Последнее слово прозвучало, как грязное ругательство.

— Оперная? — переспросил майор.

— Да. Диск нашли на кровати рядом с ней. Знаете какой? «Волшебный корабль» Рихарда Вагнера. Там героиня, молодая женщина по имени Сента, бросается со скалы... Убивает себя, — на всякий случай уточнил мужчина.

«Насмотрелся боевиков и считает всех полицейских тупицами», — понял сыщик.

Музыка в номере отеля. Музыка в Институте психиатрии четыре года назад. Сервас почувствовал, как ёкнуло и тяжело забилося его сердце.

— Бедный парень подошел ближе... и сначала увидел ступни ног... — Речь управляющего стала сбивчивой, как будто он влез в шкуру невезучего коридорного. — Потом колени, бедра, развороченный живот... Женщина нанесла себе несколько ударов, но ни один жизненно важный орган не поранила. Он шагнул вперед и заметил вскрытые вены и перерезанное горло... острый осколок остался торчать у нее в шее.

Полицейский смотрел на пустую кровать, пытаясь реконструировать страшную сцену. Чудовищные раны на животе, запястьях и шее. Смертоносный осколок зеркала. Оперная ария взрывает барабанные перепонки. Снятся ли коридорному кошмары? Наверняка...

— Тот человек по-прежнему работает у вас? — спросил Мартен, отгоняя нарисованную его воображением картину.

— Нет. Уволился. Просто не пришел на следующий день. Мы больше никогда его не видели. Выгонять парня за прогул никто не собирался... учитывая обстоятельства, но несколько недель спустя он прислал заявление — по электронной почте.

— А вы-то сами видели покойную?

— Д-д-да... видел. Он меня вызвал.

Больше управляющий ничего не сказал, и Сервас не стал настаивать: он узнает детали у коллег своего собеседника.

— Я не вижу в номере МРЗ-плеера, — сменил он тему разговора.

— Его действительно нет.

— Хотите сказать, она принесла плеер с собой? Чтобы включить на полную мощность — в качестве музыкального сопровождения самоубийства?

— Думаю, она хотела умереть именно под эту арию, — «сыщицким» тоном произнес управляющий. — А вообще, кто знает, что там варилось в ее бедной голове...

— Так почему было не свести счеты с жизнью дома? *«Вы полицейский, не я, вот и думайте...»* — Эта мысль ясно читалась на лице управляющего.

— Понятия не имею... — сказал он вслух.

— Можете припомнить, сколько времени женщина провела в отеле?

— Да несколько! Появилась в тот самый день, когда...

Обдуманый выбор. В «постановке» Селии Яблонки отель играл важную роль. Как и опера... Интересно, парни, занимавшиеся этим делом, обратили внимание на детали? Или просто закрыли дело? И кто проводил вскрытие? Сервас надеялся, что Дельмас: характер у него вспыльчивый, но профессионал он классный. *Раньше Мартен был таким же...*

Сейчас нужно понять, кто и зачем прислал ему этот ключ через год после смерти художницы.

9. Антракт

Одинокий темно-красный листок сорвался с ветки и медленно и плавно спланировал на грязный снег прямо к ногам Серваса. «И как только ему удалось продержаться так долго?» — подумал он, глядя на голые ветки. Зажатая в уголке рта сигарета дрогнула, и полицейский внезапно ощутил, на какой тонкой грани балансирует. «Разморозится» ли когда-нибудь его душа?

Он пожал плечами, бросил нераскуренную сигарету на асфальт рядом с багровым листком и раздавил ее каблуком. Привычный ритуал завязавшего курильщика. *Восемь месяцев...*

Сыщик достал телефон и позвонил Дельмасу.

— Помнишь Селию Яблонку, художницу, которая год назад убила себя в номере «Гранд-Отеля Томас Вильсон»?

— Н-ну... — неуверенно отозвался криминалист.

— Это «да» или «нет»?

— Помню. Я делал вскрытие.

Майор улыбнулся:

— И?..

— Что — и?

— Самоубийство *or not* самоубийство?

— Самоубийство.

— Ты уверен?

— Я что, имею привычку «теоретизировать»?! — возмутился патологоанатом.

— Конечно, нет... — Улыбка Мартена стала еще шире.

— Однозначно самоубийство, — заверил его собеседник.

— Но согласишься, история странная: женщины не так часто перерезают себе горло осколком зеркала под оперную арию...

— И тем не менее она все сделала сама, хотя поверить в подобное и правда нелегко. На руках у нее не было никаких следов, а ведь если б ее принуждали полоснуть себя по горлу, она бы наверняка отбивалась. Мы сделали токсикологический анализ, изучили разлет брызг крови, осмотрели предсмертные ранения правой руки. Деталей я не помню, но у экспертов все сошлось.

— Что показал анализ?

— Часов за пятнадцать до того, как начать действовать, она приняла снотворное и лошадиную дозу антидепрессантов... Но наркотиков в организме не обнаружили, это я помню точно, потому что предполагал, что бедняжка проглотила ЛСД или один из бензодиазепинов^[21] — иначе объяснить самоагрессию было невозможно. Произошла декомпенсация, вызванная препаратами и суицидальной одержимостью... Ты вышел на работу?

— Как тебе сказать...

— Значит, не вышел... Хочу со всем возможным почтением заметить, что: первое — это дело давным-давно закрыто, и второе — ты в отпуске по болезни и мне не следует посвящать тебя в детали расследования. Почему ты интересуешься той несчастной девушкой? Вы были знакомы?

— Я узнал о ее существовании час назад.

— Ладно, хочешь темнить — дело твое. Но однажды ты мне все расскажешь, Мартен.

— Расскажу. Но не сейчас. Спасибо тебе.

— Да не за что... И знаешь что... позаботься о своем здоровье. Ты уверен, что готов?

«Готов? К чему? — подумал Сервас. — Я просто собираю сведения».

— Еще одно: этого разговора не было, — сказал он вслух. — Договорились?

Дельмас ответил не сразу.

— Какого разговора? — спросил он, чуть помолчав, и повесил трубку.

Итак, девушка действительно покончила с собой, попытался подытожить все, что ему удалось узнать, сыщик. Ни один самый ловкий умник не сумел бы провести Дельмаса. Но как тогда объяснить присылку ключа? Уголовная полиция не расследует самоубийства. Почему выбрали именно *его*, отстраненного от работы, собирающего себя по кускам в санатории и больше всего похожего на боксера, который уже много месяцев не выходил на ринг? Сервас достал из кармана прямоугольную карточку с логотипом «Т» и «В», прочел сделанную синими чернилами фразу:

Встречаемся завтра в номере 117.

Смысла в ней было не больше, чем в одиноком листке, который упрямо цеплялся за ветку, но в конце концов все-таки последовал за собратями, или в волках из его сна. Очередная трагедия человека, раздавленного неведомыми могущественными силами. Не первая и не последняя. Одна из многих. Но кто-то же к нему обратился! Значит, нужно в первую очередь найти этого человека.

10. Сопрано

Кристина смотрела на возившегося с дверью мастера — на полу у его ног стоял открытый ящик с инструментами. Он уже заменил прежний цилиндрический замок на новый, трехоборотный, закрепил цепочку и теперь занимался глазком. Парень успел намекнуть, что лучше всего было бы поставить бронированную дверь на сварных штырях, но хозяйка не собиралась превращать свой дом в Форт Аламо^[22] или оборудовать «паническую комнату». ^[23]

Слесарь был молод, но круглая морда и нехилая задница выдавали в нем любителя жареной картошки, гамбургеров и мороженого. Длинная прядь сальных каштановых волос то и дело падала ему на глаза, а на шее и щеках «цвели» прыщи.

— Шестьдесят процентов взломщиков отступают, если не удастся вскрыть замки через две минуты, и девяносто пять — через три минуты, — разглагольствовал он. — Шестьдесят три процента входят через дверь. — Он чуть помолчал и добавил: — Между прочим, шестьдесят пять процентов изнасилований происходит дома у жертв.

Кристина вздрогнула:

— *Изнасилований?* Зачем вы мне об этом говорите?

Слесарь откинул упавшие на лоб волосы и бросил на нее сочувствующий взгляд карих глаз:

— Грабители иногда оказываются насильниками. Вообще-то, это случается чаще, чем принято думать.

«Какого черта он морочит мне голову? За работу я ему уже заплатила, значит, хочет втюхать что-то еще...»

— Что вы продаете? — сердито спросила женщина.

Ее собеседник сунул руку в карман на животе комбинезона, достал оттуда проспект и протянул его ей:

— Это обеспечит вам полную безопасность.

Мадемуазель Штайнмайер открыла буклет. Охранная система. Пять детекторов движения, три магнитных детектора, сирена на 120 децибел со вспышкой... Все подсоединено к системе видеонаблюдения. После сигнала тревоги полиция прибывает на место через пятнадцать минут (у фирмы-производителя договор со стражами порядка!). Детекторы движения снимают грабителя и отправляют

изображение на мобильный хозяина квартиры и на центральный пост охраны. Буклет был очень красивым, отпечатанным на глянцеваы бумаге, и его цветные фотографии и подробные схемы внушали доверие. Фирма наверняка занимает надежное положение на рынке.

— Спасибо, — сказала радиожурналистка, — но я пока не готова отгородиться от мира.

— Вам видней. Оставьте себе, — предложил слесарь. — Может, передумаете... Смотрели «Заводной апельсин»?

«Он что, шутит? Не похоже...»

— Устранение неоднозначности, — сказала женщина.

— Не понял...

— Прежде чем предупреждать силы правопорядка, ваша фирма обязана пройти через так называемое «устранение неоднозначности»: позвонить в квартиру или в дом, где установлена система, попросить назвать пароль — если кто-нибудь ответит — или констатировать вторжение с помощью цифровых фотографий и съемки видеозаписи. И это при условии, что линия не будет повреждена, снимки окажутся «читаемыми», а злоумышленник — НЕ член семьи. Вот почему в большинстве случаев они посылают своего сотрудника — он может находиться дальше или ближе к месту преступления, ведь компания обслуживает весь район, — и только потом оповещают полицию. В лучшем случае наряд приезжает через полчаса, но чаще всего проходит час-другой, ведь у полицейских и жандармов много других дел. Реклама — она и есть реклама, то есть вранье, а это противозаконно. Передатчик помех за сто евро способен вывести вашу хваленую систему из строя, так как она беспроводная. Я делала об этом передачу.

Парень бросил на хозяйку угрюмо-злобный взгляд. Она знала, о чем он думает: *«Лучше б тебе поберечься, мерзавка...»* — или что-то в этом роде.

Тут на столике зазвонил телефон, и Кристина мгновенно покрылась мурашками и утратила способность рассуждать здраво. Слесарь с любопытством наблюдал за ней, понимая: что-то не так. Звонок разрывал тишину квартиры, и Штайнмайер нехотя протянула руку и сняла трубку — осторожно, словно боясь обжечься:

— Слушаю...

— Кристина? — Женский голос, знакомый. — Это Дениза.

Облегчение. «*Слава богу, это не...*» Недоумение: почему Дениза звонит сюда? В памяти вдруг всплыли фотографии на экране компьютера — пара за столиком кафе, и желудок журналистки скрутило от гнева и тревоги.

— Дениза? — переспросила она. — Что случилось?

— Нам нужно увидеться, Кристина.

По непонятной причине голос аспирантки напомнил ее собеседнице, как в детстве она растягивала пальцами резинку, пока та не рвалась с негромким хлопком.

— Зачем? — удивилась она. — Это срочно?

— Да... думаю, да.

Властные нотки. И *враждебность*... Кристина насторожилась, вздрогнула, как от удара электрическим током. Что-то произошло...

— Может, объяснишь, в чем дело? — сказала журналистка, стараясь не выдавать свои чувства.

— *Ты прекрасно знаешь, в чем дело.*

На сей раз в голосе Денизы прозвучали обвиняющие нотки. Власть, вызов. Имеет ли она в виду себя и Жеральда?

— Я хочу увидеться с тобой *немедленно*, — добавила аспирантка.

Кровь кинулась Кристине в голову: да за кого себя принимает эта дрянь?!

— Я не понимаю, что тебе нужно и почему ты позволяешь себе подобный тон, но у меня был очень трудный день, и я намерена серьезно поговорить с Жеральдом — о нас с ним... и о ваших отношениях... — объявила она.

«*Ну, как тебе такой поворот, гадина?*»

— Через полчаса в «Уоллесе», на площади Сен-Жорж. Советую не опаздывать.

В трубке раздались гудки отбоя.

Да что же это такое? Наглая девка не только отдает ей распоряжения, но еще и трубки швыряет?!

Кафе «Уоллес» было отделано в стиле лаунж:^[24] стены из искусственного камня, напольное освещение, небольшие квадратные кресла, бар с голубоватой «аквариумной» подсветкой... Восемьдесят процентов посетителей — студенты. Музыка — компиляция в стиле рок: Асаф Авидан,^[25] Local Natives,^[26] Wave Machines...^[27] Подобных

заведений полно в Сиднее, Гонконге и Хельсинки, и этим они и нравятся молодняку, проживающему жизнь перед экраном компьютера.

— Привет... — В зале было так шумно, что Кристине пришлось повыситься голос. Она поморщилась и села за столик напротив Денизы. Та нервным движением взболтала палочкой коктейль и медленно подняла на журналистку свои дивные зеленые глаза. *Кайтиринья...* «Рановато для спиртного», — подумала Штайнмайер. Возможно, молодая аспирантка решила набраться храбрости? Но для чего ей нужна храбрость?

— Ну вот я пришла. Зачем звала? К чему вся эта секретность и почему ты разговариваешь со мной по телефону таким неподобающим тоном? — возмущенно обратилась Кристина к девушке.

Та обвела взглядом зал и заговорила — нехотя, словно через силу:

— Вчера ты... *увидела* нас с Жеральдом в институте, в его кабинете...

Ее собеседницу опять затошнило.

— Ты хотела сказать — *застала*, — холодно заметила она.

— Увидела, застала... Какая разница? — Снова этот враждебный тон. — Это было не то, что ты подумала. Совсем не то. Мы работали. Он и я. Если ты не забыла, Жеральд — мой научный руководитель, и...

— Я в курсе.

— ...и дело не только в моей диссертации. Пойми, мы разрабатываем очень важный проект, ищем новый подход к приему сигналов GNSS,^[28] занимаемся спутниковой связью. — Дениза бросила взгляд на Кристину, желая убедиться, что та следит за ее мыслью. — Объясню попонятней. Ты пользуешься американским GPS. Сейчас в мире существует всего три системы — американская, русская ГЛОНАСС и китайская «Бэйдоу». В две тысячи пятом году Евросоюз запустил четыре спутника, и очень скоро начнет действовать система «Галилео».^[29] Наша методика позволяет... *увеличить частотное разрешение Фурье-преобразования, без излишнего увеличения вычислительной нагрузки в приемнике позиционирования.* — Она послала Кристине извиняющуюся улыбку. — Знаю, знаю... это звучит как абракадабра, и я не собираюсь заморачивать тебе голову научными терминами, но мы вот-вот создадим крайне важный «продукт» — настолько значительный, что нас могут наградить премией

конференции Института навигации GNSS, самой престижной в области спутниковой связи. — По голосу аспирантки чувствовалось, что она нервничает все сильнее. — Я понимаю, что непосвященному все это кажется ужасно скучным, но мы с Жеральдом обожаем то, что делаем, — я имею в виду наши исследования. Идея принадлежит ему, он потрясающий руководитель... — Пауза. — Вот почему для нас не имеет значения, праздничный сегодня день или будний... Мне в голову пришла одна идея, я позвонила Жеральду, и он сказал: «Встретимся в институте, сейчас же!»

— Ну да, конечно...

Кристина хорошо поняла смысл сбивчивого монолога Денизы. *«Перестань накручивать себя, милочка: ты все равно ничего не поймешь — ума не хватит, да и образования тоже... Это наш мир — мой и твоего будущего мужа, и он для тебя закрыт. Делай выводы, и поскорее...»*

Мадемуазель Штайнмайер обвела взглядом столики: сколько из присутствующих в зале студентов занимаются настоящей наукой? Она знала, что в космической отрасли трудятся десятки тысяч человек, а кампус Рангёй и местные исследовательские лаборатории берут на работу студентов, специализирующихся на математике, информатике и аэронавтике.

Взгляд Денизы стал обвиняющим.

— Ты все время что-то придумываешь, Кристина. Из-за того, что я красивая, из-за того, что Жеральд высоко меня ценит, из-за того, что между нами пробегает искра... Не знаю, что тебе показалось, но...

Журналистке не понравился тон, которым Дениза произнесла последнюю фразу. Что это за намек на интеллектуальную близость, на своего рода сообщничество между ее будущим мужем и этой... аспиранткой? Интересно, Жеральду случается сравнивать их?

Штайнмайер тревожило и еще кое-что, но она не сразу поняла, что именно. Ну конечно! *Дениза похожа на Мадлен...* Точно. Если б ее сестра не умерла, она стала бы именно такой. Не куколкой, но утонченной красавицей...

Кристина ощутила смятение и... облегчение. Отправляясь сюда, она боялась другого. Чего именно? Неприятного сюрприза, вроде подброшенных в ящик стола таблеток? Признания в любовной связи? Она не знала, но звонок соперницы ее напугал.

— Всё в порядке, Дениза, — произнесла женщина примирительным тоном. — Я ничего не «придумываю», можешь мне поверить. Я знаю, как сильно Жеральд любит свою работу и как высоко ценит тебя. Так что никаких проблем.

«Правда? Ты в этом уверена?»

— Тогда объясни мне вот это, — ледяным тоном произнесла аспирантка и подтолкнула к Кристине листок бумаги.

— Добрый день, — профессионально бодрым тоном сказал подошедший официант. — Хотите что-нибудь заказать?

— Что это? — спросила журналистка, проигнорировав его.

— А ты не видишь? — прошипела ее соперница срывающимся от злости голосом.

Гарсон счел за лучшее испариться, а Кристина прочла распечатку электронного письма:

Дорогая Дениза, не думай, что я не разглядела твой маневр... Оставь в покое моего мужчину. Очень тебе советую.

Подпись: Крис выпускает коготки.

Штайнмайер показалось, что стол и комната закружились в вихре. *Невозможно... Этого просто не может быть...*

Она перечитала мейл. Закрыла глаза. Снова их открыла. *«Все это нереально!»*

— Это написала не я... — начала было оправдываться женщина.

— Брось, Кристина! Кому, кроме нас с тобой, может быть известно, как Жеральд называет тебя, когда ты злишься? — усмехнулась аспирантка.

— Что?! — Ее собеседница покачала головой. — Жеральд так меня называет?

На лице похожей на Мадлен красавицы отразились нетерпение и презрение:

— Не прикидывайся...

— Я действительно не понимаю, Дениза! Я ничего тебе не послала. Когда это пришло?

— Вчера вечером...

Он. Больше никому. Но как ему удалось так много узнать?

— Не морочь мне голову, Кристина! Там твой электронный адрес, — терпеливым тоном профессора, наставляющего особенно тупого студента, сказала Дениза. — Письмо отослали с *твоего* компьютера. Плюс подпись... По-моему, вполне достаточно.

— Ты рассказала Жеральду?

— Не успела.

— И не рассказывай. Пожалуйста...

— Значит, ты признаешь, что сочинила это... этот...

Кристина колебалась. Она могла продолжить все отрицать. Она *должна* была все отрицать. Как ей поступить? Рассказать о моче на коврикe, о звонке в прямой эфир, о походе в полицию и о мерзком послании на ветровом стекле? Журналистка прекрасно понимала, какой эффект возымеют ее слова. Дениза решит, что у нее развивается паранойя, и будет злословить с подружками: *«Бедняжка окончательно рехнулась, ей самое место в психушке... Не понимаю, что в ней находит Жеральд...»*

— Да... — с трудом выговорила Штайнмайер.

Собеседница наградила ее сожалеющим взглядом и удрученно покачала головой: она свои выводы сделала. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Кристина знала, что она думает: *«Вот же черт, нарвалась на умалишенную...»*

— Мне очень нравится Жеральд, — мягким тоном произнесла Дениза, и радиожурналистка прочла в ее зеленых глазах открытый вызов. — Он замечательный человек и потрясающий руководитель. Повторяю: между нами ничего нет, но я его люблю...

«Повторяешься, милочка, я поняла, едем дальше...»

— И потому спрашиваю себя... — аспирантка говорила все медленнее.

— Ну-ну, продолжай...

— Та ли ты женщина, которая ему нужна...

Фраза прозвучала как пощечина.

— Можешь повторить? — приподняла бровь мадемуазель Штайнмайер.

— В любом случае тебе следует показаться психиатру, — не меняя тона, произнесла Дениза, забыв о сдержанности и хороших манерах.

Несколько бесконечно долгих секунд Кристина, не моргая, смотрела на застывшее «стоп-кадром» лицо зеленоглазой стервы, а потом заговорила, мгновенно сорвавшись на крик:

— ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ?!

Сидевшие за соседним столиком студенты обернулись: скандал между двумя красотками обещал бесплатное развлечение.

— КАК ТЫ СМЕЕШЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СО МНОЮ В ПОДОБНОМ ТОНЕ?! — Журналистка произнесла эти слова низким вибрирующим голосом, почти по слогам, и в них было столько неистовой злобы и неконтролируемой агрессии, что ее соперница отшатнулась, словно получив удар в солнечное сплетение. Теперь на них смотрели почти все посетители.

— Извини, это, конечно, не мое дело... — Дениза отстраняющимся жестом подняла руки. — Жеральд — взрослый мальчик, он сам решает, что ему делать со своей жизнью...

«*Дает задний ход, гадина?! Поздно!*» Кристина почувствовала, как к ней возвращается старый верный друг — гнев. И на этот раз она не станет сдерживаться. О нет...

— Ты *чертовски* права — это не твое дело. Пора нам поговорить начистоту. Ты чуточку слишком усердная для *аспирантки*. — Штайнмайер сделала упор на последнем слове. — Чуточку слишком — как бы это сказать, чтобы не обидеть? — *надоедливая*. Улавливаешь мысль?

Она в упор взглянула на Денизу, которая была слишком потрясена, чтобы отвечать.

— Дам тебе совет: в будущем занимайся своими делами... сосредоточься на диссертации. На своей ГРЕБАНОЙ ДИССЕРТАЦИИ. Иначе я попрошу Жеральда передать тебя другому научному руководителю.

С этими словами разгневанная радиоведущая встала и добавила:

— ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ МОЕГО МУЖЧИНЫ!

Направляясь к двери, Кристина прошла мимо столика, за которым сидел коротышка с черными, как угольки, глазами. Он отложил газету, поднес к губам кружку и проводил ее равнодушным взглядом. Росту в

нем было где-то метр шестьдесят пять — маловато для мужчины, над такими вечно подшучивают и подсмеиваются, — но сложен он был хорошо: накачанные мускулы, тонкая талия... Все дело портило его лицо — почти *женское*, с изящным носом, пухлыми губами и высокими скулами. Бритый череп тоже выглядел бы уместней на женских плечах — уж слишком идеальной была его форма. Картину довершало отсутствие бровей и длинные белые ресницы. Контрастировали со странной внешностью только черные глаза, в которых таилась бездна. Взгляд этих глаз никто не назвал бы опасным или пронизательным: он был *пустым*...

На парне были парка цвета хаки и черная толстовка с капюшоном, из-под которой выглядывала серая футболка, так что он ничем не отличался от сидевших вокруг студентов, разве что был на несколько лет старше. Он смотрел в спину Кристине, оценивая взглядом знатока все изгибы и округлости ее тела, а потом глотнул пива, мысленно отметив, что ни один мужчина не последовал его примеру: неприлично лезть в чужие дела! Большинство людей в этой стране поразительно наивны — как ангелы или евнухи. Они ничего не знают о тех, с кем сталкиваются каждый день, им неведомы истинное страдание, пытки, смертельные муки детей... Они не слышат рыданий, которыми полон этот мир, и не представляют себе, как взрывается истерзанный болью мозг... Ни один из них не сидел в подвале, воняющем мочой, дерьмом и потом, где человеку кажется, что время остановилось, и он вдруг понимает — всегда слишком поздно, — что ад существует здесь и сейчас, что его ворота могут открыться в любой момент, а его невидимые слуги ходят по улицам и ездят в метро.

Он вспомнил строки из стихотворения своего соотечественника:

Ледяная вода все темнее,
Все чище смерть, солоней беда,
А земля все первозданней и опасней.

Затем он перевел взгляд на вторую женщину, чертовски красивую и очень бледную. Она смотрела в никуда и нервно покусывала нижнюю губу, а потом встала, резко оттолкнув стул.

Малышка в ярости... Отлично. Все идет, как было задумано. Хотя, на его вкус, все получилось слишком просто. Он не пошел следом за красоткой — его целью была не она, а та, другая, которая привлекла своим криком внимание всех посетителей.

Кристина Штайнмайер. Ему назвали это имя, дали адрес и сообщили множество деталей. Он коснулся рукой ширинки. Его заводила мысль о том, что ей предстоит пережить в ближайшие дни. Эта дрянь понятия не имеет, что ее ждет.

Мужчина получил деньги, а скоро получит и удовольствие — во все времена, при всех режимах для таких как он находилась работа. Для способных и «вдохновенных» практиков. Он умел вырвать признание у любого, любыми средствами и в любых условиях. Как-то раз, очень давно, он пытал одного типа на его собственной кухне в крошечной современной квартире в Амстердаме. Он тогда пришел с пустыми руками, без своих привычных «инструментов», и высоченный белокурый голландец — росту в нем было метр девяносто, не меньше, — снисходительно улыбнулся, увидев его на пороге. Через двадцать секунд великан валялся на полу с раздробленными коленями и подрезанными сухожилиями, а через две минуты сидел на стуле с заклеенным суперпрочным скотчем ртом. Его гость усилил звук стереосистемы, и Иэн Гиллан^[30] во все горло запел «Дитя во времени». Он взял наполненный до краев кофейник — время было утреннее — и вылил обжигающую жидкость на голову своей жертве. Потом придавил обе его ладони к конфоркам, нашел в шкафчике баллончик аэрозоля для чистки плит и пустил струю в глаза блондину. Улыбаться тот перестал очень давно — он пытался попить, и из его глаз текли слезы. Он раз шесть терял сознание, и мучитель приводил его в чувство, обливая ледяной водой. Голландский скупщик краденого оказался твердым орешком — работал на вора в законе, мразь из мрази, одного из законченных ублюдков, — он был нежным и любящим отцом семейства (жена и дети жили в Дельфте). Палач подвесил его за ноги к турнику, закрепленному над дверью ванной: жертва обливалась потом, кровью и мочой и готова была пожертвовать родными, лишь бы все это прекратилось. Сердце блондина колотилось в такт звукам «Король скорости»...

Бритоголовый коротышка с женоподобным лицом допил пиво. Никто на него не смотрел: окружающие сидели, уставившись на

экраны планшетов и смартфонов, они старались не встречаться взглядами и смахивали на зомби. А между тем некоторые детали должны были привлечь их внимание. Бледный шрам на подбородке невысокого человека. Татуировки: первая, на правой стороне шеи, изображала скорбное иконописное лицо Богоматери, вторая, во всю грудь, — Богоматерь с младенцем, купола православных церквей, звезды и черепа... Каждая деталь имела особый смысл. Младенец Иисус означал, что человек впервые сел в тюрьму «по малолетке», Богоматерь символизировала преданность банде, лучи звезд — количество «ходов», звезды на коленях сообщали миру, что он никогда никому не покорится...

Он вспомнил, как в восемнадцать лет пришел в торговый флот. Его корабль, рудовоз «Александр Лужин», курсировал во льдах в устье Енисея, когда погода внезапно переменилась. Спасатели добрались до них только через три дня и три ночи, за едой моряки травили истории о призраках, а вокруг царили арктическая ночь и снежный хаос. Боцман с серьезным видом клялся, что иногда по утрам недосчитывается членов команды, которые услышали зов призрачных созданий, вышли на лед и погибли.

Тогда сидящий в кафе лысый мужчина выглядел совсем по-мальчишески, и на него покусился механик, бородач с огромными ручищами: он подловил юношу в машинном отделении, велел раздеться и встать на колени. Как же он удивился, «прочитав» его историю по татуировкам: «Оказывается, малыш успел не только посидеть в тюрьме, но и убил человека — в восемнадцать лет!» «Настоящие? — с опаской спросил здоровяк, но ответа не дождался — только улыбки — и буркнул: — Ладно, поднимайся...» Это были его последние слова. Короткий трехгранный нож вонзился ему в кость, вспорол гортань и перерезал голосовые связки. Механик выжил, но ничего не рассказал следователю, когда тот допрашивал его в Дудинке, и отказался написать имя обидчика. Он не мог забыть взгляда черных глаз и не имел ни малейшего желания общаться с представителем закона.

Кисти рук и две первые фаланги всех пальцев коротышки тоже были покрыты татуировками. Он взял лежавшую рядом с газетой ручку и начал быстро набрасывать на полях женское лицо. Портрет

женщины лет тридцати. Закончив лицо, он украсил ее лоб венком из колючей проволоки и написал внизу:

Крис выпускает когти.

После этого он закрыл газету и ушел, не оглядываясь.

11. Крещендо

На следующий день Сервас встал в 7.00, когда остальные «постояльцы» еще лежали в теплых постелях. Почти у всех была бессонница, вот они и «добирали» сон по утрам.

Сыщик вошел в пустую столовую, налил себе кофе, взял сливки и сел. Ему нравилось одиночество. Он устал от нытья окружающих и наслаждался тишиной. Все — ну почти все — бывшие полицейские, измотанные беспорядочной жизнью, сломавшиеся и сдавшиеся, любили вспоминать прошлое, и Мартен, попав в этот, с позволения сказать, «оздоровительный центр», тоже погрузился в теплые воды ностальгии.

— Как насчет горячего круассана?

В дверях стояла Элиза. Сервас улыбнулся. Иногда ему казалось, что эта женщина — единственный нормальный человек в здешней богадельне. Маленький темноволосый мальчик устроился за соседним столиком и достал из ранца альбом с фломастерами. Элиза поставила перед майором тарелку, села напротив и заговорила:

— Уже на ногах?

— У меня дела в городе, — ответил сыщик и откусил половину вкуснейшего круассана.

Женщина бросила на него изумленно-довольный взгляд и попросила:

— Ну-ка повторите. Я плохо расслышала.

Он соскреб снег с ветрового стекла, плеснул на него горячей водой, протер, включил печку и аккуратно выехал со стоянки. Резкий ветер сдувал на асфальт снег с окрестных полей, но никто, конечно, не подумал прислать сюда хоть одну машину и посыпать дорогу солью. Сервас добрался до шоссе А66, свернул на А61 и въехал в Тулузу с восточной стороны.

Его мысли были заняты Гиртманом. Прокурором Женевы, своим ночным кошмаром, похитителем Марианны. В моменты просветления он говорил себе, что больше никогда о нем не услышит, что Гиртман наверняка сдох где-нибудь в трущобах Латинской Америки или Азии, что ему нужно сделать одно — забыть негодяя. Или хотя бы

притвориться, что забыл. Днем это худо-бедно удавалось, но с приближением вечера, когда свет покидал самые дальние уголки мозга, Мартен попадал в ловушку мрачных мыслей и его душа стонала от ужаса. В былые времена, раскрыв особо тяжкое преступление, он возвращался домой, слушал любимого Малера (лучший антидот против мира теней), и все становилось на свои места. Но швейцарец отнял у него волшебное лекарство. Как и Сервас, он был страстным почитателем австрийского гения. Когда в больничной палате Института Варнье зазвучала музыка Малера, оба, преступник и полицейский, мгновенно поняли, что похожи. Майор не забыл, какое впечатление произвел на него тот высокий исхудавший человек с прозрачной кожей. Гиртман поднял глаза, и сыщик вздрогнул, как от удара током. Ровно через секунду негодяй «прочел» его — расшифровал, разгадал. Сервас редко чувствовал себя таким беспомощным, «раздетым».

Он получил открытку от Ирен Циглер из Нью-Дели — теперь она служила в Департаменте международного сотрудничества, ответственного за внутреннюю безопасность. Двести пятьдесят полицейских и жандармов были приписаны к девятистам трем посольствам и занимались предупреждением разного рода угроз: терроризма, киберпреступности, торговли наркотиками... Ирен написала всего две фразы:

Ты все еще думаешь о нем? Я — да.

Иногда Мартена посещала дикая мысль: возможно, Циглер приняла назначение в тайной надежде отыскать след швейцарца. Сервас не сомневался, что Ирен использует все имеющиеся в ее распоряжении средства — информационные базы и логистику, — чтобы добиться своей цели; ведь именно так она действовала, когда ее в качестве наказания перевели служить в сельскую бригаду. Но легче было бы вычерпать океан ложкой...

Добравшись до города, Мартен отправился к парку Гран-Рон, а оттуда — к Капитолию. Асфальт тротуаров и мостовых был занесен порошей, а на крышах машин лежали пухлые белые подушки снега. Сервас оставил машину на подземной стоянке и пересек площадь, чтобы выпить кофе в кафе напротив Ратуши. Усевшись за столик, где

лежала чья-то газета, он увидел обведенную ручкой статью и от нечего делать прочел ее, потягивая ароматный напиток. Спутник «Плеяды 1 Б» прислал в Космический центр Тулузы первые снимки. В статье говорилось, что спутник был запущен 2 декабря в 2 часа 02 минуты с космодрома Куру в Гайане ракетой-носителем «Союз» по договору Информационно-технологического сопровождения. На первых снимках были запечатлены Париж, остров Бора-Бора, авиабаза ВВС США «Девис-Монтен» в Тусоне, штат Аризона, и пирамиды Гизы, Сервас решил, что человек, отчеркнувший статью, наверняка принадлежит к многотысячному отряду военных и гражданских сотрудников космической отрасли.

В 9.30 он покинул уютный зальчик и пошел через превратившуюся в каток площадь Капитолия. Фён^[31] «потрошил» облака, и свежий сухой снег припудривал фасады домов из розового кирпича. Тулуза еще не знала подобной зимы. Снежинки порхали над тихими улицами, возвращая людям атмосферу детства. «Можно подумать, мы в Квебеке...» — пришло в голову Мартену. К счастью, галерея Шарлен Эсперандье находилась в двух шагах от центра города, на углу улиц де ла Пом и Сен-Панталеон. Стеклопакеты с шипением разъехались в стороны, и полицейский прошел внутрь, оставляя грязные следы на светлом паркете. Внизу никого не было, яркие лампы освещали голые стены, а на полу стояли большие картонные коробки. «Наверное, привезли экспонаты для будущей выставки...»

Сервас направился к витой металлической лестнице, которая вела на антресоли, и тут услышал звук шагов. Сначала он увидел высокие бордовые сапоги на шпильке, стройные ноги в джинсах в обтяжку и серую куртку, а потом появилось прелестное лицо в обрамлении рыжих волос.

— Мартен? — Шарлен было около сорока, но дать ей можно было лет на десять меньше. — Что ты здесь делаешь?

— Приобщаюсь к современному искусству.

— Хорошо выглядишь, — улыбнулась мадам Эсперандье. — Гораздо лучше, чем в последний раз... В том мрачном месте ты смахивал на зомби.

— Вернулся из царства мертвых, — пошутил Сервас.

— Да нет. Правда лучше, — повторила женщина, как будто хотела убедить себя, а не его.

— *Non venit ad duros pallida Cura toros...* [32]

— Вижу, своих любимых латинских авторов ты не забыл. Это... — Шарлен обняла его, крепко сжала руку изящными тонкими пальцами, — очень хорошая новость.

Ее прохладная с мороза щека задержалась у щеки майора чуть дольше положенного, и он успел почувствовать запах ее волос и легкий аромат духов. До чего же она хороша...

— Ты все еще торчишь в санатории или вернулся домой? — спросила женщина.

— Меня там кормят, поят и обстирывают — поди плохо, — хмыкнул Сервас.

— Я очень рада. Рада тебя видеть, Мартен. Рада тебя видеть таким. Но это ведь не визит вежливости, я права?

— Права...

Шарлен повесила куртку на плечики, повернулась и направилась в свой кабинет, устроенный в дальнем конце зала, выгнутого дугой над галереей.

— Тебе что-нибудь говорит фамилия Яблонка? — спросил ее гость. — Селия Яблонка...

Хозяйка галереи повернула голову, и сыщик залюбовался ее изящным профилем и точеной шеей под завитками рыжих волос.

— Это художница, покончившая с собой в прошлом году. Я выставляла ее работы. — Шарлен посмотрела Сервасу в глаза. — Тебе не надоело проявлять интерес только и исключительно к мертвецам?

Мужчина счел за лучшее не заметить подтекст ее вопроса, но на мгновение боль дала о себе знать.

Он не готов...

Сервасу хотелось верить, что он оставил все свои тревоги и страхи за порогом санатория, но усталость и сомнения шли за ним по пятам.

— Расскажи мне о Селии, — попросил он. — Какой она была? Тебе не казалось, что у нее... депрессия?

— Селия была невероятно талантливой, забавной и... дерзкой.

Эсперандье подошла к стеллажу (другой мебели в огромном зале не было), сняла с полки толстый, роскошно изданный каталог и

протянула его Мартену:

— Вот взгляни.

Название на обложке гласило: «Селия Яблонка и отсутствующее искусство». Шарлен начала листать глянцевые страницы. Фотографии бездомных. Африканская семья — пять человек, уютящиеся на десяти квадратных метрах. Санитары «Скорой помощи» кладут на носилки замерзшего насмерть человека. Бродячая собака. Чумазый ребенок роется в помойке. Мальчик просит милостыню в метро... И тут же следом — сверкающие витрины супермаркетов, дразнящие взгляд жратвой, навороченной техникой, игрушками, одеждой («Скидки на все!») и новенькими автомобилями, очереди в кинотеатры, заполненные посетителями залы ресторанов быстрого питания, залы игровых автоматов, переполненные мусорные баки, гниющие свалки, печи для сжигания отходов... Послание автора миру, не требующее разъяснений, ясное и недвусмысленное.

— В ее работах нет ни малейшей изысканности, никаких тонкостей или ухищрений, — стала объяснять Эсперандье. — Она сознательно исключала эстетическую и катарсическую функции искусства, хотела, чтобы ее «месседж» был понятен всем.

Сервас поморщился — рассуждения о художественном стиле Селии Яблонки были ему неинтересны. Сам он вообще предпочитал готику.

— Где сделаны эти фотографии? — спросил он свою приятельницу.

— На улице. И в сквоте. Часть работ там и экспонировалась. Селии было недостаточно, чтобы посетители просто смотрели на снимки, она хотела, чтобы они *оказывались внутри*, и придумала звуковое сопровождение. Механический голос приглашал их посетить сквот и увидеть завершение экспозиции. Чтобы облегчить задачу, она расклеила небольшие афишки на всем пути следования.

— И что, получилось?

Шарлен поморщилась:

— Не так чтобы очень... Несколько смельчаков «прошли путь до конца», но завсегдатаев моей галереи — увы — жизнь отверженных не интересует.

Мартен кивнул. Он знал, что жена его коллеги не питает иллюзий о посетителях художественных выставок в частности и о мире

современного искусства в целом. Она много рассказывала ему о том, как с помощью миллионов долларов и евро надувается пузырь спекуляций, как сговариваются торговцы искусством, галеристы и аукционисты, чтобы «создать репутацию» тому или другому художнику и вынудить музеи и частных коллекционеров платить втридорога за вполне рядовые произведения. В любой другой области за подобные «фокусы» сажают в тюрьму.

— Не уверена, что в моем лице ты нашел самый надежный источник информации... — сожалеющим тоном произнесла Шарлен. — Я не слишком хорошо знала Селию, хотя, пока шла выставка, мы много общались, и... Знаешь, что странно: сначала она была полна жизни, а потом вдруг изменилась — помрачнела, стала дерганой, затравленной, так что, честно говоря, ее самоубийство меня не удивило.

Сервас мгновенно насторожился... Сама по себе эта информация подтверждала версию суицида, но в словах собеседницы ему померещился некий диссонирующий звук. Или он себя накручивает? Хочет во что бы то ни стало выискать деталь, за которую можно будет зацепиться, доказать, что следователи проморгали главное? Ничто не подкрепляло эту гипотезу — кроме ключа от гостиничного номера...

— Говоришь, она менялась все то время, что вы общались? — уточнил полицейский.

— Именно так.

— Как долго это продолжалось?

— Мы познакомились месяцев за девять до ее гибели...

— Какой она тогда была?

Шарлен задумалась.

— Очень энергичной, полной энтузиазма. Строила планы, выдавала десять идей в минуту! А в конце еле ноги таскала. Стала безразличной и жутко рассеянной... Напоминала привидение.

«Что произошло? — спросил себя Мартен. — Селия Яблонка впала в тяжелейшую депрессию всего за несколько месяцев. Такое случилось с ней впервые или это был рецидив?»

— У тебя есть адрес сквота? — спросил он.

— Почему ты заинтересовался этим делом?

Сервас и сам не знал, что ищет. Дело о самоубийстве Яблонки давно закрыто и не входит в юрисдикцию уголовной полиции.

— Позавчера мне в ящик бросили вот это. — Он показал приятельнице электронную карточку.

— Что это такое? — не поняла она.

— Ключ от номера, где умерла Селия Яблонка.

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Понятия не имею.

Сервас прочел в глазах женщины недоумение и вздохнул:

— Ты не находишь, что все это как-то непонятно и... неприятно?

Он остановился у ворот с табличкой «Общественный центр самоуправления. Прошения, взаимопомощь, самоуправление». Окна первого этажа были заложены кирпичом. Знававший лучшие времена фасад украшали граффити и многоцветная фреска, изображавшая корабль с беженцами, попавший в жестокий шторм, решетки с колючей проволокой, яркие прожектора, охранников с собаками, судей в мантиях, вооруженных револьверами спецназовцев, полицейских с занесенными для удара дубинками, детей, играющих в футбол среди развалин...

Сервас вошел во двор с растрескавшимся асфальтом, сквозь который проросла трава, и направился к подъезду. У крыльца были припаркованы машины, а недалеко от них стояло несколько велосипедов. Войдя в застекленную дверь, он понял, что в доме бурлит жизнь. На вешалке висели пальто, а к желтым стенам были приколоты детские рисунки и самодельные плакаты: «Полиция контролирует. Суд сажает», «Долой высылку из страны! Общество должно защищать себя, а люди — бороться за свои права!», «Они не заставят нас молчать!», «Подними на смех мэра!»

«Да уж, атмосфера в нашей стране предгрозовая, — подумал Мартен. — Безропотное смирение одних, глухое недовольство других, и последних становится все больше...»

Со второго этажа доносились вопли ребятишек и раздраженные голоса матерей.

За спиной раздался женский голос:

— Я могу вам помочь?

Сервас повернулся, ожидая увидеть девчонку с косичками-дремами в вязаной шапочке и с «косячком» в зубах, но перед ним

стояла женщина в джинсах и свитере, со строгим пучком волос и в круглых очках.

— Я хотел бы видеть директора центра, — ответил Мартен.

— Директора? А вы...

Сервас показал удостоверение, и ему показалось, что женщина беззастенчиво поморщилась:

— Что вам нужно? Неужели недостаточно того, что...

— Я расследую смерть Селии Яблонки, художницы, которая здесь выставлялась. Дела сквота меня не интересуют.

— Это не сквот. Мы даем приют людям, которым негде жить...

— Конечно...

— У нас общественный центр. Мы пытаемся, по мере наших скромных сил, исправлять упущения властей...

— Понятно.

— Центр может дать приют двадцати пяти семьям. Мы оказываем им финансовую и юридическую помощь, учим читать и писать на французском. Здесь есть компьютерный класс, мастерские, столовая, ясли...

— Очень интересно.

— Мы делаем все, чтобы они не чувствовали себя изолированными от общества, объясняем, как противостоять враждебному миру французского правосудия, как не бояться легавых, — последнее слово собеседница майора произнесла по слогам, — тюремщиков и судей... Это — не сквот...

— Я понял.

— Ждите здесь.

Женщина пошла к лестнице. Маленький темнокожий мальчик на трехколесном велосипеде выехал из-за угла, остановился рядом с Сервасом и уставился на него большими круглыми глазами. «Привет», — сказал Мартен, но ответа не дождался. Минут через пять на лестнице раздались шаги. К полицейскому направлялся высоченный и очень худой мужчина с изрезанным глубокими морщинами лицом. Несмотря на эти морщины, он выглядел удивительно молодо и был очень хорош собой: большие светлые глаза, нос с горбинкой, открытая улыбка...

— Хотите взглянуть? — обратился он к сыщику.

Тот уловил в его взгляде веселый вызов. «Этот тип гордится своей миссией...» — подумал Мартен и почувствовал внезапную симпатию к человеку, уверенному в истинности избранного пути. Он не смирился, не стал циником, не устал сражаться.

— С удовольствием, — согласился полицейский.

Час спустя они осмотрели мастерские — в одной ремонтировали велосипеды, а в другой обучали шелкографии. Сервас ожидал встретить в центре незаконных эмигрантов из Африки, но увидел беженцев из Грузии и Ирака, впавших в нищету работяг, безработных, студентов и супружескую чету молодых элегантных шриланкийцев, говорящих на тягучем английском. А еще детей в добротной зимней одежде, собиравшихся в школу.

— Все, что вы видели, может быть похоронено в самое ближайшее время, — сказал директор центра, садясь в старое продавленное кожаное кресло у выходящего во двор окна, когда они закончили осмотр.

Майор устроился в другом кресле напротив него. Ему было хорошо известно, что нелегалов отлавливают и высылают на родину в любое время года и даже перед Рождеством.

— Итак, вы пришли из-за Селии? — вспомнил его собеседник.

Дылда с лицом юноши смотрел на сыщика без враждебности, но его пристальный взгляд смущал Серваса. Этот человек был проницателен и явно очень умен.

— Да, — подтвердил полицейский.

— Что вы хотите узнать? Я думал, дело закрыто...

— Верно.

На лице директора отразилось недоумение.

— Я пытаюсь понять, какие обстоятельства довели Селию Яблонку до самоубийства, — пояснил его гость.

— Зачем? С каких это пор полицию волнуют подобные проблемы?

Умный вопрос.

— Скажем так: остались непроясненные моменты...

Сервас, само собой разумеется, не собирался признаваться, что заинтересовался давней историей после того, как получил по почте электронный ключ от номера люкс. И в том, что это не главная причина, а главная заключается в том, что ему нечем себя занять...

— Что вы называете «непроясненными моментами»? — уточнил директор.

— Расскажите мне о ней, — попросил Мартен, проигнорировав этот вопрос. — Как долго вы общались? Вам не показалось, что ее поведение внезапно изменилось?

— Я об этом не думал, но теперь, когда вы спросили... — Его собеседник достал из кармана брюк пачку коротких сигарилл, зажал одну в зубах и предложил Сервасу: — Хотите? Нет? Ну и правильно. А я вот обожаю эту дрянь...

Он чиркнул спичкой и поднес ее к сигарилле — так, чтобы пламя едва касалось ее. Затем покрутил сигариллу в узловатых пальцах, чтобы та прогрелась, и сделал несколько затяжек:

— Ммм...

Он открыл окно, и ледяной ветер зашвырнул в комнату несколько мохнатых хлопьев снега. Сыщик поежился — он не любил холод, и ему не нравился терпкий запах дыма, а вот его собеседник словно бы и не заметил перемены температуры.

— Она действительно изменилась, я бы сказал — потеряла голову. — Директор выдохнул дым, посмотрел на полицейского в упор и добавил, чеканя слова: — Она просто-напросто сошла с ума.

Серваса кинуло в жар.

— Селии казалось, что ее кто-то преследует, она едва справлялась с приступами паранойи, говорила, что за нею следят, шпионят, что ей хотят причинить вред... Она перестала доверять даже сотрудникам центра, и я не стал исключением. — В голосе директора прозвучала подлинная печаль. — Сначала я не придавал значения переменам в ее поведении, хоть и замечал, что она иногда ведет себя странно, что бывает нервной и беспокойной... Но я относил это на счет волнения из-за выставки. Успех был очень важен для Селии, она работала день и ночь, но ее психологическое состояние ухудшалось, в ней проявлялись враждебность и подозрительность. Она не просто перестала доверять мне, но еще и обвинила меня в кознях. Малейшее отклонение от привычного порядка вещей мгновенно выбивало ее из колеи. Думаю, временами ей казалось, что весь мир ополчился против нее.

Мартен слушал, и его пробирала дрожь. Не от холода — от охотничьего азарта.

— Однажды произошел досадный инцидент, — продолжал руководитель центра. — Селия провела вторую половину дня в мастерской, с ребятами, она много фотографировала, выглядела довольной и расслабленной, а потом вдруг заметила чей-то силуэт во дворе у ворот. Это был мужчина с фотоаппаратом. Селия начала что-то бессвязно выкрикивать, едва не разрыдалась, а потом позвала на помощь двух добровольцев и пошла выяснять отношения. Она сорвалась — оскорбляла того человека, ударила его, попыталась отнять фотоаппарат...

Наверху зазвучала цыганская скрипка.

— Тот тип оказался журналистом местной газеты. Его послали сделать репортаж о нашем доме-убежище, так что уладить недоразумение было очень непросто... — Директор вздохнул. — Я попросил Селию уйти и не возвращаться — мы с трудом находим общий язык с прессой, нам очень важно, чтобы люди понимали, чем мы занимаемся, чего хотим добиться для живущих здесь семей, так что, сами понимаете... Потом я пожалел, что не попытался объясниться с Селией, но, как говорится, сделанного не воротишь.

— Вы знаете, чего именно она боялась? — спросил Мартен.

На улице загудела машина.

— Не чего — *кого*. Незадолго до смерти она заявила, что кто-то желает ей зла, хочет разрушить ее жизнь... — Собеседник сыщика выдержал паузу, а потом продолжил: — Мсье... как, вы сказали, вас зовут? Сервас? Так вот, мсье Сервас, позвольте задать вам вопрос.

Его серые глаза смотрели пристально и недоверчиво.

— Конечно, спрашивайте, — кивнул полицейский.

— Почему вы заинтересовались Селией именно сейчас, год спустя? Что, дело снова открыли? Честно говоря, все это выглядит несколько... *странно*. — Он стряхнул пепел в окно. — Если не ошибаюсь, ваш визит носит скорее неофициальный характер?

— Угадали, — не стал отпираться майор.

— Вы были знакомы с Селией Яблонкой?

— Нет.

— Знали кого-то из ее друзей или родственников? *Кто* попросил вас прийти сюда?

— Мне жаль, но на этот вопрос я ответить не могу.

— Из какого вы отдела? Год назад я вас среди следователей не видел.

— Я работаю в Департаменте криминальной полиции.

Директор нахмурился:

— С каких пор уголовка занимается самоубийствами? Возможно, Селия не покончила с собой, и это было...

— У нас нет ни малейших сомнений в том, что она убила себя.

— Ладно. Примем за данность... Но тогда история выглядит еще более странной, — прокомментировал тощий верзила, выпустив колечко дыма под потолок. — Не обижайтесь, но вы и сами выглядите неважно.

Сервас вернулся в пансионат около пяти. На город опускались зимние сумерки, на улице было неуютно, а в окнах горел свет, и дом навевал ощущение тепла и покоя, что было особенно необходимо большинству его обитателей.

Сыщик заглушил мотор и бросил взгляд на свою трясущуюся руку. «Проклятые сигариллы...» — подумал он и пошел по присыпанной снегом гравиевой дорожке к входу. Из большой гостиной доносились голоса — время ужина еще не наступило. В здешнем заведении тоже имелись мастерские: театральная, мастерская игры в белот, мастерская сплетен, мастерская жалоб, мастерская воспоминаний...

Мужчина поднялся в свою комнату под крышей, перескакивая через две ступеньки, отпер дверь и сразу зажег лампу на столе — потолочный плафон давал мало света. Включив компьютер, он кликнул на иконку с портретом Густава Малера в углу экрана, и из колонок полились звуки — плавные, чистые, прозрачные, напоминающие ледяную капель. Музыка навевала чувство умиротворения. Романс «Я шел веселый». Фортепианная версия в исполнении самого Малера была записана на валики в 1890 году, позже была сделана перезапись этой вещи, а потом ее оцифровали. Пальцы великого музыканта легко касались клавиш «Стейнвея», извлекая из инструмента невесомые, как крылья бабочки, ноты, которые остались в веках, чтобы Сервас мог наслаждаться ими сегодня.

«Иногда передовые технологии действительно творят чудеса, — подумал он, — пусть даже в них есть нечто дьявольское». Полицейский взглянул на часы — 17.16 — и достал телефон.

— Привет, Мартен... — услышал он знакомый голос.

Это был Дегранж, инспектор Службы общественной безопасности, прямой, честный, наделенный от природы чутьем, которому мог бы позавидовать самый породистый блаухаунд. Прежде чем перейти в уголовную полицию, Сервас был его напарником и полностью ему доверял.

— Сколько лет, сколько зим... — протянул Дегранж. Ему была известна история с «польской коробкой», но сдержанность и чувство такта не позволяли ему упомянуть об этом впрямую.

— Я в отпуске по болезни, — ответил Сервас.

Без комментариев...

Затем Мартен из вежливости поинтересовался, как поживают дочери Дегранжа. Обе были немислимыми красотками, росли не по дням, а по часам и вызывали восхищение у всех окружающих.

— Ты вряд ли звонишь, чтобы поболтать о моих девочках, Мартен, я угадал? — спросил наконец инспектор.

Сервас решил не темнить:

— Имя Селия Яблонка тебе что-нибудь говорит?

— Девушка, перерезавшая себе горло в отеле «Томас Вильсон»? Конечно.

— Я хочу посмотреть то дело...

— Зачем?

Прямо и без обиняков. Майор знал, что его бывший коллега ждет такого же прямого ответа, и предпочел сказать правду:

— Кто-то прислал мне ключ от номера, где она умерла.

Пауза.

— Есть идеи насчет личности «дарителя»? — уточнил наконец Дегранж.

— Ни одной.

Еще одна пауза.

— Ключ, говоришь? — снова подал голос инспектор.

— Да.

— Ты доложил начальству?

— Нет.

— Черт бы тебя побрал, Мартен! Ты же не собираешься снова открыть это дело и вести его в одиночку?

— Я всего лишь хочу прояснить кое-какие детали. Если что-нибудь раскопаю, сообщу Венсану и Самире. Нужно проверить факты.

— Какие?

— Что?

— Какие факты?

Сервас ответил с секундной задержкой:

— Вообще-то я хочу найти того или ту, кто прислал мне ключ, и думаю, что ответ может быть в этом деле.

Дегранж промолчал, и Мартен понял, что тот размышляет.

— Мда... Логично. До некоторой степени... — признал в конце концов его бывший коллега. — А ты не задал себе другой вопрос?

— Какой?

— Почему выбрали именно тебя? Ты ведь не имел отношения к тому расследованию. Подобные дела не в твоей юрисдикции, но этот... назовем его некто — точно знал, где тебя найти. По-моему, газеты не информируют публику о впавших в депрессию легавых. Не находишь, что это несколько... *странно*?

Итак, Дегранж в курсе. Как и большинство тулузских полицейских... Сервас понимал, как сильно это обстоятельство затруднит его возвращение на службу.

— Именно поэтому я и хочу посмотреть дело. Судя по всему, мистер Икс знает обо мне не меньше, чем об этом деле, — объяснил он.

— Что совсем неудивительно — газеты освещали твои расследования в Сен-Мартене и Марсаке. Если бы я искал компетентного сыщика, то тоже выбрал бы тебя. Посмотрим, что можно сделать. Перезвони мне завтра. Пообедаем. Поговорим о старых добрых временах... Я помню, как ты появился у нас. Молодой лейтенант на старой тачке. Ты поставил машину на стоянку и пошел перекусить, а когда вернулся, обнаружил, что тебя ограбили — взяли все, даже трусы! Это было твое первое назначение, и первое, что ты сделал, — подал жалобу!

Сервас ухмыльнулся.

Около шести вечера Кристина набрала код домофона, толкнула тяжелую входную дверь и поспешила зажечь свет в холле. Стук каблучков по кафельным плиткам эхом отозвался у нее в голове. Она достала ключи, чтобы открыть почтовый ящик, и невольно задержала дыхание. *«Слава богу, пусто...»*

Затем женщина вызвала лифт, и кабина поехала вниз, трясясь и раскачиваясь в огражденной сеткой шахте — провода разматывались, как свисающие с деревьев змеи. Наконец дверь с сухим щелчком открылась, журналистка вошла в тесную кабину и нажала на кнопку третьего этажа. В какой-то момент ей показалось, что это тюремная камера. У нее с самого утра щемило сердце, и теперь оно вдруг забилося сильнее. Странно, день выдался спокойный... Наконец-то спокойный. Неприятная стычка с Денизой почти забылась, жизнь вошла в нормальную колею. Кристина надеялась, что неизвестный получил, что хотел — запугал ее до ужаса, — и теперь успокоится, но она понимала, что обманывает себя. Этот тип знает о ней то, чего не может знать, значит... *«Боже, пусть это прекратится! Ну что ему стоит взяться за кого-нибудь другого?»* Желание, конечно, было подленьким, но таким понятным!

Кабина в последний раз вздрогнула и остановилась. Мадемуазель Штайнмайер вышла на площадку и прислушалась. Никаких подозрительных звуков — только классическая мелодия доносится из какой-то квартиры. Женщина нащупала новые ключи на дне сумки, шагнула к двери.

И застыла с вытянутой рукой.

Опера...

Звук шел из ее квартиры...

Кристина готова была развернуться и сбежать, но справилась со страхом, отперла замок и остановилась на пороге: музыка играла в гостиной, ее стереосистема была включена... Женский голос набирал силу, пели скрипки. *Сопрано...*

Хозяйка зажгла свет и осторожно двинулась вперед, оставив входную дверь открытой. Комната была пуста, но на журнальном столике лежал CD-диск. Журналистка точно знала, что утром его там не было. Она ненавидела оперу и не покупала классические записи.

Медленный вдох. Шаг. Остановка. «Тоска» Пуччини. И на радио ей тоже прислали диск. Значит, это не ошибка...

Это часть плана.

Кошмар — снова...

Первая мысль — «Он еще в квартире!» — заставила сердце Штайнмайер бешено колотиться. Она кинулась в кухню, рванула на себя верхний ящик, схватила самый большой нож и заорала:

— Покажись, придурок! Давай, покажись!!!

Кристина кричала, чтобы подбодрить себя и попробовать напугать непрошеного гостя. Но ответа она не дождалась — только певица брала все более высокие ноты. Женщина убавила звук до минимума и в наступившей тишине услышала стук собственного сердца. Она переходила из одной комнаты в другую, держа перед собою нож, дрожавший, как рамка в руках лозоходца.

Зимний день клонился к вечеру, и в квартире царил серый сумрак. Нажимая на кнопку очередного выключателя, Кристина напрягалась в ожидании нападения.

«Где ты, сволочь? Кто ты?»

Из какой дыры ты выполз, чтобы портить мне жизнь?

И откуда ты знаешь обо мне то, что знаешь?»

А он ее знал. Отлично знал. И сумел попасть в квартиру — несмотря на новые замки. Неужели тот молодой слесарь участвует в заговоре?

«У тебя паранойя, старушка!»

Журналистка вспомнила, что торопилась на встречу с Денизой и попросила парня оставить новые ключи в почтовом ящике. Идиотина! Она вернулась к двери и закрыла задвижку, чего не сделала — просто не могла! — в тот день. Мастер тогда сказал: «Можете поставить любые замки — опытный грабитель все равно их откроет. Единственная гарантия — засов. Он обеспечивает безопасность, когда вы в квартире...»

Толкнув ногой дверь в туалет, хозяйка содрогнулась от омерзения: кто-то воспользовался унитазом и не спустил воду — в желтой луже нагло плавал окурок. Она поспешно дернула за цепочку. Ее затошнило, но не вырвало.

Лицо женщины было мокрым от пота.

Пусто. Квартира пуста...

И новая мысль — как удар кулаком в поддых: *«Игги... Его нет...»*

— Игги? Игги! Игги! Ответь, прошу тебя! ИГГГИ-И-И-И-И!!!

Крик заполнил собой тишину квартиры и швырнул Кристине в лицо ее собственный страх, как тугой мячик для игры в сквош. Она рывком открывала дверцы шкафов, выбрасывала на пол ящики, как будто изверг мог запихнуть песика в один из них!

«Сволочь проклятая, ты сдохнешь, если тронул мою собаку хоть пальцем!»

Шлюзы открылись, и она почувствовала на губах соленый вкус слез.

— Мерзкая тварь... — всхлипывая, бормотала Штайнмайер. — Пропади ты пропадом! Убью тебя, скотина...

Она шваркнула кулаком по двери, повернулась и растерянно огляделась, понимая, что обыскала все, что могла, — даже обувные коробки. Она везде посмотрела. Под мойкой, в мешке для мусора... Но не в *холодильнике*. Огромный металлизированный агрегат с синими цифрами в верхнем углу дверцы: 2 °С –20 °С.

«О нет, нет, нет, только не это... Боженька, миленький, обещаю каждый день выгуливать Игги, ему больше никогда не придется писать в лоток! Только не в холодильнике, умоляю!» Кристина сделала глубокий вдох, обогнула стойку и взялась за ручку. Закрыла глаза и потянула, преодолевая сопротивление магнитного замка.

Подняла веки.

Легкие ее наполнились воздухом, и волна облегчения разлилась по всему телу. На полках стояли баночки йогуртов и фруктовых десертов без сахара, две бутылки обезжиренного молока, легкое масло, сыры от Ксавье, бутылка белого вина, несколько бутылок «Кока-колы», коробка ризотто с белыми грибами из итальянской бакалеи, готовые блюда для микроволновки... А в ящиках лежали помидоры, редиска, яблоки, манго и киви.

Оставалось проверить морозилку. Хозяйка медленно открыла дверцу...

Полки были заполнены продуктами, которые она недавно заказала по Интернету.

Ничего другого. Никаких «посторонних»... предметов.

Игги исчез. Нужно признать очевидный факт. *Собаки в квартире нет*. Кристина кинулась в прихожую, открыла дверь, начала звать своего любимца и, не дождавшись ответа, вернулась в комнату. Ее

взгляд упал на лоток с сухой газетной бумагой, и что-то внутри нее сломалось, как будто лопнула невидимая пружина. Она сползла по стене на пол, сморщилась и разрыдалась, как не рыдала с того дня, когда вскоре после пасхальных каникул вернулась домой из коллежа де ла Тест. Кристине было тринадцать, ее семья жила у моря, в доме на дюнах, и ее отец трижды в неделю ездил в Париж на запись передачи (потом он перешел на преподавательскую работу). Вокруг дома росли вековые сосны, там властвовали ветер и песок. Дюны надвигались на лес и сады, лес отвоевывал права у велосипедных дорожек, океан без устали трудился над очертаниями пляжа и песчаных банок — все было зыбким, эфемерным, непостоянным... В тот день над морем собиралась гроза, гремел гром, и Кристина изо всех сил крутила педали велосипеда, чтобы успеть домой до дождя. Она торопилась, зная, как опасно оказаться во время грозы под деревьями, но дело было не только в этом. Девочка жаждала сообщить родителям, что получила высший балл за сочинение, и не поняла, чем они так опечалены, почему отец обнял ее так крепко, что едва не задушил, почему у матери такое... неузнаваемое лицо. (Много позже, вспоминая это лицо, Кристина поняла, что оно было похоже на маску японского драматического театра Но.) Потом отец, с трудом сдерживая слезы, сообщил ей, что с Мадлен случилось ужасное несчастье, и она заметила в его глазах отблеск безумия и инстинктивно поняла, что больше никогда не увидит сестру. Кристине тогда показалось, что она не справится с горем. Такое горе разрывает человека пополам, внушает желание умереть.

«Так же было в тот раз, когда...»

Нет, сейчас она не может об этом думать...»

Штайнмайер плакала. Сидела, повесив голову и обхватив колени руками, и плакала.

Ее сознание мутилось. Проглоченное сорок минут назад снотворное начало действовать: его молекулы растекались по крови, прокладывая дорогу к мозгу. Веки отяжелели, голова стала тяжелой, страх постепенно отступал... Она ужасно устала, она была на грани срыва, но теперь печаль и ужас опустошили ее — остались лишь апатия и оцепенение.

В химическом тумане, отделяющем явь от сна, плавали странные многоцветные, как аквариумные рыбки, образы. Мысли путались, психоделические видения сменяли одно другое. В какой-то момент Кристина окончательно утратила представление о времени и пространстве и увидела Игги — он лизал ей лицо, смотрел в глаза, а морда у него была огромная, как у коровы...

Перед тем как погрузиться в небытие, она последний раз нажала на кнопку телефона.

Чтобы связаться с Жеральдом.

И снова автоответчик!

На короткое мгновение ужас отогнал сон. Почему он не отвечает? *«Да потому, что он с Денизой, — ответил злобный внутренний голос (он тоже говорил заплетающимся языком под действием химического гипноза). — Потому что он прямо сейчас трахает эту мерзавку, вот и не может ответить, дорогуша...»* Спазм в желудке... Нет, «Стилнокс» сильнее, сон ватными пальцами ласкает мозг.

Полиция.

Нужно позвонить в полицию. Ей грозит опасность. Но что сказать? «Вот как, теперь у вас исчезла собака?» Женщина знала, как они отреагируют после случая с письмом. *«Ты совсем обезумела... Тебе самое место в дурдоме...»* Из груди мадемуазель Штайнмайер вырвалось последнее рыдание, больше похожее на икоту, и она наконец ощутила покой. Гребаный фармацевтический покой — но все-таки покой...

Вот и последняя мысль: *«Ты заперла дверь?»* Журналистка нахмурилась, пытаясь сосредоточиться. Да. Да — она точно это сделала. Кажется, даже придвинула что-то из мебели и подперла ручку. Это было наяву или она только собиралась? Черт его знает... Какая разница... Кристина положила телефон на тумбочку, зевнула и уронила голову на подушку.

Закрыла глаза.

Занавес опустился.

12. Поучение мрака

Из глубин ночи и сна доносятся голоса, которые мы предпочли бы никогда не слышать. Они подобны отзвукам страхов нашего детства, когда родители гасили свет, закрывали дверь, и любой предмет, каждая вещь в комнате, какой бы формы они ни были, могли превратиться в страшное чудовище. Тогда мы лежали в постели, этой спасательной лодке на волнах мрака, и осознавали собственную малость и уязвимость. Эти голоса напоминают, что смерть — часть жизни, а небытие всегда рядом. Что все стены, которые мы воздвигаем вокруг себя, не более надежны, чем соломенный и деревянный домики из сказки о трех пороссятах.

Этой ночью Кристине снились кошмары с «голосами». Она ворочалась на влажных от пота простынях, стонала, молила о пощаде, а потом вдруг открыла глаза. *Что-то ее разбудило.* Она посмотрела на потолок, на кружок света от ночника и на отпечаток цифр радиобудильника. 3:05. Свежий воздух прохладной ладонью гладил ее по лицу.

Что вырвало ее из сна?

Шум. Радиожурналистке показалось, что шум острой спицей проколол ей мозг. Она лежала совершенно неподвижно и прислушивалась. Все ее чувства обострились до предела, но в доме царил полная тишина. Наверное, это был просто сон. Кристина вспомнила об Игги и расплакалась. *«Игги... Господи боже, где ты, песик?»* Слезы стекали по щекам на подушку, но у Кристины не было сил шевельнуться. Но что это? Сердце забило в истерике, когда она вдруг поняла, какой именно звук разбудил ее. *Тявканье!* Женщина откинула одеяло, сосредоточилась и снова услышала его — далекий, но четко различимый лай. Звонкий и молящий. Это он. *Игги!* Она выпрыгнула из кровати и закричала:

— Игги! Я здесь, Игги! — С этими словами Кристина помчалась в гостиную, по пути зажигая везде свет. — Где ты, Игги?

Она вертела головой, пытаясь определить, откуда доносится звук, но лай смолк.

— Игги-и-и!

«Проклятие, так и с ума сойти недолго!»

Она знала, что это был не сон. Ну вот он снова подает голос, скулит... Где-то за стенами. Нужно собраться и сосредоточиться. *Кухня...* Игги звал хозяйку. *Да, звук идет оттуда...* Женщина скользнула за стойку. *Оттуда, из-за стены!* Из квартиры соседки! Той самой, которая ненавидит всех животных скопом... Кристина запаниковала.

— Игги! — прошептала она, прижавшись щекой к стене. — Я здесь! Мама здесь, малыш!

Штайнмайер прекрасно понимала, как дико все это выглядит: три часа ночи, Игги лает в соседней квартире, и никого, кроме нее, это не волнует. Разве люди за стенкой не должны были проснуться? Что, если они уехали на праздники? Или... *умерли?* Кристина нервно хихикнула. Сейчас три часа, и она слетает с катушек! *Все это лишено смысла.* Песик никак не мог выскользнуть из квартиры, и тем не менее... Она снова прижала ухо к стене и услышала его. Совершенно явственно. У нее не осталось сомнений: Игги за стеной. *И она должна немедленно вызволить его оттуда!* До утра ждать нельзя. Будет скандал, но ей все равно. *Кто знает, на что способна старая ведьма?* Журналистка вернулась в спальню, натянула свитер и джинсы, не обуваясь, вышла на площадку и замерла: лай собаки снова стих.

Она сделала глубокий вдох и нажала на кнопку. Позвонила раз, другой, третий... Трель звонка нарушила тишину, и внутри раздались приглушенные голоса, а затем кто-то на цыпочках подошел к двери и посмотрел в глазок.

— Это ваша соседка! — громко сказала Штайнмайер.

Звякнула цепочка, ключ повернулся в замке, и дверь слегка приоткрылась. В проеме появилось заспанное испуганное лицо, обрамленное венчиком седых волос.

— Это вы, Кристина? Что происходит?

«*Правильный вопрос задаешь, старушка. И правда, что происходит? Может, ты мне скажешь?*»

— Я... Простите, что бужу вас так рано... — Речь журналистки была протяжной из-за снотворного, и она понимала, какими нелепыми кажутся ее слова, но все-таки продолжала: — В общем... дело в том, что... *моя собака у вас...*

— Что-что?

Дверь распахнулась. На лице соседки читались изумление и недоверие.

— Игги... Его нет дома... Он лает, зовет на помощь, — стала объяснять ей хозяйка собаки. — От вас, я уверена...

Мишель недобро сощурилась:

— Вы заговариваетесь, Кристина... С вами что-то не так... Я права? Вы *пили*? *Принимали наркотики*?

— Господи, конечно, нет! Я... я приняла снотворное, больше ничего... Игги у вас, я слышу.

— Перестаньте, милочка, это абсурд!

Старая дама окончательно проснулась и почти успокоилась, к ней вернулся привычный апломб.

— Говорю вам, я слышала его лай! — настаивала ее молодая соседка.

— А я повторяю, что вашего пса тут нет, так что идите к себе.

— СЛУШАЙТЕ!

Кристина прижала палец к губам. *Игги снова лаял.*

— Звук идет из вашей квартиры! — закричала журналистка. — Не знаю, как он... как ему удалось... Наверное, вы... не заметили!

— Что за глупости! Никакой собаки в моем доме нет и быть не может!

— Впустите меня... — Штайнмайер рванула дверь и оттолкнула грымзу. — Я уверена, он здесь!

Она влетела в соседнюю квартиру.

— СТОЙТЕ! — крикнула ей в спину Мишель. — Вы не имеете права вот так вламываться в чужой дом!

— Я просто хочу забрать свою собаку!

— Что здесь происходит? — Из спальни появился лысый толстячок с круглыми совиными глазами. Он был в незастегнутой пижамной куртке, и хозяйка Игги заметила у него на животе, над пупком, большое родимое пятно, по форме похожее на какой-то континент.

— Она совсем рехнулась! — взвизгнула его жена из-за плеча Кристины. — Утверждает, что ее собака у нас в квартире. Вот что, Шарль: или ты сам выведешь ее, или я вызову полицию!

Лай... Снова голос Игги.

— Да вот же, слушайте! Вы что, оглохли?! — завопила Штайнмайер.

— Звук идет от вас, — суровым тоном произнес коротышка-муж. — Ваша поганая собачонка спокойно сидит дома. А вы просто чокнутая хулиганка!

— Нет, он здесь!

Ноги не слушались Кристину, но она упрямо побрела на голос своего пса.

Супружеская спальня. Разобранная постель. Тапочки на коврик, старомодная мебель, одежда, небрежно брошенная на стулья... Запах стариковских тел. Все здесь напоминало музей 1960-х годов, когда телевизор показывал всего две программы, в каждом доме был всего один телефон, а дети добавляли в утреннее молоко какао «Бананья».

— Я звоню в полицию! — заорала пожилая хозяйка квартиры. — ПОШЛА ОТСЮДА ВОН!

«Ну и ну, — усмехнулась про себя Кристина, — Мишель грозит вызвать полицию! Мишель, которая большую часть времени только и делает, что поносит все государственные институты, и силы правопорядка в том числе!»

Она чувствовала себя совершенно разбитой. Ее надежда испарилась, как сон: *Игги нигде не было.*

— Ну что, убедились? — спросила соседка.

Журналистка кивнула — говорить она не могла, опасаясь, как бы ее не вырвало.

— Идите к себе, — сказала Мишель уже без тени враждебности, и участливость этой мегеры сильнее всего напугала Кристину. У нее кружилась голова, она боялась потерять сознание и потому, почти не дыша, отступила к двери. Лай стих. Она сходит с ума... Извиняться нет сил...

— Сходите к психиатру, — участливо посоветовала ее соседка. — Вам нужно позаботиться о себе. Хотите, я вызову врача?

«Нет». Дверь захлопнулась. Штайнмайер услышала, как щелкнули замки, и обеими руками вцепилась в перила. Она задыхалась, и ее сердце готово было разорваться. Прижавшись лбом к решетке, женщина разрыдалась. Безумие подобралось совсем близко и вот-вот сожрет ее... Из-под двери ее квартиры пробивалась полоска

света, и Кристина пошла на него, как на спасительный свет маяка, ввалилась внутрь и задвинула засов.

Тишина.

Никакого тьяканья.

Держась за стены, женщина дотащилась до гостиной и рухнула на диван. Невидимая могущественная сила твердо вознамерилась сломать ее. Когда это началось? И почему? *Кто может так сильно ее ненавидеть?*

Ярость и решительность, овладевшие было Кристиной, испарились без следа. Осталось только отчаяние. Она чувствовала себя опустошенной, напуганной, потерянной и понимала, что не сможет заснуть, несмотря на чудовищную усталость. Ей хотелось одного — забиться в угол, как делают раненые звери, и дожидаться утра.

И вдруг...

Тьяканье...

Журналистка насторожилась.

Ну вот, снова!

Игги...

Это он! Где-то здесь, в доме. Живой! Зовет на помощь. Хозяйка встряхнулась и прислушалась. Звук шел из... *кухни...* Из-за стены. Первым побуждением Кристины было вернуться в соседнюю квартиру, но потом... Она ринулась за стойку, рванула на себя металлическую крышку мусоропровода и услышала отчаянный лай своей собаки.

Звук шел снизу, отражаясь от стенок трубы.

Игги там,

в подвале,

в помещении для контейнеров...

Штайнмайер издала рыдающий смешок и возблагодарила Небо. Почему она сразу не догадалась? Нужно как можно скорее вызволить Игги из плена! Как он, должно быть, напуган — один, в темноте, в незнакомом месте... *«Ну давай, чего ждешь!»* Кристина вскочила, и тут у нее в голове зазвучал противный голосок-скептик. Он твердил: *«Твой пес не сам туда попал, Игги не мог открыть дверцу своими маленькими лапками и прыгнуть в мусоропровод башкой вперед! Идти в подвал сейчас, после всего случившегося, все равно, что гулять по берегу крокодильей реки! Ты не сумасшедшая. Точно нет. Раз так,*

значит... тебе грозит опасность. Внизу никто не услышит, если ты будешь звать на помощь...

Ты действительно хочешь туда пойти?»

Собака снова захлебнулась лаем, и женщина мгновенно приняла решение: ее любимцу не придется проводить всю ночь в вонючем мусорном баке. Она наклонилась и крикнула:

— Игги, Игги, ты меня слышишь? Это я, мальчик, не бойся, я иду!

Пес на мгновение умолк, но тут же залаял еще громче, а потом сорвался на визг, захрипел и заскулил, разрывая сердце хозяйке.

Она открыла верхний ящик и выбрала самый длинный и острый нож, после чего пошла в прихожую и достала из коробки связку с двумя ключами — от подвала и запасной от почтового ящика. Надев флуоресцирующие кеды, дрожащими пальцами отперла входную дверь — второй раз за ночь. На площадке царил полумрак, и страх темноты, коварный враг и вечный спутник, мгновенно впрыснул ей в кровь дозу яда.

Сердце ёкнуло и сбилось с ритма.

Стало трудно дышать.

«Ничего не получится, это выше твоих сил...»

Журналистка коснулась рукой таймера и перевела дух.

«Пять минут... Через пять минут ты вернешься, подруга... Давай, шевелись. Или не вернешься, если кто-нибудь поджидает тебя внизу... Скажи-ка, ты очень сильно любишь свою собаку?»

Кристина попыталась вызвать лифт, не осознавая, что он стоит на этаже. На секунду она заколебалась, но потом открыла дверцу и вошла в кабину. Движение вниз в замкнутом пространстве ненадолго ее успокоило, но, выйдя на первом этаже и оказавшись перед низкой дверью под лестницей, женщина едва не передумала. Тусклый свет плафона скрадывал детали «предбанника», отделенного от холла двойной застекленной дверью, и Штайнмайер показалось, что она смотрит в бинокль. На общих собраниях многие жильцы не раз жаловались управляющему: «Когда я поздно возвращаюсь, мне кажется, что это не холл, а похоронная контора», «Сюда может попасть кто угодно», «Однажды на одного из нас нападут, и вы будете виноваты!». Управляющий получал нехилое жалованье, но и пальцем не шевельнул, чтобы поправить дело.

Вокруг стояла звенящая тишина, и страх снова проснулся: Кристина пожалела, что не зашла в туалет, прежде чем отправилась «на дело». В подвал она спускалась всего один раз — когда приходила смотреть квартиру, но не забыла, что мусорные баки стоят с правой стороны. Ключ легко провернулся в замке, дверь с противным скрипом открылась, и в ноздри женщине ударил затхлый запах сырости.

Два пролета ступеней, вспомнила она, щелкнув выключателем. Желтый свет залил покрытые плесенью стены.

«Я одна, все спят.

Или не одна, и спят все — КРОМЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА...»

Дыши... дыши... дыши...

Кристина готова была сорваться в крик, позвать на помощь, перебудить весь дом... Но вдруг вспомнила о своей соседке. Если кто-нибудь увидит, как она в четыре утра бродит по подвалу с ножом в руке и найдет Игги в контейнере, все наверняка вспомнят историю с письмом и с найденными в ящике стола антидепрессантами, а также скандал, учиненный ночью, и немедленно запрут ее в дурдом. «Мычиним-починяем-ваши-мозги-а-пока-вы-побудете-здесь». *«Мужайся, малышка, мы переживем и это...»*

Мадемуазель Штайнмайер спустилась на две ступеньки, остановилась и прислушалась. Ничего. Покрытые копотью и плесенью стены казались обросшими шерстью, но желтый свет был достаточно ярким, не то что в холле. Журналистка пошла дальше, и на первой площадке мужество снова покинуло ее: под лестницей, там, где начинался коридор, клубился густой мрак — совсем как в бездонном колодце. В груди ядовитым плотоядным цветком зашевелилась паника. *«Прости, Игги, я не могу. Мне это не по силам... Прости меня...»* Женщина развернулась, чтобы сбежать, и тут услышала какой-то приглушенный звук.

— Игги? — спросила она в темноту.

Тишина.

— Игги!

На этот раз она отчетливо услышала лай. Совсем близко... Не раздумывая, хозяйка собаки прыгнула на затоптанный земляной пол. Господи, как же тут холодно... Кристина понимала, что дело не только

в температуре. У нее над головой шесть этажей столетнего здания, в котором полно людей, но ее крика никто не услышит. Она огляделась. Слева, за решетчатыми дверьми, подвалы — черные дыры, забитые ненужным старьем, повсюду паутина, воспоминания, крысы... Справа, за зеленой металлической дверью, мусорные баки.

Штайнмайер взялась за ручку и потянула на себя тяжелую створку:

— Я здесь, Игги!

Из темноты раздалось тьяканье. Где этот чертов выключатель? Тьма за дверью пугала женщину так же сильно, как альпиниста — трещина на леднике. Кристине показалось, что она сует руку в глотку акуле. Пальцы ощупывали каменную кладку, пока не наткнулись на пластиковый корпус с кнопкой. Свет был мутным, как зимние сумерки, а от свисающей с потолка лампы почти не было прока — журналистка едва могла разглядеть приземистые темные контейнеры... Лай Игги доносился из последнего — не из того, что был набит черными мешками и стоял прямо под люком мусоропровода, а из другого, с закрытой крышкой. Кристина сделала шаг вперед и содрогнулась, когда у нее за спиной захлопнулась дверь. Еще два шага... Она все еще не видела свою собаку, зато прекрасно слышала ее голос, гулким эхом отражавшийся от стен бака. По поверхности ее сознания скользнула мысль о том, что в темноте может прятаться человек.

«Не думай об этом. Ты почти у цели».

Еще один шаг.

Она наконец увидела мордочку Игги — в его ласковых глазах была надежда — и едва не расплакалась. Пес тьякнул, махнул хвостом и тут же заскулил. Его когти царапали пластиковые стенки контейнера, но попытка встать обернулась новым страдальческим стоном. *«Господь милосердный, что с тобой сделал этот подонок?!»* Штайнмайер пыталась сообразить, как эвакуировать Игги: рукой она до него не дотягивалась, нырять головой внутрь не хотелось. Оставалось одно: опрокинуть бак и забраться в него. Она положила нож на пол и взялась за дело.

Задние ножки бака были на колесиках, что осложняло процесс, но в конце концов бок начал медленно крениться вниз. Кристина почувствовала запах лимонного чистящего средства и фекалий — Игги справил нужду, и не раз. Он радостно гавкнул, потом заскулил, а потом

залаял так отчаянно, что его хозяйка едва не оглохла. Ей вдруг показалось, что тяжелая металлическая дверь открылась, и страх ледяными когтями вцепился ей в позвоночник. «Замри...» До ножа не дотянуться, слишком далеко. Женщина снова прислушалась, но вокруг было тихо — только кровь стучала у нее в ушах. Она продвинулась чуть дальше, коснулась жесткой шерстки Игги и хотела взять его на руки, но пес внезапно отпрянул и зарычал.

«Что натворил этот негодяй?!»

Кристина осторожно ощупала правую заднюю лапку собаки, коснулась выгнутых когтей и бугорчатых подушечек и все поняла: у Игги была сломана голень.

— Спокойно, малыш, это я, ничего не бойся, — произнесла она успокаивающим голосом.

Извернувшись, радиожурналистка уперлась затылком в стенку, осторожно, стараясь не задеть покалеченную лапку, подняла песика на руки и прижала его к груди. Игги тут же облизал ей лицо теплым шершавым языком. Кристина беззвучно заплакала, вдохнула знакомый мускусный запах и поползла на коленях назад.

Разглядев рану Игги, она едва не потеряла сознание: осколок кости пробил кожу, и лапа висела, как сломанная нога у куклы. Трудно представить, какую боль испытал ее мохнатый любимец, когда изверг спустил его в мусоропровод! Или он сначала искалечил собаку, а потом уже швырнул ее вниз?

Кто знает, до какого предела может пойти человек, способный на такую жестокость? *«Это уже не шутка, дорогая. Еще одной надеждой меньше: у твоего приятеля, господина-пугальщика-женщин, шариков в голове еще меньше, чем ты думала, а ведь воображения тебе не занимать...»*

Кристина поежилась, поспешно подобрала нож, вернулась к двери и побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Она выдохнула, только оказавшись в квартире и заперев оба замка. Руки ее дрожали так сильно, что пришлось присесть на диванчик. Игги доверчиво прижимался к хозяйке. К своей спасительнице, защитнице.

«А меня кто спасет?» За что, за какие преступления кто-то так на нее ополчился? Причина, безусловно, существует — это не случайный выбор. Мучитель знает, где она работает, знает ее домашний адрес, номер мобильного и — что совсем уж невероятно — прозвища,

которые дает ей Жеральд. Да, искать нужно в этом направлении... Кто в окружении Жеральда может так сильно ее ненавидеть? Ответ напрашивался сам собой: Дениза. Но ведь Дениза получила фальшивый мейл от ее преследователя! Неужели эта стерва сама послала себе письмо, чтобы запутать следы? Могла она вломиться к Кристине? Мучить ее собаку? Написать на коврик? Абсурд... И что за мужчина звонил на радио и на домашний номер? Паранойя, бред чистой воды...

Штайнмайер посмотрела на Игги: нужно немедленно что-то сделать с его лапой, иначе будет поздно.

«Жеральд... У Жеральда есть приятель-ветеринар».

Они познакомились на вечеринке: трезвенник, альпинист, горнолыжник, неисправимый бабник и любитель молоденьких, он открыто заявлял, что профессию выбрал не по призванию, а ради быстрого обогащения.

Кристина начала судорожно искать телефон, нашла его и застыла в нерешительности. Вдруг ее жених сейчас не один? Она бросила взгляд на Игги: песик пытался дотащиться до своей корзинки, но получалось у него плохо — мешала сломанная лапа, и он тихонько поскуливал. Женщина нажала на кнопку.

— Кристина? Что случилось? — услышала она в трубке голос своего друга.

Долю секунды журналистка прислушивалась, пытаюсь уловить еще чей-нибудь голос, какой-нибудь еще звук, дыхание или движение рядом с ним. Потом она прошептала:

— Игги...

— Что с ним?

Штайнмайер готова была выложить все как есть: кто-то проник в ее квартиру, схватил собаку и выбросил ее в мусоросборник — но тут же поняла, *что* может подумать Жеральд. *«Да ты сходишь с ума...»* Именно этого и добивается неизвестный мучитель — хочет ее *изолировать*, чтобы друзья и близкие сочли ее депрессивной, безумной. Она не станет облегчать ему задачу.

— Игги сломал лапу, у него открытая рана, кость торчит наружу, — стала сбивчиво объяснять женщина. — Нужно что-то делать... Ни один ветеринар не снимет трубку... Разве что... твой приятель — если ты сам ему позвонишь...

— Господи, Кристина, сейчас четыре утра!

— Прошу тебя, Жеральд, ему очень больно!

Тяжелый вздох:

— Кристина... Кристина...

«Ну что, Кристина? Давай, притвора, доведи свою мысль до конца — хоть раз в жизни...» Журналистку удивила собственная враждебность. Она вспомнила встречу с наглой аспиранткой. Возможно ли, что недавние потрясения так на нее повлияли?

— Дениза мне все рассказала, — сообщил Ларше. — О вашем вчерашнем... *свидании*. Черт возьми, Кристина...

Невидимая рука рывком выдернула затычку, и остатки мужества начали медленно, но верно покидать мадемуазель Штайнмайер.

«Мерзавка!»

— Не могу поверить, что ты написала подобное, — шипел в телефон жених Кристины. — Что на тебя нашло, а?! Безумие какое-то. Ты действительно угрожала Денизе, сказала: «Держись подальше от моего мужчины»? Не молчи!

Теперь понятно, почему Жеральд не ответил на первый звонок. Он был в бешенстве. Как ни странно, журналистку это успокоило — она умела справляться с его «настроениями».

— Обсудим это позже, — виноватым тоном произнесла она. — Я тебе объясню... Поверь, все намного сложнее, чем кажется. Происходят странные вещи...

— Значит, все правда? Ты действительно это сказала? Проклятие! — взорвался Ларше. — И ты действительно послала тот ГРЕБАНЫЙ МЕЙЛ!

— Нет! Умоляю, не сейчас... Позвони своему другу, сейчас важен только Игги, все остальное может подождать... Ну пожалуйста, *дорогой*...

Невыносимо долгая пауза. Кристина закрыла глаза. *«Пожалуйста, пожалуйста...»*

— Прости, не в этот раз. Я должен подумать, — заявил ее друг. — Так дальше продолжаться не может...

Женщина оцепенела.

— Мы должны ненадолго расстаться, — сказал Жеральд. — Подвести итоги... Мне нужен перерыв.

Штайнмайер слышала его слова, но не улавливала их смысл. Он правда сказал то, что сказал?

— Мне жаль Игги, но, думаю, за несколько часов с ним ничего не случится. Буду признателен, если не станешь беспокоить меня в ближайшие несколько дней. Я сам позвоню, — сухо сказал Жеральд и повесил трубку.

Кристина смотрела на телефон, оцепенев от изумления.

Он даже не попрощался...

13. Опера-Буфф

Игги разбудил ее на рассвете, облизав ей лицо языком. Она с трудом разлепила веки. Губы у нее растрескались, ей хотелось пить, вкус во рту был премерзкий... Вернувшись к себе после спасательной экспедиции, Кристина долго плакала, а когда совсем выдохлась, заснула, но проспала не больше часа и сейчас чувствовала себя совершенно разбитой.

Песик доверчиво положил голову ей на грудь. Женщина хотела обнять его, но вовремя вспомнила о покаленной лапе. На одеяле была кровь, но немного, значит, песик тоже спал — несмотря на боль. Ветеринар... Дольше откладывать нельзя.

Кристина осторожно вылезла из кровати, но Игги не последовал за хозяйкой: он только посмотрел ей вслед несчастными глазами и начал вылизывать рану. У журналистки сжалось сердце. Звонить врачу было рано, и она пошла на кухню. Ночью Штайнмайер придвинула к входной двери калошницу и водрузила на нее вазу в надежде, что, если кто-нибудь решит вломиться в квартиру, шаткое сооружение рухнет с жутким грохотом и разбудит ее. В комнате было прохладно. Кристина поежилась, запахнула полы халата и подкрутила кран батареи, а потом налила себе чашку черного кофе и намазала маслом несколько шведских хлебцев. Как ни странно, она проголодалась — чувствовала себя измотанной, но хотела есть. Устроившись на барном стуле, женщина начала завтракать, размышляя над ситуацией. Тоска и ужас, пережитые прошлой ночью, исчерпали ее запасы жалости к себе: в отличие от Игги, она больше не хотела зализывать раны. К ней возвращалось то самое, заветное, эмоциональное состояние, которое она называла «Большой Вспышкой Кристины». Обычно Большую Вспышку провоцировало какое-нибудь испытание — за жизнь такое случалось не раз и не два (*«Знаю-знаю, что ты сейчас вспомнила, крошка, — произнес голосок у нее в голове, — не смей даже думать об этом!»*). Всякий раз, оказываясь на дне пропасти, мадемуазель Штайнмайер испытывала прилив энергии и свирепое желание побороть уныние, как будто ее мозг в такие моменты выбрасывал в кровь специальные «сопротивленческие» антитела.

Сейчас, несмотря на почти невыносимые усталость и апатию, все ее мысли сосредоточились на незнакомом мучителе. Если между ними существует некая связь — а она, безусловно, существует, раз он так много о ней знает! — значит, должен быть способ добраться до него.

Да, именно так... За все это время она так и не удосужилась серьезно обдумать ситуацию. Все случилось слишком быстро, будь оно неладно! Кристина чувствовала себя кроликом, выбежавшим на дорогу прямо под колеса колонны тяжелых грузовиков. Она не успевала реагировать и только пыталась уворачиваться — неловко, неубедительно. Но теперь гудящая от усталости голова вдруг прояснилась.

Происшествие с Игги подействовало на женщину как электрошок.

«Он не должен был трогать тебя, малыш, это грубая ошибка с его стороны... Итак, что тебе известно? Думай, думай, думай...»

А известны ей как минимум две вещи: во-первых, незнакомец сумел пробраться к ней на работу — или же у него есть сообщник, кто-то из ее коллег; во-вторых, он достаточно близок к Жеральду и Денизе, раз знает, о чем они разговаривают, — или шпионит за обоими... «Скорее второе», — подумала журналистка, вспомнив фотографии, присланные ей по электронной почте. Остается один вопрос: мотив. Зачем он все это делает? И почему выбрал мишенью ее? Она вычислит его, если узнает мотив.

Кристина поднесла чашку к губам.

«Он пытается меня изолировать...»

Да, то, что мерзавец сотворил сегодня ночью, имело одну цель: оттолкнуть от нее Жеральда и соседей. Теперь Штайнмайер понимала, что история с антидепрессантами должна была внушить недоверие Гийомо, а странное письмо — полицейским... Она не знала, почему ее преследователь так поступает, но это явно часть плана. *Ты должна вырваться из изоляции. Во что бы то ни стало.* Необходимо найти союзника. Кто подходит на эту роль? Ее мать? («Ой-ёй-ёй! — воскликнул голосок-советчик. — Ты, надеюсь, шутишь?») Нет, конечно, нет. Мама сморщит свой хорошенький носик, поднимет ярко-голубые глаза и... решит, что дочь либо скоропостижно рехнулась, либо всегда была сумасшедшей. Отец? Он уж точно не помощник! Тогда кто? *Илан?* А почему нет? Илан — надежный, безотказный трудяга и умеет держать язык за зубами, но достаточно ли этого?

Впрочем, выбора у нее нет. Ну вот, мало того что она пришла к неутешительному выводу об отсутствии у нее друзей, так еще и паршивец-голосок снова «прорезался»: *«Нет выбора? Правда? Ни одной подруги? Никого, кому можно довериться, кроме твоего дразжайшего женишка?.. Тебе не кажется, что это о многом говорит, детка?»*

Необходимо сделать кое-что еще...

Кристина открыла ноутбук, стерла все куки, сменила пароли и загрузила новую защитную программу — антивирусную, противопожарную, противошпионскую, антифишинг, анти, анти, анти... Затем пошла в душ, а вернувшись, запустила быструю проверку, посмотрела на часы и решила, что закончит на работе. После этого достала из ящика комода, на котором стоял телевизор, конверты со счетами, квитанциями, «синими картами»^[33] и чековыми книжками и сложила их в холщовую торбу цвета хаки, с которой не расставалась со студенческих времен. Она арендует сейф в банке — там документы будут в безопасности, пока ситуация не разрешится. Закончив, мадемуазель Штайнмайер позвонила ветеринару: секретарша попросила ее побыть на линии и через минуту сообщила, что врач готов принять Игги немедленно.

— Спасибо, что выбрали нас. Никакой потенциальной опасности не обнаружено, — сообщил механический голос компьютера. Кристина отправила ноутбук в сумку, сходила за собачьей переноской и отправилась в спальню. Игги смотрел на хозяйку с обезоруживающей смесью нежности и доверия.

8.20 утра. Она снова опаздывает. Слава богу, не так сильно, как в предыдущие дни! Ничего, переживут, она много лет приходила на работу раньше всех, так что...

Кристина вышла из лифта и первым делом взяла себе кофе в автомате. На душе у нее полегчало: Игги в лечебнице, ветеринар вколол ему успокаивающее и занялся его лапой, а в квартире не осталось ничего, что преследователь мог бы использовать против нее. Она не успела забежать в банк, поэтому придется положить сумку и ноутбук в стол и запереть на ключ (*«Между прочим, ящики теперь тоже ненадежны»*), — напомнил внутренний голос). Раньше

журналистка никогда ничего не запирала, но на сей раз она положит ключ в карман джинсов — оттуда его уж точно никто не достанет!

И плевать, если коллеги заметят этот жест и будут задавать себе вопросы.

Кристина подавила зевок. Сегодня она пригласила в эфир директора Тулузского космического центра, хорошего знакомого Жеральда. Авиационно-космическая отрасль давно стала главной движущей силой промышленного и экономического развития города, да и у самой Штайнмайер были особые отношения с космосом — в горе и радости, через мужчин ее жизни, и... «Ну все, хватит!» — приказала она себе.

«Сейчас не время думать об этом...»

Ведущая прошла через ньюсрум и направилась в свой кабинет, где она сидела вместе с Иланом (*«Поговорю с ним после передачи, сейчас нужно заняться обзором прессы»*).

Ее помощник блистательно отсутствовал...

Куда же он подевался?

Илан *никогда* не опаздывал. Ни разу за три года.

Женщина заметила желтый листок, приклеенный к телефону, наклонилась и прочла:

Жду тебя в моем кабинете. Немедленно.

Почерк Гийомо.

А тон почти угрожающий. Ну что же, на то он и начальство! Кристина обвела взглядом коллег. Все были поглощены работой. Слишком поглощены...

Что-то происходит...

Ей вдруг стало трудно дышать, как будто кто-то сдавил ей шею пальцами. Она посмотрела в сторону кабинета программного директора: дверь открыта, жалюзи опущены — дурной знак. А кстати, где Корделия? Она заметила за стеклом три силуэта.

Ладно, не будем оттягивать.

Штайнмайер подошла к двери и остановилась на пороге. Гийомо стоял напротив Илана и Корделии, что-то говорил им, а те внимательно его слушали. Он заметил вошедшую ведущую, замолчал

и знаком пригласил ее войти. Илан и Корделия как по команде повернули к ней головы.

— Закрой дверь, — приказал программный директор.

Тон его был осторожно-нейтральным. Это не сулило ничего хорошего.

— Что происходит? — настороженно спросила Кристина.

— Присядь, — велел ей шеф.

— По-моему, нам пора готовиться к эфиру.

— Да-да, знаю, садись, — повторил Гийомо тем же тоном.

Мадемуазель Штайнмайер вздернула брови. Директор смотрел на нее из-под очков повелительным взглядом. На столе перед ним лежал открытый блокнот. Он взял ручку, перечитал написанное и посмотрел на своих сотрудников:

— Ладно... Даже не знаю, как начать... Ситуация довольно необычная... Я специально собрал вас вместе, чтобы прояснить детали и обстоятельства. Как программный директор я отвечаю за работу персонала и обстановку в редакции и должен быть уверен, что ни один человек — какую бы должность он ни занимал — не страдает от поведения коллег.

Кристина взглянула на Илана, потом на Корделию; ее помощник прятал глаза, а стажерка хранила непроницаемый вид. Гийомо, не моргая, смотрел на Штайнмайер, и у нее вдруг онемел затылок.

— Корделия пришла ко мне сегодня утром... — начал директор.

Женщины встретились взглядами, и Кристина поняла, откуда следует ждать беды.

— ...чтобы пожаловаться... на... — Их начальник перевел дух. — На твое поведение. Вернее будет сказать — на преследование. Сексуальное преследование: непристойные предложения, неуместные жесты и даже угрозы увольнения, если она не уступит. Корделия не хочет давать делу официальный ход, но требует, чтобы это прекратилось. Ей не нужны проблемы, а стажировка очень важна для нее. Она не намерена выносить сор из избы.

Кристина издала язвительный смешок.

— Веселишься?! — возмутился Гийомо. — Тебе смешно?

Штайнмайер готова была взорваться, но справилась с гневом и заговорила почти спокойно:

— Не говори, что веришь этой ахинее! Да ты посмотри на нее...

Этим утром стажерка облачилась в умопомрачительный килт, черные колготки и толстовку с надписью АЛХИМИЯ на груди, а на ногах у нее были высокие черные кеды с серебряными заклепками. Для губ и ногтей Корделия выбрала кроваво-красный цвет, а шарики пирсинга у нее на лице зазывно поблескивали. Ну разве можно поверить хоть одному слову этой тощей каланчи, которая косит под Круэллу?^[34]

— Она говорит, что ты... гм-гм... не один раз тискала ее в туалете. — Гийомо слегка порозовел. — Пыталась поцеловать. Приглашала к себе на стаканчик...

— Чушь, — ответила Кристина.

— Что без конца делаешь ей... предложения...

— Чушь.

— Что бомбардируешь ее мейлами... гммм... сексуального характера... даже порнографического.

— Господи, бедняжка бредит! Да взгляни ты на нее!

— Вот именно...

Что значит — «вот именно»?

— Именно поэтому ты и выбрала Корделию в качестве объекта для домогательств — решила, что ей никто не поверит, если она вдруг пожалуется, — заявил программный директор.

Кристина посмотрела на него как на буйнопомешанного.

— Это какая-то идиотская шутка! Вы все рехнулись!

Гийомо молчал, и она продолжила:

— Ты не забыл, с кем говоришь? Это я, Кристина, я работаю здесь уже семь лет! Я что, похожа на сумасшедшую?

— Корделия говорит, что именно поэтому ей так трудно с тобой общаться.

— Неужели? Ладно... Пусть покажет эти пресловутые мейлы. Ну, где они?

Гийомо подтолкнул к ведущей стопку распечатанных страниц:

— Смотри...

В кабинете повисла гнетущая тишина. Краем глаза Кристина заметила, что Илан вжался в кресло, и почувствовала на себе взгляд Корделии. У нее екнуло сердце.

— Что за бред... — пробормотала она и начала читать:

Прости меня, Корделия. Я не хотела угрожать. Ты знаешь, я не желаю тебе зла. Я все время о тебе думаю, это сильнее меня. Я схожу с ума, когда чувствую твой запах, слышу твой голос, касаюсь тебя. Со мною такого никогда не было.

Кристина

Корделия, ответь мне, прошу. Я так больше не могу. Ни за что не догадаешься, что я сейчас делаю. Выпила полбутылки вина. Лежу на кровати — голая... И думаю о тебе. О твоём теле, пирсинге, груди... Я очень возбудилась... Мне не стоит писать такое. Мне вообще не стоило писать тебе сегодня вечером — слишком опасно.

Твоя Кристина

Корделия, не хочешь поужинать со мной в субботу? Соглашайся, прошу тебя. Это тебя ни к чему не обязывает, честно. Просто дружеские посиделки. Обещаю, никто ничего не узнает. Позвони мне. Пожалуйста.

Кристина

Корделия, ты не отвечаешь, значит, осуждаешь меня. Не стоит проявлять враждебность — твоё будущее в моих руках.

К.

Корделия, даю тебе двадцать четыре часа на ответ.

Подобных посланий было несколько десятков. Кровь прилила к голове Штайнмайер, ладони у нее стали влажными.

— Немыслимо, — сказала она. — Абсурд! Я их не посылала... Считаешь, я могла написать подобное? Да еще и подписаться?

Гийомо сокрушенно покачал головой:

— Мы проверили, Кристина: мейлы отправлены с твоего компьютера, с твоего IP-адреса.

— Ты прекрасно знаешь, что моим компьютером мог воспользоваться кто угодно! Подсмотреть пароль — левое дело. Держу пари — эта маленькая дрянь сама их и сочинила.

Директор снова кивнул и поднял на ведущую глаза. Таким холодным взглядом он не смотрел на нее, даже когда очень гневался. Затем повернулся к Илану:

— Ты готов повторить — сейчас, при всех — то, что я уже слышал?

У Штайнмайер похолодела спина. Лицо ее помощника стало пунцовым.

— Хочу сразу сказать: Кристина — потрясающий профессионал, — бесцветным, едва слышным голосом произнес Илан. — Мы отлично работаем вместе и... все всегда было хорошо... Я очень уважаю Кристину... И я ей верю — раз она говорит, что не писала эти гнусности, значит, так оно и есть.

— Прекрасно, Илан. Мы приняли к сведению твое... «особое мнение», но я спрашивал не об этом. Ты получал мейлы недопустимого содержания? — потребовал у него ответа Гийомо.

— Да, — еле слышно отозвался Илан.

— Я не расслышал, не мог бы ты говорить чуть громче?

— Да... — задвленным голосом повторил помощник Кристины.

— С того же IP-адреса?

— Да.

— С подписью?

— Да...

— С подписью «Кристина»?

Ведущая стукнула кулаком по столу:

— Хватит!

— Заткнись, Кристина! Итак, Илан?

Мадемуазель Штайнмайер поймала на себе мстительно-торжествующий взгляд стажерки.

— Да, но это не значит... — промямлил радиожурналист.

— Когда ты получал эти мейлы? — настаивал на ответе его начальник.

— Кажется... в прошлом месяце... но очень недолго. Повторяю: я люблю работать с Кристиной и у меня нет к ней ни малейших претензий. Я уверен — ее подставили. Другого объяснения не существует.

Илан послал Корделии недобрый взгляд.

— И какого рода были присланные мейлы? — невозмутимым тоном продолжил допрос Гийомо.

— Ну... в общем... недопустимые — по вашему определению... — выдавил Илан.

— Не мог бы ты уточнить?

— О, господи... В них были всякие... как бы это сказать...

— Авансы?

— Да.

— Сексуального характера?

— Вроде того... но повторяю, это скоро прекратилось.

— Сколько таких писем ты получил?

— Несколько...

— А поточнее?

— Может, десять...

— Скорее десять или скорее двадцать?

— Не знаю... Да, наверное, где-то двадцать.

— Не больше?

— Не помню.

— Очень хорошо, Илан. Как долго это продолжалось?

— Неделю или десять дней. Я же сказал, все быстро закончилось.

— Если я правильно понял, приходило несколько писем в день?

Кристине показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Уши Илана приобрели синюшный оттенок, как у киношных зомби.

— Да, — кивнул он.

— Сколько именно? — наседал на него директор.

— Я не считал.

— Но ты получал их каждый день?

— Э-э... да.

— В течение десяти дней?

— Неделю с небольшим.

Нет, это выше ее сил! Штайнмайер вскочила, уперлась ладонями в стол и наклонилась к своему шефу:

— Всё, хватит! Это совершенно ничего не доказывает: кто угодно мог воспользоваться моей почтой! Я больше не стану слушать, как меня обливают грязью, ясно тебе? Довольно! Не понимаю, как ты вообще можешь ей верить!

Программный директор проигнорировал ее гневную тираду.

— Скажи, Илан, ты получал мейлы днем или ночью?

Пауза.

— И днем, и ночью... — ответил журналист.

Еще одна долгая пауза. Мадемуазель Штайнмайер продолжала стоять — она чувствовала себя опустошенной, и ее снова мутило. Гийомо бросил взгляд на часы:

— Спасибо за честность, Илан. Вы с Корделией можете вернуться к работе. Готовьте эфир вместе с Арно. Он сегодня заменит Кристину в эфире.

В дверях Корделия обернулась и наградила свою жертву ненавидящим взглядом. Ошеломленная ведущая посмотрела на Гийомо.

— Я действительно не понимаю, как ты мог поверить ее наглому вранью... — убитым голосом повторила она.

— Кристина...

— *Дай мне сказать!* Ты заставил меня выслушать все эти измышления, а теперь моя очередь. Сколько мы работаем вместе? Я всегда безупречно выполняла свои обязанности, до сегодняшнего дня у меня не было никаких конфликтов с коллегами — ни профессиональных, ни личных. Я не истеричка — в отличие от Бекера не тираню окружающих — не то что ты, не сачкую — как многие другие. Я профессионал, на меня можно положиться, все меня ценят...

Она сама вложила в руки Гийомо оружие против себя, и он немедленно им воспользовался:

— Все тебя ценят? Черт возьми, *Штайнмайер!* Да все здесь считают тебя занудой и надменной наглой «дивой»! Все думают, что с некоторых пор ты стала слишком заносчивой! Вспомни, сколько раз ты приходила ко мне и жаловалась по пустякам! — Он бросил на нее осуждающий взгляд. — Ты не забыла, что я нашел в ящике твоего стола? А опоздания, а проколы в эфире?

И тут Кристина поняла. *Гийомо ее тоже не любит*. И сейчас ему представился удобный случай... Ей показалось, что пол покачнулся, и она едва не задохнулась от глухой ненависти.

— Ты правда веришь, что все тут лежат у твоих ног? Что мы не сможем без тебя обойтись? Что ты жизненно необходима станции? — Программный директор вздернул брови. — Ну конечно, веришь... Вот в чем твоя проблема, Штайнмайер, ты совершенно оторвалась от реальности! А теперь еще и это. Да кем ты себя возомнила?!

Журналистка не верила своим ушам. Она всегда думала, что ее работу и профессионализм ценят и уважают, и, несмотря на некоторые расхождения во взглядах и нескольких недоброжелателей — в среде, где силен дух соперничества, где многие жаждут подсидеть коллег, нормально иметь врагов! — считают членом коллектива.

Гийомо демонстративно посмотрел на часы:

— Через час я встречаюсь с акционерами и директором. Отправляйся домой. Я буду думать, что предпринять. И не приходи завтра — Арно тебя заменит.

Кристина хотела было возразить, но не стала. Она совсем лишилась сил и чувствовала, что может сорваться — ей даже пришлось взяться за спинку стула, так она боялась упасть.

— Возвращайся к себе, — повторил Гийомо, слегка смягчив тон — он понял, что переусердствовал. — О моем решении ты узнаешь первой.

Штайнмайер повернулась и увидела, что дверь после ухода Илана и Корделии осталась открытой и вся редакция слышала «выступление» программного директора. Она вышла, опустив голову и чувствуя на себе взгляды коллег.

— Кристина, я... — сказал Илан.

Женщина жестом попросила его не продолжать. Пальцы ее дрожали так сильно, что ключ в ящик стола вошел только со второй попытки. Она повесила сумку на плечо и побрела к лифтам.

— Скатертью дорога, — произнес ей в спину чей-то голос.

14. Колоратура

Лес за спиной, вдалеке на равнине, бесконечные версты тополей, торчащих, как алебарды на картине Паоло Уччелло.^[35] Садясь за руль машины, он вдруг понял, что ему начинает нравиться это место. Нет, не пансионеры (за редким исключением), но само место, наделенное своеобразным обаянием. Место, где царит покой. Он осознал, что не торопится уезжать, потому что боится возвращения к реальной жизни. Означает ли это, что до выздоровления еще далеко?

Сервас находил в этом слове некий подозрительный привкус. *Выздоровление...* Слово из лексикона психоаналитиков и докторов. Он не доверял ни тем, ни другим. «Когда же прекратится снегопад?» Его мозг был подобен этой белой равнине: после смерти Марианны в нем что-то заледенело, умерло. Душа ждет оттепели, она ждет весны.

«Кактус» не относился к числу заведений, упоминаемых в путеводителях. Он не мог сравниться «возрастом» с «У Отье», которому перевалило за сто лет, не располагался на одной из шумных площадей, как «Баскский клуб», и в числе его завсегдатаев не было знаменитостей, не то что в «Клубе Убю». «Кактус» не обладал напористым достоинством тех кафе, что кичатся своей «модностью». Здешняя атмосфера не была чопорной, не то что в исторических пивных на площади Вильсона. Внешне «Кактус» был как две капли воды похож на сотни других баров, но внешность, как известно, обманчива. В отличие от других заведений у этого была постоянная преданная клиентура. Посещавшие его люди решили, что будут ходить именно сюда — так коты по им одним известной причине выбирают дом, где соглашаются жить. А еще у «Кактуса» имелась своя легенда... Прежний владелец, человек совершенно бесстрашный, пускал в свой бар и выгонял из него только тех, кого считал нужным, в любое время дня и ночи: шлюх, трансовеститов, проходимцев всех мастей — и легавых. Бар находился в квартале, где не слишком жаловали форму синего цвета.

Перед смертью владелец завещал бар (вкуче с легендой) своей служащей, и с тех пор *хозяйка* — в свободное время она сочиняла стихи — управляла им железной рукой в бархатной перчатке, зная, что клиенты приходят в том числе и ради нее.

Дегранж сидел на своем обычном месте, и перед ним стояла кружка пива. Продвигаясь к столику, Сервас чувствовал спиной совсем не ласковые взгляды. Ему было хорошо известно, что полиции тоже присуще дискриминировать людей, а тех, кто не выдерживает давления и ломается, его коллеги считают париями. Он отметил про себя, что в «Кактусе» все осталось как было: та же атмосфера, те же лица за теми же столиками...

— Хорошо выглядишь, Мартен, — сказал его старый друг.

— А чего не выглядеть — сгребая сухие листья, занимаюсь спортом, отдыхаю... — отозвался Сервас.

Дегранж ответил кудахтающим смешком:

— Судя по всему, история с ключом пришлась очень кстати... Рад тебя видеть, майор.

Мартен не ответил на неожиданное проявление чувств: им обоим это было ни к чему.

— Сам-то как поживаешь? — спросил он.

— Нормально. Вполне. Работал на Играх. На галлодроме...

Это что еще такое?

— Маракана^[36] для петушиных боев, старина. В Жинесте, у Романи... Ринг, трибуны для зрителей, травмопункт для раненых птиц, помещение с кондиционером, где держат этих чертовых пернатых перед выходом на арену... Есть даже беговые дорожки, как в тренажерном зале, запускаются мотором от стиральной машины... У чемпионов должны быть мускулистые лапы! Видел бы ты этих чемпионов после боя... Дерьмо! Устроители — банда ублюдков...

Сервас вспомнил, что читал в газете статью о незаконных боях.

— Давай выпьем за здоровье «цыплят», спасающих несчастных петухов,^[37] — предложил он. — Так ты сохранил копию документов?

Дегранж кивнул на лежавшую на столе картонную папку.

— Тебе повезло — дело могли поручить кому-нибудь другому. Я заглянул в нее, прежде чем идти сюда... Если я правильно понял, тебе нужен список более или менее подозрительных самоубийств, случившихся в Тулузе за последние годы, так? *Ты не хуже меня знаешь, какой тонкой может быть грань между самоубийством и убийством в этом городе...*

Бывший коллега Мартена понизил голос. Сервас покачал головой — он понимал, на что тот намекает. 1980-е и 1990-е годы... Самые

темные страницы в истории города. Они все еще плавали в мутных водах прошлого, как жирные, промасленные листки бумаги, издавая запах «серы». Этот запах очень не нравился полицейским, которые служили в те годы, а сегодня собирались в отставку. Убийства, замаскированные под самоубийства. Двадцатилетний парень выловлен из Южного канала со связанными за спиной руками и следами побоев на лице, а патанатом пишет в заключении: *самоубийство*. Мать семейства лежит в луже крови на полу собственной столовой с удавкой на шее и заткнутым в глотку подгузником — *самоубийство...* Мужчина двадцати восьми лет застрелен в голову, тело явно перемещали, — *самоубийство-самоубийство-самоубийство...* «Приступ суицида» — это нелепое определение фигурировало в энном количестве актов вскрытия. Список был длинным, как день Рамадана: бесследное исчезновение двух молодых женщин по дороге с работы домой, смерти проституток в номерах дрянных гостиниц, которые никто и не думал расследовать, липовые протоколы судебных медиков, неверно составленные ордера, дела, закрытые якобы «за отсутствием состава преступления», дикие слухи о коррумпированных полицейских и судьях, именитые граждане, крышующие подпольные бордели и торговлю наркотиками, жестокие садомазохистские оргии, разврат, порнография, насилие, убийства... В общей сложности около сотни нераскрытых дел — в период с 1986 по 1998 год, — находившихся в юрисдикции суда высшей инстанции города Тулузы. Абсолютный рекорд. И — вишенка на куче дерьма — серийный убийца Патрис Алегр, в деле которого был замешан один из судей. Французская пресса назвала Розовый город «кровавой Гоморрой», преддверием ада. Все подозревали всех, безумие отравляло умы и души. Городская легенда, сложенная жадными до рекламы мифоманами из скучного перечня смущающих воображение фактов, дисфункций, упущений и некомпетентности.

Всякий раз, когда кто-нибудь взбаламучивал тину, появлялся этот «запашок»: из темных углов доносилось зловоние прошлых лет. А в шкафах и подвалах пылились папки с делами, которые никто не собирался снова открывать. Замешанных в преступлениях обелили, но подозрение осталось — тошнотворное, неустрашимое. Казалось, что за каждой стеной из розового кирпича, за каждой освещенной солнцем дверью прячется стена из тени, дверь из тьмы.

— Знаешь, — продолжил Дегранж, — был и такой случай, когда самоубийство замаскировали под убийство. Мужик хотел свалить вину на жену и любовника.

— Пытаешься сказать, что я ничего не найду? — уточнил Мартен.

— Может, да, а может, нет...

Сервас вздернул бровь.

— Когда ребята приехали на место преступления, они сначала решили, что произошло убийство — уж больно необычные были обстоятельства, — стал рассказывать его друг, — и к осмотру отнеслись внимательно. Много чего собрали, в том числе...

Он достал из папки розовый блокнот.

— Что это? — тут же спросил Мартен.

— Ежедневник.

— Почему он еще у тебя? — поинтересовался Сервас.

— Когда родители Селии приехали за ее вещами, я отдал им все — кроме этого...

— Зачем?

— На всякий случай... Хотел покумекать, но потом передумал — когда выяснилось, что девушка покончила с собой.

— Но блокнот не выбросил...

— Думал кое-что проверить, да все времени нет.

— И что ты собирался проверять?

— Я установил все имена и фамилии, кроме одного: Моки...

— Моки?

— Угу. Все остальные — это друзья, коллеги, родственники Селии. А он неизвестно кто.

Мужчины встретились взглядами, и Мартен «сделал стойку», как охотничий пес. Сколько же дел, забытых в архивных коробках, хранят свои тайны между страницами протоколов, описей и допросов? Ему страшно захотелось курить.

— Ух ты! Тыщу лет не виделись, — сказала хозяйка бара, подойдя к нему поздороваться. — С возвращением из мира мертвых...

«Неужели и она в курсе? У меня что, клеймо депрессушника на лбу?!» Милая улыбка красавицы согрела полицейскому душу. Мартен понял, как сильно ему не хватало этого места, и заказал ножку и онглет. [\[38\]](#)

Дегранж толстыми пальцами переворачивал страницы еженедельника:

— Вот, смотри.

Сервас начал читать: «Моки, 16.30», «Моки, 15.00», «Моки, 17.00», «Моки, 18.00»...

— Уверен, что это человек? — спросил он с сомнением.

Его бывший коллега нахмурился:

— А что же еще? Никто из знакомых Селии мне не помог.

— Это все?

Дегранж улыбнулся:

— А ты чего ждал?

— Есть предположение, кто это может быть?

— Скорее всего, это женатик. Обрати внимание: почти все встречи назначены в обеденный перерыв. «Моки» — наверняка прозвище. Этот тип ни разу нигде не засветился. Точно тебе говорю, он женат...

— Это слово может означать все, что угодно, — заметил Сервас. — Какое-нибудь место, бар, новомодный вид спорта...

— Есть кое-что еще.

«Я давно не чувствовал себя таким живым...» — промелькнуло в голове у Мартена. Дегранж протянул ему квитанцию и пояснил:

— Незадолго до самоубийства Селия сделала очень... неожиданные покупки.

Сервас склонился над бумагой. Счет из самой большой оружейной лавки Тулузы: газовая граната «Гардиан эйнжел», перцовый баллончик... Селия Яблонка явно собиралась защищаться, а не сводить счета с жизнью.

— Странно... — пробормотал Мартен.

— Черт его знает, что творится у людей в мозгах, — задумчиво произнес его друг. — Если бы те, кого накрыла депрессия, руководствовались логикой...

— Но она производила впечатление человека, который чего-то боится.

— Производила... — Дегранж принялся за салат. — Но впечатление к делу не подошьешь...

Сервас понял, что он имеет в виду. В любом расследовании может случиться так, что обстоятельства и свидетельства, казавшиеся

ключевыми, в конечном итоге оказываются пустышкой. Долгое расследование напоминает расшифровку незнакомого текста: некоторые слова важнее других, но сначала ты этого не понимаешь..

Дегранж вдруг нахмурился:

— Меня беспокоит твоя история с ключом. Полагаешь, тот, кто его прислал, что-то знает?

— Может, аноним просто добивается, чтобы дело снова открыли. Интересно другое: как он — или она — его достал?

— Жил в отеле и не сдал, когда уезжал, — предположил Дегранж.

— Правильно. Как ты считаешь, у них есть список тех, кто потерял или забыл вернуть портье электронную карточку?

— Вряд ли, но поинтересоваться стоит — на всякий случай.

Они распрощались, и Мартен пошел к выходу. На улице он первым делом позвонил на работу (пока не доказано обратное, это все еще *его* работа!), в отдел оперативного сбора материалов, сотрудники которого, команда из четырех человек, занимались так называемыми «живыми» файлами. В них содержались сведения обо всех лицах, фигурирующих в проводимых расследованиях — пусть даже опосредованно, в качестве свидетелей или подозреваемых. Сотрудники этого отдела не ждали, пока человека арестуют, они сопоставляли все имеющиеся у них данные (чего не успели или не сумели сделать следователи) с ФСБ — файлами спецбригад. Руководил отделом старший капрал Левек, который когда-то тоже служил в уголовной полиции, но вынужден был уйти, после того как сбежавший преступник переломал ему ноги, сбив на полной скорости машиной. Левек сильно прихрамывал на левую ногу, а в плохую погоду его кости ныли, так что заниматься оперативной работой он не мог. Тогда капрал прошел стажировку в Европоле и стал криминалистом-аналитиком. Он не имел права вести расследование самостоятельно, но его нюх и опыт были бесценны в «прочесывании» чужих дел. Самое большое удовлетворение Левек получал, обнаружив деталь, ускользнувшую от внимания коллег: имя или номер телефона, фигурирующие в не связанных друг с другом расследованиях, зеленый «Рено Клио», появившийся и на месте перестрелки, и на месте налета...

— Это Сервас, — поздоровался с ним Мартен. — Как в этот собачий холод поживают твои бедные ноги?

— Мурашки бегают... И в холод, и в жару, — вздохнул капрал. — А у тебя все хорошо? Я слышал, ты в отпуске по болезни...

— Так и есть. У меня тоже... мурашки, — пошутил сыщик.

— Надеюсь, ты позвонил не ради ученой беседы о мурашках? — поинтересовался Левек.

— Мне нужно, чтобы ты запустил в свою мельничку одну фамилию.

— Ты же вроде на бюллетене... — Пауза; капрал размышлял. — Что за фамилия?

— Моки: М-О-К-И.

— *Моки*? Это что за зверь? Человек? Марка? Золотая рыбка?

— Понятия не имею. Но, если поиск по слову ничего не даст, попробуй связать его с «насилием», «домашним насилием», «преследованием», «угрозами»...

— Я тебе перезвоню.

Час спустя Сервас получил ответ.

— Ничего, — объявил Левек.

— Уверен?

— Обижает... Твой Моки нигде не засветился. Я все «обыскал». Результат нулевой, Мартен. Но вот что я вспомнил: в прошлом году меня уже просили идентифицировать этого самого Моки, будь он трижды неладен...

— Знаю. Спасибо. Я твой должник.

Она неуверенным движением поставила стакан на стол — ну точь-в-точь капитан, топящий печаль в вине во время шторма, пока другие моряки в панике бегут к спасательным шлюпкам, волны забрасывают палубу хлопьями пены, ветер завывает, а трюмы заполняются соленой водой. Она была пьяна. Кристина поняла это слишком поздно — алкоголь уже впитался в кровь.

Женщина посмотрела на запотевшее стекло. Снегопад прекратился, но резкий ветер не стих, и тротуары аллеи Жана Жореса быстро пустели, а машины ехали медленно, оставляя на асфальте черные следы. Здание «Радио 5» стояло на другой стороне — этакий кирпичный мальчик-с-пальчик, затесавшийся в компанию пятнадцатизэтажных домов. При каждом взгляде в ту сторону Кристину

начинало тошнить. Она думала, что выпивка приглушит боль, но этого не случилось: журналистка почувствовала себя еще более усталой и отчаявшейся.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — спросил официант.

Штайнмайер кивнула и заплетающимся языком заказала кофе. Мысли путались, и ей никак не удавалось сосредоточиться. За последние четыре дня она лишилась жениха и работы. Навсегда?

«А ты как думаешь? — спросил голосок у нее в голове, которому так нравилось проворачивать нож в ее ране. — Полагаешь, ему хочется жениться на сумасшедшей?»

К глазам подступили горькие слезы. Кристина словно бы висела над пропастью, цепляясь ногтями за камни. Она помешивала ложечкой сахар и пыталась понять, не было ли проклятое письмо отправной точкой происходящего ужаса. Это было абсурдно, лишено какого бы то ни было смысла. И тем не менее... Письмо стало зловещим знаком и разделило ее жизнь на «до» и «после». Она была счастливой женщиной, собиралась познакомить жениха с родителями, очень любила свою работу, жила в хорошей квартире, а теперь все летит к чертям...

«Красиво излагаешь, — съязвил внутренний голос. — Вообще-то насчет счастья ты горячишься...»

Тут-то она ее и увидела. Корделию... Стажерка широким шагом шла по улице Арно Видаля к аллее Жана Жореса. Штайнмайер машинально посмотрела на часы: 14.36. Девушка направлялась к метро — станция «Страсбургский бульвар» находилась всего в четырехстах метрах. Волна ненависти прилила к голове Кристины. *«Сохраняй спокойствие, нельзя действовать сгоряча...»* Журналистка схватила стоявшую на соседнем стуле сумку и встала.

— Сколько с меня за три пива, два коньяка и кофе?

— Двадцать один евро, — отозвался официант.

Женщина дрожащей рукой выложила на стойку две купюры — двадцатку и пятерку:

— Сдачи не нужно.

На улице было морозно, ветрено и пустынно. Кристина заметила силуэт Корделии в ста метрах впереди, поправила ремешок сумки и быстро пошла следом по противоположному тротуару, стараясь не поскользнуться на обледеневшем асфальте.

Стажерка была уже у входа в метро — перед бывшим «Отель де Пари», переименованным в «Ситиз Отель», — когда Штайнмайер переходила центральную разделительную полосу рядом с большим колодцем у атриума под открытым небом. Она поднялась по лестнице и увидела Корделию на эскалаторе, ведущем к перронам линии А, прибавила шагу и оказалась на нижнем уровне. Стажерка в этот момент проходила через турникет. Со своего наблюдательного пункта обуреваемая гневом и ненавистью Кристина хорошо видела ее разгневившееся от мороза лицо и высокий тонкий силуэт. Она подошла к турникетам и бросила осторожный взгляд на платформы: Корделия ждала поезда в сторону Бассо-Камбо. Штайнмайер понимала, что, если выйдет на перрон сейчас, мерзавка тут же заметит ее, и решила спрятаться за спинами пассажиров. Через две минуты подошел поезд. Кристина ринулась вниз, увидела, что ее бывшая помощница не оглядываясь идет в сторону головного вагона, вскочила в этот вагон и прижалась к стеклу. Ее загораживали молодой парень — из его наушников доносились вопли «Зебды»^[39] — и мужчина лет сорока, такой жирный, что выходов у него было всего два: немедленно сесть на «голодную» диету или лечь под нож кардиохирурга. Но журналистка понимала, что Корделия с высоты своего роста рано или поздно обязательно ее заметит.

«Веди себя естественно, старушка, достань планшет, сосредоточься...»

«Легко сказать — веди себя как ни в чем не бывало! Да у меня сейчас сердце выскочит из груди! Вести слезку — это тебе не в шпионском фильме сниматься!»

Кристина бросила взгляд в ту сторону, где стояла стажерка, и облегченно вздохнула: дылда с бешеной скоростью писала эсэмэску, не обращая ни малейшего внимания на окружающих. Через две остановки Корделия убрала телефон и стала проталкиваться к дверям. Эскироль. Штайнмайер не знала, где живет эта девушка, но уж точно не в этом квартале, он ей не по карману. Впрочем, здесь может находиться квартира ее родителей. А скорее всего, у нее свидание — в Эскироле собирается молодняк со всей Тулузы.

Кристина вдруг подумала, что не знает, зачем затеяла слезку. Она действовала импульсивно, и теперь было самое время притормозить и оценить ситуацию, но алкоголь еще не выветрился у нее из мозгов, и

мысли женщины путались. «*Что ты собираешься делать? Похитить ее, как делают в кино, и пытаться, пока она собственноручно не напишет: “Я гадина и сволочь, я все выдумала”?* Или позвонишь в дверь и скажешь: “Привет, это я, пришла на переговоры; давай зароем топор войны, у тебя случайно нет белого чая?”». Журналистка не имела ни малейшего понятия, что будет дальше. Она действовала вопреки здравому смыслу, но все-таки вышла на площади Эскироль.

Кристина следовала за Корделией, отстав метров на сто. Стажерка вошла в «Юник Бар» и под села за стол к парню и двум девушкам, одетым во все черное. Готы. Серебряные браслеты и ошейники, глаза жирно подведены черным, волосы выкрашены в красный и фиолетовый цвета...

Кристина огляделась.

На противоположной стороне улицы находились итальянская булочная-кондитерская и центр эпиляции — не те места, где можно переждать... А если она останется торчать на тротуаре, ее неизбежно заметят. К «Юник Бару» примыкало маленькое кафе, но там она рискует еще больше, ведь две закрытые на зиму террасы разделены только стеклом. Думай. Журналистка бросила осторожный взгляд на свою цель: Корделия перекинула пальто через спинку стула, значит, надолго здесь не задержится.

Штайнмайер вернулась на улицу д'Эльзас-Лоррен, где было много магазинов одежды, не выбирая, зашла в один из них. Там она сняла со стойки вешалку с зимней курткой — уродливая, зато теплая и удобная — и кинулась к кассе. Заплатив, переделась, накинула на голову капюшон и затянула пояс, а свое пальто свернула и сунула в сумку. Цвет куртки она выбрала неброский — модные в этом сезоне красный и желтый не годились для «работы филера». «*Не могла выбрать пострашнее?*» — язвительно поинтересовался ее внутренний голосок.

Вернувшись на площадь Эскироль, Штайнмайер убедилась, что Корделия все еще в баре, и, не снимая капюшона, вошла в соседнее кафе и заказала горячий шоколад, но как только официант принес чашку, увидела, что стажерка собралась на выход — расцеловалась с приятелями и надела пальто. Кристина кинула на стол деньги, сделала глоток, и пустой желудок немедленно скрутил жестокий спазм. Она глотнула еще шоколада, обожгла язык, чертыхнулась и побежала следом за Корделией к метро. Часы на площади показывали 15.26.

И тут она почувствовала *это*. Перемену в себе, происходящую «под покровом» капюшона и темной парки. Они поменялись местами. *Кристина больше не дичь, она — охотник...* Изменение перспективы вселило в нее энергию, ее кровь закипела от нетерпения, *а в мозгу начали тесниться многочисленные вопросы*. Неужели это Корделия — ее мучительница? Если да, то по какой причине она так поступает? Штайнмайер всегда хорошо с ней обращалась — по крайней мере, она всегда так считала, хотя программный директор ясно дал ей понять, что некоторые коллеги терпеть ее не могут. Открытие это потрясло Кристину. Ладно, допустим, что юная дрянь «в деле», но тогда что за мужчина звонил на передачу? Ее дружок? Сообщник? В одном журналистка не сомневалась: *Корделия лгала*. А раз так, то заговор против нее — не горячечный бред ее больного мозга. Хотя Илан, в отличие от стажерки, не врал насчет тех гнусных электронных писем.

В голову женщины пришла еще одна ошеломляющая догадка: *даже если Корделия всего лишь исполнитель, она знает, кто за всем этим стоит...* Через нее Кристина сможет добраться до главаря.

Черт побери!

В метро журналистка остановилась у лестницы и, как и в прошлый раз, дождалась, когда из тоннеля показался поезд. Они ехали назад, к Бассо-Камбо, и Корделия снова лихорадочно жала на кнопки телефона. Через восемь остановок, после «Мирай-Юниверсите», она стала проталкиваться вперед. Кристина взглянула на схему, и в ее мозгу прозвучал сигнал тревоги: она ни разу не была в квартале Рейнери, но хорошо знала его репутацию — наркотики, убийства, банды... О происшествиях в этой части города регулярно сообщали в новостях. Месяц назад на двух таксистов напали прямо у подъезда жилого дома. Один из них приехал по вызову, чтобы забрать клиентов и отвезти их в больницу, и случилось это не ночью, а в *полдень*.

На часах было около четырех, и зимний день уже клонился к вечеру.

Она вышла на платформу следом за Корделией и другими пассажирами, в основном женщинами, что слегка успокаивало. По огромной пустынной эспланаде гулял ледяной ветер, черная вода небольшого пруда дыбилась волнами, густые тучи цвета копоты

клубились над вылинявшими домами, и «охотничий азарт» Кристины мгновенно испарился.

Тонкая фигурка в черном пальто семенила по заснеженному тротуару, а потом свернула на тропинку, протоптанную множеством ног в направлении бетонных зданий. Ветер усилился, температура снова понизилась...

Наступившие сумерки поглотили вышедших из метро людей, и Кристина осталась одна. Воздух был холодным и влажным. Вдалеке, за пустынной насыпной площадкой, мелькали силуэты в накинутых на голову капюшонах: праздные тени, зловещие призраки, они были повсюду — у подъездов, между деревьями, на газонах, где снег из белого стал серо-голубым... В квартирах, за балконными дверями, зажегся свет, но вид светящихся окон не только не успокаивал, а наоборот, заставлял мадемуазель Штайнмайер еще острее ощущать свое одиночество. «Если закричу, вряд ли кто-нибудь услышит, а если и услышит, на помощь точно не придет», — подумала она.

«Куда ты прешься, скажи на милость? Что собираешься делать? Вход в метро в десяти метрах у тебя за спиной: возвращайся домой...»

Ну уж нет... Кристина пошла дальше, глядя на разбитый колесами автобусов асфальт мостовой, свернула на тропинку, поднялась на невысокий холмик и, не удержавшись, пересчитала силуэты, маячившие у подножия домов: их оказалось восемь. «Хорошо хоть сообразила надеть эту страшную куртку с капюшоном, может, сойду за местную...» — успокаивала она себя, но потом вдруг вспомнила, что при ней сумка со всеми документами, и похолодела.

Корделия тем временем миновала ряд машин, припаркованных у центрального здания, и исчезла в подъезде. Кристина не знала, что станет делать, если обнаружит на застекленной двери домофон. Не спрашивать же код у отиравшихся поблизости «теней». Придется ждать, когда кто-нибудь выйдет или соберется войти. Несколько крупных мохнатых хлопьев медленно спланировали на землю. Женщина подняла глаза и увидела темную подушку неба. Деревья тянулись оголенными ветвями к плывущим мимо тучам.

Вдалеке раздался лай, и кто-то крикнул: «Буба, давай сюда!» Из машины с открытым капотом неслись звуки хип-хопа. Несколько подростков смеялись и перекрикивались в темноте:

— Эй, мужик, брось ты эту тачку, она давно сгнила, а мы сейчас до смерти замерзнем!

— Не бойсь, выживешь, ты лучше оборотов прибавь!

— Что ты творишь? Так ничего не выйдет!

— Не выйдет? Это у меня не выйдет? Да что ты понимаешь?!

— Я, между прочим, кишки в гараже рвал!

— Слыхали? Работал он в гараже... Две недели, а потом тебя выгнали взащей! Позорище! Вот я бы сумел вдуть этому жирному педриле, а ты поджал хвост и побежал к мамочке: «Ой-ёй-ёй, пожалейте меня!» Знаешь что, они насрали тебе на голову, брат... Вот что они сделали.

— Эй, придержи язык, ты говоришь с моим младшим братом! Он сам положил с прибором на тот дерьмовник, он их послал, он поймел придурков. Усёк?

— Ладно, ладно...

— Что — ладно?

— Я понял, парень молодец. Всё путем...

— А вот и нет. Не путем. Услышу еще раз, как ты заливаешь, расплющу тебе рожу и выложу видео на «Ютьюб»!

Свет из окон отражался от снега, но обнаженные стволы деревьев притягивали к себе мрак. Кристина торопливо пробиралась между машинами, чувствуя спиной взгляды подростков. Сердце ее колотилось от страха, как бешеное. Она прибавила шагу, с облегчением заметила, что дверь осталась открытой, и, умирая от ужаса, шмыгнула в холл: юнцы могли рвануть за ней, кто-нибудь мог притаиться в подъезде... Но женщина ошиблась: вход караулили вполне солидные мужики — их было человек шесть; они сидели себе на складных стульях и что-то живо обсуждали. Увидев чужачку, все дружно замолчали и уставились на нее.

— Э-э-э... добрый вечер, — пробормотала мадемуазель Штайнмайер, застыв от удивления на пороге.

Члены «комитета бдительности» поняли, что она явно не дилер: один улыбнулся, другой ответил на ее приветствие.

На левой стене, над почтовыми ящиками, висел написанный крупными буквами лозунг: «МЫ ВОЗВРАЩАЕМ СЕБЕ ВЛАСТЬ НАД ЭТИМ МЕСТОМ. УЛЫБАЙТЕСЬ, ВАС СНИМАЮТ. БДИТЕЛЬНЫЕ СОСЕДИ».

Мужчины вернулись к разговору, а Кристина подошла к ящикам, надеясь найти нужное имя.

Никакой Корделии... Вот черт!

Нервы у нее совсем расхотелись, она еще раз обвела взглядом все ряды и зацепилась взглядом за... *Коринну Делия*. Пятый этаж, 19 Б. Журналистка проскользнула к лифту, молясь про себя, чтобы «бдительные граждане» смотрели в другую сторону, и вошла в кабину. Пока лифт ехал вверх, она пыталась успокоиться, хотя больше всего на свете ей хотелось сбежать.

Длинный коридор был пуст. Кристина нажала на кнопку таймера и пошла вдоль дверей, из-за которых доносились голоса, звон посуды, звуки работающего телевизора, музыка электро, детский плач и возбужденные вопли.

Дверь в квартиру 19 Б оказалась последней.

Штайнмайер остановилась и прислушалась: громкая музыка — поп в стиле ар-энд-би, такую часто крутят на МТУ Base. Она сделала глубокий вдох и нажала на кнопку. Звонок прозвенел, но в прихожую никто не вышел. «Музыка орет, значит, в квартире кто-то есть...» — подумала Кристина, и в этот момент лампы погасли. Исчез даже свет, просачивавшийся из глазка: *за ней наблюдали*. Что, если откроет не Корделия, а кто-то другой? Например, мужик, угрожавший ей по телефону?..

Потом дверь распахнулась, ослепив ее светом, а музыка ударила женщину по ушам.

Кристина вздрогнула, подняла голову и разинула рот.

На пороге стояла Корделия. Совершенно голая.

Лицо девушки оставалось в тени, и мадемуазель Штайнмайер не поняла, почему ее глаза так сверкают. Опустив взгляд, она остолбенела: руки стажерки были покрыты татуировками, как кружевом, — от плечей до запястий. «Теперь понятно, почему она никогда не приходила на работу в одежде с короткими рукавами...» — подумала Кристина. На правом предплечье ее коллеги было наколото алое солнце, заходящее над темно-красными небоскребами, а чуть ниже — статуя Свободы и синие волны Гудзона. С другой руки весело скалился желтый череп с пустыми черными глазницами, паутина оплетала пунцовые розы и большой крест... Бедра и ноги девушки тоже были «разрисованы»... Этот примитивный алфавит, очевидно,

имел смысл для той, что носила его на себе. «Все равно что разгуливать по миру с книгой жизни на собственной коже». Взгляд Штайнмайер задержался на едва обозначенной груди Корделии, на ее пупке, в котором, как это ни странно, не оказалось пирсинга, на атлетически накачанных мышцах живота и по-мальчишески узких бедрах. Венчал картину гладкий, как раковина, лобок.

Кристину зазнобило.

Бесконечно долгое мгновение она, не отрываясь, смотрела на клитор, украшенный тусклой металлической подковкой с бусинками на концах.

У нее закружилась голова, и кровь быстрее побежала по жилам.

— Входи... — сказала Корделия.

15. Дуэт

Ребенок зашелся в крике.

Из соседней комнаты донесся обиженный писк младенца, потом раздался нежный успокаивающий голос Корделии: «Тише, ангелочек... не сердись, леденчик... кто тут мамина любилка, зайчик мой сладкий...» — и малыш умолк.

Кристина огляделась.

Мебель из «Икеи», грошковые безделушки, постеры фильмов «Шоссе в никуда», «Ворон», «Порок на экспорт»... Слишком громкая музыка — бухающие басы, двухчастное техно для танцпола, запах горящих свечей, вопли ребенка, алкоголь, нагота Корделии... Штайнмайер с трудом перебарывала дергающую боль под черепом.

В этой квартире было слишком жарко. Уже через секунду незваная гостья начала задыхаться. Бросив сумку, она вышла на балкон. В небе над домами догорали последние всполохи дня, пробивавшиеся через низкие темные облака. Четырьмя этажами ниже по-прежнему громко перекликались фигурки в капюшонах: «Эй, мужик, твой братишка меня достал!» Они прогревали мотор машины и слушали рычащий рэп, извергающий на предместье поток избитых истин. Кристина представила, как будет возвращаться пешком к метро, поежилась и вернулась в комнату.

Все получилось совсем не так, как она предполагала: увидев ее, Корделия ничуть не удивилась. «Интересно, она всегда разгуливает по дому голяком или это “выступление” для меня, чтобы сразить наповал?» — думала Штайнмайер. Нужно было взять себя в руки, переломить ситуацию.

Она и подумать не могла, что у ее помощницы есть ребенок. Сколько ей лет? Двадцать, не больше. Стажерка получает жалкую зарплату... Интересно, где отец ребенка?

Когда Корделия вернулась из детской, на ней был черный пеньюар — она и в нижнем белье предпочитала этот цвет остальным. Хотя обшлага рукавов и надпись по подолу *FACK ME, I'M FAMOUS*^[40] были красными. Пеньюар был коротеньким и едва прикрывал бедра девушки.

— Какого черта ты сюда заявила? — поинтересовалась она у посетительницы.

— Хочу понять, зачем ты соврала, — ответила та.

Они встретились глазами, и Кристина нарочито спокойно опустилась на продавленный диван, пытаясь унять бешеный стук сердца.

— Убирайся! — прошипела стажерка. — Вали отсюда. Немедленно.

Гостья проигнорировала угрозу, прозвучавшую в голосе хозяйки.

— Итак? — Штайнмайер выдержала паузу, подняла глаза и изобразила удивление: «Чего стоишь, подруга?»

По лицу Корделии было понятно, что она пытается взвесить ситуацию, прикидывает, как не прогадать. Ее густо подведенные черным глаза, не отрываясь, смотрели на Кристину:

— Ты не имеешь права здесь находиться. Вон! Уноси ноги!

— А если не унесу, что ты сделаешь? — небрежным тоном поинтересовалась ее коллега. — Вызовешь полицию?

Ей показалось, что на долю секунды стажерка засомневалась. Наконец Корделия издала нервный смешок и кивнула.

— Ладно, будь по-твоему... — Саркастический тон говорил о том, что наглая лгунья не утратила хладнокровия.

Хозяйка ушла на кухню, и Кристина услышала, как открылся холодильник и как хлопнула, закрываясь, дверца. Затем девушка вернулась с двумя запотевшими бутылками пива. Она поставила одну из них перед гостьей и устроилась в кресле напротив нее.

— Итак, *мадам-я-все-воспринимаю-всерьез*, что будем делать? — насмешливо поинтересовалась она. Ее пеньюар задрался, но нахалка и не подумала одернуть полы и прикрыться. Она схватила бутылку, сделала глоток, и Штайнмайер последовала ее примеру — она чувствовала жажду из-за выпитого в кафе коньяка.

— Кто уговорил тебя соврать? — спросила Кристина.

— Какая разница? — Зрачки Корделии были расширены, и ее коллега спросила себя, уж не под кайфом ли она. — Ты притащилась только для того, чтобы задать этот вопрос? Сюда, в этот квартал? Не побоялась? Что за прикид ты напялила, где откопала это уродство?

— Кто мне звонил, *Коринна*? Твой дружок? А может, твой... *сутенер*?

Глаза стажерки полыхнули гневом.

— Что-о-о?! Что ты сказала? — Ее голос опасно зазвенел. — Не смей меня оскорблять! За кого ты себя принимаешь? Думаешь, богачкам все позволено?

— Где папаша твоего сына? — невозмутимо спросила Кристина.

— Не твое дело!

— Ты мать-одиночка? Кто сидит с малышом, когда тебя нет? Как ты выкручиваешься?

Корделия насупилась, взглянула на гостью исподлобья, и та не заметила в ее глазах прежней агрессивной уверенности:

— Я не обязана отвечать... Что это за чертов допрос?

— Наверное, нелегко так жить, — миролюбивым тоном продолжила Штайнмайер. — Могу я... на него посмотреть?

— Зачем?

— Да ни за чем, просто так, я люблю детей.

— Так чего сама не рожает? — сквозь зубы спросила Корделия.

Ее собеседница пропустила эти слова мимо ушей, хотя язвительный выпад подействовал на нее как удар под ложечку.

— Как его зовут? — спросила Кристина.

— Антон...

— Красивое имя.

— Кончай подлизываться, я на твои уловки не поддамся...

— Так можно или нельзя?

Стажерка на мгновение задумалась, а потом встала, вышла в соседнюю комнату и вернулась со спящим ребенком на руках.

— Сколько ему? — поинтересовалась Штайнмайер.

— Год.

Кристина встала и подошла ближе.

— Красивый мальчик.

— Все, хватит! — Корделия уложила сына и скомандовала: — А теперь исчезни! И не возвращайся!

— Так кто велел тебе соврать? — повторила Кристина, и не подумав шевельнуться.

— ТЫ МЕНЯ ДОСТАЛА! *Пошла вон!*

Лицо Корделии выражало такую густую ненависть, что Кристина слегка отодвинулась. Но она по-прежнему не показывала страха.

— Не шуми... Разбудишь Антона... — сказала она. — А я все равно не уйду, пока ты не ответишь.

Затем сдвинула колени, сцепила пальцы, пытаясь унять дрожь, и добавила:

— Я знаю один отличный детский сад и хорошую частную школу.

— Что... О чем ты?... — не сразу поняла ее Корделия.

— Для твоего сына... Директор — мой близкий друг. Дороговато, но это мы уладим. Или ты предпочитаешь, чтобы Антон рос тут, в бедном и очень опасном квартале? Представляешь, что может случиться через несколько лет? Мальчик подрастет, и подростки из банд предложат ему... ну, скажем, постоять на стреме — за небольшие деньги. Или за пакетик кокаина... *Это станет началом конца...* Если Антон попадется на крючок лет в восемь-девять, сколько он проживет, а?

В глазах стажерки заплескался ужас.

— Я предлагаю тебе решение: твой сын может пойти в хорошую школу и получит шанс избежать участи тех, кто кучкуется у подъезда, — продолжала ее гостья.

— Ты блефуешь! Думаешь, я куплюсь на твои сладкие обещания? Я дам тебе информацию, и ты тут же о нас забудешь!

Кристина мысленно отметила слово «нас» и с трудом удержала улыбку. *Клюнула...* Она достала телефон, включила громкую связь и набрала номер.

— Ален Мейнадье, «Креди мютюэль», слушаю вас... — послышался из телефона мужской голос.

— Привет, Ален, это Кристина Штайнмайер, — заговорила журналистка, — я хочу перевести деньги на один счет. Это можно сделать по телефону?

Выслушав утвердительный ответ, она поблагодарила и сказала, что перезвонит через четверть часа.

— Итак? — обратилась она затем к хозяйке дома.

Та ничего не ответила — не съязвила и не выругалась. В ее взгляде появилось нечто новое.

— Подумай о сыне. О его будущем, — настаивала Штайнмайер.

— Почему ты думаешь, что «заказчик» не предложил мне больше, чем можешь дать ты? — поинтересовалась стажерка.

— А будущее твоего ребенка он пообещал обеспечить?

Туше... Корделия отпрянула, как от удара:

— Ты... тебе так сильно хочется выяснить правду?

— Вся моя жизнь летит к черту. Еще бы мне не хотеть...

Корделия задумалась. *Только не спугни ее...* Стажерка поднесла бутылку к губам, сделала два глотка и посмотрела на Кристину. Та взяла свою ополовиненную бутылку и тоже отхлебнула.

— Я не хотела этого делать, — сказала наконец Корделия. — Не хотела, правда... они меня заставили.

«Ложь», — подумала ее коллега, но промолчала.

— Заставили, — повторила Корделия. — Дали денег. И пригрозили — если ослушаюсь, окажусь на улице, а потом меня вышвырнут из страны. Вместе с ребенком...

Она положила ногу на ногу, и Кристине пришлось сделать над собой усилие, чтобы не разглядывать ее.

— Я ушла из дома, и один друг уступил мне эту квартиру, — стала рассказывать стажерка. — Отец Антона исчез с концами...

— Почему ты решила жить отдельно от родителей? — спросила Штайнмайер.

Взгляд исподлобья, нервы у девчонки сдают, на глазах слезы.

— Мой отец пил, мать пила, дружок пил... Отец сидел на пособии, любовник тоже... Когда мне было пятнадцать, дорогой братец попытался меня трахнуть, а я не далась и получила в зубы. Семейка придурков из четырех человек на пятидесяти квадратных метрах... Я не хотела, чтобы Антон рос среди них.

«Ты поэтому так ожесточилась? Из-за родных стала холодной, как камень? Расчетливой до невозможности? Или это очередное вранье? Еще одна выдумка?» Слова Корделии так походили на ложь, что вполне могли быть правдой... От нее словно веяло запахом социальной нищеты, интеллектуальной скудости, грязи, мерзости и алкоголизма. Несколько случайных книг (а может, и ни одной), зато игровая приставка и телескопическая антенна — не глушить же мозг только алкоголем, нужно сдобрить его вульгарщиной... Чутьочку слишком стереотипная картина? Стереотипная, но правдивая — достаточно взглянуть на лица прохожих на улицах.

— Вы с Иланом и представить не можете, что для меня значит эта стажировка... Работать на радио. Учиться. Выбраться из низов и

оказаться в раю... Я впервые увидела свет в конце тоннеля... — вздохнула Корделия.

— Как ты к нам попала?

Корделия колебалась, стоит ли отвечать, но, видимо, решила, что раз уж начала...

— Послала резюме... Фальшивое от первого до последнего слова, — призналась она. — Но я имею право на это место. Пока мои родители пилились в телевизор, а придурок-братец играл в Grand Theft Auto IV,^[41] я брала книги в медиатеке^[42] и читала все, что попадалось под руку. Я бросила школу в шестнадцать, но пока училась, у меня все годы были лучшие оценки по французскому. Да, я соврала, но работу свою делаю хорошо, разве нет? Во всяком случае, не хуже любого другого...

«*Не совсем так*», — подумала Кристина. Она не раз удивлялась пробелам в знаниях Корделии и спрашивала себя, как девушка попала на радио.

— Я пытаюсь совершенствоваться, правда пытаюсь, — продолжила стажерка.

«Она что, уловила сомнение в моем взгляде?» — удивилась ее собеседница. А девушка продолжала:

— Я знаю, что смогу всего добиться. Я ценю мою работу и работаю на износ, ты ведь знаешь...

Штайнмайер кивнула. Девчонка действительно умела вкалывать. Последняя ее фраза прозвучала вполне искренне. Гостья сказала себе, что не должна поддаваться эмоциям, что нужно сохранять хладнокровие и отстраненность. Корделия просто бьет на жалость, хочет ее умаслить.

— Назови имя, — жестким тоном произнесла Кристина, ставя бутылку на стол.

— Хочешь еще пива? — спросила Корделия.

— Имя! — повторила ее коллега.

Молчание, глаза стажерки опущены.

— Корделия... — осторожно позвала ее Штайнмайер.

— Если я скажу, меня заставят заплатить. Дорого.

— Подумай о сыне. Я дала слово, что помогу. Если ты поможешь мне.

По испуганным глазам Корделии Кристина поняла, что та не знает, как поступить, и решила подтолкнуть ее:

— Вот мое предложение: ты все расскажешь Гийомо, а я обеспечу тебе защиту — скажу, что ты стала жертвой шантажиста. Я сумею убедить его, что ты отлично работаешь и должна остаться на радиостанции. Я не только не стану подавать жалобу, но и помогу тебе — в том числе деньгами. Поговори с Гийомо, но имя назови только мне, никого другого это не касается.

— Они причинят вред моему сыну!

Зрачки Корделии снова расширились, и Кристина поняла, что она не блефует — ей действительно страшно.

— Я... я... послушай, мы найдем... где спрятать... твоего... сына и тебя... — забормотала Штайнмайер неуверенно.

Черт, да что с ней такое?

Слова вдруг стали липнуть к зубам, как карамельки, а губы отказывались шевелиться. Кристина протянула руку к столику, и это движение показалось ей ужасно медленным. Мозг явно тормозил... А может, это тело взбунтовалось? Бутылка из-под пива опрокинулась и покатила со странным, объемным и каким-то искаженным звуком, а потом в полной тишине упала на ковер.

— Что... что со мною происходит? — с трудом выговорила Кристина заплетающимся языком.

Хозяйка смотрела на нее, сжав губы.

Штайнмайер встряхнулась. *Соберись, малышка.*

— *Кристи-и-инна-а-а-а... ты уве-е-е-ере-ена-а-а, что хо-о-оро-о-ошо-о-о се-ебя-я чу-увствуе-е-ешь?* — донеслись до нее слова стажерки.

Что у нее с голосом? Наверное, девчонка что-то приняла... Какая смешная интонация...

Кристина с трудом сдерживала нервный смех. Они заторчали. Обе.

Потом было ощущение холода в пальцах, а комната и диван, на котором сидела Штайнмайер, раскачивались, как палуба корабля. Глаза Корделии. Сигнал опасности в мозгу: ее взгляд стал прежним — холодным и расчетливым.

На щеках Кристины выступила испарина: «*О, черт, мне и правда нехорошо...*» Сердце колотилось, как сумасшедшее. Ее все сильнее

тошнило. Вот ведь кошмар...

Происходило что-то неправильное.

Кристина подняла глаза и ужаснулась: девица снимала пеньюар. Ее длинное, покрытое татуировками тело напоминало иероглиф.

«Корделия... Что ты делаешь?..»

«Мне пло-о-охо... совсем пло-о-охо-о-о...»

Корделия поднялась и пошла через комнату. Она обогнула журнальный стол, и ее промежность снова оказалась в поле зрения Кристины, заворотив ее блеском пирсинга. А потом на почти потерявшую сознание женщину надвинулось кукольное личико стажерки, и теплые, влажные губы накрыли ее рот.

— Не дви-и-ига-айся-я-я...

Кристина попыталась отбиться. Она судорожно моргала, пот заливал ей глаза, а внутри у нее все дрожало. Она хотела встать и уйти, но не сдвинулась с места ни на миллиметр и с трудом сфокусировала взгляд на Корделии.

Девушка стояла к ней спиной. Она открыла ноутбук и начала печатать.

Штайнмайер смотрела на ее круглую попку, на широкую нервную спину с выступающими лопатками. Татуировки *расплывались...*

— Ну-у-у во-от... гото-о-ово...

Корделия обернулась. Кристина почувствовала, что теряет сознание.

Затемнение...

16. Речитатив

Шум вспорол ее мозг, как лезвие ножа. Она мгновенно проснулась. Звук повторился, скребя по нервам, и она поняла, что гудит машина.

Гул голосов на улице, тархтенье мотора — и тишина...

Кристина села.

В комнату через полосатые шторы просачивался слабый серый свет, и к журналистке вернулся страх темноты. Она натянула на себя простыни. Комната, в которой она находилась, казалась чужой, совсем незнакомой. Кристина не сразу осознала, что это ее собственная спальня. Ощущение шелка на коже напоминало прикосновение савана. *Она голая...* Из глубины памяти всплыло видение — как удар сухой молнии: Корделия — тоже голая — целует ее в губы, просовывает язык ей в рот...

Руки у Штайнмайер задрожали. Она попыталась нащупать выключатель ночника, нажала на кнопку, но свет не зажегся.

Что-то блестело в темноте, на краю кровати. Серый прямоугольник, бледный, выделяющийся на фоне окружающей ее темноты... *Экран...*

Компьютер включен. «Как я сюда попала, кто меня раздел, кто включил компьютер?» Кристина чувствовала себя ужасно беспомощной и уязвимой. *Что с ней делали, пока она спала?..* Она не стала искать ответ на этот вопрос, чувствуя, что не готова узнать правду, которая может оказаться невыносимо страшной. У нее болели подмышки, спина и локоть. Ее что, несли? Тащили по земле? Видимо, да, но кто? Корделия в одиночку не смогла бы... Интересно, как *им* удалось проскользнуть мимо «бдительных»?

Женщина инстинктивно потянулась к клавиатуре, поползла до нее по кровати, опираясь на локоть, и коснулась тачпада. Экран ярко загорелся, на мгновение ослепив ее, но затем тьма рассеялась, и она облегченно вздохнула. Треугольная стрелка в центре подрагивала, но что-то удерживало Кристину от просмотра. Она знала, была уверена: увиденное еще глубже погрузит ее в происходящий кошмар.

Наконец она решилась, запустила видео, и ей сразу все стало ясно.

Дверь № 19 Б.

Вид маленькой квартиры изнутри... *Веб-камера*... Включенная напротив входной двери. Тонкий звук звонка. Это она, Кристина, давит на кнопку. В поле зрения камеры появляется длинный силуэт стажерки. Со спины, обнаженный. Круглые бледные ягодицы, разделенные глубокой щелью. Она отпирает замок и тянет на себя створку двери. На пороге стоит Штайнмайер. Анфас. Удивительно знакомая и совсем не такая, какой она сама себя представляет.

На экране «Макинтоша» Кристина видела саму себя, Кристину, которая смотрела на Корделию. Ее взгляд скользнул вдоль тела хозяйки и надолго задержался на лобке. Кристина почувствовала, как ее лицо заливается краской. На экране у гостьи глаза едва не выскочили из орбит, и ее взгляд стал масляным. Не было никаких сомнений в том, что именно так ее заворожило. Прозвучал спокойный голос Корделии: «Входи», — и Кристина пошла следом за ней.

«Тебя как будто ждали, — сказала она себе. — Как будто ты здесь уже бывала... Как будто так и надо...»

Следующий кадр.

Кристина сидела на диване, спиной к камере. Видны были только ее затылок и плечи, а Корделия стояла перед ней. Поза у стажерки была в высшей степени красноречивая. Она раздвинула бедра: пальцы с неоново-желтым маникюром приоткрыли половые губы — жест шокирующе непристойный и волнующе интимный. Взгляд у стажерки был похотливым, и казалось, что она в трансе. «Это треугольный пирсинг, — произнесла она. — Не все женщины могут его сделать; нужно, чтобы капюшон клитора был достаточно объемным. Дело не только в красоте — пирсинг стимулирует клитор сзади. *Ты не представляешь, какие потрясающие ощущения обеспечивает эта маленькая штучка, до чего она...*» Кристина не двигалась; она застыла, как статуя.

Камера снимала ее со спины, и можно было предположить, что она смотрит на промежность девушки, как в самом начале, в дверях.

Следующий кадр. Кристина вздрогнула: на экране они с Корделией, обнаженные, лежали на диване, на сей раз — лицом к камере. *Они поцеловались.* Глаза Кристины были закрыты, ее рука лежала между ног стажерки, а Корделия стонала. Кристина при этом не шевелилась — понятно почему.

Последний кадр: Кристина сидела на диване, снова спиной к камере, а стажерка устроилась лицом к ней и пересчитывала купюры: «Тысяча шестьсот, тысяча семьсот, тысяча восемьсот... Тысяча девятьсот... Две тысячи... Ладно, я заберу жалобу... *Не только из-за денег, ты меня здорово ублажила*».

«Снег» на экране. Конец короткой порнушки для домашнего просмотра.

Журналистка судорожно сглотнула. Кровь стучала у нее в висках. Половина разгадки о том, что происходило, пока она была без сознания, получена.

Монтаж. Если видео обнародуют, никто не сможет оспорить тот факт, что некоторые кадры подверглись склейке. Но никто не усомнится, что Кристина пришла туда по доброй воле, особенно когда посмотрит, как она пялится на лобок этой тощей дряни...

Ей подстроили ловушку... Если Гийомо или кто-то из коллег получит доступ к фальшивке, это подтвердит обвинения Корделии и на карьере мадемуазель Штайнмайер можно будет поставить большой жирный крест. Корделию, конечно, тоже выгонят с радио, но, во-первых, она всего лишь стажерка, а во-вторых, гадина вряд ли сильно дорожит своим местом — у нее наверняка есть планы на жизнь поинтересней. Например, обирать ближнего и дурить головы доверчивым идиотам.

Ладно, что дальше? *Шантаж*? Ее собираются шантажировать? Этим все закончится? Но она уже лишилась жениха и работы... Что еще она может потерять?

Кристина чувствовала себя измотанной, оглушенной. Не способной думать. На сей раз Большого Отскока Кристины не будет. Наркотик, которым ее накачали, еще не вывелся из крови, руки и ноги были ватными, мозг отупел...

Экспрессионистский свет просачивался через жалюзи, очерчивая тенями лепнину потолка. Штайнмайер любила свою квартиру, но сейчас это место вдруг показалось ей враждебным, готовым прикончить ее, удушить. Она вспомнила о своей сумке, с тревогой огляделась и вздохнула с облегчением, заметив торбу на кровати в углу. Рядом, на черной простыне, лежал белый прямоугольник. Карточка или послание...

Кристина взялась за уголок бумажки и подтянула ее к себе, чтобы прочесть при свете компьютера.

Это был чек из банкомата, и Кристина запаниковала. Она узнала первые и последние цифры — номер ее банковского счета: «Снято, дата 28/12/12, время: 9 ч. 03 мин., банкомат: 392 081». Сегодня утром со счета сняли две тысячи евро! В этот момент она находилась в кабинете Гийомо — выслушивала бредни Корделии.

Журналистка вспомнила, как стажерка на видео пересчитывала пачку денег, и содрогнулась.

Западня двойного действия...

На простыне, рядом с ноутбуком, лежало кое-что еще. CD-диск.

«Мадам Баттерфляй». Опера. Ну конечно...

Кристина не сразу сообразила, что в финале главная героиня кончает жизнь самоубийством, и ее затошнило. Больше она об этом музыкальном шедевре ничего не помнила.

Страх сочился через кожу и растекался по дальним закоулкам ее мозга. Ее хотят подтолкнуть к самоубийству? Кошмарное воспоминание: отец прижимает ее к себе — так сильно, что делает ей больно — и, срываясь на фальцет, все повторяет и повторяет одну и ту же фразу: «О, дорогая, случился ужасный, ужасный, ужасный несчастный случай...»

Правду она узнала много позже: Мадлен повесилась.

Повесилась в шестнадцать лет.

«Почему эта история случилась со мной? — в который уже раз спросила себя Штайнмайер. — Что это — лотерея с обратным знаком: вместо одного на миллион невероятного выигрышного шанса — невыносимая, невообразимая беда?»

Кристина заметила, что ее электронная почта осталась открытой. *Нет — кто-то ее открыл, пока она спала!* Проклятие, она ведь сменила пароль, поставила защиту, как же ему удалось?.. Женщина пробежала глазами свежие мейлы. Один от ветеринара — «Игги», много спама... А это что такое: *malebolge@hell.com*... «OPERA». Она задержала дыхание и открыла сообщение:

Надеюсь, ты любишь оперу, Кристина.

Короткое послание...

Чертов гребаный ублюдок!

Радиоведущая вцепилась в ноутбук и освобождающим мстительным движением изо всех сил метнула его в стену. Раздался грохот, и без вины виноватый гаджет упал на пол, почти не пострадав от этого акта вандализма: «Макинтош» — очень прочная машина...

Из маленьких колонок донеслись первые звуки Симфонии № 9 — запели воздушные скрипки, глухо затрубили валторны, заискрилась арфа — подобные мечтательно-грустному дыханию осеннего утра в лесу. И вдруг разразились грозой трубы, загрели литавры. Маленькую комнату под крышей накрыло волной. Сервас на секунду оторвался от чтения и уставился на стену, обратившись в слух, чтобы насладиться глухими ритмичными ударами перкуссиониста?^[43] предвещавшими трагедию. Он раз сто слушал «Девятую» и всегда особенно остро ощущал кожей эти чеканные удары — предвестники Судьбы.

«Если в один прекрасный день к нам прилетят инопланетяне и один из них скажет: «А ну-ка, предъявите нам самое прекрасное, что сотворили жители этой планеты!» — я дам ему послушать Малера», — подумал старый полицейский и улыбнулся. Он прекрасно понимал, как феерически обыденна и вульгарна современная эпоха, так что этот аргумент вряд ли окажется достаточно весомым, и маленький зеленый человечек поспешит вернуться на борт своей межгалактической колымаги и улепетнет, предварительно распылив всех людишек смертоносно-профилактическим лучом.

Мартен приглушил звук и сосредоточился на тексте. Он не очень любил читать с экрана и перед тем, как возвращаться в свое временное пристанище, зашел в медиатеку. Сыщик не знал, что именно ищет, но в конце концов выбрал несколько книг с говорящими названиями — например, «Манипуляторы среди нас» и «Моральное преследование, порочное насилие в быту».

Авторы этих трудов утверждали, что некоторые встречи изменяют нашу жизнь к лучшему, а другие могут увлечь в бездну и быть смертельно опасными. Оказывается, среди нас живут люди с извращенным умом, манипуляторы, и они каждый день заманивают в свои сети слабых и уязвимых индивидуумов, женщин и мужчин — они контролируют их, принижают и разрушают. Возможно, Селия Яблонка

пережила именно это? Роковая встреча? Доехав до дома, Сервас первым делом зашел в Интернет, набрал слово «Моки» и выяснил следующее: Блю Моки — окунеобразная рыба, обитающая в океане у берегов Новой Зеландии, «Моки Бар» — кабаре в XX округе Парижа, а в японском языке это слово означает вид хокку.^[44] Ни в телефонном справочнике, ни в «Желтых страницах» никакого Моки не оказалось — только в ежедневнике Селии Яблонки...

Полицейский продолжил чтение и узнал, что на первом этапе — его называют *взломом* — манипулятор старается проникнуть на чужую территорию, спутать ориентиры, выяснить мысли объекта и заменить их своими собственными. Следом идут контроль и изоляция: от семьи, близких, друзей... «Как в секте», — отметил про себя Мартен. Одновременно происходят шельмование, унижение и акты устрашения, имеющие целью спровоцировать идентифицирующий разрыв в мозгу жертвы, поколебать ее самоуважение. При определенных обстоятельствах каждый человек может проявить себя как манипулятор — Сервас помнил несколько случаев из собственной жизни, когда он сам поступал подобным образом, — однако тот, кто порочен от природы, действует так постоянно... Мелкий начальник-тиран, пытающийся скрыть собственную некомпетентность, супруг-наркоман, ревнивая мать... Сыщик вспомнил фразу Джорджа Оруэлла из романа «1984»: «Властвовать — значит раздирать в клочья человеческий разум».

Если жертва сопротивляется или реагирует непредвиденным образом, манипулятор применяет угрозы и физическое насилие, а если его жертва — женщина, то и сексуальное — вплоть до изнасилования... или даже убийства. Сервас снова спросил себя, подвергалась ли насилию Селия Яблонка? Стоит ли ему продолжать или он попусту теряет время? У Селии не было мужа, но, возможно, имелся дружок или любовник? Если да, то допросили ли его? В бумагах Дегранжа такого протокола допроса точно не было. Дело о самоубийстве художницы закрыли очень быстро.

И снова Мартен вернулся к чтению.

Итак, психологическое насилие обезличенно, оно выходит за рамки общественных классов. Домашние и профессиональные тираны ходят по улицам, скрываясь за безобидными социальными личинами. В служебной обстановке также могут иметь место преследование и

домогательство, однако если жертва подает жалобу, инспекторы комиссии по трудовым спорам заставляют ее пройти освидетельствование, предъявив доказательства, и только после этого начинают расследование. Такое положение дел оставляет простор для самых извращенных и коварных манипуляций, когда жертву принижают, постоянно подвергая словесным и психологическим нападкам, переходящим в унижения, причем в присутствии третьих лиц, отдавая противоречивые указания и поручая невыполнимые задания. Подобные нападки несмертельны (если только объект травли не сводит счеты с жизнью прямо на рабочем месте), но человек, который возвращается домой сломанным, униженным и выдохшимся, навсегда утрачивает самолюбие и жизненную силу. Коллеги при этом чаще всего держатся отстраненно — из трусости или по эгоистическим соображениям. Нередко они даже включаются в игру манипулятора, «обличая» якобы очевидные некомпетентность, дурной нрав и безволие жертвы.

В семейном кругу психологическое насилие часто скрывается под маской воспитания. Швейцарский психолог и философ назвала это *черной педагогией*, имеющей целью сломить волю ребенка. Международная конвенция прав ребенка приравнивала вербальное насилие, садистское и унижающее поведение, эмоциональное неприятие и излишнюю требовательность, а также противоречивые или невыполнимые приказания к психологическому террору... Если же манипулятором становится один из супругов, он прекрасно знает свою жертву и ее слабые места, что дает ему значительное преимущество. Психологический насильник унижает партнера, внушает ему чувство стыда и лишает его веры в себя: «Да кем бы ты была без меня?» Партнершу часто терроризируют опосредованно — через домашних животных или детей, а кроме того, ее изолируют от старых друзей и методично подрывают ее душевное спокойствие чередой непрекращающихся мелких нападков, пока она не утратит, окончательно и бесповоротно, критический подход к действительности, не погрузится в состояние умственной растерянности и не перестанет отличать норму от аномалии. *Пока не начнет терпеть нетерпимое...* В семье создается атмосфера постоянного напряжения и страха: жертва никогда не знает, откуда и когда будет нанесен очередной удар. Мучитель уподобляется

двуликому Янусу: внешне он приветлив и любезен, но вдали от глаз посторонних людей — неуравновешен, опасен и высокомерен. Когда жертва наконец взрывается — если это вообще происходит! — посторонние находят ее поведение асоциальным.

С развитием Интернета *сталкеры* — этим англицизмом обозначают преследователей-невротиков — получили возможность выбирать «дичь» не только из числа родственников или коллег. Веб-камеры тоже внесли свой вклад в «демократизацию» этой деятельности, позволив преследовать не только знаменитостей, таких как Мадонна или Джоди Фостер: *все стали целью всех...* Подростки ни в чем себе не отказывают в социальных сетях.

Сервас подумал об Элизе, которую много лет терзал муж. Может, стоит рассказать ей о Селии, посоветоваться? Элиза наверняка сумеет распознать знакомые приметы...

Мартен встал и подошел к окну.

Вечер опускался на заснеженные поля и лес, и серый сумрак медленно окрашивался в синеву ночи. За спиной мужчины зазвучал финал Девятой симфонии, скрипки затянули медленную, простую и невероятно строгую коду. Какая дерзость, какая нежность, какая печаль! Сервас почувствовал, как встают дыбом волоски у него на руках и волосы на затылке. Эта божественная музыка всегда так на него действовала. Неужто он один совершенно несовместим с современным миром? Каждый раз, включая какой-нибудь национальный телеканал, Мартен чувствовал, что погружается в океан оглуляющей незрелости, что его пытаются насильно накормить чем-то тошнотворно-липким, вроде сладкой ваты. Ничего, у него есть книги и музыкальные записи, авось до конца жизни хватит... Интересно, как прокомментировал бы эти его рассуждения Венсан Эсперандье? Венсан был гиком:^[45] он читал японских авторов, о которых майор никогда даже не слышал, играл в видеоигры, смотрел все самые свежие телесериалы, слушал совсем другую музыку и пребывал в полной гармонии с сегодняшним днем. А ведь лейтенант моложе его всего-то на десять лет!

Мысли Серваса перескочили на Шарлен... При встрече в галерее он ощутил исходящую от нее волну тепла и жизненной силы. Эта женщина была подобна опиуму; она могла бы принести ему освобождение, вылечить его от сердечной муки. Но она — жена его

подчиненного и друга, а он — крестный отец ее сына: *e pericoloso sporgersi*.^[46]

Итак, Селия...

Если кто-то подтолкнул художницу к самоубийству, он вряд ли сделал это «за просто так». «Благотворительных» преступлений не бывает. Серийными убийцами руководят неосознанные сексуальные побуждения, преступлениями по страсти — ревность, шантажистами — жажда наживы, и даже *сталкером* человек становится только в том случае, если что-то случайно привлекает его в жертве. Мотив. Всегда есть мотив. И этот мотив — если он существует, если Селия Яблонка не страдала от депрессии и не была больна паранойей — кроется в ее прошлом.

Отзвучали последние ноты Малера — робкие, как шаги лани в лесу, легкие и неуловимые, как дым, — и наступила тишина.

17. Статист

«Ксанакс», «Прозак», «Стилнокс». Почему названия всех этих лекарств напоминают тарабарский язык из дурацкого научно-фантастического фильма? Почему они кажутся *опасными*? Этот вопрос она задала себе накануне, глядя мутными глазами на невообразимое количество легальных наркотиков в своей аптечке, штабеля коробочек с красной полосой, различными символами и предупреждениями, внушающими такое же «успокоение», как предупреждающие знаки вокруг АЭС.

«Знаешь, детка, тот, кто постоянно нуждается в подобных препаратах и держит их дома в таких количествах, должен серьезно задуматься о своем душевном здоровье».

Женщина взглянула на свою ладонь: двухцветная желатиновая капсула, большая голубая овальная таблетка с насечкой в центре, маленькая белая палочка, тоже с насечкой, чтобы было легче делить (она этого не сделала) — антидепрессант, анксиолитик, снотворное. Свидетельство времен, когда демоны в ее голове так распоясались, что остановить их могли только химические доспехи. Кристина спросила себя, не будет ли правильной сейчас, немедленно, увеличить дозу раз в десять, а то и в двадцать. Потом она закинула в рот все сразу и запила таблетки водой из стаканчика для зубных щеток. Рука у нее дрожала так сильно, что половина воды пролилась на подбородок. Женщина вытерла лицо, залезла под одеяло и свернулась клубочком. Собственный мозг казался ей взлетной площадкой для самоубийственных мыслей.

Когда наступило спасительное утро, Штайнмайер толком не помнила, о чем именно думала накануне (зато она не забыла полукоматозное состояние, предшествовавшее отчаянному погружению в сон, больше похожий на черную безжизненную бездну), но точно знала, что ей грозит опасность. Самая страшная за всю ее жизнь. *Смертельная опасность*. Проснувшись утром в состоянии оцепенения, с жуткой мигренью, журналистка осознала, что если немедленно не остановит обрушившуюся на нее лавину, то до Нового года не доживет... *«Все просто как трусы, так-то вот, девчушка».* Трезвый взгляд на ситуацию так ее напугал, что она мгновенно

замерзла и даже зубами застучала от холода. Кристина встала, накинула на плечи покрывало — в точности как спящий на улице бездомный — и, шатаясь, побрела в гостиную. Ей не померещилось — *в квартире действительно было холодно...* Наверное, она подкрутила батарею, когда была не в себе.

Мадемуазель Штайнмайер повернула кран до отказа и поплелась в кухню. Там она посмотрела на часы, и первой пришедшей ей в голову мыслью было: «Пора собираться на радио...» Но в следующий миг в памяти всплыли слова, произнесенные накануне Гийомо, и у нее подкосились ноги, так что пришлось ухватиться за стойку, чтобы не упасть.

Она увидела пустую миску Йгги, согнулась, как от удара в поддых, и кинулась в ванную. *Скорее, скорее, скорее, одну капсулу и одну таблетку...*

В зеркале отразилось ее перекошенное от страха лицо. Ну и?.. Что дальше? Овальная таблетка и двухцветная капсула лежали в горсти, как два шарика мороженого в креманке, но дружок-голосок еще не сказал своего последнего слова: *«Именно такой реакции они от тебя и ждут, дурища. Нельзя быть настолько предсказуемой».*

«Ну и что?! — хотелось крикнуть Кристине. — Какая, к черту, разница, что это меняет?! У тебя есть решение? Нет? Тогда не вякай!»

Она посмотрела на таблетки и положила их на край раковины... Бросила в стакан растворимый аспирин. Вернулась в гостиную, опустилась на диванчик и долго сидела неподвижно, вслушиваясь в звуки просыпающегося дома: загудели трубы, кто-то прошелся по комнате в квартире наверху, заговорило радио, зазвучали приглушенные голоса... И тут женщина осознала, что осталась один на один с невидимым противником, хитрым, изворотливым и куда более сильным, чем она.

Когда Кристина в следующий раз посмотрела на часы, оказалось, что прошел целый час. Она попыталась встряхнуться, но в голове не было ни одной дельной мысли. Что ей делать, куда идти, кого просить о помощи? Чудовищная усталость давила на плечи, страх перед следующим выпадом врага парализовал волю. Кристина напоминала себе корабль, дрейфующий без руля и ветрил, который прибой несет прямо на скалы... Будет намного легче сдаться... *«Правда в том, что*

у меня нет выбора: я потеряла работу, любимого человека — и это еще не конец...»

Жестокая правда сокрушила ее. «*Но это не мешает тебе думать*», — не успокаивался голосок у нее в голове, никак не желавший заткнуться.

Она подчинилась. Первой мыслью было: «Я теперь существую в совсем другом, незнакомом мире...» По ее жизни пронесся ураган, сметая все на своем пути. И в этом неузнаваемом, перевернутом вверх дном мире правила стали иными. Чтобы выжить, придется приспособливаться. Новый мир похож на топкое болото, а у нее нет ни компаса, ни карты. Единственный кусочек «твердой суши», как это ни странно, все тот же — Корделия. Мысль, пришедшая Штайнмайер в голову, когда она решила следить за стажеркой, была вполне здоровой: *Корделия наверняка знает того или тех, кто за этим стоит...* Кристина больше не считала, что все случившееся с нею было идеей ее юной коллеги. Это было слишком умно и слишком сложно для простой обитательницы неблагополучного района. Разве могла эта девка составить и воплотить в жизнь такой план, работая на полставки, да еще с ребенком на руках? Она — наемник. Кто-то пообещал ей — или уже заплатил — кругленькую сумму.

Следующий вопрос напрашивался сам собой: как навести справки о Корделии, не привлекая внимания того или тех, кто постоянно следит за Кристиной? Ответ был прост: в одиночку — никак. Животный инстинкт подсказывал, что ей противостоят как минимум два человека — стажерка и мужчина, звонивший на радио, — но врагов может быть и больше. Одна она с ними не справится. Нужно найти «напарника»... Но кого? Жеральда? Исключено. Илана? Он тоже не годится. Как и родители.

Внезапно журналистке пришла в голову парадоксальная идея. Есть два человека, которых ее мучители наверняка не знают, и один из них сейчас находится на улице, напротив подъезда ее дома. Идея была такой идиотской, что *им* это в голову точно не придет. Дело за малым — убедить будущего помощника.

Кристина подошла к окну спальни и взглянула на мужчину, сидевшего на тротуаре, среди картонных коробок и мешков для мусора, где хранилось все его «имущество». Он крутил головой влево-вправо, зорко следя за прохожими. *Идеальная кандидатура...*

Штайнмайер вспомнила их разговоры. Этот человек всегда казался ей проницательным, спокойным и разумным. А еще у бездомного бродяги был очень живой ум.

«*Может, объяснишь, почему в таком случае он живет на улице?*» — поинтересовался ехидный голосок, обожавший ей противоречить.

«*Да заткнись ты...*»

Кристина заметила, как какая-то женщина бросила монету в стаканчик бездомного, и тот рассыпался в благодарностях. Она отошла от окна. Сначала нужно проснуться. Отрава все еще гуляла у нее в крови, а мозг гудел, как растревоженный улей.

Ледяной душ взбодрил журналистку. Она выпила чашку очень крепкого кофе, быстро оделась и выскочила на улицу, чувствуя себя на удивление бодрой.

Подойдя к своему старому знакомому, Кристина подняла руку в приветственном жесте. Тот махнул в ответ, и женщина направилась к площади де Карм, где находился ближайший банкомат. Максимальная сумма, которую можно было каждый месяц снимать с кредитной карты, составляла три тысячи евро. Накануне ее невидимые мучители сняли две, так что карту в щель она вставляла с некоторой опаской. Что, если они взяли больше? Не лишится ли она карты? Но опасения оказались напрасными: банкомат «выплюнул» нужную сумму. Штайнмайер зашла в булочную, купила два круассана и заслужила недовольный взгляд продавщицы, протянув банкноту в пятьдесят евро. Дома она взяла блокнот и ручку, написала записку и сунула ее в карман. «*Ты, часом, не бредишь?*» — подумалось ей, но она решила, что нет, и налила черный кофе в пластиковый стаканчик, сунула круассаны в микроволновку, подогрела их, а затем сложила все в бумажный пакет и вернулась к лифту.

Две минуты спустя Кристина оказалась на улице, перешла на другую сторону и протянула угощение бездомному:

— Вот, держите...

Мужчина улыбнулся в черно-серебристую бороду, показав кривые желтые зубы. В уголке его рта блеснули металлические пеньки коронок.

— Балуете вы меня... Первый завтрак в постель, кто бы мог подумать! — В тоне бродяги прозвучало искреннее удивление.

— Как вас зовут? — спросила Кристина.

— Макс... — не сразу ответил старик, словно не был уверен, что правильно поступает, открываясь «дамочке».

— Макс, — повторила журналистка, — я хочу вам помочь... Я положила вам в карман записку («и двадцать евро...»). Прочтите ее — только так, чтобы никто не видел. Это очень важно.

На сей раз в глазах ее собеседника промелькнуло не удивление, а настороженность. Он кивнул со всей возможной серьезностью и смотрел ей вслед, пока она шла к подъезду. Вернувшись в квартиру, Кристина встала у окна спальни и встретила взглядом с Максом: ага, оказывается, он прекрасно знает, где именно она живет. Даже на таком расстоянии было заметно, что этот человек пребывает в задумчивости. Потом он медленно поднял стаканчик, как будто хотел произнести тост за ее здоровье — не отводя взгляда и без улыбки. После этого он допил кофе, доел круассан, лег и натянул на себя картон и одеяло.

Кристина помнила каждое написанное ею слово:

Код домофона 1945. С соседней улицы есть другой вход. Выждите час. Потом войдите и поднимитесь на четвертый этаж. Левая дверь. У меня есть для вас работа. Не беспокойтесь, ничего незаконного, как бы странно это ни выглядело.

Только отойдя от окна, Штайнмайер осознала, что натворила, и испугалась. Разумно ли было вот так, запросто, приглашать к себе незнакомого человека, бродягу? Что ей о нем известно? Ни-че-го. Он может оказаться преступником-рецидивистом, наркоманом со стажем, вором, насильником...

Поздно. Она уже назвала ему код.

Можно, конечно, не открыть на звонок — не станет же он ломать дверь! Кристина подошла к двери и проверила задвижку, после чего вернулась в комнату. Макс сидел и смотрел на ее окно. На нее. Но он не подал знака, чтобы она поняла, согласен он или отказывается: мужчина просто смотрел снизу вверх с непроницаемым видом. Журналистка вдруг почувствовала себя ужасно неловко: этот человек наверняка принимает ее за сумасшедшую.

«Подожди, то ли еще будет, когда ты объяснишь, чего от него хочешь...»

Она подходила к окну каждые пять минут. Ее мучило нетерпение — а бездомный все не двигался, сидел себе и сидел. Через час женщина снова бросила взгляд на улицу — и застыла: тротуар был пуст: *он покинул свой пост*. Когда тишину квартиры разорвала трель звонка, Кристина оцепенела. А между тем Макс в точности исполнил ее указания.

«О, боже, ты окончательно рехнулась...»

Кристина сделала глубокий вдох, а затем почти бегом преодолела расстояние до двери и открыла ее.

18. Веризм

Ее первой мыслью было: «Какой же он высокий...» Метр девяносто, не меньше. И ужасно худой. Он слегка сутулился и был похож на доброго великана из детской сказки. Хотя Кристину это не успокоило — наоборот, женщина спросила себя, не совершает ли она очередную глупость.

«Думаешь, коротышка был бы менее опасен?»

— Если хотите, могу остаться здесь... — Макс заметил ее колебания и одарил широкой улыбкой, в которой сквозила ирония. — Могу разуться — но не думаю, что вам понравится.

Его голос звучал успокаивающе, и хозяйка почувствовала себя смешной.

— Не стоит, проходите. — Она пропустила мужчину перед собой, и в ноздри ей ударил запах: кислый пот, грязь, давно не мытые ноги и сладковатый неубиваемый алкогольный душок — он сочится из пор, даже если последний стаканчик пропустили много часов назад. Возможно, на улице бродяга вонял не так сильно, как его товарищи по несчастью, но здесь, в квартире, «аромат» его тела обволакивал все вокруг, как пары ацетона. Мадемуазель Штайнмайер порадовалась, что у нее всего один нос, а не пять, как у муравьев. Она поморщилась и жестом пригласила нового знакомого в гостиную, стараясь не подходить слишком близко, и с грустью увидела, как грязные стоптанные ботинки топчут ее паркет.

— Хотите кофе? — предложила она.

— А фруктовый сок есть? — поинтересовался ее гость.

«Крепкий и дистиллированный?» — съязвил злобный голосок у радиожурналистки в голове, но она заставила его заткнуться.

Затем Кристина принесла из холодильника бутылку и кивнула на диван.

— Не бойтесь микробов? — с усмешкой поинтересовался бездомный, после чего взял стакан огромной ручищей — она была почти такой же черной, как надетая на нее митенка. Белые ногти казались светлыми вкраплениями на кусках угля.

Он пил большими жадными глотками, как будто умирал от жажды, и хозяйка не могла отвести взгляд от его дергающегося

кадыка. Высосав все до капли, мужчина облизал растрескавшиеся губы и шутовски прищелкнул языком, вытер бороду тыльной стороной ладони, а потом поднял на Кристину бледно-голубые, с легкой поволокой глаза, и она подумала: «Когда-то этот человек был очень хорош собой». Обветренная, задубевшая кожа и морщины на щеках не портили правильных черт его лица, нос был прямым, а губы — красиво очерченными. Густые черные брови подчеркивали зоркость его взгляда. Седые волосы падали на плечи грязными спутанными прядями. Больше всего этот человек напоминал найденную на чердаке бесценную картину: детали скрыты под слоями грязи и жира, но красота угадывается с первого взгляда.

— Спасибо, — сказал Макс. — Но предупреждаю: я не всякую работу готов делать за деньги.

Сунув руку в карман заляпанного множеством разнообразных пятен пальто, бродяга достал двадцатку и записку и положил их на журнальный столик:

— Если все законно, к чему такая таинственность?

В его голосе не было ни намека на враждебность — только любопытство человека, которого ситуация скорее забавляет.

Штайнмайер не отвечала, и он продолжил:

— Вы сумасшедшая?

Женщина вздрогнула. Вопрос был задан совершенно спокойно, но требовал ответа.

— Не думаю... — покачала она головой.

— Как вас зовут?

— Кристина.

— Вперед, Кристина, объяснитесь.

Гость откинулся на спинку дивана и скрестил ноги, и хозяйка невольно улыбнулась, подумав, что бездомный похож на психиатра — несмотря на грязную одежду и давно не стриженные волосы.

— Что с вами случилось? — спросила она. — Как вы дошли до такой жизни? Чем занимались раньше?

Бродяга помолчал, глядя ей в лицо, а потом пожал плечами:

— Вы вряд ли позвали меня, чтобы поинтересоваться увлекательными подробностями моей жизни...

— Я настаиваю, Макс. Хочу больше узнать о вас, прежде чем расскажу свою историю.

Мужчина снова пожал плечами:

— Это ваша проблема. Не моя. Думаете, я выложу вам все подробности... за двадцать евро? Полагаете, я дошел до предела? Оказался на самом краю и ничего не чувствую?

Голос у него дрожал, и Кристина поняла, что оскорбила его. Сейчас он поднимется и уйдет.

— А вы полагаете, что я зову в гости всех бездомных без разбора? — парировала она. — Я впустила вас в свой дом, потому что считаю человеком, достойным доверия. Вы не обязаны выворачивать душу наизнанку и можете вообще ничего не говорить — я все равно объясню, чего хочу от вас.

Макс еще немного поколебался, но потом все-таки решился, и лицо стало серьезным, даже напряженным.

— Я был учителем французского в частной школе. — Он нахмурился и тяжело вздохнул. — Когда ученики куда-нибудь ездили на выходные, во время пасхальных каникул или на День всех святых, я их сопровождал. Мы с женой и детьми каждое воскресенье ходили на мессу. Я был уважаемым членом сообщества, меня ценили не только друзья, но и посторонние люди. Многие исследователи считают, что вера и религиозное поведение присущи только человеческим особям и имеют место во всех культурах. Они полагают, что в мозгу *хомо сапиенс* есть участки, отвечающие за религиозное чувство.

— Что же случилось? — спросила его собеседница.

— Научное сообщество не сходится во мнениях на сей счет, — продолжил Макс, проигнорировав вопрос Кристины. — Одни считают, что вера имеет сугубо биологическое происхождение: сторонники дарвиновской теории уверены, что естественный отбор благоприятствовал верующим, потому что их шансы на выживание были выше. Мозг человека развивался и становился более восприимчивым ко всем формам верований, и в этом причина их широкого распространения по миру. — Бывший учитель сделал долгую паузу и посмотрел прямо в глаза хозяйке дома. — Я утратил веру в тот день, когда родители одного мальчика подали на меня жалобу за *неподобающее поведение по отношению к ребенку*. Я якобы показывал ему мою... штучку. Слух распространился быстро. Город маленький, люди любят поговорить. Другие родители начали расспрашивать своих детей, и те напридумывали еще больше

мерзостей. О нет, они ничего плохого не хотели, но вопросы им задавались настойчиво, а дети пытались удовлетворить любопытство мам и пап и давали именно те ответы, которых ждали — или опасались — родители. Меня арестовали. Устроили очную ставку с мальчиком. Детали не сходились, а кроме того, их оказалось слишком много. В конце концов он признался, что все выдумал, и меня отпустили. Но дело этим не кончилось... В Интернете появилась анонимная информация о том, что у меня в компьютере нашли детскую порнографию, что я занимался онанизмом, щупал детишек, подглядывал за ними в душе и туалете... и даже... домогался собственных детей...

Признание далось Максиму нелегко. Кристина подняла голову, увидела, что у него увлажнились глаза, а на правой щеке забились жилки, и из деликатности отвела взгляд.

— Для тех, кто распространял и передавал эти слухи, факт, что жандармерии не хватило доказательств, ничего не значил: мальчик отказался от своих слов, чтобы не иметь неприятностей, — продолжал ее гость. — Судья допрашивал его строгим тоном, на родителей надавили, и дело было закрыто...

У него на лбу выступили крупные капли пота, и Кристина вдруг подумала: «Этот человек отвык от замкнутого пространства».

— То были не подозрения. Меня «признали виновным». Каждый человек всегда в чем-то виноват, согласны? — усмехнулся Макс. — Слишком много слухов, слишком много псевдосвидетельств, понимаете? И вот уже поборники справедливости — заурядные мерзавцы, убежденные в своем праве, ждущие малейшей возможности, чтобы дать волю жестокости, — решили вершить суд самостоятельно. Моя семья жила в красивом доме — на окраине города, рядом с лесом: даже этот факт обернули против меня. Пошли разговоры: мол, он специально поселился на отшибе, чтобы творить всякие мерзости. Однажды вечером, когда мы смотрели телевизор, в окно гостиной влетел камень. Два дня спустя побили стекла в других комнатах. Потом — снова и снова. Негодяи не показывались, только выкрикивали из темноты грязные ругательства... Мы стали закрывать ставни, как только наступал вечер, а они все равно швырялись чем попало, устраивали нам побудку в три часа ночи... *Бам, бам, бам, бам!*

Грохот, оскорбления, жуткие вопли... Сами понимаете, как были напуганы дети.

Собеседник Кристины кивнул на свой стакан, она налила ему еще сока, и он выпил залпом, но языком не прищелкнул — настроение было не то.

— Происшествия множились. Отравили нашего кота, регулярно прокалывали шины нашего автомобиля; моя жена отправилась в аптеку за сиропом от кашля для малыша, и ее отказались обслуживать и попросили больше не приходить; друзья переставали с нами общаться. *Один за другим...* — перечислял он свои несчастья. — Моя жена кому-нибудь звонила — и не могла дозвониться. Никто не хотел приходить к нам в гости. Иногда она возвращалась с работы в слезах, но не желала объяснять почему, закрывалась в своей комнате и плакала, а я делал вид, что ничего не происходит. Не задавал вопросов — слишком боялся услышать ответ. Моих детей подвергли остракизму, обращались с ними, как с прокаженными. Сын и дочь, мои семилетние близнецы, играли только друг с другом. Их подлавливали на выходе из школы и задавали лицемерно-сочувственные вопросы насчет самочувствия. Дети не понимали, что происходит. Жена не осмеливалась подъезжать к входу в школу, забирая их после уроков, и останавливала машину в конце улицы. — Он печально улыбнулся. — А потом как-то раз она посмотрела мне в глаза и спросила: «Ты ведь это сделал, да?» Даже она поверила. Разве возможно, чтобы все ошибались? *Дыма без огня не бывает...* Она бросила меня. Забрала детей и уехала. Я начал пить. Директор школы тоже считал меня виноватым и воспользовался первой же возможностью, чтобы уволить. Я потерял дом, некоторое время жил у друга, но и он не выдержал — попросил меня съехать. Я не держу зла: жена не оставила ему выбора, заявила: «Или я, или он». Он дал мне денег, сказал: «Звони в любое время...» Больше мы не виделись — ни я, ни он не пытались связаться друг с другом. Он был хорошим другом, лучшим из всех.

Макс крепко зажмурился, а когда открыл глаза, они были сухими и внимательно смотрели на Штайнмайер.

— Ладно, довольно обо мне, — произнес он небрежным тоном, как будто только что рассказал смешной анекдот или забавную историю. — Так что вам от меня нужно, Кристина?

Сколько ему лет? На вид — около шестидесяти, но ведь он живет на улице, значит, может быть, на десять, а то и на двадцать лет меньше. Он рассказал ей чудовищную историю, но от него исходило ощущение спокойной силы, внушающей собеседнику умиротворение. Женщина не знала, сказал ли он правду, был ли невиновен или «переписал историю», чтобы обелить себя, в том числе в собственных глазах. Как знать... Она решила играть в открытую:

— Я произвожу на вас впечатление человека с неустойчивой психикой, невротички, психопатки?

— Нет, — ответил ее гость.

— Вы очень проницательный человек. Вы подмечаете все, что происходит на улице. Я когда-нибудь казалась вам истеричкой или женщиной, склонной к паранойе?

— Нет. Вы куда нормальней некоторых ваших соседей.

Журналистка улыбнулась:

— А если я скажу, что за мною кто-то следит, что есть человек, нанявший этого «кого-то»...

— Я поверю.

— Что он наблюдает за домом...

— Похоже, дело серьезное.

— Так и есть.

— Вы все время сидите напротив моего подъезда. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне о каждом, кто будет слишком часто проходить мимо и проявлять интерес к этому дому, ясно?

— Я не идиот, — добродушно произнес мужчина. — С чего вы взяли, что за вами установили слежку?

— Это вас не касается.

— Еще как касается; я ведь сказал, что даже за деньги готов делать не всякую работу.

Штайнмайер заколебалась. В каком-то смысле такая прямота ее успокаивала. Если бродягой движет не только желание заработать, возможно, он не продается первому, кто предложит больше.

— Ладно, я объясню, — согласилась она. — Все началось с анонимного письма. Его бросили в почтовый ящик шесть дней назад...

Собеседник слушал, не перебивая, время от времени кивал и вообще был очень внимателен и терпелив. Человеку, который живет на улице и зависит от щедрости прохожих, терпения не занимать.

Кристина видела, что рассказ его явно заинтересовал: иногда он недоверчиво щурился, отдельные детали вызывали у него удивление, но, в конце концов, чего только не бывает в этой жизни...

Потом он вынес короткий вердикт:

— Интересно...

— Вы мне не верите, так, Макс? — расстроилась женщина.

— Пока нет. Но и сумасшедшей вас не считаю... Сколько?

— Для начала сто евро. Потом посмотрим.

— Что посмотрим?

— Будет зависеть от результатов.

— Договорились: сто евро, чашка горячего кофе и что-нибудь пожевать — сейчас.

Журналистка рассмеялась — впервые за много дней:

— По рукам!

Бездомный бросил на нее пристальный взгляд и покачал головой:

— Вы меня совсем не знаете, Кристина, но, не колеблясь, впустили в дом, а ведь я мог оказаться грабителем или насильником... Вы красивая женщина. И явно очень одинокая. К чему так рисковать?

— Я уже «выбрала» свою квоту невезения, — устало ответила Штайнмайер, — вряд ли со мною может случиться что-нибудь еще. И потом, я вас знаю: мы давно общаемся, каждый день перекидываемся парой слов... Да я с некоторыми коллегами реже разговариваю!

Бывший учитель укоризненно покачал головой:

— Вы что, газет не читаете? Не знаете, что одинокие дамочки, общающиеся со сбродом вроде меня, могут плохо кончить: странный друг заявится ночью и перережет горло?

— Когда вы уйдете, я запру дверь на ключ — если вас это успокоит, — пошутила женщина. — Вы не верите в мою историю, я права?

Прямота последовавшего ответа удивила ее.

— Сейчас для меня важно другое — возможность легко заработать немного денег, — признался бездомный. — Я выполню свою часть уговора. А потом решу, стоит ли вам верить. И я буду рад тарелке супа и чашке горячего кофе... время от времени. Мы договорились?

Кристина кивнула, и они обменялись улыбками. На журналистку вдруг снизошло ощущение покоя, как будто они стали сообщниками.

Хорошо, что она ему доверилась. Этот человек ее не судит, но оставляет за собой право на сомнение. Впервые за долгое время у Штайнмайер снова появилась надежда. Возможно, госпожа Удача наконец сменила гнев на милость?

— Итак, — сказала она, — если заметите кого-нибудь подозрительного, сразу придете и опишете его. Если все «чисто» и никто не наблюдает за дверью, ставьте стаканчик для мелочи слева от себя, а если что-то заподозрите — справа. Все ясно?

Бродяга едва заметно усмехнулся и кивнул:

— Стаканчик слева — «путь свободен», справа — опасность. А что, мне нравится...

Тут Кристине пришла в голову еще одна неожиданная мысль, и она встала:

— Вы разбираетесь в опере, Макс?

— Немного разбираюсь, — ответил мужчина, в очередной раз удивив ее.

Она протянула ему найденный на кровати диск:

— Что общего между «Трубадуром», «Тоской» и «Мадам Баттерфляй»?

Ее гость взглянул на футляр с диском.

— Самоубийство... В «Трубадуре» главная героиня Леонора выпивает яд, после того как выкупает жизнь Манрико, пообещав отдаться графу ди Луна. Мадам Баттерфляй совершает харакири, когда ее оставляет Пинкертон. А Тоска бросается в Тибр с башни замка Сент-Анж.

Кристину потрясли его музыкальные познания — и сделанное открытие. Ну конечно. Она должна была догадаться... Намек более чем прозрачный.

— Скажите, Макс, вы виделись с детьми после... той истории? — мягко, тихим голосом спросила она.

— Нет, — ответил бездомный после долгой паузы.

19. Тенор

Она достала телефон — нужно было позвонить еще одному человеку, — посмотрела на Игги и едва не расплакалась.

На шее песика красовался нелепый конусообразный воротник, не дававший ему срывать бинты. Взятая в шину правая задняя лапа напоминала деревянную ногу пирата. Больше всего Игги теперь был похож на мультяшного героя студии «Пиксар».

Сбитая с толку, потерявшая голову собака то и дело задевала воротником углы двери и мебель и всеми силами пыталась избавиться от надетых на нее орудий пытки.

— Ты ведь знаешь, как я тебя люблю, дурачок... — ласково сказала ему хозяйка.

Игги заскулил, разрывая Кристине сердце, и посмотрел на нее с неммым укором: *«Как ты могла такое со мною сотворить?»* Может, попросить Макса выгулять его? *«Спокойно, подруга, не горячись. Ты едва знаешь этого типа, не стоит давать ему ключи».*

Ветеринар поинтересовался, почему она не забрала своего пса раньше. Женщина пролепетала что-то насчет неурядиц в семье, но он явно не поверил и спросил неприятным тоном: *«Как, говорите, это случилось?»* Она объяснила тонким, как осенняя паутина, голоском, что Игги сорвался с поводка и попал под машину; врач ответил на это скептическим взглядом, и у нее от стыда запылали щеки.

Кристина еще раз прокрутила в голове свой план. *Ничего не оставлять на волю случая... Действовать на опережение...* Она посмотрела на клавишу, которую собиралась нажать. А если телефон прослушивают? *«Конечно, прослушивают — ЦРУ вкупе с КГБ... ах извините, теперь эта контора называется ФСБ...»*

«Ты смешна!» — подумала она, но тут же сказала себе, что смешное не убивает и наивность в подобной ситуации может оказаться куда более опасной. Штайнмайер осознавала, что скатывается к параноидальной логике рассуждений, но кто бы не скатился на ее месте?

Она подошла к окну спальни. Макс вернулся на свой пост, и стаканчик стоял слева от него: *путь свободен*. На этот раз он не поднял глаз, в точности следуя взятой на себя роли. Видимо, мужчину

забавляла их игра, и он радовался, что нашел легкий способ срубить денег, а в качестве бонуса получить ежедневный горячий обед.

Кристина надела джинсы, кроссовки, свитер и черную толстовку с капюшоном, нацепила темные очки, вышла из дома и направилась в сторону ближайшей станции метро. Снегопад прекратился, но было холодно, и снег таял только на мостовой под колесами машин.

От света, ярких красок и толпы у журналистки слегка закружилась голова. Она вошла в вагон и взгляделась в лица пассажиров. Молодые, старые, взгляд у большинства отсутствующий... Внимание Кристины привлек мужчина лет тридцати — он уставился на нее, как только она села, но, поняв, что его «засекли», сразу отвернулся.

Женщина вышла на станции «Дворец правосудия». Стоя на эскалаторе, она обернулась, но нахального парня не заметила и облегченно вздохнула. Наверху она быстро перескочила на другой эскалатор и поехала вниз, проверив, не повторил ли кто-нибудь ее маневр, не обнаружила слежки и перевела взгляд на огромный гобелен с единорогом и словами «СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО», написанными огромными буквами. Несколько последних ступеней Кристина преодолела бегом, после чего вскочила в первый же поезд, идущий в обратном направлении, и вышла через три остановки на станции «Жан-Жорес».

На улице Штайнмайер смешалась с толпой туристов, бродивших между сувенирными киосками и тумбой Морриса,^[47] обогнула карусель с деревянными лошадками, прошла мимо фонтана, пересекла площадь Вильсона и свернула на улицу Сент-Антуан дю Т. Затем дошла до магазинчика мобильной связи, юркнула в его дверь, откинула капюшон и сняла очки. Через пять минут она покинула магазин с «одноразовым» мобильником и нырнула в дверь ближайшего кафе.

Пройдя между столиками в глубь зала, Штайнмайер снова «проверилась»: никто ее не преследовал. Она набрала нужный номер, поднесла телефон к уху и стала ждать ответа. От человека, которому поклялась никогда больше не звонить.

Пот градом катился с лица и тела Серваса. От прилива молочной кислоты все мышцы горели так сильно, словно он заразился

столбняком. В голове мелькнул образ: его бездыханное тело валяется на беговой дорожке тренажера, а голос электронного тренера вопит: «Вставай! Вставай! Не расслабляйся, бездельник!»

Он отключил программу и взял полотенце. Промокшая майка прилипла к телу, легкие свистели на манер кузнечных мехов, но Мартен чувствовал прилив сил и спрашивал себя, почему так долго игнорировал спорт. Видимо, ждал, когда его принудят заняться физическими упражнениями: в заведении, куда он попал, спорт, как и простые ежедневные обязанности, был частью терапии. Сначала сыщик неохотно подчинялся дисциплине, но скоро научился ценить целительную силу обыденных обязанностей и стал получать удовольствие от осознания пользы, приносимой ему этими занятиями.

Другой пансионер — багровое лицо алкоголика со стажем, наждачно-скрипучий голос, вечно мутный взгляд — изнурял себя на гребном тренажере. Сервас кивнул ему и направился в душевую. Выйдя из бывшего амбара, переоборудованного под спортзал, он увидел Элизу, махавшую ему рукой из окна главного корпуса. Он накинул капюшон на влажные волосы и бодрой рысцой преодолел заснеженную лужайку.

Служащая ждала его в холле:

— Вам посылка...

Полицейский посмотрел на пакет и мгновенно вспомнил сон о заснеженной польской чаще. Потом в мозгу его что-то щелкнуло, и он подумал о ключе от гостиничного номера.

— Все хорошо, Мартен? — осторожно спросила Элиза.

Мужчина вздрогнул, вынырнул из задумчивости и осознал, что стоит столбом посреди вестибюля.

— Извините...

— Хотите, чтобы я открыла?

— Нет-нет, спасибо, я сам.

Сервас взял пакет и рассмотрел штемпель: отослано из Тулузы, как и в прошлый раз. «Спасибо», — сказал он, давая понять, что хотел бы остаться один. Элиза покачала головой и ушла.

Мартен разорвал обертку и увидел картонную коробочку размером одиннадцать на девять сантиметров, точную копию первой. Он сделал глубокий вдох и снял крышку. Внутри лежала *фотография*... Сыщик не сразу понял, что на ней изображено. Нечто

вроде гигантского «Меккано»,^[48] плывущего по орбите Земли в холодном синем свете космического пространства... Огромные крылья, составленные из солнечных батарей, белые цилиндры модулей, стыковочные узлы, иллюминаторы: *Сервас смотрел на снимок Международной космической станции...*

Майор достал фотографию из коробки и увидел, что на дне лежит листок бумаги в клетку, вырванный из обычного блокнота. Он прочел написанную шариковой ручкой фразу:

Еще одна улика, майор. Пора бы вам продвинуться в расследовании.

Мартен вернулся к фотографии. Вспомнил газету, которую перелистывал в кафе, прежде чем отправиться в галерею Шарлен, статью, обведенную синей ручкой. Тулуза — центр космических исследований; возможно, в этом направлении и нужно копать? Но что он должен искать? Сначала его внимание привлекли к сто семнадцатому номеру, где покончила с собой художница Селия Яблонка, теперь недвусмысленно указывают на... космос! Что за ребус, как гостиница связана со станцией на околоземной орбите?!

Сервас сунул снимок в карман и достал телефон:

— Шарлен? Это Мартен...

Его приятельница не отвечала.

— Мне нужно задать тебе еще один вопрос о той художнице, которую ты выставляла... — продолжил полицейский.

— Спрашивай, — отозвалась мадам Эсперандье.

— Селия Яблонка когда-нибудь проявляла интерес к космосу?

Пауза.

— Да. Космос был темой ее предыдущей выставки... А в чем дело? Ты что-то раскопал? — заинтересовалась Шарлен.

Сервас почувствовал холодок охотничьего азарта.

— Она могла кого-нибудь встретить в ходе своих... изысканий?

— Что значит «кого-нибудь встретить»?.. Селия со многими встречалась; она считала себя не только художницей, но и журналисткой.

— Она никогда не говорила о ком-нибудь особенном?

— Нет... я не готовила ту выставку.

Мартен вздохнул и поблагодарил хозяйку галереи.

— Ты уверен, что всё в порядке, Мартен? Голос у тебя какой-то... странный, — заметила та.

— Все хорошо, но спасибо, что спросила.

— Береги себя. Целую, пока.

Сервас снова взглянул на фотографию. Покорение пространства... Сложная область на стыке науки и политики. Сколько жителей Тулузы и окрестностей задействовано — так или иначе — в этой отрасли? Тысячи... А он даже не знает, что ищет.

— Снова снег, поверить не могу! — произнес знакомый голос у него за спиной.

Сервас обернулся и улыбнулся, глядя на молодого человека в мятом плаще «Барберри», который деловито отряхивался, что-то недовольно бурча себе под нос. У него было пухлое толстошее лицо сладкоежки, светло-каштановые волосы и безалаберный вид подростка, который слишком много времени проводит за компьютером, видеоиграми и комиксами. Лейтенант Венсан Эсперандье в свои тридцать два года имел двоих детей — один из них был крестником Серваса — и красавицу-жену, одну из самых блестящих женщин Тулузы. Ту самую, с которой недавно встречался сыщик, ту самую, которой только что звонил.

— Привет, — сказал Венсан.

Из висевших у него на груди наушников доносилась музыка. «Смахивает на треск сверчка...» — подумал Мартен. Эсперандье вытащил из кармана айфон и ткнул пальцем с обгрызенным до мяса ногтем в кнопку, перекрыв кислород группе Killers, оравшим «All These Things I've Done». ^[49]

— Шарлен сказала, что ты заходил, интересовался художницей — той, что убила себя в гостинице... — сказал он. — Что происходит? Узнал что-то новое?

Сервас посмотрел на своего заместителя, а потом достал жемчужно-серую коробочку и протянул ему:

— Вот, держи. Может, сумеешь разузнать, где ее сделали и где продали? Внутри есть марка.

Венсан нахмурился:

— Это официальный запрос? Ты ведешь расследование? Решил вернуться?

— Не сейчас...

— Я навел справки. Дело закрыто, Мартен. Это самоубийство.

— Знаю. Как в деле Аллегра.

— Так, да не так. Здесь вскрытие делал Дельмас.

— Это я тоже знаю. Он уверен, что художница покончила с собой.

— Дельмас с тобой говорил? — Эсперандье не сумел скрыть изумления. — Когда?

— Не имеет значения. Мог кто-нибудь подтолкнуть ее к самоубийству?..

— Так ты общался с Дельмасом или нет? — не успокаивался лейтенант. — Чем ты в действительности занят?

— Что, если за всей этой историей кто-нибудь стоит?..

— О чем ты?

— Преследование, манипуляция, насилие...

— У тебя есть доказательства?

— Пока нет...

— Черт возьми, что ты творишь, Мартен?! Ты в отпуске по болезни, не забыл? Тебе запрещено проводить следственные действия.

— А ты явился, чтобы мне об этом напомнить? Мог бы позвонить... Я ничего не расследую — просто уточняю некоторые моменты.

Эсперандье укоризненно покачал головой:

— Спасибо за «теплый» прием, господин майор... Ладно, расскажи, как у тебя дела?

Сервас сразу пожалел, что сорвался: Венсан был единственным, кто регулярно навещал его «в заточении».

— Шарлен тебя просветила? — спросил он уже более спокойным тоном.

— Ну... Она сказала, что ты очень неплохо выглядишь.

Майор коротко кивнул:

— Не сердись, Венсан, ты знаешь, как я к тебе отношусь... как ценю, что ты сюда таскаешься — не то что другие...

— У этого заведения не самая лучшая репутация...

— Неужели? Интересно, почему? — съязвил Сервас. — Кормят тут отвратительно, но в остальном жизнь вполне сносная: занимаешься спортом, дышишь свежим воздухом, сгребашь сухие

листья, играешь роли в современных пьесах... Наши коллеги что, боятся заразиться?

Эсперандье кивнул:

— Сорок самоубийств полицейских в год, это настораживает.

Затем он кивнул на коробку:

— Откуда это?

— Получил сегодня по почте. Внутри была фотография, — объяснил Мартен и протянул подчиненному снимок космической станции. — А четыре дня назад мне прислали электронный ключ от гостиничного номера. В точно такой же коробке... *От номера, где покончила с собой Селия Яблонка...*

Глаза лейтенанта загорелись, как две тысячеваттные лампочки.

— Ты поэтому ввязался в расследование?

— Да...

— Есть идеи насчет личности отправителя?

— Ни одной.

— Если об этом узнают, Мартен...

— Будешь ты мне помогать или нет?

— Говори, что делать...

— Нужно узнать, подавала ли Селия Яблонка куда-нибудь жалобу, заявляла ли, что ее преследуют, угрожают, делилась ли опасениями с кем-нибудь из близких; в деле таких данных нет. Необходимо выяснить, была ли девушка склонна к депрессии, совершала или нет попытки самоубийства. И наведи справки насчет коробки: это ширпотреб или же такие выпускают маленькими партиями, кто их делает...

— Ладно, предположим, я соглашусь помогать тебе; но не суйся, куда вздумается, и не заявляй, что ты при исполнении и ведешь официальное расследование! Рано или поздно это дойдет до ушей начальства.

— Начальства? — Сервас помрачнел. — Думаешь, наши шефы часто здесь бывают? А ведь мы все еще полицейские — насколько мне известно... Члены большой дружной *семьи*. — Последние слова он произнес с горьким сарказмом. — Как бы ты охарактеризовал эту «семейку»? Она дружная или неблагополучная? Сказать, что я думаю? Большинство легавых, которые обретаются в этом заведении, хоть раз

да совали дуло пистолета в рот. Что в такие моменты делали их начальники?

Лицо Венсана потемнело:

— И все равно ты не можешь переть напролом.

— Он прав, патрон.

Майор резко повернул голову и встретился взглядом с уродливой молодой девушкой. «Как же давно мы не виделись, — подумал он. — Так давно, что я успел отвыкнуть от ее внешности». Самира Чен, дочь китайца из Гонконга и франко-марокканки, пришла в его отдел последней, отличалась невероятным талантом и была единственной, кто называл его патроном.

— Я все тут обошла, — сообщила Самира. — Миленько, почти как в доме престарелых... — Она достала платок и шумно высморкалась.

— Почему ты ко мне не приезжала? — поинтересовался Мартен.

Девушка улыбнулась (ее улыбка больше напоминала гримасу) и покраснела.

— Мне сказали, вы не в форме, патрон, — прогнусавила она. — Я не горела желанием видеть вас таким... Для меня вы — воплощение «отцовского начала», если можно так выразиться. Придется поработать с моим эдиповым комплексом, понимаете?

Это была шутка — и ее шеф улыбнулся:

— Неужели я такой старый? *Отцовское начало*... Надо же...

— Ладно, пусть будет... мастер Йода.

Нос у Самире был баклажанового цвета, а глаза слезились. Она снова высморкалась.

— Мастер *что*? — не понял ее майор.

— Это из «Звездных войн», — пояснил Венсан.

Сервас перевел взгляд с лейтенанта на девушку, покачал головой и решил не вдаваться в детали.

— Что это такое? — поинтересовалась Самира, кивнув на снимок в руке лейтенанта.

Эсперандье повторил все, что услышал от майора. Пока он рассказывал, Сервас наблюдал за обоими. Придя в отдел, и Венсан, и Самира подверглись более или менее завуалированным нападкам коллег. Девушку невзлюбили расисты, ненавидевшие арабов или китайцев — или тех и других, вместе взятых. А Эсперандье доставали

гомофобы: некоторые старожилы отдела подозревали, что лейтенанта привлекают не только женщины, хотя он и был женат на потрясающей красавице. Все дело было в манере поведения Венсана и его вкусах в одежде. Что же до Самире, то никто не хотел признавать, что молодая девушка из семьи иммигрантов может быть лучшим сыщиком, чем опытные офицеры.

— Есть идеи насчет этого снимка? — спросил лейтенант, помахивая фотографией, как делают, когда достают оттиск из ванночки с проявителем.

— Ни одной, — признался его шеф.

— А ты случайно не знаешь, была Селия Яблонка как-то связана с космическими исследованиями?

— Шарлен сказала, что предпоследнюю выставку она сделала именно на эту тему.

На лице Эсперандье появилось хорошо знакомое Сервасу выражение: так коллекционер смотрит на заинтересовавший его предмет.

— Я не поняла, патрон, эта девушка убила себя или нет? — спросила Самира, убирая платок.

— Убила. И это так же верно, как то, что у тебя сильнейший насморк, — ответил Мартен.

Конец 2010 года. Прием в Зале Великих Людей Капитолия. Один из тех, где непременно следует быть. Длинная галерея, перегруженная позолотой, картинами и лепниной по моде буржуазно-помпезного XIX века. Приглашенных очень много, люди здороваются, раскланиваются, радуются, что попали сюда. Что добились высокого положения, завели нужные связи и их позвали — «отметили». Что они — сливки общества. Разумеется, все — липа. Нет, не так: несколько подлинных деталей и масса подделок — в том числе мраморные колонны. Кристина знала, что подлинные только четыре, другие сделаны из искусственного камня и внутри они полые. Почти как собрание гостей в этот вечер. Несколько дорогих украшений и платьев от великих кутюрье, а все остальные — фальшивый шик, имитация. Так же и с людьми: на фоне бюстов прославленных деятелей прохаживаются настоящие знаменитости и «полузнаменитости», политики и юристы, архитекторы и журналисты, артисты и спортсмены, влиятельные

персоны и «паразиты». Штайнмайер прекрасно понимала, что и сама играет привычную роль: радиоведущая, местная знаменитость. Она зовет на эфир самых разных людей, порхает по сюжетам — от серьезного (но не слишком) к легкому и веселому (чаще всего). Медийный мотылек...

В дальнем конце галереи, вокруг мэра, собрался весь цвет европейской космонавтики. Инженеры, исследователи, начальство... В главной роли — *космические ковбои*. Витрина дома. Обладатели кучи дипломов, мужественные, как голливудские звезды, мечта всех женщин. Кристина, рассматривавшая потолочную роспись, перехватила не один томный взгляд в сторону толпившихся у буфета красавчиков: как только вино будет выпито, свободные дамы (и не только они) накинутся на них, как голодная саранча на посевы. «Этих дамочек можно понять, — подумала журналистка, — мужики, которых катапультируют в космос, придав ускорение в четыреста тонн под задницу, а они при этом и ухом не ведут, безусловно, заслуживают внимания...» Они всю жизнь тренируются, их без конца осматривают, ощупывают, обхлопывают, измеряют, тестируют... Как породистых жеребцов... Они способны выдержать любое давление и продолжают улыбаться даже «на линии огня». Вот о чем думала Кристина, потягивая шампанское, когда незнакомый голос рядом с нею произнес:

— Только не говорите, что они и вас заморозили.

Женщина обернулась и увидела очкарика, который меньше всего был похож на космонавта.

— Мы знакомы? — удивилась она.

— Позвольте представиться: Жеральд Ларше, преподаватель и научный сотрудник Высшего института аэронавтики и космоса.

— Значит, мы с вами похожи, Жеральд, — смотрим на звезды снизу вверх.

Кристина покинула назойливого очкарика. Пожала несколько рук, поцеловала несколько щек, произнесла несколько ничего не значащих реплик — и снова услышала тот же голос:

— Да за кого вы себя принимаете, черт побери!

— Простите?

— Всегда так отделяетесь от людей?

Жеральд выглядел разъяренным. Его глаза за стеклами очков метали молнии. Эти глаза, кстати, были очень даже ничего. Женщина с

трудом сдерживала улыбку, но, приглядевшись повнимательней, она поняла, что первое впечатление было ошибочным. Мужчина был высок, мускулист и одет со вкусом — дорогое пальто, серый твидовый пиджак, голубая рубашка... Черты лица приятные, почти красивые.

— Вам нужно сменить очки, — посоветовала ему Штайнмайер.

— Снова грубите?

— Ну что вы, это комплимент!

Так это началось. Час спустя журналистка знала о нем почти все: холостяк, с *настоящим* чувством юмора (в зале и по этой части было много *фальшивок*: смех то и дело возникал как по команде). Кристина поняла, что он ей нравится.

Но история на этом не закончилась...

На приеме она познакомилась с Лео — с Леонардом Фонтеном. С настоящим киношным прекрасным принцем, с космическим ковбоем. С самым знаменитым из космических ковбоев, с гвоздем программы, «лицом» Европейского космического агентства. Она сама подошла к Лео. Хотела пригласить его на передачу, для чего ей пришлось пробиваться через толпу обожателей (на 75 % — обожательниц). Кристина думала, что он окажется несносным и самоуверенным, но увидела перед собой... спокойного атлетически сложенного человека с белозубой улыбкой («Хороший у него стоматолог!») и красивым лицом, которому морщины только добавляли обаяния. Пятьдесят пять лет. Архетип «хорошего парня»... «*Женат, двое маленьких детей*», — добавил внутренний зануда-голосок. Тем не менее радиоведущая почувствовала себя польщенной — и даже более того! — когда он с ходу начал к ней подкатываться.

— Скажите, мадемуазель Штайнмайер, вы когда-нибудь задавались вопросом, почему ночью всегда так темно? — спросил он. — Если Вселенная, как нас уверяют, бесконечна, значит, и звезд в ней без счета, и ночью должно быть светло как днем. И куда бы человек ни посмотрел, в какую бы сторону ни повернулся, он должен был бы увидеть звезду... — Космонавт подвел ее к одному из высоких окон с видом на центральную площадь и декабрьскую ночь. — Там не должно быть ни единого атома ночи — только мириады звезд, то есть света... Это так называемый парадокс Ольберса. В действительности, как вам наверняка известно, у Вселенной было начало: свет большинства звезд не успел дойти до нас, потому что он путешествует

со вполне определенной скоростью, а сами звезды давно умерли. Второе объяснение — прямо противоположное: жизнь звезды короче жизни вселенной, звезда тоже умирает. Вы верите в случай, Кристина?

— А вы? — отозвалась женщина.

— Случай царит и правит на уровне атомов — там все возможно, — но не в макрокосмосе.

— А на каком уровне находимся мы?

— Выбирайте на свой вкус...

Штайнмайер вспомнила, что очень удивилась, когда на следующий день Фонтен позвонил ей и сказал, что согласен дать интервью, а потом пригласил ее поужинать. В тот же вечер они переспали. Леонард действовал решительно — и ей это понравилось. Он был хорошим любовником. Изобретательным. Кристина и сегодня немного стыдилась, что спала с Лео, а Жеральда держала на расстоянии, хотя и принимала его ухаживания. Фонтен редко бывал свободен по вечерам — он ведь не собирался бросать семью, так что любви они предавались днем, в номере отеля. Лео ее не обманывал. Во всяком случае, так она считала тогда. Сегодня Кристина назвала бы такое поведение совершенно бесчестным: этот мужчина оправдывал себя, зная, что его партнерша будет жестоко страдать, даже если примет его условия. Он жил в мире с собой и вел игру по своим правилам. Ни одного невыполнимого обещания, никакой ответственности. В самом начале она любила Лео больше, чем Жеральда, но мало-помалу чаша весов стала склоняться в пользу очкарика. *Так почему она не порвала с Лео раньше?* Почему ждала так долго? Почти два года! Штайнмайер рассталась с любовником всего месяц назад — когда Ларше подарил ей кольцо. Но даже в тот момент она с трудом могла представить, что больше никогда не будет лежать в объятиях астронавта. Лео олицетворял собой приключение, риск и необузданность; он чувствовал потребность жить «на краю», ходить по лезвию ножа. А Жеральд был «землянином». Человеком практического ума с умеренными амбициями. В конце концов, именно это она в нем и полюбила: чувство, что их любовь не угрожает всему остальному, что он не шторм, а твердая суша, пригодная для строительства.

Неужели за всем происходящим стоит Лео? Конечно, нет, она уже задавала себе этот вопрос и сразу дала на него отрицательный ответ. Леонард — самый эгоистичный и одновременно самый

уравновешенный человек из всех, кого она знает. Кроме того, он никогда не был в нее влюблен — по-настоящему влюблен, — потому что она так долго его и не бросала. Надеялась взять реванш: пробить броню, достать до сердца — и лишь тогда нанести удар...

Но этот момент так и не настал.

А что было бы, узнай Жеральд, что в первые два года их романа она изменяла ему с другим мужчиной? Кристина поежилась, на секунду поддавшись панике. Жених уже от нее отдалился... Надолго ли? Она любит его, и именно с ним хочет завести семью. Несмотря на то, что воспоминания о «полуденном отдыхе» до сих пор ее возбуждают.

Журналистка слушала гудки в трубке и готовилась к разговору с человеком, которого всего месяц назад изгнала из своей жизни.

— Кристина? Ты передумала?

В его голосе не было ни горечи, ни удивления. Только добродушное поддразнивание. У Штайнмайер кольнуло сердце: их роман длился два года, они только-только расстались, а он так веселится! Голос все тот же — низкий, бархатный. Наверное, это его способ справиться с переживаниями, пережить разрыв. Он не выставляет свои чувства напоказ, но это не значит, что их у него нет.

— Прости... — Тон Леонарда изменился, стал более серьезным. — Я идиот... Что случилось, бельчонок? Как у тебя дела?

У журналистки закружилась голова: *бельчонок*. Одно из ласковых прозвищ, которые он ей давал. Прошел месяц, но он не утратил своей власти над ней.

— Мне нужно с тобой увидеться, Лео, это очень важно.

— У тебя странный голос... В чем дело?

— Лучше не по телефону... — ответила Кристина и по наступившей паузе поняла, что ее бывший любовник удивлен.

Она закрыла глаза и попыталась прогнать сомнения: как, какими словами описать то, что с ней случилось за последние дни? Как передать всю меру своего отчаяния? Если кто и способен помочь, так только Фонтен — самый сильный и уверенный в себе мужчина на свете.

— Прошу тебя, — произнесла она бесцветным, угасающим голосом.

— Конечно, успокойся. Все так плохо?

— Я в опасности. В смертельной опасности.

Последовала долгая пауза.

— Где? — спросил наконец космонавт.

— В нашей гостинице, в нашем номере — ты заказываешь...

Через час.

— Договорились. И, Кристина...

— Да?

— Я не знаю, что происходит, но мы все уладим, не сомневайся.

Мадемуазель Штайнмайер почувствовала невероятное облегчение. Последние слова Лео вселили в нее надежду. Она правильно сделала, что позвонила... Мягкое прикосновение теплой фланелевой рубашки... Лимонный аромат мужского одеколona... Толчки крови внизу живота... Леонард Фонтен был лекарством — почти таким же опасным, как сама болезнь.

Выйдя из кафе, она надела капюшон и огляделась по сторонам. В воздухе кружились большие, легкие, как пух, снежинки. Кристина направилась к знакомому кинотеатру и выбрала фильм, который вряд ли мог привлечь особое внимание публики — она, во всяком случае, даже названия такого не слышала.

— Сеанс начался тридцать минут назад, — сообщила продавщица билетов.

— Ничего, я уже видела эту картину.

Кассирша пожалала плечами, взяла деньги и протянула в окошко билет. Журналистка прошла по устланному ковром и подсвеченному понизу коридору в зал и оказалась в полной темноте. На экране целовались мужчина и женщина. Она устроилась в последнем ряду и посчитала по головам зрителей — человек шесть, не больше. Штайнмайер хватило пары минут, чтобы понять сюжет: грядет конец света, вернее, последний день Земли, и завтра, ровно в 4.44, мир исчезнет, убитый смертоносным солнечным излучением. Люди выкидываются из окон, напиваются до бесчувствия, зажигают свечи, предаются любви... Сиско и Скай — мужчина лет пятидесяти и молодая женщина (его играет Уильям Дефо, ее — какая-то не известная Кристине актриса) — хотят провести последний день вместе. Прощальное любовное свидание. *«Какая печальная ирония...»*

— с горечью думала зрительница, не забывая поглядывать на дверь. Минут через пятнадцать, убедившись, что ее никто не выследил, она встала и пошла к другой двери с надписью «Выход» справа от экрана. Фильм произвел на нее гнетущее впечатление.

Расчет журналистки оказался верным: пройдя по коридору и спустившись на несколько ступенек, она оказалась на соседней улочке. Слава богу, никого! Только темнеют вдалеке присыпанные снегом мусорные баки.

Она дошла до конца улицы, остановилась и обвела взглядом площадь, а затем сунула руки в карманы, быстрым шагом пересекла сквер, обогнула замерзший фонтан и направилась в сторону «Гранд-Отеля Томас Вильсон». Толкнув крутящуюся дверь, женщина откинула капюшон, но доверия у служащих гостиницы не вызвала — они проводили ее взглядом до лифтов. Двери открылись на втором этаже. В коридоре было тихо и пусто, ковровая дорожка приглушала шум шагов.

Она остановилась перед темной дверью и осторожно постучала. Ей сразу открыли, и мадемуазель Штайнмайер шагнула в комнату под номером 117.

Знакомый узкий коридор, отделанные панелями стены, багажная сетка, два белых махровых халата на плечиках, слева — приоткрытая дверь в ванную... Привычный запах чистоты и цветочной отдушки. Лео закрыл дверь, повернул гостью к себе за плечи и поцеловал. Кристина ответила на поцелуй, но сразу отстранилась:

— Не нужно...

Она прошла в комнату. Огромная кровать, телевизор с плазменным экраном, бюро с черной кожаной столешницей, кофемашина, мини-бар, плетеное серебристое изголовье кровати, красные подушки... Маленькие хромированные лампы освещают стены цвета черного дерева...

Сколько раз они сюда приходили? Тридцать? Сорок? Не реже раза в неделю в течение двух лет. Вычтем отпускное время, и получится... сто свиданий...

Сто!

Сто раз она входила в этот номер — образец безвкусной роскоши, сто раз он стягивал с нее джинсы прямо на пороге, и они предавались страсти на столе, на полу, в кресле, у стены, в ванной... А иногда просто лежали обнявшись и часами разговаривали — делились маленькими секретами — и пили шампанское. Как бы отреагировал Жеральд, если бы узнал? От этой мысли Кристине стало нехорошо.

Фонтен подошел к столу, на котором стоял поднос с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

— Мне не наливай, — сказала журналистка.

— Уверена? — переспросил мужчина. — Черт, до чего же все это странно...

Ее удивили нежность и раскаяние, прозвучавшие в голосе Лео: он был не из тех, кто оглядывается назад. Они встретились взглядом, и в его глазах Штайнмайер угадала ту же нежность. Леонард вытащил бутылку из ведерка, и женщина заметила, что он успел выпить, пока ждал ее.

— Я не за этим пришла, — напомнила она ему.

— Расслабься, Кристина. Мы поговорим, и ты объяснишь, что происходит. Здесь тебе ничто не угрожает.

Космонавт взял бокал и присел на край кровати. На нем была голубая джинсовая рубашка с закатанными рукавами и расстегнутым на загорелой груди воротом. На шее на цепочке висел зуб акулы. Лео рассказывал, как занимался сёрфингом у побережья Южной Африки и на гребне волны на него напала белая акула; удар был как от столкновения с автобусом, челюсти хищницы сомкнулись на его левой ноге, и она потащила его под воду. Фонтен сумел ухватиться за камни и отбиться от акулы. Его погрузили в вертолет и отправили в больницу. На правой икре остался огромный шрам: Кристина часто гладила его узловатую поверхность кончиками пальцев, и у нее возникало странное, возбуждающее чувство. Зуб-кулон был одним из тех, что хирурги вытащили из его ноги... Ростом Леонард был ниже Жеральда, а сложением — крепче и намного мускулистей. Он показывал подруге фотографии, на которых был снят голым по пояс, с прикрепленными к груди электродами и в окружении целой своры вооруженных инструментами врачей. На других снимках он лежал, привязанный ремнями к качающейся доске, которую используют для контроля прилива крови к голове, или сидел во вращающемся с бешеной

скоростью кресле. Так проходили «пыточные» сеансы в Звездном городке в России, недалеко от Москвы. Тело Лео было идеально отлаженной и прекрасно функционирующей машиной. Как и его не ведающий страха мозг... Возможно, именно поэтому он был не способен испытывать обычные человеческие чувства, а журналистка сегодня нуждалась именно в этом. Кристине требовался рыцарь, бесстрашный герой из детских сказок или из приключенческих романов для подростков. Она взяла стул, поставила его перед астронавтом и села. Он нахмурился:

— Рассказывай. По телефону у тебя был совершенно «перевернутый» голос. И выглядишь ты сейчас не лучше. Начинай, мы никуда не торопимся...

— Знаешь, я, пожалуй, выпью; налей мне полбокала.

Леонард встал, и Штайнмайер заговорила ему в спину — медленно и спокойно, стараясь быть максимально честной и по возможности объективной. Он слушал молча, а когда она закончила, присвистнул. Взгляд у него был задумчивый, обращенный внутрь себя — так выглядят люди, пытающиеся припомнить аналогичные случаи из собственной жизни.

— Похоже, дело серьезное, — сказал мужчина наконец, и Кристина поняла, что услышанное его всерьез обеспокоило.

Она знала, что в устах Лео слово «серьезный» означает «тяжелый» или «тревожный», то есть «драматичный». Наверное, именно это слово он употребил, когда работал с двумя русскими космонавтами на станции «Мир» и у них вышел из строя и загорелся запал-нагреватель генератора кислорода. По официальным данным, пожар продлился девяносто секунд; в действительности же они боролись с огнем целых четырнадцать минут и надышались ядовитыми парами этиленгликоля. Когда на изношенной станции впервые отключилось все электричество и она погрузилась в темноту, Фонтен сказал: «На сей раз все серьезно, парни». Кристина воображала, как он произносит эту фразу — совершенно спокойно, «без нервов», а неуправляемая станция готовится навсегда отчалить в темные глубины космоса.

— Ты абсолютно уверена, что все произошло именно так? — уточнил ее собеседник.

Такая постановка вопроса женщине не понравилась, но она не взорвалась — не осталось сил.

— На что ты намекаешь? — вздохнула она в ответ. — Считаешь меня мифоманкой?

— Ты даже не догадываешься, кто за всем этим стоит? — спросил Лео, проигнорировав ее замечание.

Кристина ответила с секундной задержкой:

— В какой-то момент я подумала на тебя...

Астронавт вздернул бровь.

— На меня?

— Н-н-ну... Я бросила тебя месяц назад, сказала, что между нами все кончено, и вдруг кто-то принимается портить мне жизнь...

— Надеюсь, ты шутишь?

В голосе Фонтена прозвучал гнев, и журналистка, несмотря на драматизм момента, подумала, что ей все-таки удалось пробить его защитную броню.

— Я ничего не понимаю, Лео... Корделия не может действовать одна, ее интересуют только деньги, — попыталась объяснить она.

— Не важно, все слишком далеко зашло, нужно предупредить полицию.

— А ты не забыл, как они отреагировали, когда я принесла им письмо?

— Я все помню, но иного выхода нет. Если хочешь, я пойду с тобой.

Кристина покачала головой. Что подумают легавые, если она заявится в комиссариат в сопровождении женатого мужчины, которого через секунду все узнают в лицо?

— Не самая удачная идея... — покачала она головой.

Космонавт посмотрел ей в глаза.

— *Ты должна пойти в полицию*, Кристина. Время уже упущено. Ты потеряла работу! А то, что случилось с Игги, вообще ни в какие ворота не лезет... Это не просто преследование... Кто-то хочет причинить тебе вред. Он проник в твою квартиру. Покалечил собаку.

Мадемуазель Штайнмайер болезненно сощурилась. А то она не знает... Страх ледяной рукой скрутил ее внутренности. Она отчаянно ищет выход, просит о помощи, а он предлагает обратиться к

служителям закона! Если даже Лео не видит иного выхода, что остается ей, слабой женщине?

Фонтен почувствовал смятение бывшей подруги и накрыл рукой ее ладонь.

— Не расстраивайся. Мы найдем решение... Действовать нужно методично. Для начала тебе следует на какое-то время переехать из дома в гостиницу.

— А куда девать Игги?

— Возьми псину с собой. Или поручи кому-нибудь о нем позаботиться — родителям или друзьям.

«*Каким друзьям?*» — едва не сорвалось с губ Кристины.

— Может, поживешь у меня несколько дней? — спросила она. — Скажешь жене, что у тебя деловая поездка.

Журналистка знала, какая насыщенная у Лео жизнь: придя в эфир на «Радио 5», он подробно рассказал, как привыкал к «гражданке», когда перестал летать в космос. Некоторое время руководил тренировочным центром в Кёльне и работал консультантом над проектом АСД^[50] — беспилотного грузового корабля, предназначенного для доставки свежих запасов для экипажа МКС. Потом основал свое дело — GoSpace, филиал Национального центра космических исследований, который организует научные полеты по параболической траектории на борту «Аэробуса А300 ZERO-G» (штаб-квартира находится в промышленной зоне аэропорта Тулуза-Бланьяк). Кроме того, Лео Фонтен стал одним из главных разъездных представителей ЕКА — Европейского космического агентства. Его основной обязанностью было пропагандировать пилотируемые полеты и покорение *человеком* космического пространства, выступать перед широкой публикой, депутатами, преподавателями и студентами университетов.

Космонавт бросил на нее раздраженный взгляд.

— Это невозможно. Но мы должны что-то предпринять... Хорошо, что ты мне рассказала. Кто еще в курсе?

Кристина вспомнила Макса, сидящего на диване у нее в гостиной — в грязном пальто, со спутанными волосами и длинной бородой.

— Никто... — ответила она. — Жеральд на нынешней стадии наших отношений вряд ли мне поверит.

Леонард бросил на нее еще один взгляд, на сей раз — понимающий.

— Он ведь не знал о нас, я прав?

Женщина покачала головой.

— Вот как мы поступим: ты отправишься в полицию, а я наведу справки, — заключил Лео.

— Наведешь справки?

— У меня есть связи в Общественной безопасности. Попробую узнать, не было ли в Тулузе и окрестностях подобных случаев, подавали ли женщины заявления о преследовании, расследовали эти случаи как положено или нет. Существует ли список потенциальных подозреваемых...

Фонтен подошел к столу, взял листок бумаги с логотипом отеля, ручку и вернулся к Кристине:

— Для начала составим список людей, с которыми ты встречалась в последние месяцы, и тех, с кем у тебя были разногласия. Называй даже тех, кто вызывает хоть малейшее подозрение. Посмотрим, что удастся раскопать.

— Как ты собираешься это сделать? — недоверчиво прищурилась Штайнмайер.

Космонавт одарил ее загадочной улыбкой:

— Ну, я человек со связями...

Несколько имен сразу пришли журналистке в голову: Бекер, мачист-придурак, глава информационной службы «Радио 5», соседка Мишель, Дениза... *Еще люди...* Неприятно вдруг осознать, что врагов у тебя больше, чем друзей. Однако парадокс: чем длиннее становился список, тем легче становилось у нее на душе. Этот мерзавец наверняка один из тех, кого она перечислила.

— Да уж, — сказал Лео, когда они закончили, — умеешь ты заводить друзей... Голову даю на отсечение — твой мучитель в этом списке.

Он был прав. И как она сама не додумалась! Нужно было действовать и рассуждать логически...

— Повторяю свой вопрос: как ты собираешься действовать? Я хочу знать, — потребовала ответа Штайнмайер.

Леонард снова хитро улыбнулся.

— Есть один частный детектив... Мой должник. Несколько лет назад он затеял нелегальное расследование, хотел покопаться в деятельности моей компании: чистой воды промышленный шпионаж... Его наняла заграничная конкурирующая фирма. Я поймал голубчика с поличным, но в полицию не сдал, а предложил сделку: я не подаю жалобу, а он сворачивает свою бурную деятельность и будет должен мне услугу. Я собирался использовать его для расследования, скажем так, *коммерческих*, а не частных вопросов... но это уже не важно.

Детектив, друзья-сыщики... Да, она не ошиблась, позвонив Лео. Он не из тех, кто опускает руки... По поверхности сознания скользнула мысль: «А что на его месте сделал бы Жеральд?», но женщина от нее отмахнулась. Ее душу заливала благодарность к бывшему любовнику.

— Расслабься, — мягко повторил тот. — Все будет хорошо.

Он долил шампанского в бокал Кристины, обошел стул и положил руки ей на плечи:

— Позволь помочь тебе.

— Лео...

— Да?

— Спасибо.

Сильные нежные пальцы Фонтена разминали ее плечи — он всегда так делал, если она не могла справиться с напряжением, массировал ей трапециевидную мышцу и шейные позвонки. Журналистка закрыла глаза. Она чувствовала, как разогревается и оживает ее тело, как уходит боль из затылка. Глоток шампанского... Как вкусно! Пузырьки золотистого вина веселили мозг.

— Помнишь ту гостиницу в Невшателе, на озере? — спросил космонавт. — Мы жили в роскошном номере на сваях и по утрам любовались парусами, птицами и горами на горизонте...

Еще бы она не помнила один из редких уик-эндов, который они провели вместе... Солнечные блики на озерной глади, похожие на отблески слюды, белизна парусов и чаек, стол, накрытый к завтраку над тихо плетущейся водой, — и гора вдаль. Они прожили там два дня, а ей хотелось остаться на месяц, на год...

— Налей мне еще, — попросила женщина.

Ей вдруг захотелось напиться. Она сделала большой глоток, чувствуя, как веселеет у нее на душе.

— Мне тебя не хватало, — сказал Лео.

Он поцеловал ее в шею. Кристина вздрогнула, и следующий поцелуй пришелся в уголок ее рта. Тогда она повернула голову и приоткрыла губы. Их дыхание смешалось, Леонард стянул с нее джинсы и трусики и начал ласкать, едва касаясь кончиками пальцев. Она застонала. Они занимались любовью, как первобытные люди, ведомые только инстинктом и силой желания. Штайнмайер вдыхала знакомый запах кожи и волос космонавта, прижималась к его мускулистому телу... Эту «территорию» она долго считала своим королевством, хотя и делила ее с другой женщиной. Но другая была не важна: как и в королевскую эпоху, официальная супруга не могла соперничать с фавориткой. Кристина задохнулась и провела ладонями по телу Фонтена — от лопаток к бедрам и ягодицам. Звуки городской жизни — голоса людей, гуденье машин — аккомпанировали их страсти, контрапунктом ворковал голубь. Потолочные лампы светили, как маленькие таинственные луны. Журналистка закрыла глаза, подалась навстречу Лео и приняла в себя его сок.

В то самое мгновение, когда он оторвался от нее и лег рядом, Кристина почувствовала раскаяние: собственное тело предало ее. Она вскочила и кинулась в ванную, чтобы стереть постыдные свидетельства проявленной слабости, а потом вернулась в комнату и начала быстро одеваться.

— Куда ты? — удивился ее друг.

— Ухожу, нам не следовало этого делать.

— Что?!

Женщина не знала, как теперь попрощаться с любовником, и даже не поцеловала его на прощание.

— Пойди в полицию! — сказал он ей в спину. — Слышишь, Кристина? Пойди в полицию!

Она не ответила.

В коридоре никого не было.

Штайнмайер быстро шла мимо дверей, переходя из тени в свет, и думала о том, сколько еще пар предаются сейчас похоти в гостиничных номерах, сколько мужей и жен изменяют своим благоверным. *Она тоже изменила?* Жеральд решил на время

отстраниться, но освобождает ли это ее от обязательств? Интересно, как бы он отреагировал, узнав, что его невеста уже через два часа после ссоры прыгнула в постель к другому мужчине?

А сам Жеральд чем сейчас занят? Трахает Денизу?

В лифте Кристину накрыла волна чудовищного, первобытного страха. *Страха все потерять...* Она чувствовала себя глубоко несчастной. Нужно было принять душ, избавиться от присутствия Лео внутри своего тела...

Двери открылись, и журналистка выскочила из кабины, толкнув стоявшего на пороге мужчину.

Он был на редкость маленького роста, даже ниже нее, с бритым черепом и странным — женственным — лицом, но на ногах стоял крепко, так что женщину едва не отбросило назад.

— Из... извините, — пробормотала она — скорее с гневом, чем с сожалением. — Мне очень жаль!

Человечек улыбнулся и отодвинулся. Кристина заметила боковым зрением татуировку у него на шее. Богоматерь с нимбом, как на русских иконах. «*Странно...*» — подумала она. Необычный образ запечатлелся в мозгу, как увиденный перед самым пробуждением сон.

Штайнмайер пробежала через холл, толкнула дверь-вертушку и шагнула в снегопад.

20. Оперетта

На этот раз с Кристиной беседовала женщина. Она взглянула на экран компьютера, на стену за спиной посетительницы (там висел рекламный плакат фильма «Чайна-таун»), перевела взгляд на свою ручку, потом на ногти и наконец посмотрела ей в глаза.

— Вы сказали, что нашли мочу на коврике у двери, верно? А ваш пес не мог там написать?

— Вы мне не верите? — вспыхнула Штайнмайер.

— Я задала вопрос...

— Нет, — решительным тоном ответила журналистка.

Собеседница смерила ее взглядом — как рентгеном просветила:

— Откуда такая уверенность?

Кристина передернула плечами:

— Я в тот день не выгуливала собаку. Значит, Игги просто не мог...

— Не выгуливали?.. И где же он делал свои «дела»?

— На случай непредвиденных обстоятельств... если не хватает времени, у меня есть лоток.

В глазах полицейской дамы явно сквозило осуждение. «Как не стыдно, мадам!» — казалось, готова была воскликнуть она.

— Послушайте, мы ведь не станем тратить время на разговоры о пустяках? — скривилась Штайнмайер. — С тех пор произошло много куда более неприятных событий.

Сотрудница полиции сверилась с экраном.

— Да. Кто-то проник к вам в квартиру и оставил... диск с записью оперы... ничего при этом не украл. Тот же человек, который звонил вам на радио и домой... Потом вас опоили и раздели донага дома у молодой женщины по имени Коринна Делия, стажерки на «Радио 5», после чего в бессознательном состоянии перевезли в вашу квартиру, где вы и проснулись — совершенно голая. Ах да, я забыла: эти люди сняли с вашего счета две тысячи евро, но не забрали банковскую карту... Кроме того, они подложили антидепрессанты в ящик вашего рабочего стола, чтобы дискредитировать вас в глазах коллег...

Она посмотрела на Кристину. Враждебно, недоверчиво и раздраженно. Сколько ей лет? Тридцать? Сорок? Обручальное кольцо

на пальце, фотография белокурого ребенка на столе...

— У вас утомленный вид, — сказала инспектор. — Вы не думали показаться врачу?

Ее посетительница тяжело вздохнула. Она жалела, что пришла в комиссариат. *«Нужно успокоиться... Сорвешься сейчас — подтвердишь их мнение на твой счет».*

— Я распечатала его послания, — сказала она, постучав пальцем по картонной папке. — Хотите взглянуть?

Ее вопрос проигнорировали.

— «Он»? По-вашему, действовал мужчина? — уточнила полицейская. — Мне показалось, что вы считаете виновницей случившегося вашу стажерку...

— Да... но... думаю, их как минимум двое...

— Настоящий заговор.

Слово задело Кристину. Разговор точно пошел не по тому пути.

— Вы считаете меня чокнутой? — напрямую спросила радиоведущая.

Ее собеседница и на этот раз не ответила ни «да», ни «нет», и по ее глазам тоже ничего нельзя было понять.

— Поставьте себя на мое место... — начала она, но Штайнмайер перебила ее:

— Предлагаете поменяться местами?

— В каком смысле?

— По-моему, это полицейские должны попытаться встать на *мое* место.

Взгляд сотрудницы полиции стал еще более холодным.

— Советую сменить тон, мадемуазель.

Кристина положила руки на подлокотники кресла:

— Ясно. Думаю, я в очередной раз попусту трачу время.

— Сидите на месте.

Эта фраза была не просьбой — приказом.

— Несколько дней назад вы пришли в комиссариат и предъявили письмо, якобы написанное неизвестной женщиной, заявлявшей о намерении покончить с собой, — напомнила инспектор журналистке. — Выяснилось, что никаких других отпечатков, кроме ваших, на нем нет, а на конверте отсутствует штемпель отправителя.

— Совершенно верно, и я полагала, что меня допро... что со мной побеседует тот сотрудник, с которым я уже встречалась...

— Придя сюда сегодня, вы сказали, что отправились к мадемуазель Делии, чтобы поговорить, а она накачала вас наркотиками, так? А потом сделала компрометирующую вас запись, на которой вы были обнажены, предположительно с целью последующего шантажа?

Кристина кивнула — не слишком убежденно. Она уже трижды отвечала на эти вопросы.

— Письмо... звонок... ваша собака в мусоросборнике... моча на коврик... видеозапись... Не вижу логики, — покачала головой инспектор. — Зачем кому-то проделывать подобное? Это лишено смысла.

Она достала из кармана ключик, заперла ящики стола и встала:

— Следуйте за мною.

— Куда мы идем? — насторожилась Штайнмайер.

Служительница закона не удостоила ее ответом и, не оборачиваясь, пошла к двери. Кристина поспешила следом, говоря себе, что жестоко просчиталась, послушавшись Лео и придя сюда.

Коридор с кирпичными стенами. У поворота за угол в закутке за прозрачными переборками сидит человек. Еще один коридор. Дознавательница шла быстрым шагом, то и дело здороваясь с коллегами. Миновав ксерокс, она открыла одну из дверей:

— Заходите.

Маленькая комната, такие же кирпичные стены, стол, три стула... Окна нет, на потолке яркая неоновая трубка. Сердце журналистки учащенно забилось.

— Присаживайтесь... — Сделав жест в сторону стула, полицейская вышла, и ее посетительница осталась одна. Она перевела дыхание, и в ноздри проник навязчивый запах чистящего средства. В ушах зашумело, кровь застучала в висках: мужество и надежда, внушенные Лео, испарились. Вскоре мадемуазель Штайнмайер потеряла ощущение времени, потом ей ужасно хотелось в туалет. Специального, «хитрого» зеркала в помещении не было, но Кристина не сомневалась, что ее привели в допросную. Она сидела на самом краешке стула, отодвинувшись от металлической спинки, и думала о том, какие типы попадают в эти стены и в каких преступлениях они

признаются. Что задумали легавые? Устроят ей очную ставку с Корделией? С кем-то еще?

Через несколько бесконечно долгих минут дверь наконец открылась: инспектор вернулась не одна — с ней был круглоглазый кудрявый полицейский, с которым Кристина общалась по поводу письма. Выражение лица у него было отстраненное, и он не поздоровался с нею. «Плохи мои дела...» — окончательно затосковала журналистка. Кудрявый мужчина положил на стол папку, сел на свободный стул справа от коллеги и уставился на Штайнмайер.

Наступила долгая напряженная пауза, а потом «господин Пудель» («*Больё, лейтенант Больё*», — вспомнила посетительница его фамилию) вытащил из папки фотографии и разложил их перед ней:

— Узнаете эту женщину?

Кристина наклонилась посмотреть и отшатнулась, как от пощечины, мгновенно забыв обо всем на свете — о ярком свете, полицейских, кирпичных стенах и мерзком запахе.

О, нет...

К горлу подступила тошнота, и журналистка сделала осторожный вдох.

Корделия...

Лицо крупным планом: снимки явно сделаны со вспышкой, с очень близкого расстояния, это видно по бликам на лбу и щеках. Не упущена ни одна чудовищная деталь. Распухший, почти закрывшийся левый глаз, разбитая бровь, большой, расцвеченный горчично-желтым, зеленым и черным синяк вокруг века. Нос — вдвое против нормального размера. Гематома на правой щеке, треснувшая нижняя губа... Засохшая кровь в волосах и левом ухе. Подбородок — живая рана, кожа содрана, как будто девушку провезли лицом по терке.

Корделия была сфотографирована анфас и в профиль. Кристина судорожно сглотнула. Ее охватил озноб: она впервые в жизни видела столь обнаженное, столь разнузданное насилие запечатленным на пленке. К горлу подступила тошнота, и планы, которые они с Лео строили два часа назад, стали не важны.

— Господи... Что... Что с ней случилось?! — охнула Кристина.

Она встретилась взглядом с полицейским, который перегнулся через стол и пристально смотрел на нее; его карие, круглые, как у рыбы-луны, глаза оказались в нескольких сантиметрах от ее глаз.

— А вы не знаете? — спросил он ровным тоном. — Странно, мадемуазель Штайнмайер, ведь это вы с нею сотворили.

Лампа дневного света мигнула, стрекотнув, как кузнечик, и оптическая иллюзия на мгновение оживила застывшие лица сыщиков. Дззззз-дззззз... Их взгляды исчезали и появлялись в поле зрения Кристины в такт миганию светильника. Как и фотографии Корделии на столе... Каждое мгновение темноты уподоблялось гвоздю, вбитому в тело журналистки, лоб ее покрылся липкой испариной... Она всеми силами пыталась справиться с паникой.

— Проклятая лампа, — буркнул Больё, после чего встал, пару раз щелкнул выключателем и вернулся за стол. Он выглядел усталым и даже разочарованным (при первой встрече этот человек показался Кристине энтузиастом своего дела), а вот глаза его коллеги горели недобрым огнем.

— Итак, вот что мы имеем: она утверждает, что вы заплатили ей за секс кругленькую сумму — две тысячи евро, — начал перечислять лейтенант. — Признает, что согласилась, потому что очень нуждается в деньгах для себя и ребенка. Кроме того, вы привлекательны, а ей нравится секс с женщинами. По ее словам, потом вы решили забрать деньги, заявив: «Тебе понравилось, а я не привыкла платить за удовольствие...» Она отказалась, вышла из себя, и тогда вы набросились на нее и стали избивать. Так все было?

В тишине кабинета, нарушаемой только гудением светильника, слова звучали как удары огромного барабана — дикие, абсурдные слова...

— Это просто смешно. Ее утверждения — вранье от первого до последнего слова, — заявила Штайнмайер.

— Разве вы пришли к мадемуазель Делии не по собственной воле?

— По собственной, но...

— И она была голая, когда открыла вам дверь?

— Да.

— Но вы, тем не менее, вошли?

— Да.

— Зачем?

— Я уже говорила...

— Вы сами написали то письмо, верно? — вмешалась в разговор коллега Больё.

— Нет! — крикнула журналистка.

— Тогда как вы объясните его появление в вашем почтовом ящике?

— Никак.

— Мы опросили всех жильцов: никто не высказал ни одного предположения о личности автора письма.

— Знаю. Я сама пыталась...

— Ваша соседка, — перебил Кристину Больё, — назвала вас сумасшедшей. Она рассказала, что вы позвонили в дверь в два часа ночи и заявили, что ваша собака якобы находится у нее в квартире. Силой ворвались к пожилым людям, без разрешения обыскали все комнаты, напугали их...

От мерцания неона, а может, от запаха чистящего средства у мадемуазель Штайнмайер разболелась голова:

— Я...

— Вы нашли пса в мусорном баке — со сломанной лапой, так?

— Да.

— Это вы выбросили собаку в мусоропровод? — чеканя слова, спросила инспектор.

Кристина посмотрела на нее с ужасом и отчаянием. Как она может?! Мужчины много сотен лет притесняли женщин, разве мы не должны проявлять... *солидарность*?

— Нет! Он сидел в баке рядом с колодцем! — еще громче воскликнула журналистка.

— Рядом с чем? — не поняла полицейская.

— Рядом с мусоропроводом.

— Но вы заявили...

— Послушайте, я...

— Вы не впервые прибегаете к запугиванию — и угрозам...

Лейтенант подвинул к Кристине листок — электронные письма, которые она сразу узнала:

КОРДЕЛИЯ, ТЫ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ, ЗНАЧИТ,
ОСУЖДАЕШЬ МЕНЯ. НЕ СТОИТ ПРОЯВЛЯТЬ

ВРАЖДЕБНОСТЬ — ТВОЕ БУДУЩЕЕ В МОИХ
РУКАХ.

К.

КОРДЕЛИЯ, ДАЮ ТЕБЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ
ЧАСА НА ОТВЕТ.

— Скажите, мадемуазель Штайнмайер, вы писали эти мейлы?

— Нет!

— Но послали их с вашего компьютера? — Больё выглядел уже совсем раздраженным.

— Да, и я уже дала объяснения по этому поводу...

— Верно ли, что недавно вас отстранили от работы за неподобающее поведение? — Коллега лейтенанта, судя по всему, решила «дожать» Кристину.

Журналистке показалось, что земля разверзлась у нее под ногами.

— Мы встретились с вашим начальником — Коринна Делия также работает под его руководством... — сообщил Больё.

Штайнмайер молчала.

— Вы ладите? — спросила инспектор.

Кристина снова ничего не сказала.

— Сейчас восемнадцать сорок... — Лейтенант устало потер веки. — Начиная с этого времени вы считаетесь задержанной.

21. Ансамбль

Этой ночью Кристина не сомкнула глаз и задремала на час только под утро. Этой ночью она узнала, что в городах — не только в Тулузе, но и во всех остальных — существует множество разнообразных видов ада, где, как сказал Жан Поль Сартр, худшую муку причиняют друг другу его обитатели. Этой ночью она поняла, что Сартр, конечно, был прав, но наверняка понятия не имел, что именно он сформулировал.

Как минимум одна деталь соответствовала традиции: ад находился внизу.

Накануне, когда Больё произнес дежурную фразу: *«Сейчас восемнадцать сорок. С этого времени вы считаетесь задержанной»*, — Штайнмайер содрогнулась.

Она выслушала выдвинутые против нее обвинения, лейтенант зачитал ей права, а потом сделал звонок в прокуратуру и спросил, хочет ли она поговорить с адвокатом, но Кристина рассудила, что чем меньше людей будет в курсе, тем меньше вероятность утечки информации о ней в прессу (она уже представляла заголовок статьи: *«Ведущая “Радио 5” задержана полицией за насильственные действия»*), и решила, что ночь в камере ее не убьет. Она отказалась от свидания с адвокатом — ей не в чем было себя упрекнуть. Полицейский пожал плечами и в 19.00 предложил ей следовать за ним: вернее, не предложил — приказал. Они прошли к другому лифту, Больё использовал магнитную карточку, и двери открылись. В кабине он пустил карточку в ход еще раз, и лифт, подрагивая, поехал вниз.

Внизу все выглядело по-больничному холодным и обезличенным, и Кристина не без труда сдерживала дрожь. Они повернули направо и попали в коридор с множеством дверей. Помещение было просторным и гулким, свет горел не во всех камерах. Радиоведущая заметила нескольких мужчин, лежавших на низких койках, почти вровень с полом, и они почему-то напомнили ей щенят на псарне. В помещении, похожем на аквариум, находились охранники в светлой униформе: двое из них тут же встали и присоединились к Больё и Кристине возле рамки металлодетектора. Самым ужасным для нее оказалось

отсутствие окон. Ни одного, нигде. Подземелье... От мысли об этом у арестованной мгновенно пересохло во рту.

— Привет, — сказал Больё своим коллегам, — я привел мадемуазель Штайнмайер. Как вечерок?

— Спокойный, — ответил один из охранников. — Хотя еще рано, ПОМы пока не прибыли.

Лейтенант заметил тревогу в глазах Кристины и счел нужным пояснить:

— ПОМ — сокращение от «пьянство в общественных местах». Проследите, чтобы ее поместили в одиночку... ну, по возможности, — добавил он затем, обращаясь к одному из людей в форме.

Тот кивнул, не спуская глаз с заключенной. Его коллеги тоже разглядывали «новенькую», и она съежилась.

— Поручаю ее вам. До завтра. Доброй ночи, парни, — попрощался Больё.

Последняя фраза прозвучала как укол в сердце. Штайнмайер с трудом справилась с желанием окликнуть лейтенанта и умолять его не оставлять ее в этом подземелье, пропитанном административной бесчеловечностью и полной безнадегой. Она не преступница, а просто напуганная женщина. Она признается в чем угодно, лишь бы не оставаться здесь!

Когда Больё вошел в лифт, Кристина поняла, что кошмар только начинается и никто не придет на помощь: она осталась одна.

— Пройдите через металлодетектор, пожалуйста, — вежливо предложил один из охранников.

Журналистка подчинилась. К ним подошла женщина в форме, которая поздоровалась и обыскала новую задержанную — поверхностно, но омерзительно откровенно, от чего у Кристины мороз пробежал по коже.

— Следуйте за мной, — велела ей надзирательница.

Она открыла дверь в маленькую комнату, где на полках стояло штук сорок коробок, а под ними лежали в ряд мотоциклетные шлемы. Женщина в форме — низенькая, коренастая — поставила на стол большой глубокий деревянный ящик и подтолкнула его к Кристине:

— Снимите украшения — часы, кольца, браслеты, серьги — и ремень и сложите все сюда вместе с деньгами, документами, ключами и мобильным телефоном...

Арестованная подчинилась, чувствуя, что с каждым предметом лишается частички собственной личности. Служащая записывала все в толстый регистрационный журнал, называя каждую вещь вслух, а потом взяла листок бумаги, открыла паспорт задержанной, написала: «*Кристина Штайнмайер, 31/4817*», поставила ящик в одну из коробок, заперла его и приклеила на него бумажку с именем.

— Куда ее? — обратилась она к другим охранникам и, дождавшись ответа, вывела Кристину в длинный полутемный коридор.

По обеим сторонам находились камеры-соты с плексигласовыми переборками и металлическими дверями, покрашенными в серо-голубой цвет. Внутри, на коричневых одеялах поверх прорезиненных синих матрасов, лежали мужчины. Журналистка старалась не смотреть в их сторону.

— Эй, время не подскажешь? — крикнул один. — Привет, куколка, первая «ходка»? Берегись этой пройды, она обожает девочек!

В некоторых камерах было темно, на дверях с массивными запорами висели таблички с надписью «Режим усиленной охраны», а окошки для подачи еды были практически сорваны, как будто туда помещали не людей, а бешеных животных.

Миновав еще две камеры, служащая полиции остановилась, повернула ключ в замке и резким движением потянула за короткую вертикальную щеколду. Коридор заполнился металлическим лязгом — звук был киношный. Голос тюрьмы... Кристина вздрогнула так сильно, что ее плечи оказались на одном уровне с затылком.

— Снимите обувь, — приказала ее сопровождающая.

Штайнмайер разулась, и надзирательница, открыв ящик под койкой, поставила туда ее кроссовки.

— Заходите... — скомандовала она после этого.

Заключенная ступила на холодный цементный пол и оглядела камеру: пещерка грязно-белого цвета, два на три метра, бетонная лавка, а за ней — низкая стенка, маскирующая унитаз. Все углы скруглены. Матрас. В нише — раковина с краном. Больше ничего.

— Скоро вас отведут на дактилоскопическую процедуру, а пока отдохните, — сказала сотрудница полиции.

— Здесь холодно... — пожаловалась журналистка.

— Я принесу одеяло. Хотите что-нибудь съесть?

— Нет, спасибо.

Арестованная не чувствовала голода: *ей было холодно... ей было страшно... она испытывала ужас...* Женщина в форме протянула руку, и холщовая штора отгородила Кристину от коридора. Ни одна из камер, куда сажали мужчин, не была «замаскирована», и мадемуазель Штайнмайер поняла, что охрана решила не нарушать хрупкого спокойствия, царящего в этом «подземелье». Как только шаги надзирательницы стихли, Кристина судорожными движениями стянула джинсы и трусики и воспользовалась туалетом. Ее сильно трясло, зубы у нее стучали, и ей хотелось плакать, но что-то внутри нее сопротивлялось слезам. Она присела на койку, накинула на плечи одеяло, закрыла глаза и попыталась абстрагироваться от этого ужасного места, забыть, где находится и как сюда попала. *«В конце концов, все не так уж и страшно. Здесь тебя никто не достанет. Вот увидишь, через час-другой тебе станет лучше, хотя спать, конечно, будет жестко...»* — убеждала себя женщина. Следующие шестьдесят минут она лежала, свернувшись калачиком и натянув до носа пахнущее затхлостью одеяло, и пыталась усмирить голодные спазмы.

Час спустя за Кристиной пришли — еще одна женщина и мужчина, совсем молодой. Они привели заключенную в комнату без окна, освещенную неоновой лампой (у лифта Штайнмайер испытала эфемерную и жестокую надежду на то, что ее освободят, которая, увы, тут же испарилась). Стол, компьютер, стойка за стеклом и большая машина, напоминающая билетный автомат, — вот и вся обстановка той комнаты. За стеклом ждал человек в синих перчатках и хирургической маске. Он усадил мадемуазель Штайнмайер на стул, попросил ее открыть рот и взял ватной палочкой образец ДНК. Молодая женщина занялась отпечатками пальцев *задержанной* — сначала вся ладонь целиком, потом пальцы, один за другим. Разговаривала служащая полиции вполне любезно, как будто речь шла о простой административной формальности. В самом конце Кристину поставили в угол комнаты и сделали антропометрический снимок, после чего ее вернули в камеру. У нее появилось безнадежное чувство: на этот раз все кончено, *она оказалась по другую сторону*. Уныние и отчаяние взяли верх, и ее мозг, до этой минуты не осознававший всего ужаса ситуации, внезапно прозрел и завыл от стыда, растерянности и страха.

А потом начался ад...

Казалось, что все дилеры, сутенеры, воры, проститутки, пьяницы и наркоманы Тулузы назначили друг другу встречу именно в этой кутузке — так пользователи Интернета откликаются на обезличенное приглашение в «Фейсбуке». «Проект Х»^[51] в комиссариате полиции. Арестованные «приземлялись», один за другим, с десяти вечера до двух часов ночи, и в помещении стоял жуткий гвалт. Кристина порадовалась, что благодаря плотной холщовой занавеске ее никто не может видеть, в то время как по ту сторону все сильнее разгорались безумие и гнев. Чудовищное напряжение волнами прокатывалось из одного конца коридора в другой, как частицы в адронном коллайдере. Журналистка ни на минуту не сомкнула глаз: она сидела в предпоследней одиночке, и через две двери от нее находились общие камеры, куда набивалось от четырех до десяти человек. Галдеж, злоба, перебранки — буйный шабаш... К двум часам ночи коридор, больше похожий на вокзальный зал ожидания, превратился в шумный наэлектризованный, вздрюченный зверинец. «Эй вы там, гребаные легавые, ваши мамки отсасывают в аду!», «Эй, лесбо, здесь собачий холод! Может, дашь еще одну одеялку, дорогуша?», «Заткнись, кретин! Дай поспать!». Кристина всю ночь слушала пронзительные вопли хищников, их одержимые крики и хрипы, удары кулаком и ногой по плексигласу и металлу, зловещий хохот алкоголиков и отчаянный плач наркош, сварливо-агрессивные оскорбления проституток, разноязыкий шум, акценты, говоры, лязг засовов, шаги, зов о помощи, звонки, крики... Ладони у женщины вспотели, голова была в огне, и она без конца моргала, как сова, ослепленная светом фар. Полное одиночество и беспредельное отчаяние вытеснили все остальные чувства. Кристина пробовала отгородиться от всей этой анархии и звериной ярости — но ничего не выходило. Около трех часов ночи организм не выдержал: к горлу подкатила тошнота, заключенная кинулась к унитазу, рухнула на колени, и ее долго рвало, а в коридоре тем временем появилась очередная партия шумных арестантов. Кристина выпрямилась, вытерла лоб, спустила воду — и забрызгала одежду. Это было последней каплей: она заплакала — сначала глухо, боясь, что кто-нибудь услышит, но потом плач перешел в конвульсивные рыдания, выбив все заслонки в мозгу.

— Плачь, детка, легче станет, — тихим голосом произнесла женщина в соседней камере.

Ее разбудил холод. Выплакав отчаяние, Кристина заснула на жестком матрасе, закутавшись в коричневое одеяло, и теперь чувствовала себя совершенно разбитой. Спина и ноги затекли и адски болели, как будто сумасшедший убийца порезал ее бритвой. Вкус во рту был омерзительный, и жутко хотелось пить. А в коридоре царил почти полная тишина. Только звучный храп доносился из камер, да кто-то переговаривался тихими голосами... Потом начали щелкать замки, и Кристина услышала звук шагов. Двери открываются, люди просыпаются, кашляют, хрипят. Через три минуты надзирательница подняла штору, отперла дверь и протянула ей поднос:

— Держите.

Две штуки «Спекюлос»^[52] и пачечка апельсинового сока...

— Спасибо... — отозвалась арестованная. Хорошее воспитание так сразу не вытравишь.

Дежурная опустила штору и перешла к соседней камере. При других обстоятельствах Кристина с презрением отвергла бы подобную еду, но сейчас у нее сводило желудок от голода, и она накинулась на жесткое печенье, как на самый изысканный деликатес. Голод и жажду этот завтрак только усилил.

Прошел час, и штора снова взлетела вверх. Щелкнул повернувшийся в замке ключ, и голос дежурной вырвал журналистку из полудремы:

— Следуйте за мной.

Больё ждал ее у застекленного поста охраны.

— Здравствуйте, мадемуазель Штайнмайер, — сказал он и повел Кристину в комнату, где на стеллажах стояли коробки. — Вот ваши вещи, пожалуйста, проверьте и распишитесь.

Женщина в форме открыла коробку, вытащила деревянный ящик и поставила его на маленький столик. Заключение почувствовала, что надежда заполняет ее легкие, как гелий воздушный шарик. Она надела часы и ремень, взяла документы и дрожащей рукой начала вытаскивать остальные вещи. Затем написала «получено мною лично», поставила подпись — и не узнала собственный почерк: буквы прыгали, как стрелка сейсмографа.

— Идемте, — сказал лейтенант.

Он направился к лифту, и Кристина испытала новый прилив надежды. Пока они ехали наверх, она чувствовала себя аквалангистом, который запутался в рыбацких сетях, но сумел освободиться и вынырнул на поверхность в тот самый момент, когда в баллоне почти закончился кислород. Она никогда бы не подумала, что лифт может стать олицетворением свободы. Но потом ей в голову пришла другая — ужасная — мысль: он собирается снова ее допрашивать, а потом отправит вниз, в камеру... *О, нет, только не это, ради всего святого!* Женщина поняла, что готова признаться в чем угодно, лишь бы не возвращаться в ад, но не собиралась обманывать себя: если она признается, все станет только хуже, намного хуже.

Лифт остановился, двери открылись, и — о, радость! — Больё миновал допросную, открыл дверь своего кабинета, пропустил Кристину вперед и кивком предложил ей сесть. Она опустилась на стул с таким наслаждением, как будто это было уютное мягкое кресло в холле дорогого отеля.

— Вам повезло, мадемуазель Штайнмайер, — произнес ее сопровождающий, устраиваясь за столом.

Кристина насторожилась и на всякий случай промолчала.

— Мы вас отпускаем, — добавил инспектор.

Журналистка едва не попросила его повторить.

— Коринна Делия забрала жалобу, — пояснил он тем временем.

Больё был явно недоволен, и Кристина спросила себя, уж не шутит ли он, не подвергает ли ее ментальной пытке, как делают сотрудники спецслужб, разыгрывая казни заложников. Она не верила своим ушам и не могла утихомирить бешено колотящееся сердце.

— Я пытался ее переубедить, но она ничего не захотела слушать, — неприязненным тоном сказал лейтенант. — Мадемуазель Делия считает, что тоже несет ответственность за случившееся и что вы достаточно наказаны. Вам действительно повезло. Но помните — вы у нас на заметке.

Полицейский посмотрел на Штайнмайер без малейшей симпатии, после чего взял со стола листок и протянул ей:

— Вот список психиатров, которые сумеют вам помочь. А теперь извините, у меня много работы.

Больё встал, довел Кристину до лифта и вызвал его, проведя карточкой-пропуском по магнитному замку. Она вошла, нажала на кнопку, и в тот момент, когда двери начали закрываться, лейтенант наклонился и прошептал угрожающим тоном:

— Один совет, дорогуша. Я буду за тобою наблюдать, так что не нарывайся. Заглохни...

«Тыканье» и угроза подействовали как пощечина. Женщина вжалась в стенку кабины, и у нее задрожали ноги. В мозгу билась одна-единственная мысль: *уйти, убежать из этого места!*

Вот так в конце декабря, ледяным утром, каких Тулуза не знала много веков, Кристина тащилась к ближайшему входу в метро: опозоренная, виноватая, несчастная и до ужаса напуганная. Даже собака, которую переехавшие в новый дом хозяева сдали в приют, лишив вкусной еды, ласк и игр с детьми, и та выглядела бы веселее. Кристина дождалась поезда, вошла, села и даже не огляделась вокруг. Утро как утро, рано, людей немного. Она смотрела в стекло напротив и пыталась вспомнить какой-нибудь счастливый момент своей жизни, но в голову ей ничего не приходило. Женщина думала, что сумеет противостоять своим врагам, что будет сражаться, но теперь приходилось признать очевидное: все бессмысленно. Отчаяние готово было взять верх над рассудком, выиграть безжалостную битву, исход которой — теперь женщина хорошо это понимала — может оказаться роковым.

Доехав до своей станции, Штайнмайер выскочила на улицу и тут же поскользнулась на обледеневшем тротуаре, больно подвернув лодыжку. Однако женщина даже не выругалась — она выдохлась и утратила всякую охоту сопротивляться. Ее ангел-хранитель без задних ног дрых в своих коробках. *«Тот еще телохранитель!»* Кристина издала невеселый смешок, но смирила злость — не может же человек бодрствовать сутки напролет!

Она перешла на другую сторону улицы и тихонько потрясла бродягу за плечо. Ей необходимо было с кем-нибудь обсудить случившееся, и Макс вполне подойдет. В конце концов, он оказался самым внимательным и проницательным из всех, с кем она пыталась советоваться. Бродяга даже не шелохнулся, и Кристина повторила попытку, но он только еще громче захрапел, а нижняя губа у него

отвисла, обнажив пожелтевшие зубы. Женщина отшатнулась, вдохнув запах густого перегара. *Он пил... он был в стельку пьян!* Негодяй взял у нее деньги и немедленно нажрался! Он и не собирался выполнять свою часть договора. Предательство Макса dokonало Штайнмайер, и она пошла назад, не помня себя от обиды и отчаяния.

В квартире было так холодно, что Кристина спросила себя, уж не подкрутил ли кто-нибудь вентиль батареи. Идея была дикой, но тут же подтвердилась: из гостиной доносилась музыка. Два женских голоса — горестные, душераздирающие — сплетались, становясь единым целым... Журналистка в сердцах отпихнула Игги: увидев хозяйку, бедняга приветственно помахал хвостом, но ответной ласки не дождался. Кристина знала этот отрывок: «Дуэт цветов» из оперы Делиба «Лакме».

На столике лежал футляр от CD. Еще одна опера.

Он приходил...

Ужас костлявой лапой вцепился женщине в горло, и она инстинктивно отступила назад. А музыка звучала все громче, заполняя каждый уголок квартиры.

И все-таки, несмотря на страх и отчаяние, из самой глубины ее существа рвалось на волю совсем иное чувство.

Опустошительная ярость, подобная цепной реакции, взрыву ядерного котла, достигшего критической массы. Красная пелена заволочла взгляд Кристины, гнев вырвался наружу и разгорелся, как пожар в сухом сосновом лесу. Она ухватилась обеими руками за стереосистему, дернула что было сил, вырвав провода, и жалобная мелодия стихла. Дав волю чувствам, оглохнув и ослепнув, хозяйка швырнула ни в чем не повинную машинку через комнату и заорала:

— ДА ЧТО ВАМ ОТ МЕНЯ НУЖНО, В КОНЦЕ-ТО КОНЦОВ? ИДИТЕ К ЧЕРТУ! СКОПИЩЕ УРОДОВ!

ИДИ-И-ИТЕ К ЧЕ-Е-ЕРТУ-У-У!!!

«Жалко, что сегодня воскресенье», — подумал Сервас. Ему нужно было сделать несколько звонков и кое с кем увидеться. Все это, впрочем, было не так важно — просто он никогда не любил воскресенье.

Мартен гулял по заснеженной лесной аллее, вившейся среди корявых дубов и грабов. Золоченые и рыжие листья украшали землю

затейливым узором. Полицейский хорошо помнил скучные зимние вечера своего детства. Телевизора в доме не было — отец наложил на него вето, а домашних компьютеров тогда не существовало. Если в гости не приходили товарищи, Мартен уныло слонялся по комнатам — пасмурно на улице, хмуро на душе. Его отец — он был учителем литературы и закрывался в кабинете с книгами, а мать проверяла тетради или готовилась к понедельничным занятиям с первым или вторым средними классами.^[53] От тех серых дней у Серваса навсегда остался привкус одиночества и скуки, двух худших врагов человека.

Итак, он бродил по лесу и размышлял о смысле двух подсказок, присланных ему загадочным корреспондентом. Номер 117 в отеле и космическая станция... Селия Яблонка бывала среди космонавтов и исследователей. И она покончила с собой в вышеупомянутом гостиничном номере. Ладно. Как связаны два этих факта? Совершенно очевидно, что аноним хорошо осведомлен. Так почему бы просто не «слить» информацию Мартену? Почему не объявиться? Возможно, этот человек опасается за себя? Или связан профессиональной тайной? Сыщик прокрутил в голове эту идею. Адвокат? Врач? Полицейский?

Ничего... Неужто он утратил нюх и хватку? Делать выводы, строить гипотезы, экстраполировать... Это все элементарные операции — хитрость в том, что нужно всегда продвигаться чуть дальше, немного дальше... Майор понимал, что его интерес к этой истории спровоцирован скукой и вынужденным бездействием. Сейчас в нем говорил ребенок. В детстве они с товарищами выдумывали целые истории об обитателях своего квартала, сами начинали в них верить и искали несуществующие приметы и доказательства. Он что, впал в детство?

Продвигаться чуть дальше...

Орбитальная станция: космос, звезды, космонавты (или правильней называть их *астронавтами*)... Художница-самоубийца, параноик... или нет. *На шаг дальше...* Полицейский знал, откуда и как следует начать: расследовать не самоубийство, а убийство. Примем это за данность. Первый этап: родители.

22. Лакме

Она трясла Макса, пока бродяга не открыл глаза. Он с подозрением взглянул на окружающий мир и явно изумился, узнав ее:

— Кристина, что вы здесь делаете? Который сейчас час?

Он лежал, закопавшись в коробки и натянув на голову одеяло на манер шерстяного бедуинского плаща. Журналистка посмотрела на тротуар и чуть не подпрыгнула: *стаканчик стоял справа...*

— Вам пора размяться, — сказала она, выдохнув облачко пара. — Жду вас у себя. Через пять минут. Угощу горячим кофе.

Макс явно удивился, но женщина ничего не стала объяснять. Она перешла на другую сторону дороги и поднялась в свою квартиру. Через три минуты раздался звонок в дверь.

— Ужасно выглядите... Ну и холодрыга! — поежился стоящий на пороге бездомный. — Я бы съел тарелку супа.

Он направился в гостиную — «Как к себе домой!» — раздраженно подумала хозяйка, — а Макс устроился на диване, даже не сняв замызганное пальто. Из одного его кармана торчала грязная тряпка — возможно, носовой платок, из другого — книга с загнутыми уголками. Кристина прочла фамилию автора — Толстой.

— Вы заснули, — сказала она. — И пропустили того, кто приходил.

Бывший учитель явно удивился и поскреб ногтями сидящую бороду — возможно, хотел унять зуд.

— По ночам я сплю, как и все люди, — заметил он. — Хотите иметь круглосуточную защиту — обратитесь в охранное агентство.

На секунду Штайнмайер захотелось выставить наглеца за дверь.

— Почему вы поставили стаканчик справа? — спросила она, сдержавшись.

Бездомный покачал головой и нахмурился. Вид у него был озабоченный. Он задумчиво пожевал пластиковую мешалку для кофе и объяснил:

— Один тип несколько раз прошел мимо меня, постоял минут пять — смотрел на ваш дом, потом вошел... Судя по всему, он знал код.

— Возможно, это был один из жильцов?

— Нет. — Тон бродяги стал категоричным. — Я знаю в лицо всех, кто обитает на нашей улице. Но не его. Это был он. *Тот парень, которого вы ищете.*

Кристина помертвела:

— Почему вы так уверены?

Гость посмотрел ей прямо в глаза, не переставая грызть палочку:

— Вы были правы: у вас проблемы — и очень серьезные. Я не знаю, кто этот тип, но он... Настоящий бандит. Жестокий и злой.

— С чего вы взяли?

— Я схватил его за штанину и попросил денежку, хотя точно знал: он не из тех, кто подает. Вообще-то я всегда точно знаю, кто кинет монетку, а кто пройдет мимо, да еще и обругает. Я просто решил выяснить, с кем мы имеем дело, что это за человек... Ну так вот... он остановился и посмотрел на меня...

Макс наконец вынул ложечку изо рта и продолжил:

— Видели бы вы этот взгляд... Он наклонился и ухватил меня за воротник. Сказал: «Тронешь меня еще раз, и я отрежу тебе все десять пальцев — один за другим — в темном месте ржавыми ножницами, а рот заткну, так что воплей твоих никто не услышит». И знаете что? Он не блефовал. Я видел его глаза совсем близко. Ах да, еще одно: он бы сделал это *с наслаждением*. По улицам ходит много жестоких людей, и я с ними сталкивался. Но этот хуже всех. Не знаю, чем вы ему насолители, но, если он ваш враг, *идите в полицию*.

Журналистке показалось, что кислота разъела ей желудок. Ноги у нее стали ватными. Она посмотрела на Макса, и он увидел в ее глазах отчаяние.

Странный друг Кристины не знал, что полиция ничем ей не поможет.

— А что еще я могу сделать? — вздохнула она.

В серых глазах бездомного снова мелькнуло удивление.

— Почему вы не хотите обратиться к легавым?

— Это вас не касается.

Бродяга неодобрительно покачал головой.

— Ладно... Выбор невелик. Исчезните на какое-то время. Туда, где этот тип не сможет вас найти. Знаете, кто он?

— Нет. Опишите его.

— Уверены, что не знаете своего врага? — недоверчивым тоном поинтересовался Макс. — Ему лет тридцать, маленького роста — очень маленького. И взгляд у него как у законченного психа. И еще — странная татуировка на шее.

Штайнмайер вздрогнула. *Смутное воспоминание...* Она подумала о татуировках на долговязом теле Корделии. Нет, не то. Было что-то еще, совсем недавно. «Он маленького роста... очень маленького» — так сказал великан Макс, испугавшийся человека на голову ниже себя.

— Татуировка? Какая именно? — уточнила женщина.

— Необычная. Вроде как Богоматерь с нимбом вокруг головы. Знаете Андрея Рублева?

Кристина покачала головой — нет.

— Это самый знаменитый русский иконописец, — объяснил ее собеседник. — Так вот, татуировка похожа на одну из его Мадонн...

«Я его знаю! Я уже видела эту татуировку — не помню где...» — мучительно соображала журналистка. Где же? Где она его видела? В «Гранд-Отеле Томас Вильсон»... Когда выходила из лифта после встречи с Лео... Она толкнула странного человечка с Богоматерью на шее. *Значит, он за нею следил...* Мадемуазель Штайнмайер думала, что замела следы, но ошиблась.

Эта мысль привела ее в отчаяние. А вдруг он и Лео вычислил?

— Что это? — Голос Макса прозвучал как сквозь вату.

Кристина проследила за его взглядом — он смотрел на футляр от CD-диска.

— А вы не знаете? — усмехнулась она.

— Знаю. Еще одна опера.

— И снова о самоубийстве?

— Н-ну, можно сказать и так. Героиня, молодая индуска по имени Лакме, кончает с собой, съев ядовитый дурман, когда понимает, что ее возлюбленный Джеральд решил остаться верен долгу английского офицера и возвращается к своим.

Женщина побледнела.

— В чем дело? Я вас расстроил? — удивился ее гость.

— Вы сказали — Джеральд?^[54]

— Да, именно так. Кого-то из ваших знакомых зовут так же?.. Господь милосердный, Кристина, на вас лица нет!..

— Вот, выпейте... Нужно вызвать врача.

— Спасибо, мне уже лучше. — Штайнмайер взяла у Макса из рук стакан с водой.

— Так вы знаете какого-нибудь Джеральда? — повторил бродяга свой вопрос.

Журналистка кивнула.

— Он — человек с татуировкой? — уточнил мужчина.

Его собеседница покачала головой.

— Не хотите об этом говорить? — не отставал бездомный.

Мадемуазель Штайнмайер заколебалась:

— Пока нет... Спасибо за все, что вы делаете, Макс. Простите, что злилась и была к вам несправедлива.

Бывший учитель бросил на нее озабоченный взгляд:

— Кристина... До сегодняшнего дня я не был уверен, что мне стоит верить вашей истории, но теперь... Я видел глаза этого человека. Я знаю таких типов: они похожи на бойцовских собак. Как вы думаете, что он сделает в следующий раз? Как далеко готов зайти? Рано или поздно мерзавец вернется к своей «работе» — он последователен, как все безумцы. Вам нужна помощь, пойдите в полицию!

— Не тратьте время на уговоры, Макс. У меня есть вы. И еще один человек. Умный и сильный, уж точно не слабее этой сволочи.

Женщина повысила голос, как будто пыталась убедить саму себя. На мгновение ей показалось, что в серых глазах ее собеседника мелькнула досада, но это наверняка была только игра ее воображения.

— А теперь я хотела бы побыть одна, если не возражаете, — попросила она.

Макс поджал губы и кивнул, после чего медленно поднялся и пошел к двери, но на пороге обернулся:

— Если понадобится — вы знаете, где меня найти.

Когда он покинул квартиру, Кристина долго сидела неподвижно, пытаясь успокоиться. Она не понимала, что происходит, — во всем этом не было ни малейшего смысла. Бродяга считает незнакомца профессиональным преступником. Какого рода? Мафиозо, вором, наемным убийцей? Татуировка наводит на мысль о русских бандитах или о латиноамериканских гангстерах из телесериалов.

Штайнмайер вспомнила Жеральда, и ее снова ужалила обида. Что преследователь знает о ее отношениях с женихом? Это он снимал

Денизу и Жеральда? Зачем намекать на Жеральда, прислав очередную оперу? Это не совпадение... *Жеральд — часть уравнения...* Кристина почувствовала, что ее рассуждения снова приобретают параноидальный оттенок, и переключилась на Денизу. Могла аспирантка нанять бандита, чтобы запугать соперницу, заставить ее отказаться от любимого человека? Абсурд. Притом смехотворный. Такое бывает только в кино. *«И в передачах типа “Введите обвиняемого”, — произнес тоненький голосок в голове журналистки. — То есть в реальной жизни, дорогуша...»*

Женщина попыталась отмахнуться от него, но надоеда не успокоился: *«...ревность, зависть, месть — самые распространенные побудительные причины... Вспомни адвокатов, которых ты приглашала на передачу, вспомни их истории: ты удивишься, старушка, на что некоторые люди способны под влиянием ревности или приступа гнева...»*

Что же ей остается, какой выбор? Кристина достала телефон и проверила сообщения и пропущенные звонки. Лео уже должен был связаться с ней. Он сказал, что наведет справки, мобилизует свои связи... Получилось у него что-нибудь или нет? Только бы получилось...

Она не позволит психованному мерзавцу портить ей жизнь вечно.

Эта мысль взбодрила Штайнмайер лучше адреналина. Она отреагирует. Но не так, как думает ее преследователь... До сих пор он опережал ее на шаг, а то и на два, но Макс сообщил ей ценную информацию. Да. Она передаст Лео все, что услышала от бродяги, это во-первых. У Лео есть знакомый частный детектив, который сумеет ею воспользоваться. А во-вторых, *она немедленно покинет свою квартиру.* Макс был прав: здесь оставаться нельзя. Здесь, в этих стенах, она чувствует себя героиней Миа Ферроу из «Ребенка Розмари». Женщина словно наяву увидела, как негодяй входит в дом, писает на коврик, хватает Игги, ломает ему лапу, подкручивает батарею, вставляет диск с оперой в стереосистему... Она представила, как он вламывается ночью в квартиру — тумбочка, подставленная под ручку, вряд ли его остановит, да и засов тоже.

Вопрос в том, куда пойти. Может, собрать чемодан и попросить родителей приютить ее на несколько дней? Голос-брюзга отреагировал без задержки: *«Брось, подруга, ты же это не всерьез! Ты дошла до*

ручки, если первым делом подумала о них. Твои... родители? И что ты им скажешь? Что решила сменить обстановку? Развеешься?»

Голос был прав. «С чего это вдруг?» — спросят мама с папой и даже не попытаются скрыть, что возвращение великовозрастной дочери не входило в их планы. Она не может рассказать им, что в действительности происходит: легко представить, как отреагировал бы милый папочка, узнай он, что его дочь пригласила к себе домой бомжа! Если же она сочинит какую-нибудь историю — не важно какую, — отец увидит в этом подтверждение своей правоты: он всегда считал младшую дочь слабачкой, которая ни за что не найдет своего места в жизни, *и пусть бы лучше в живых осталась ее сестра*. Он ведь именно так думал — разве нет? — когда напивался и мог признаться себе в своем... своем *предпочтении?*.. Что же до матери... Мамочка посмотрит на нее и задастся вопросом, где совершила ошибку, она воспримет неудачу дочери как собственное поражение.

Что угодно, только не это...

Хозяйка вернулась в гостиную и налила себе полную кружку кофе. *В голову ей неожиданно пришла другая мысль...* Она позвонит человеку, который, возможно, не обрадуется, услышав ее голос, но выбора у нее нет. Кристина нашла телефон Илана. Она знала, что в этот час ее помощник еще дома, а когда он ответил, услышала в трубке детские голоса.

— Кристина? — удивился радиожурналист.

В его голосе не было ни враждебности, ни недоверия — только удивление.

— Прости, что беспокою, — сказала его коллега, — но мне нужна услуга. Я знаю, у тебя из-за меня проблемы, и пойму, если ты откажешься, но больше мне положиться не на кого. — И, не дав Илану времени ответить, она объяснила суть дела.

Он долго молчал — видимо, решал, как поступать, — но потом все-таки заговорил:

— Ничего не обещаю... Посмотрим, что я смогу сделать.

— Кто это, папочка? — В трубке послышались голос маленькой девочки и звонок по второй линии.

— Никто, крошка. — Илан повесил трубку.

Телефон зазвонил, и Штайнмайер ответила на вызов:

— Слушаю.

— Кристина? Это Гийомо.

У журналистки оборвалось сердце: тон начальника был ледяным, как зима на Юконе.

— Вчера мне звонили из полиции. Задавали вопросы о тебе, сообщили, что ты сотворила. Я сразу связался с Корделией, и она объяснила, что сначала подала жалобу, а потом забрала ее. — Программный директор тяжело вздохнул. — Черт возьми, Кристина, как ты могла?! Это... это... Все знали, какой у тебя мерзкий характер, но такое... Не могу поверить... — Он скрипнул зубами. — Не приходи завтра утром на работу. И послезавтра. Никогда не приходи. Мы начнем процедуру увольнения в связи с тяжелым проступком и подадим судебный иск.

Пауза.

— Эта девочка считает, что ты достаточно наказана, но я не так великодушен: твоё поведение серьезно подорвет репутацию станции, — добавил Гийомо. — Советую найти хорошего адвоката.
Грязная чокнутая шлюха...

23. Лейтмотив

Сервас не мог припомнить, когда на равнине выпадало столько снега. Выступавший по радио синоптик так увлеченно рассказывал о том, что количество осадков является беспрецедентным, как будто сам же и наслал их на землю. Все по привычке связали это с изменением климата на планете. Холод, жара, наводнение, засуха... Журналисты обожали писать и говорить о глобальном потеплении — ничуть не меньше, чем об экономических кризисах, арабских революциях, разорении банков и ограблениях ювелиров...

Он ехал мимо белоснежных полей и оголившихся на зиму деревьев и слушал музыку старого доброго Густава. Серое небо с холмами тяжелых облаков казалось отражением земной тверди. Центральная часть региона была не такой живописной, как юг департамента, где природным подобием Великой Китайской стены высились Пиренеи, или лесистый Альбигойский край, или местность к востоку от Тулузы, спускающаяся к гостеприимному побережью Средиземного моря. Здешняя природа была... монотонной.

Сервас свернул с национального шоссе на узкую, всю в выбоинах и ухабах дорогу и через три километра увидел справа ферму. Он не торопясь ехал по снегу, надеясь, что в случае чего трактор вытащит его застрявшую машину.

Мартен припарковался у длинного жилого здания, выстроенного из серого цемента, явно не знавшего кисти маляра. Он вышел и сразу поднял воротник, защищаясь от холода. Глядя на дом, майор легко представил себе, какими были детство и юность Селии Яблонки в этом унылом месте, и мгновенно понял природу ее честолюбия. Честолюбие мечтательной девочки, воображению которой было тесно в этих рамках.

На пороге дома стояла крашеная блондинка. Она смотрела на незваного гостя с прищуром, и приветливости в ее глазах было не больше, чем в хриплом лае рвущегося с цепи пса.

— Добрый день, мадам. Я майор Сервас из полиции Тулузы, — представился Мартен. — У меня назначена встреча с мсье Яблонкой.

Женщина коротко, не сказав ни слова, кивнула в сторону большого хлева — до него было метров тридцать, — и сыщик пошел

по месиву из грязи и снега, стараясь не попадать в рытвины, оставленные колесами тракторов. Миновав две распахнутые настежь металлические двери, он чуть не задохнулся от вони: по желобкам в полу стекала дымящаяся коричневая жижа.

— Проходите сюда, — позвал чей-то голос.

Сервас посмотрел налево, где был отгорожен от остального пространства маленький кабинет. За стеклом перед экраном компьютера сидел седовласый мужчина. Его лежавшая на мышке рука была в голубой латексной перчатке. «Как у хирурга или эксперта-криминалиста», — подумал полицейский и вошел в крошечное помещение. На экране выстроились колонки цифр, а на стене, на белой доске, маркером было записано несколько рекомендаций — совсем как в рабочем бюро криминальной полиции.

— Буду к вашим услугам через несколько минут, только проверю работа, — сказал мужчина. — Нужно взглянуть на ночные результаты.

— Работа? — удивился Мартен.

— Да, доильного работа. — Фермер впервые повернулся к посетителю и бросил на него острый взгляд, такой же недовольный, как и у его жены. — Вы сыщик из города, сразу видно... Покажете удостоверение?

Сервас был готов к этому вопросу. Он сунул руку в карман куртки, достал карточку и протянул ее седовласому. Тот взял ее, не снимая перчатки, сдвинул брови, сличил лицо на фотографии с лицом гостя и отвернулся к экрану:

— Простите, что задерживаю, но я должен позаботиться о коровах.

Майор кивнул:

— Не беспокойтесь, я никуда не тороплюсь.

— Вот и хорошо.

— Значит, коров доит робот? — любопытно спросил сыщик.

Хозяин встал.

— Идемте.

Они поднимались по центральному проходу, где за металлическими ограждениями задумчиво жевали сено десятки коров. Пар от их дыхания облачками поднимался к потолку. Отец Селии показал Мартену очередь из рогатых красавиц, выстроившихся хвост в хвост перед огромной машиной, совсем как автомобили на мойке.

Одна из коров шагнула в аппарат, не переставая пережевывать сено, и большая механическая рука поднырнула под раздувшееся от молока вымя. Сначала цилиндрические щетки обработали соски, а потом загорелась маленькая красная лампочка, и каждый сосок попал внутрь пластиковой муфты, а корова даже не моргнула. «Наверное, привыкла», — подумал Сервас.

— Лазер распознаёт каждое вымя и дает роботу команду на дойку, — объяснил Яблонка.

— У вас большое стадо? — поинтересовался Мартен.

— Сто двадцать голов.

— А сколько стоит такая установка?

— Зависит от комплектации. От ста двадцати до восьмисот тысяч евро...

Сыщик вспомнил многочисленные истории о самоубийствах фермеров, задавленных бременем долгов.

— А когда их отсюда выпускают? — спросил он и получил безжалостный, как нож гильотины, ответ:

— Никогда...

Майор задумался о душевном здоровье коров и быков, пожизненно лишенных света дня. Каждое лето он видел, как пасутся на лугах «мясные» стада — светлые аквитанки, лимузенки... Даже коровы рождаются неравными. Фермеры учатся программированию, покупают роботов, управляющих хранением продукции и наверняка компетентных в куче других областей. Деревня утратила патриархальный облик, обзавелась компьютерами, планшетами, лазерами и видеокамерами.

— Вы ведь приехали не ради разговора о моих коровах... — заметил хозяин.

Сервас взглянул в его ярко-голубые глаза, казавшиеся особенно блестящими на фоне морщинистой, задубевшей от загара кожи.

— Вы снова открываете дело? Почему? — спросил отец художницы.

— Нет, господин Яблонка, не открываем. Мне просто поручено проверить несколько старых дел, — солгал полицейский.

— Зачем?

— Это называется административный надзор.

— Не понимаю, чем вас — или ваше начальство — заинтересовала история с моей дочерью.

Сервас ответил вопросом на вопрос:

— Она выросла здесь?

Его собеседник вымученно улыбнулся.

— Я знаю, что вы думаете, — буркнул он.

— Неужели?

— Вот что я вам скажу, господин полицейский... Мы тут занимаемся конкретным делом. Не спекулируем несуществующими деньгами, не продаем ненужных товаров людям, которые почему-то решили, что не могут без них обойтись. Мы работаем день и ночь. Возможно, только мы и помним о существовании реального мира. И за это нас хотят уничтожить. Но Селия росла среди книг. Приди мне в голову глупая мысль пригласить вас в свой дом — чего я не сделаю, — вы бы увидели, что он заполнен книгами — прочитанными, с пометками на полях... Селия обожала книги. И мы всегда поощряли ее тягу к чтению... У моей дочери были честолюбивые мечты — но не потому, что она хотела сбежать из родного дома, и не ради того, чтобы превзойти родителей. Нет, она просто хотела, чтобы мы ею гордились. Моя дочь возвращалась сюда всякий раз, когда нуждалась в глотке свежего воздуха и поддержке. Весной в наших местах царит красота, и это был любимый уголок Селии на Земле...

Сервас посмотрел на очередную корову, занявшую место у машины. Она все время переступала ногами то вперед, то назад, и муфты снова и снова запускали программу «поиск». В споре с техническим новшеством животное — увы — обречено на проигрыш.

— Селия часто сюда заходила? — спросил он. — Или держалась в сторонке?

Фермер наградил его неприязненным взглядом.

— Она была против установки автоматической системы, — произнес женский голос у него за спиной. — Говорила, что держать коров взаперти, как арестантов, бесчеловечно. И, наверное, не ошибалась... — Хозяйка фермы посмотрела на мужа с укором. — Селия была очень умной молодой женщиной. И уравновешенной. Пока не встретила того типа.

Сыщик резко повернулся к ней:

— Какого типа?

— Не знаю. Мы никогда его не видели. Думаю, важная шишка. И женатик. Дочь не хотела это обсуждать. Сказала только, что встретила потрясающего, необыкновенного мужчину. Сначала она была счастлива. Но потом настроение у нее стало меняться...

Сервас вспомнил слова директора общественного центра.

— Селия никогда не делала глупостей — не то что другие подростки, — продолжала фермерша. — Она была робкой и усидчивой. Потому-то и начала дурить, когда выросла, встречалась с сомнительными личностями... Нескольких мы видели — жалкие типы, притворяющиеся крутыми.

В глазах фермера плескался гнев. Он разъедал его, как рак, отравлял кровь, подобно мышьяку. Скорее всего, этот человек был вспыльчив от природы, но после смерти дочери окончательно лишился самообладания.

— В какой-то момент Селия расцвела, выглядела счастливой, — заговорил он. — *Была* счастливой, насколько мне известно. К ней пришел профессиональный успех, и это придало ей уверенности. Мы хорошо ладили. У меня... у нас не было других детей, и я всегда баловал Селию.

Он посмотрел на свои сильные загорелые руки с набрякшими венами.

— Селия не рассказывала, с кем встречается, — вновь вступила в разговор мать художницы. — Мы не задавали вопросов, но однажды она захотела открыться, сказала, что встретила человека, который нам понравится. Пообещала нас познакомить — когда-нибудь, когда исчезнут *препятствия*. Да, именно так она это назвала. Мы сразу поняли, что у него есть семья, и сказали себе: малышка выросла, но в любви осталась по-детски наивной и ее снова и снова будут обманывать...

Она помолчала, пытаясь справиться с волнением, и продолжила:

— В последние месяцы ее мучила депрессия. Она отказывалась говорить на эту тему, но я видела, что моя дочь пугается собственной тени. Чего-то боится. Чего-то или кого-то. Но я никогда не думала, что она... что она...

Мартену, показалось, что время замедлилось и что даже молоко течет в бидоны быстрее бесконечно длинных минут.

— Вы уверены, что совсем ничего не знаете о ее друге? — уточнил он.

— Однажды она сказала странную вещь, — вспомнила его собеседница. — Назвала его настоящим ковбоем: *космическим ковбоем*. Как-то так... Я не поняла, что она имеет в виду. Дочка часто говорила загадками.

Майор посмотрел на отца Селии, вспомнил фотографию из коробки — снимок орбитальной станции — и ощутил внутреннюю дрожь... Фермер поднял глаза, и сыщика поразила горевший в них огонь.

— Если наша дочь действительно покончила с собой, что вы здесь делаете, зачем приехали год спустя? — потребовал объяснений старый фермер.

— Я же объяснил — рутинная проверка, — отозвался полицейский.

— Не морочьте мне голову. К чему все эти вопросы? Дело снова открыто или нет?

— Нет. Расследование закончено.

— Вопрос закрыт?

— Да.

— Ясно. Тогда убирайтесь, инспектор, лейтенант, комиссар — или кто вы там такой: убирайтесь немедленно!

Сервас остановился у входа в Космический центр Тулузы, похожий на пункт уплаты дорожной пошлины и увенчанный затейливой эмблемой, символизирующей планету и ракету-носитель.

Центр находился на территории огромного научного комплекса, расположенного к востоку от Университета Поля Сабатье. Здесь были лаборатории, инженерные училища и аэрокосмические предприятия. Именно так сыщик представлял себе американский кампус: молодые люди на велосипедах — студенты, инженеры, программисты — и широкие, обсаженные деревьями проспекты. Антенны на крышах, функциональные, взаимозаменяемые здания, а в качестве пейзажной декорации — один или два самолета на лужайках. Два охранника в синей форме перешучивались у въездных ворот и очень напоминали статистов из телевизионного шоу. Мартен опустил стекло и объяснил, что у него назначена встреча с директором. Охранник забрал его

удостоверение, выдал взамен бейджик посетителя, на котором была указана фамилия человека, с которым ему предстояло встретиться (вероятно, на тот случай, если гость *заблудится*), и предложил оставить машину на стоянке слева от входа.

Сервас заглушил двигатель, вышел и огляделся. В холодном воздухе порхали редкие снежинки, повсюду росли сосны, на высоких столбах горели прожектора, перед одним из корпусов, на снегу, была установлена ракета, а рядом с нею — огромная параболическая антенна. Все фасады были сконструированы из вертикальных бетонных пластов, разделенных узкими бойницами.

Никаких особых мер безопасности Сервас на территории не заметил, хотя они наверняка имели место. Он направился к «зданию управленцев», напротив которого стоял корпус Ферма: там размещались залы управления и слежения за спутниками, запускаемыми ракетой-носителем «Ариан». Рядом находился Центр содействия развитию деятельности в условиях микрогравитации и космических операций. В телефонном разговоре Мартен представился следователем криминальной полиции, сказал, что хочет пообщаться с одним из директоров центра, и подчеркнул, что тот не должен иметь никаких контактов с полицией. Он объяснил, что расследует смерть художницы Селии Яблонки, которая в свое время сделала космос темой одной из выставок. Его собеседник подтвердил, что мадемуазель Яблонка действительно посещала городок, но он не понимает, чем может быть полезен следствию. Тем не менее он сказал, что готов уделить майору немного времени («Хотя расписание у меня, сами понимаете, очень напряженное!»). Директор успокоил Серваса, сказав, что впервые общается с сотрудником полиции, и спросил: «А в чем, собственно, дело? Селия Яблонка ведь покончила с собой, так?» За три минуты сыщик понял, что от скромности его собеседник точно не умрет. Он сверился с блокнотом: диплом Политехнической школы — выпуск 77-го, доктор философии, ^[55] обладатель степени магистра наук Стенфордского университета.

Через пять минут майор вошел в кабинет и увидел перед собою толстяка с живыми смеющимися глазками. Ладонь у него оказалась пухлой, и чуть влажной, но рукопожатие — крепким.

— Садитесь, прошу вас! — предложил он полицейскому и вернулся за стол — почти пустой, если не считать ноутбука

«Макинтош», чертежной лампы, нескольких документов и макета ракеты-носителя. Поправив узел большой бабочки из ткани в горошек, он улыбнулся и развел руками:

— Не знаю, чего вы от меня ждете, майор, но попробую ответить на ваши вопросы.

Его гость решил зайти издалека.

— Для начала расскажите, чем вы тут занимаетесь.

Улыбка директора стала еще шире.

— Космический центр Тулузы является операционным центром Национального центра космических исследований. Здесь разрабатывают и выводят на орбиту космические ракеты и системы. Вы наверняка слышали о программах «Ариан», «Спот», «Гелиос» и — главное — о роботе «Кьюриосити», который американцы запустили на Марс?

Мартен счет правильным согласиться.

— Ну так вот, ChemCam^[56] — специальная камера, венчающая мачту марсохода, осуществившая восемьдесят тысяч лазерных выстрелов по скалам, — пилотируется *отсюда* и была создана *здесь*, Национальным центром космических исследований и Институтом астрофизических и палеонтологических исследований.

Тулуза и космос, Тулуза и космонавтика... Старая история, восходящая к началу прошлого столетия и самолетам «Латеккоэр», к легендарным пилотам Авиапочты, Сент-Экзюпери и его другу Жану Мермозу... «Земля людей», «Южный почтовый», дюны Сахары, огни Касабланки, Дакара, Сенегальского Сент-Луиса... Захватывающие дух истории, пестрящие словами «Патагония», беспроводный телеграф и Южный Крест, благодаря которым Мартен в детстве сбегал из своей комнаты, чтобы путешествовать с героями.

— Я вряд ли ошибусь, предположив, что вы пришли сюда не ради бесед о роботах и космических исследованиях? — заметил тем временем хозяин кабинета.

— Вы случайно не помните, что интересовало мадемуазель Яблонку больше всего? — перешел майор к делу.

Директор оперся подбородком на сцепленные пальцы.

— Ее интересовало все — она была любознательна и умна. И, кстати, очень красива, — добавил он после секундной паузы. — Мадемуазель Яблонка хотела все узнать, все увидеть и все

сфотографировать — последнюю просьбу, разумеется, пришлось отклонить.

— Вам не показалось, что она страдает депрессией?

— Я не психиатр, да и встречались мы всего два раза. Но почему вы об этом спрашиваете?

Неожиданно Сервасу пришла в голову одна идея.

— Селия с кем-то познакомилась, — сказал он, проигнорировав прозвучавший вопрос. — В разговоре с отцом она назвала этого человека «космическим ковбоем»...

Его собеседник нахмурился:

— Если вас интересуют космонавты, вы ошиблись адресом. Европейский центр подготовки находится в Кёльне, а штаб-квартиры Европейского космического агентства и Национального центра космических исследований — в Париже... Впрочем, мадемуазель Яблонка могла встречаться с разными людьми и минуя меня. А почему вы об этом спрашиваете?

— Сожалею, но этого я вам сказать не могу — не имею права. — Мартен мысленно усмехнулся, заметив тень досады в глазах собеседника.

— Послушайте, инспектор, не знаю, что вы там ищете — или что себе напридумали, — но космонавты — супернатренированные и гиперподготовленные как физически, так и умственно люди... Вам и не снилось, какие нагрузки они выдерживают: центрифуга, вращающееся кресло, наклонный стол... Все эти тренажеры — чистой воды пыточный арсенал. Космонавты выдерживают всё. С улыбкой. Это невероятные люди. Кроме того, их подвергают куче тестов, в том числе психологических...

— А Селия не могла познакомиться с кем-нибудь из них здесь — тем или иным образом? — настаивал майор, вновь проигнорировав замечание администратора.

— Я ведь уже говорил...

Директор раздражался все сильнее, но затем все-таки задумался и кое-что вспомнил.

— Селия Яблонка была в числе приглашенных на торжественный прием, который Национальный центр космических исследований устраивал в Капитолии. На нем присутствовал весь цвет французской космонавтики. Я предложил мадемуазель сопровождать меня, и она

согласилась, а потом увидела всех этих доминантных самцов в смокингах и начисто обо мне забыла, — фыркнул толстяк.

— Вы хотите сказать, что...

— Да, там были все французские космонавты — *космические ковбои*, по вашему определению.

Сервас смотрел на собеседника и представлял, как тот был унижен, когда молодая задавака предпочла его блестящему уму накачанные мускулы и ослепительные улыбки космических... жеребцов. В нем проснулся охотничий азарт.

— Помните дату? — спросил он быстро.

Директор снял трубку, сказал несколько слов секретарше и выслушал ответ.

— Двадцать восьмого декабря две тысячи десятого года, — ответил он и повесил трубку. — Если вы ищете космонавта, найдите список приглашенных. В тот вечер там были все. Выбор широкий.

На Тулузу опускались ранние сумерки. 31 декабря. Город сверкал огнями на манер новогодней елки. Заходящее солнце сочилось кровью, как раненое сердце, и Сервас ощутил дыхание ледяного ветра польских степей.

— *Зачем ты вернулась в мою жизнь? Я тебя забыл.*

— *Нет, не забыл.*

— *Но ты умерла.*

— *Да.*

— *Я начал забывать твое лицо.*

— *Забудешь и все остальное.*

— *Значит, вот что случится? От наших слов, обещаний, поцелуев, ожиданий, поступков, любви ничего не останется?*

— *Ничего.*

— *Тогда зачем жить?*

— *А зачем умирать?*

— *Ты меня спрашиваешь?*

— *Нет...*

Он смотрел на торопившихся по делам прохожих с усталыми лицами, на новогодние гирлянды и на тепло укутанных хорошеньких девушек, весело щебечущих на террасах кафе: их смех смолкнет,

гирлянды погаснут, юные красотки постареют, станут морщинистыми и умрут. Майор набрал телефон Ратуши.

— Слушаю вас... — ответил ему женский голос.

Сервас представился, изложил суть дела.

— И что дальше? — тоном бюрократического превосходства спросила его собеседница.

— Мне необходим список гостей.

— Вы, конечно, шутите?

Мартен с трудом удержался от грубости.

— А похоже?

— Сожалею, но это не в моей компетенции. Сейчас переключу вас на человека, который, *возможно*, сумеет вам помочь...

— Спасибо... — машинально произнес сыщик, отметив про себя не слишком обнадеживающее «возможно».

В трубке зазвучал Моцарт.

— И кто же вас ко мне направил? — Новая собеседница с места в карьер взяла агрессивный тон, словно позвонивший в чем-то перед ней провинился.

— Ваша коллега... — объяснил полицейский. — Она сказала, что вы, возможно...

— Временами мне кажется, что люди не всегда отдают себе отчет... Я завалена работой.

«А я — нет, — подумал Сервас. — У меня есть только это дело...» Но вслух он ничего не сказал. Ему была необходима информация.

— Вот что, мсье, я свяжу вас кое с кем — вернее, попробую. Сегодня все-таки тридцать первое декабря.

Блеск. Спасибо. Счастливого Нового года.

Другая мелодия, новое ожидание.

— Да, говорите, — произнес третий по счету женский голос.

Мартен повторил свой вопрос, ни на что не надеясь.

— Не вешайте трубку, я попытаюсь вам помочь, — ответили ему.

Сервас воспрял духом. Голос этой собеседницы звучал твердо и решительно. Он слышал, как она ходит по комнате и зовет кого-то властным тоном. Вообще-то полицейские работают не лучше, но и среди них есть компетентные и добросовестные люди.

Через несколько минут Мартен получил неутешительный ответ:

— Мне жаль, но этот документ хранится не у нас. Я вас переключу.

Сервас готов был смириться с неудачей, но тут услышал тоненький голосок:

— Я слушаю... Алло... *Алло...*

Майор заколебался, но пискля не успокаивалась:

— *Да алло же!*

Так тому и быть.

Мартен устало повторил надоевшую ему самому просьбу.

— Вам нужен список приглашенных на прием двадцать восьмого декабря две тысячи десятого года? — удивленно переспросила женщина.

— Да. Вы понимаете, о каком приеме я говорю?

— Конечно. Я там была. Прием для космонавтов.

Крохотный проблеск надежды.

— Посмотрим, смогу ли я его отыскать, — сказала служащая. — Останетесь на линии или перезвоните?

Полицейский сказал себе, что, если повесит трубку, у него вряд ли хватит сил на еще одно бесконечно нудное ожидание.

— Я подожду, — решил он.

— Хорошо...

Минут через десять майор спросил себя, уж не подшутили ли над ним: женщина могла оставить телефон на столе и отправиться встречать Новый год.

— Я нашла! — услышал он внезапно ее восклицание. Писклявый голос звучал торжествующе.

— Неужели?

— Да. Все заархивировано, в том числе фотографии.

— Фотографии? Какие фотографии? — Сервас лихорадочно соображал. — Не уходите, я уже еду...

— Куда? Сейчас?! Но я через полчаса заканчиваю, сегодня праздник!

— Я в ста метрах от Ратуши и надолго вас не задержу. Это очень важно.

— Ну что же, в таком случае... — согласился эльфийский голосок.

24. Голос

19.46, 31 декабря. Температура упала до -2 °C, но она все-таки открыла балконную дверь, и шум вечерней площади проник в гостиничный номер. Она лежала в кровати и любовалась ярко освещенным фасадом Ратуши. «Гранд-Отель де л’Опера». Площадь Капитолия, 1. Пятьдесят номеров, два ресторана, спа и сауна, хаммам и массажный салон в самом центре города. Ей досталась красная комната: красные стены, красное кресло, красный стол — белыми были только пол, кровать и дверь.

Игги обнюхал углы — маленький предбанник, ванную, — все время натываясь на двери пластиковым воронником-воронкой, а потом уснул на покрывале.

Его хозяйка освободила оба чемодана, разложила вещи и тоже прилегла, почувствовав себя в относительной безопасности. Напряжение последних часов наконец-то спало. Отель посоветовала мать: «Возьми номер в “Гранд-Отель де л’Опера”, управляющий — мой друг». Она пообещала ничего не говорить отцу, но журналистке пришлось придумать правдоподобное объяснение — увертками мадам Штайнмайер точно не удовлетворилась бы. Кристина сказала, что ночью в ее квартиру проник грабитель и теперь там небезопасно. «Надеюсь, ты заявила в полицию?» — испугалась Клэр. Ее дочь солгала, сказав «да», и добавила, что это всего на несколько дней, пока не поменяют замки. Родители были у нее в гостях два раза, так что матери вряд ли придет в голову проверить правдивость ее слов...

Бронзовый звон Сен-Сернена и других городских церквей разносился в холодном воздухе, под окном шуршали шины, весело перекрикивались люди, время от времени диссонирующей нотой нетерпеливо гудел клаксон. Журналистка уставилась на потолочный вентилятор. Колокола звонили, усердно и проникновенно, и обрывки праздничной, «языческой» музыки врывались в их разговор. Она слышала, как бьется сердце радующейся жизни Тулузы, но для нее самой и жизнь, и радость были теперь недоступны.

Почему не звонит Лео?

Она не выдержала, достала телефон и нашла нужный номер. Четыре гудка. Голосовая почта. Проклятие! Женщина повторила

попытку, и на этот раз дождалась ответа:

— Кристина...

— Да. Это я. Извини, что беспокою дома, но у меня разрядился мобильник... (*Лгунья!*) Ты мне звонил?

— Нет...

У Штайнмайер сжалось сердце. Голос в трубке звучал отстраненно и холодно — или ей показалось?

— Тебе нечего сказать? Никаких новостей? — уточнила она.

— Ты ведь знаешь, что я не могу разговаривать с тобою из дома, Кристина! — шепотом произнес Фонтен.

— Кто это? — Журналистке показалось, что она узнала голос жены Леонарда: они познакомились на одном приеме и даже понравились друг другу.

— Это по делу, насчет поездки, я тебе говорил... — ответил ей космонавт.

— Дети! — позвал женский голос. — Собирайтесь!

— Когда мы увидимся? — спросила Кристина. — Ты связался с детективом?

Пауза слегка затянулась.

— Знаешь, сейчас не самый удачный момент... — сказал наконец Лео. — Как все прошло в полиции?

Должна ли она сказать ему правду? Нет, позже. Кристина не хотела сообщать Лео об обвинениях Корделии — она не была уверена в его реакции.

— Никак, — солгала она. — Думаю, они мне не поверили.

Еще одна долгая пауза.

— Мне нужно тебя увидеть, — добавила журналистка и поежилась: в комнате было холодно — из-за штор дуло, но дело было не только в этом.

— Кристина... Мне нужно подумать... Я говорил с детективом, который должен мне услугу... Он кое-что раскопал о тебе, — объявил вдруг космонавт.

Его собеседница нервно сглотнула:

— Не понимаю... Ты попросил его провести расследование обо мне?

— Детектив узнал, что ты напала на семейного врача, когда была подростком, и тебя водили к психиатру...

— Мне было двенадцать!

— Он задействовал свои контакты в полиции: недавно ты избил девушку... Как видишь, я в курсе.

— Я этого не делала!

— Повторяю, мне нужно подумать. Будь осторожна. Я сам тебе позвоню.

Леонард повесил трубку, но Кристина пришла в ярость и снова нажала на кнопку вызова. Разговор не окончен, она имеет право объясниться. Все имеют право защищать себя, чем она хуже? Лео хорошо ее знает, у них был роман, они спали вместе!

Голосовая почта...

Это случилось летом, 23 июля 1993 года. Ей было двенадцать. В то лето кошмаров и призраков она тяжело заболела мононуклеозом и была так обессилена, что большую часть времени лежала в постели с высокой температурой, в липком поту, с распухшими подмышками и жестокими головными болями. Когда начались бронхиальные осложнения и резко увеличилось число лейкоцитов в крови, семейный врач решил изменить схему лечения. Он каждый вечер приходил делать ей укол, а потом мать гасила свет, желала ей спокойной ночи и уходила. В те горячечные ночи Кристине снились странные кошмары, и в какой-то момент она начала бояться темноты и убедила себя в том, что видит жуткие сны из-за загадочных инъекций доктора Ареля.

Вечером 23 июля свет в детской погасил отец — мадам Дориан уехала, чтобы ухаживать за заболевшей матерью. «Спи спокойно, обезьянка», — сказал Ги, как будто знать не знал ни о страшных снах, ни о болезни своей дочери, после чего повернул выключатель и закрыл дверь.

В темноте сердце Кристины забилося, как обезумевший от первобытного ужаса зверек.

Потом сквозь сон прорвались голоса. Шепот доносился от бассейна: ночь была очень жаркой, температура поднялась до 30 °С, и окно было открыто. А может, девочка просто спала и видела сон. Или видела сон о сне: и в голосах, и в беззаботном, почти томном шелесте пальм на ветру было нечто нереальное.

Она заметила, что ночной мрак стал не таким густым: должно быть, зажегся свет у бассейна. Кристина насторожилась, услышав

плеск, и посмотрела на радиобудильник. Полночь. Лицо горит, наволочка промокла от пота, а под черепом разгорается жаркое солнце. Снова этот таинственный шепот. Голоса у бассейна манили ее к себе, но бассейн ночью — не то же самое, что бассейн днем. Это недостижимое, опасное — и *запретное* — место. Глубокая чаша воды пугающе сверкает во тьме, отсвечивая бледно-голубым, красным и нежно-зеленым через витражное стекло гостиной. Но девочка все-таки откинула простыню и вышла из мезонина: внизу никого, но все лампы зажжены. Она спустилась...

Бассейн манил ее к себе. Голоса завораживали. В ее юном, охваченном жаром мозгу рождались смутные ассоциации — вода, огонь, рыба, страх, тошнота, желание... рождались и обретали форму. Бассейн был феерически зазывным, но и невыносимым, отвергаемым фантазмом. Кристина прошла босиком через гостиную, осторожно раздвинула двери, выходящие в патио, и окунулась в темную звездную ночь. По коже пробежала дрожь удовольствия и опаски. Перед нею плескалась ярко освещенная, хлюпающая поверхность воды. Кто-то плавал в бассейне — силуэт, обрисованный горящими на дне лампочками. Кристина сразу узнала свою сестру Мадлен. Та лежала на спине, покачиваясь на легких радужных волнах, и распущенные волосы колыхались вокруг ее головы, подобно водорослям. Она была совершенно голая... Младшая сестра заметила шелковистый треугольник у нее между ног.

— Мэдди? — позвала она.

Старшая сестра выпрямилась и повернула голову, резко взмахнув руками.

— Что ты здесь делаешь, Кристина? Уже очень поздно, ты давно должна быть в постели!

— А ты что делаешь, Мэдди?

У бассейна сильно пахло хлоркой, и Кристина поморщилась. Воздух над водой вибрировал и искрился светлячками. Младшей Штайнмайер было всего двенадцать, но ее юная душа ощутила всю завораживающую силу картины, открывшейся ее глазам: светлячки танцуют вокруг обнаженной Мадлен.

— Уходи, Кристина, иди отсюда! Возвращайся в постель! — зашипела на нее сестра.

— Что ты делаешь, Мэдди?

— Ты слышала, что я сказала? Иди и немедленно ложись!

Крестину потрясли грубость и тоска, прозвучавшие в голосе сестры, но она не могла сдвинуться с места — мешала то ли необычность ситуации, то ли помраченное из-за жара сознание.

— Мэди...

Она находилась на грани слез. В этой странной зачарованной ночи ей чудилось что-то ужасно зловещее и гадкое. Кристина была смущена, сбита с толку. Должно быть, ей снится сон, иначе как объяснить... *тень*, появившуюся на другом конце бассейна, там, справа? Она извивалась, колыхалась, струилась по поверхности воды, и воображение Кристины атаквали образы-ассоциации. *Змея, яд, опасность...* Девочка оцепенела. Змея бесшумно плыла к ее сестре; нужно было крикнуть, предупредить ее об опасности, но Штайнмайер-младшая не способна была издать ни звука. Горло у нее перехватило, ужас лишил ее дара речи. Темная змея извивалась кольцами, но не двигалась с места, ее хвост как будто был приклеен к бортику бассейна. И Кристина вдруг осознала, что это всего лишь тень. Тень от силуэта, застывшего в неподвижности на бортике, на другом конце бассейна. Девочка не видела лица этого человека — но узнала его. Узнала фигуру, повадку...

— Папа? — позвала она недоверчиво.

Тень не шелохнулась. Не промолвила ни слова.

Да нет же, что за глупости, это не папа, папа спит наверху, в своей комнате! Это кто-то другой, он похож на папу, ему столько же лет, сколько папе... *И он тоже голый.* Это открытие повергло Крестину в смятение.

Что делает голая Мэди в бассейне с голым ровесником папы? *«Господи, как больно, голова сейчас взорвется!»* Младшая из сестер поняла, что не хочет этого знать. Она лежит в кровати, ей снится сон. Она больна, у нее жар, ей страшно и одиноко. Сон не желает уходить, он затянулся, как слишком длинный фильм, как карусель — ты хочешь сойти, а нужно выдержать еще два круга.

— Пожалуйста, Крис, возвращайся к себе. Я сейчас приду, — это был голос Мадлен. Она умоляла, в нем звучала печаль — тяжелая, как могильный камень. Кристина повернулась, прошла через гостиную и медленно, как лунатик, поднялась по лестнице. У нее за спиной слышался шепот, а потом раздается шумный плеск. *Бассейн — опасное*

место, к нему нельзя подходить ночью: папочка часто ей это повторяет.

На следующий день температура у Кристины поднялась до 39,5 °С. Волосы прилипли ко лбу, щеки пылали, и вся она была в липкой испарине. Ее охватила огромная слабость, мысли путались, и влажные простыни закручивались вокруг ее ног. Доктор Арель открыл металлическую коробочку и достал из нее шприц. Она сказала: «Нет, не надо укола, не хочу». Врач улыбнулся: «*Ну-ну, перестань, ты уже большая девочка!*» «НЕТ, — повторила она, чувствуя, что глаза вот-вот выпадут у нее из глазниц. — НЕТ». «*Будь умницей!*», — велел отец и оставил ее одну с врачом. Через несколько секунд отец и мать ворвались в комнату, услышав, как лекаришка завопил от боли: Кристина воткнула иглу ему в ляжку.

После этого случая — что уж скрывать — она слетела с катушек. Орала, плевалась и царапалась, укусила отца, когда тот попытался ее утихомирить... Доктор Арель посоветовал родителям обратиться к психиатру.

«Как мог Лео удовольствоваться версией легавых?» — спрашивала себя Кристина. Как он мог основываться на фактах двадцатилетней давности? Они два года были любовниками. Это что, ничего не значит? Разве он не должен был хотя бы выслушать ее версию событий? Кто все эти люди, которые проходят через нашу жизнь, требуют от нас внимания и любви, а потом вдруг покидают нас? Как будто закрывают магазин или подводят баланс. («*Позволь напомнить, это ты его бросила*», — вмешался голосок-поучальщик.) Если нельзя рассчитывать на Лео, на кого ей надеяться? На Макса, бродягу-алкоголика? Беда! Катастрофа!

Колокольный звон стих, и Штайнмайер встала, чтобы закрыть окно: в комнате было ужасно холодно. На площади, ярко освещенной новогодними гирляндами, собирались тепло одетые люди. Взгляд журналистки выхватил из толпы мужчину лет сорока с бутылкой шампанского в руке. Такого же одинокого, как она сама...

Кто у нее остался? *Никого...* Она одна, и на этот раз ее одиночество беспредельно.

25. Контрапункт

Вечером 31 декабря Сервас миновал высокие ворота, выходящие на площадь Капитолия, и оказался во дворе Генриха IV. Пробираясь через толпу туристов и праздных гуляк, он думал о том, что галантному, любившему хорошо поесть королю наверняка понравилось бы и украшенное лампочками здание, и веселая праздничная атмосфера. Во времена Революции на постаменте памятника сделали надпись: «При жизни его любил весь народ. Когда его не стало, все скорбели». Полицейский ухмыльнулся. Те, кто переиначивает Историю задним числом, вечно преувеличивают: при жизни Генриха IV люто ненавидели, его портреты сжигали, а самого его сравнивали с антихристом. На монарха покушались не меньше дюжины раз, прежде чем Равальяк забрал-таки его жизнь. Но мифы живучи, и с этим ничего не поделаешь.

Мартен пересек двор, отодвинул застекленную дверь и пошел по коридору направо, где за красивой кованой решеткой находилась массивная деревянная дверь. Наверху крупными золотыми буквами было написано: СЛУЖБА ВЫБОРОВ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФОРМАЛЬНОСТЕЙ. Его встретила низенькая, плотно сбитая женщина в смешной фиолетовой хламиде, назвавшаяся Сесилью. Она увлекла майора за собой в лабиринт коридоров, толкнула одну из дверей, и Сервас оказался в узкой комнатухе с компьютером. Женщина кивнула на экран:

— Все здесь. Фотографии приема двадцать восьмого декабря две тысячи девятого года. — Она ткнула пальцем в лежащую на столе картонную папку. — Список приглашенных внутри.

— Сколько там снимков? — спросил Мартен.

— Около пятисот.

— Пятисот?! Ничего себе... Я могу сесть?

Хозяйка кабинета бросила озабоченный взгляд на часы:

— Сколько времени вам понадобится?

— Понятия не имею.

Ответ Серваса явно ей не понравился.

— Понимаете... я бы хотела успеть домой до ночи, сегодня все-таки Новый год... — пробормотала Сесиль неуверенно.

На улице давно стемнело, а в комнате горела всего одна лампа.

— Если хотите, я сам все закрою, — предложил ей Мартен.

— И речи быть не может! У вас действительно серьезное дело?

Майор кивнул, глядя ей прямо в глаза.

— И очень срочное? — уточнила его собеседница.

Он сделал строгое выражение лица, и женщина сокрушенно кивнула, колыхнув квадратным торсом на маленьких ножках, обутых в смешные желто-оранжевые кеды.

— Ну что же, делайте, что должны... Хотите кофе?

— Спасибо, хочу — черный и без сахара.

Полчаса спустя энтузиазма у полицейского поубавилось: фотограф безостановочно снимал приглашенных — а их было больше двухсот, — причем в кадр, естественно, попадали и те, кто обслуживал прием. Никто, конечно, не удосужился рассортировать снимки: парочку опубликовали в местной прессе, а остальные просто «забыли» в памяти компьютера.

Некоторые лица встречались часто, другие — всего один раз и вдобавок были размытыми и находились на заднем плане. Если верить списку, присутствовали все сливки «космической тусовки», начиная с двух директоров — Космического центра Тулузы (он был на многих снимках) и Национального центра космических исследований. Среди гостей было много журналистов местной и национальной прессы, мэр, депутат и даже один министр. Сервас без труда нашел на фотографиях Селию Яблонку. Молодая женщина выглядела просто великолепно в вечернем платье с открытой спиной и сделанной в дорогом салоне прической: высокий пучок украшали розовые жемчужинки, а несколько прядей, с искусной небрежностью выпущенные по бокам, красиво обрамляли ее лицо. Мало кто из женщин мог сравниться красотой с Селией, и фотограф, как видно, решил, что камера «любит» это лицо, потому что без конца щелкал именно ее.

Проблема заключалась в том, что Яблонка успела пообщаться со множеством людей.

Вторым углом атаки Мартен выбрал знаменитых «космических ковбоев»: галактическую бой-бэнд.^[57] Держа перед собой список и глядя на фотографии на экране, он вычленил из множества лиц тринадцать космонавтов, но не смог соотнести каждое имя с лицом. Широкие улыбки, квадратные челюсти, зоркий взгляд — они просто

пышут здоровьем и напоминают калифорнийских сёрферов. Все одеты в одинаковые костюмы — совсем как члены спортивной команды в официальном турне. Запомнив лица, сыщик вернулся к снимкам Селии. Фотограф запечатлел ее разговор с тремя космонавтами, но она могла общаться и с другими, просто это не попало на пленку. Майор определил, что с первым из троих художница разговаривала один раз и очень недолго. Со вторым — несколько дольше, потому что снимков было два. Собеседник художницы явно пытался очаровать ее, и она мило улыбалась в ответ, но не более того. А вот с третьим «ковбоем» она разговаривала трижды, в разных местах, и на последнем снимке их лица находились на очень близком расстоянии друг от друга. Мартен почувствовал, что у него участился пульс. *На этой фотографии что-то происходило...* Фотограф поймал в объектив расширенные зрачки Селии и выражение напряженного внимания на ее лице. Общение с женщиной выглядело очень интимным. Это было ясно любому, знакомому с *проксемией*.^[58] физическое расстояние, разделяющее парочку при общении, было слишком маленьким для нейтрального разговора. Не имеет значения, кто сделал первый шаг, в конечном итоге оба выбрали дистанцию на границе двух сфер — личной и интимной, не имеющей ничего общего с социальной сферой.

Сервас сцепил пальцы за затылком и откинулся на спинку стула. Ладно, предположим... Что это доказывает?

Из-за двери появилось лицо толстушки.

— Вы закончили?

Мартен вздрогнул, как застигнутый за списыванием школьник, и снова уткнулся носом в экран:

— Не совсем. Дайте мне еще немного времени...

— Вы не празднуете, майор?

— О чем вы? Ах да, конечно... Что, уже так поздно?

— Семь часов.

— Я и не заметил... Э, Сесиль, можно вас?

— Да?

Сыщик ткнул пальцем в экран:

— Вот это лицо мне знакомо. Вы его знаете?

Женщина с поразительной ловкостью переместилась в узком пространстве, как будто ее вел внутренний радар или сонар, и склонилась над экраном:

— Вы вообще не смотрите телевизор?

— Не люблю «ящик».

На круглом лице служащей появилось выражение изумленного недоверия — она приняла его слова за глупую шутку.

— Это Леонард Фонтен, — сообщила Сесиль полицейскому.

Сервас вздернул бровь.

— Космонавт, — пояснила женщина.

— Ну да, конечно... — Мартен смущенно улыбнулся и записал имя.

— Вы женаты, майор?

— Разведен. Мое сердце свободно.

Его собеседница рассмеялась и снова бросила взгляд на часы:

— Сейчас принесу флешку и перегоню на нее все фотографии.

Сможете рассматривать в свое удовольствие. Да, и список возьмите, пригодится. Вряд ли кто-нибудь еще им заинтересуется... А теперь извините, мне нужно все здесь закрыть.

Весь город готовился к празднику, и Сервасу не хотелось возвращаться в дом отдыха. Не испытывал он и желания оказаться в компании незнакомых людей: мужчины будут хлопать его по спине, обсыпать конфетти и швыряться серпантинном, женщины потащат танцевать... Но он знал, что в пансионе все выйдет еще хуже. Его никто не любит, так что придется сидеть в уголке, на отшибе — как зачумленному, пока другие будут веселиться и танцевать. Наверняка найдется болван, который обзовет его высокомерной скотиной и начнет настраивать против него остальных — придется набить ему морду, и праздник закончится. Лучше пить одному, чем в плохой компании. Майор купил бутылку шампанского и упаковку пластиковых бокалов, один оставил себе, а остальные выбросил и теперь потягивал вино, пробираясь через толпу. Мимо, в ледяной ночи, спешили пары. Женщины в шубах поверх вечерних платьев бросали на сыщика удивленные взгляды, не понимая, как такой красавчик мог остаться один в новогоднюю ночь и пить шампанское на улице. Мужчины пожимали плечами и тянули спутниц за локоть, радуясь в душе, что им повезло больше.

Сервас как раз устраивался на скамейке в сквере Шарль-де-Голль у подножия башни, когда в кармане у него завибрировал телефон, и он

ответил, даже не взглянув на высветившийся номер. Напиться он не успел, зато расслабился, вот и сглупил.

— Где ты, Мартен? — требовательно спросил его звонивший.

Венсан... Сервас улыбнулся.

— Выхожу из мэрии, — сказал он, прикинув, что с момента расставания с круглолицей кудрявой служащей во флуоресцирующих кроссовках и лиловом наряде прошло уже полтора часа.

— Из мэрии? В такое время? Что ты там забыл?

Мартен не ответил — отвлекся на бездомного, «гипнотизировавшего» его бокал. Затем подмигнул и протянул ему шампанское.

— С Новым годом, приятель! — радостно завопил бродяга и одним глотком выпил вино.

— С кем ты? — продолжил допрос Эсперандье.

— Ни с кем... А вы разве не празднуете?

«Ты просто чемпион по идиотским вопросам...»

— Я потому и звоню. Шарлен настояла, но я и сам хотел... Приходи, мы позвали друзей, самых близких, они скоро будут, так что присоединяйся.

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, но...

— Шарлен грозит мне кулаком, лучше поговори с ней сам. Надеюсь, ты согласишься и не проведешь новогоднюю ночь в унылом заведении для депрессивных легавых. Или у тебя свидание, Мартен?

Из трубки доносилась музыка. Одна из любимых рок-групп Венсана? Нет, это точно не рок; какая-то певичка завывает, как кошка, которой наступили на хвост — такое могла выбрать только Меган, десятилетняя дочка лейтенанта.

— Мартен? — послышался в трубке женский голос. Теплый, обволакивающий, как ликер «Айриш Бейлиз».

— Привет, — поздоровался полицейский.

— Как дела?

— Лучше не бывает.

— Почему бы тебе не приехать? Все будут счастливы, особенно твой крестник. — Мадам Эсперандье неожиданно понизила голос. — *Приходи. Пожалуйста...*

— Шарлен...

— Прошу тебя. В последние месяцы мы редко разговаривали. Потом ты появился в галерею и... Я хочу тебя видеть, Мартен. Мне это *необходимо*. Обещаю быть хорошей девочкой... — Она хихикнула.

Сервас понял, что Шарлен успела выпить, прервал разговор и поднес к губам бутылку, но в последний момент передумал, вспомнив лица полицейских-алкашей, населяющих центр реабилитации. Да и вообще, зачем пить, если спиртное только тоску нагоняет? Он медленно поднялся, посмотрел на группу бездомных, сидевших прямо на земле на другом конце аллеи. Тот, кому он отдал пластиковый бокал, отсалютовал ему и улыбнулся. Остальные тоже вежливо закивали, не сводя глаз с едва початой бутылки.

Майор подошел и протянул им шампанское:

— С Новым годом...

Ему ответили аплодисментами и криками «ура».

— Эй, мужик, а закурить не найдется? — Тон молодого парня был провокационно-враждебным, и сыщик понял, что перед ним главный заводила в этой компании. Лицо у него было изможденное, и в глазах сверкала неприкрытая ярость.

Все лицо забияки — брови, нижнюю губу, нос, левую щеку — и уши «украшал» пирсинг в виде шариков и колечек. Сервас достал из кармана пачку, которую всегда носил при себе, хоть и не курил, и протянул ему.

— Ну спасибо, — небрежно бросил тот.

— Да не за что, — ответил Мартен тем же тоном, глядя парню прямо в глаза.

В конце концов, тот первым отвел взгляд, и Сервас пошел к подземной стоянке за машиной.

Въезжая на территорию дома отдыха, он погасил фары, чтобы никто его не заметил и не потянул в круг празднующих, и осторожно закрыл дверцу. Впрочем, опасения оказались напрасными: в здании на полную катушку гремела музыка. Во всех окнах первого этажа горел свет, а за шторами двигались тени.

Снег заглушал звук шагов, но до двери Мартен крался на цыпочках, а холл пересек по стеночке. Грохотала музыка, люди смеялись, аплодировали, что-то выкрикивали. Сыщик поднялся по лестнице, не зажигая света, вошел к себе и плотно закрыл дверь, но

басы просачивались даже через стены. Сервас посмотрел на часы. Семь минут до полуночи. Ладно, заснуть все равно не получится, можно заняться делом. Он включил ноутбук, вошел в почту и обнаружил новое сообщение... От некоего malebolge@hell.com. Отсылка совершенно очевидна. Данте. «Божественная комедия». «*Мог бы придумать что-нибудь пооригинальней, приятель...*» — подумал Мартен, но, открыв мейл, почувствовал озноб:

Продвигаешься, майор? Ты получил от меня достаточно улик. Стареешь, майор.

Свет от экрана падал ему на лицо. Сердце бухало в груди. Мартена подстегнули «тыканье», фамильярность тона и повелительная интонация автора письма. Он смотрел на текст и представлял себе властного и нетерпеливого человека — даже тирана. Кого-то, кто знает, но играет с ним, как кошка с мышью. «Почему?» — задумался Сервас. Если этот человек — каким бы он ни был — заинтересован в раскрытии дела (предположим, тут есть что раскрывать!), почему он не выдает всю информацию разом, а затевает интригу? Возможно, он врач, полицейский или адвокат и ограничен правилами профессиональной этики? Но в тоне послания есть что-то еще — да, определенно есть...

Или же...

Да, конечно... Это он... Он подтолкнул Селию к самоубийству. А теперь бросает ему вызов: «*Найди меня, если сумеешь!*» У майора пересохло в горле, мысль о *том человеке* сверлила ему мозг, причиняя боль... Догадка верна или он выдумывает нелепые гипотезы, чтобы разогнать скуку?

У него участилось дыхание. Он встал, подошел к вешалке, сунул руку в карман куртки, достал флешку, которую дала ему Сесиль, вставил ее в разъем и принялся ждать, когда компьютер загрузит все пятьсот снимков. Внезапно музыка внизу зазвучала громче, и Сервас услышал радостные возгласы и аплодисменты. Он посмотрел на часы. *Полночь*. Новый год... Интересно, вернется ли он к работе до следующего 31 декабря, сумеет окончательно поправиться? Сыщик вспомнил, что выключил мобильный после разговора с Шарлен, подумал о Марго, беззвучно выругался и снова включил телефон. У

него оказалось одно голосовое сообщение и эсэмэска... Марго: «С Новым годом, папа. Надеюсь, у тебя все хорошо. Постараюсь заехать на этой неделе. Береги себя, папочка. Я тебя люблю!» На заднем плане слышались музыка и голоса, и Сервас спросил себя, с кем празднует Марго — с матерью или с друзьями. Эсэмэска же была от Шарлен: «С Новым годом, Мартен. Лучше бы ты пришел... надеюсь, ты хоть не скучаешь. До скорого...»

Сервас рассеянно перечитал текст, думая о другом, после чего вернулся за стол и запустил режим просмотра. Лица, лица. Десятки лиц. Космонавты, Селия, директор Космического центра, мэры... Все заняты разговором. Море лиц. Как выбрать, как найти нужного человека? Один из снимков привлек его внимание: Селия Яблонка и этот космонавт, Леонард Фонтен. Стоят рядом. Так близко, что каждый может чувствовать на лице дыхание другого. Зацепка? Призрачная. Сервас набрал фамилию космонавта в «Гугл» и сразу понял, почему сотрудницу мэрии изумило его невежество. Леонард Фонтен был фигурой символической, героем французской космической одиссеи: номер два в списке, первый француз на борту МКС, работал на станции «Мир», летал на «Союзах» и на «Атлантисе» и провел на орбите больше двухсот суток. Рекордсмен среди французов, хотя до Сергея Крикалева ему далеко: если верить статье, тот пробыл в космосе восемьсот три дня! Еще Фонтен был командором ордена Почетного легиона, кавалером ордена «За заслуги» и русского «Ордена Мужества» и имел пять медалей от НАСА: три — «За космический полет» и две — «За исключительные заслуги». Также он состоял в совете Воздушно-космической академии Франции, был членом Американского института аэронавтики и астронавтики, Международной академии астронавтики и Ассоциации исследователей космоса — что бы это ни значило. В его родном городе имелся даже коллеж имени Фонтена... Леонарда Фонтена часто приглашали на телевидение, а статьи о нем, опубликованные в газетах и журналах, и за ночь не прочтешь.

Сервас вспомнил фотографию Международной космической станции, которую отдал Венсану и Самире...

Всякий раз, находя зацепку в деле, майор ощущал выброс в кровь адреналина и пьянящее чувство азарта, но на этот раз радоваться было особо нечему. *Леонард Фонтен.* Майора раздражало чувство, что он

что-то пропустил. Когда Сервас просматривал фотографии, подсознание подало ему сигнал, но он не отреагировал — виноваты были усталость, выпитое шампанское или шум внизу, а может, и все сразу.

Тем не менее в голове сыщика гвоздем сидела мысль: он что-то *увидел*. Но что? В какой момент? Не пересматривать же заново все пятьсот снимков!

Он сделал это — и не один раз, а два. Музыка смолкла. Обитатели дома пошли спать. В час двадцать три Сервас наконец вспомнил деталь, которая привлекла его внимание. Отражение. В зеркале... В большом зеркале над буфетом, рядом с которым стояли несколько человек. В том числе и Селия Яблонка.

Она разговаривала с мужчиной. Вернее, мужчина говорил, а она слушала. Он что-то шептал ей на ухо, а она сияла улыбкой. Что-нибудь вроде: *«Это был твой вечер, да, девочка? Ты одержала сразу две победы...»* Итак, мужчина. Около тридцати, короткая стрижка. Пальто, серый пиджак, голубая рубашка. Очки... На космонавта не похож, но хорош собой. Интеллектуал, ученый. Кто же ты? Незнакомец держал в загорелой руке стакан с зеленым напитком. Кайпиринья.

26. Аргумент

Вторник, 1 января. Новый год, новые надежды. Он проснулся рано, горя желанием продолжить поиски, но его нетерпение натолкнулось на неустранимое препятствие: *1 января*. Маловероятно, что кто-нибудь захочет отвечать на вопросы дознавателя в первый день нового года. С другой стороны, Сервас не знал, чем себя занять, если придется ждать до завтра. Так почему бы не попытать счастья?

Он долго искал визитку директора Космического центра, а найдя, довольно ухмыльнулся — на ней был номер мобильного телефона. 8.01. Рановато вытаскивать из постели такую важную шишку!

Сыщик спустился выпить кофе и обнаружил, что в столовой еще не прибирались: пол был усеян конфетти и серпантинном, приглушавшим его шаги. На столах валялись смятые картонные стаканчики, пластиковые бокалы и пустые бутылки, в воздухе витал запах виноградного сока... Мужчина взглянул на бутылки: черные этикетки с зелеными буквами, фольга на горлышке — шампанское... *Разве пансионерам разрешено выпивать?* Марку вина он не узнал, но заметил надпись «0 %». Безалкогольное... Мартен взял чашку и ушел подальше от этого бедлама, в маленькую северную гостиную, где включил и тут же выключил телевизор — все информационные каналы передавали репортажи о праздничных мероприятиях. Сервас повернул голову, посмотрел в окно и «встретился» взглядом со снеговиком. Вчера его там не было... Выглядел снеговик печально, а на груди у него кто-то написал крупными буквами «Мартен».

Ровно в 9.00 полицейский набрал номер.

— Боже, вам известно, какой сегодня день? — изумился директор центра.

— Нет, а какой? — невинным тоном отозвался майор.

Ответом ему был тяжелый вздох.

— Чего вы хотите? Выкладывайте поскорее! — потребовал директор.

— Леонард Фонтен.

— Снова? Вы никогда не сдаетесь, майор?

— Мне нужна любая «пикантная» информация о нем. Скандал? Обвинения в домогательстве? Слухи, сплетни, злословие! В прошлый

раз вы были скорее уклончивы...

Последовала надолго затянувшаяся пауза.

— Что за игра, майор? Вы все это серьезно? — заговорил наконец собеседник Мартена. — Пожалуй, мне стоит навести справки у вашего начальства... Как я уже говорил, центр не отвечает за работу космонавтов на орбите, но я бы все равно не стал пересказывать слухи и сплетни, вам ясно?

— Более чем. Значит, слухи и сплетни все-таки были?

В трубке раздались гудки. Сервас выбрал неверный подход. Кто же может просветить его насчет «темной стороны» космонавтов? Сервас не знал, с чего начать, а к коллегам из технического отдела, вооруженным научными знаниями и технологиями, обратиться за помощью не мог. Он вошел в Интернет, набрал — одну за другой — фамилии всех тринадцати космонавтов, присутствовавших на приеме, и узнал массу сведений, подобных тем, что у него уже были, но никакой зацепки не обнаружил. Тогда Мартен продолжил поиск, введя слова «космонавт» и «скандал», а затем «космонавт» и «домогательство», но получил только статью под названием «Слухи о программе “Аполло”», больше похожую на городскую легенду наподобие глупой байки о том, что американцы якобы никогда не высаживались на Луне и вся экспедиция была инсценировкой, снятой на пленку во времена Никсона, уотергейтского скандала и вьетнамской войны, когда люди вообще никому не верили, в том числе и НАСА. Автор статьи называл эти слухи конспирологическим бредом и опровергал все аргументы его адептов, в том числе тех хитрых умников, которые заметили, что «флаг колышется на ветру, а ведь на Луне нет атмосферы, значит, и ветра тоже не бывает!». (Верно подмечено, молодцы, ребята!) Только последний дебил, снимая Луну в павильоне, мог бы допустить подобную ошибку, а космонавты отсняли много кадров подряд, и ни на одном этот самый флаг не колышется и складки лежат одинаково. На самом деле тот флаг был укреплен арматурой из стальной проволоки, иначе он висел бы на мачте, как тряпка... Ухищрения специалистов НАСА обернулись против них и до сих пор подпитывают паранойю сторонников теории заговора во всем мире.

Сервас долго сидел в «Гугл» и в конце концов был вознагражден за терпение: одна из рубрик на странице 11 привлекла его внимание.

Это была аннотация на «Черную книгу освоения космоса», написанную неким Дж. Б. Эннинжером. Мартен записал имя и через десять минут нашел номер телефона и адрес: автор, французский журналист, жил в испанских Пиренеях, в трехстах километрах от Тулузы. Удача наконец-то улыбнулась майору... Сейчас проверим, чем этот самый Эннинжер занят 1 января. Сыщик набрал номер, долго ждал ответа и почти отчаялся, а потом вздрогнул от неожиданности, услышав громкое «АЛЛО!». «Парень явно глуховат», — подумал он.

— Мсье Эннинжер? — спросил полицейский.

— Да! Это я! — отозвался его собеседник.

— Моя фамилия Сервас! — как можно громче крикнул Мартен. — Майор Сервас! Из криминальной полиции Тулузы! Я хотел бы с вами поговорить!

— О чем?

— О вашей книге.

— Вы читали «Черную книгу»?

— Э-э-э... нет... я только что узнал о ее существовании.

— Так и знал! Читателей у меня вряд ли больше, чем космонавтов, о которых я пишу. Чем могу быть полезен, майор?

— У меня есть вопросы.

— О чем?

— Ну, вы ведь своего рода... историк, специалист по освоению космоса, верно?

— Да. Можно и так сказать.

— Меня интересуют скандалы, связанные с некоторыми... французскими космонавтами.

— Какие именно?

— Жестокое обращение, домогательства... Считается, что это происходит где угодно и с кем угодно, но только не с космонавтами...

Собеседник Серваса издал глумливый смешок:

— Предосудительное поведение, замятые истории, грязные секреты... Об этом вы хотите побеседовать?

— Да.

Пауза.

— Вас интересует какой-то конкретный человек? — уточнил писатель.

Сыщик назвал имя. Ответа ему снова пришлось ждать довольно долго.

— Такие вещи не следует обсуждать по телефону, — сказал наконец Эннинжер. — Записывайте адрес. Пока будете добираться, я наведу о вас справки...

У Мартена участился пульс. Этот мужчина, возможно, глуховат, зато вопрос явно не показался ему странным.

— Когда мы можем встретиться? — спросил полицейский.

— Что происходит *на самом деле*, майор?

— Объясню при встрече.

— Ладно. Согласен. Жду вас.

— *Сегодня?*

— Мне показалось, что вы в цейтноте. Я ошибся? У вас другие планы? Судя по всему — нет.

Сервас ехал на юг. Только что прошел сильный дождь, и майор опасался застрять на подступах к Па де ла Каз и туннелю Анвалира из-за сошедшего снега. Через тридцать километров, в Экс-ле-Терм, начинался подъем на главный перевал Европы, достигающий высоты 2049 метров. Национальное шоссе № 20 стартовало в Париже и упиралось в Пиренеи, на границе Андорры с Испанией. Совсем недавно последний отрезок пути заменили трехкилометровым туннелем. Въезд в него находился на высоте 2000 метров, и его иногда закрывали на зиму.

Сервас покинул Экс-ле-Терм и следующие два с половиной часа с опаской поглядывал на снежные стенки на обочинах, становившиеся все выше. Наконец показался виадук на границе Франции с Андоррой, а над ним — въезд в туннель. Мартен вздохнул с облегчением. Еще двадцать километров дороги в немыслимо прекрасном горном пейзаже, и вот долгожданная Андор-ла-Вьей, маленькое пиренейское Монте-Карло. Многолюдные улицы, новые дома, дорогие магазины, роскошные отели, шикарные машины... Налоговый рай. Майор продолжил путь на юг, пересек границу между Княжеством и Испанией и начал спуск к Со-д'Юржелль, коммуне с населением в 13 000 жителей, расположившейся на слиянии Валиры и Сегре.

Дом Эннинжера стоял в Кади-Муаксеро, самом большом природном парке Каталонии. Вокруг росли сосны, березы, клены и

осины, и Сервасу вдруг показалось, что он попал в Канаду. Мартен вышел из машины, вдохнул прохладный свежий воздух и вслушался в тишину: его бы не удивило, если б он увидел бобровую хатку или медведя, трущегося спиной об дерево. Потрясающе красивое место... «Хорошо бы пожить тут несколько дней или недель, — подумал Сервас. — А может, и лет...»

Он взглянул на дом. Деревянный, терраса с южной стороны нависает над долиной.

Вышедший навстречу майору человек ничем не напоминал канадского лесоруба: рост — не больше метра тридцати, массивная трость, окладистая борода и стальное рукопожатие.

— Приветствую вас! — воскликнул он при виде гостя. — Легко меня нашли? Ваше счастье, что вчера дорогу очистили от снега!

Говорил хозяин дома очень громко, как и по телефону: хондродистрофия — самая распространенная форма нанизма — вызывает частые отиты, что приводит к тимпаносклерозу — и понижению слуха. «Хорошо, что у него нет соседей...» — подумалось сыщику. Эннинджер бросил на гостя оценивающий взгляд:

— Итак, вы полицейский. Где служите?

— Криминальная полиция Тулузы, убойный отдел.

— Уголовный розыск теперь интересуется космонавтами? — Глаза писателя горели азартом.

— Надеюсь, вы не собираетесь держать меня на холоде? — вопросом на вопрос ответил Мартен.

Человечек расхохотался:

— Конечно, нет! Но история, которую вы рассказали по телефону, разбудила во мне любопытство, и я просто сгораю от нетерпения услышать подробности.

— Не хватает общения?

Они вошли в дом, и гостю еще сильнее захотелось остаться в этом волшебном месте. Сложенные из кругляка стены, пол из каштановых досок, старые глубокие и удобные кресла, камин, в котором горят три толстых полена. На барной стойке — красивая медная посуда, много книг и огромное, выходящее на лес окно.

Майор был очарован.

— Почему вы здесь обосновались? — спросил он.

— По эту сторону Пиренеев? Причина очень проста: когда летишь самолетом из Франции в Испанию, видишь в иллюминаторе облака, налетающие на горы. Как полчища Сарумана на крепость короля Теодена. [\[59\]](#)

— Чьи полчища? — не понял Мартен.

— Забудьте. Итак, вы преодолеваете завесу облаков, минуете горы, и вашим глазам открывается вид на реки, дороги, деревни, озера и безоблачное небо на горизонте. То же происходит и на выезде из туннеля Анвалира, когда вы пересекаете Княжество с севера на юг: два раза из трех по одну сторону — непогода, по другую — солнечно и тепло. Потому-то я здесь и поселился — хочу как можно чаще видеть звезды.

Сервас успел заметить большой телескоп на треноге, нацеленный на небо в ожидании ясной погоды. А еще — черно-белые фотографии, снятые 21 июля 1969 года, и модели ракет «Аполлон-11» и «Союз», а также Спутника на книжных полках. Эннинжер указал ему на одно кресло, сам устроился в другом, и сыщик подумал, что этот маленький человечек похож на ребенка, угнездившегося на заднем сиденье машины.

— Сам не знаю, откуда у меня эта страсть к космосу... — стал рассказывать журналист. — Я уже в семь или восемь лет хотел стать космонавтом, рисовал ракеты, скафандры и планеты, смотрел на Луну из окна моей комнаты и мечтал о том дне, когда ступлю на поверхность нашего спутника... Сами понимаете, подрастая — забавно звучит в устах такого «хоббита», как я! — я все яснее понимал, что никогда не стану космонавтом... — Эннинжер улыбнулся. — Но я не отчаялся, а мой интерес к этой профессии и вообще к Вселенной стал только сильнее. Я никогда не выйду за пределы земной атмосферы, и мне остается только мечтать, воображая, как все устроено там, наверху... В юности я запоем читал фантастические романы и научно-популярные издания, а в прошлом году впервые познал невесомость на борту «Аэробуса А-триста ZERO-G». «Всего» за шесть тысяч евро без малого, но оно того стоило! Я знаю, что это не идет ни в какое сравнение с тем, что переживают космонавты на борту орбитальной станции. Невероятное, единственное в своем роде приключение! Вырваться за пределы Земли — что может быть волшебней... Впрочем, кто знает? Возможно, мы

еще поживем и дождемся момента, когда космические полеты станут самым тривиальным путешествием, тем более что частных компаний, интересующихся этой отраслью, становится все больше.

Взгляд писателя на мгновение затуманился, но он тут же встряхнулся и сказал:

— Однако, думаю, вас интересуют куда более приземленные вещи.

— Верно. Мне нужно знать, не был ли кто-то из космонавтов замешан в скандале, — ответил его гость.

— В скандале? Что конкретно вы имеете в виду?

— Посягательство с применением насилия, сексуальное преследование, неподобающее поведение. И больше всего меня интересует Леонард Фонтен. Когда я назвал его имя по телефону, мне показалось, что вы отреагировали.

— Почему вас интересует именно он?

«Вот именно, почему?» — спросил себя Сервас. — В конце концов, Селия на том вечере могла встретить и какого-нибудь другого космонавта...»

— Он или любой другой, — уточнил сыщик. — Так вам известны подобные инциденты?

Эннинджер помолчал, глядя на сыщика исподлобья.

— Думаю, вы понимаете, майор, что все космонавты — люди очень образованные, надежные, как скала, и гипернатренированные, — наконец сказал он. — Они весь год проходят психологическое тестирование, и им делают множество медицинских обследований, но они — сильные личности, с характером, так сказать. Наверху, в темноте космоса, в тесноте станции, где никогда не бывает тихо и нет возможности побыть наедине с собой, человеку необходимы крепкие нервы и устойчивая психика. За официальным фасадом истории покорения пространства скрывается множество инцидентов. И все эти инциденты старательно скрывают. В Звездном городке, в Хьюстоне и у нас утечки бывают редко.

Он сложил ладони коробочкой, проиллюстрировав слова жестом, и продолжил:

— В космических агентствах секретность соблюдают, как в разведке, но время от времени пресса раскапывает факт-другой.

Известно, что за прошедшие десятилетия у двух советских космонавтов были серьезные психологические проблемы, а американские астронавты признавались, что плохо перенесли изолированность на станции — то есть у них развилась легкая форма депрессии. На борту «Мира» и МКС случались инциденты, напряженные ситуации и кризисы, но упоминаются они только в конфиденциальных рапортах и редко становятся известны общественности. Однако два самых серьезных происшествия — дело Жюдит Лапьер в девяносто девятом и дело Новак в две тысячи седьмом — произошли на Земле... — Он подался вперед. — В девяносто девятом и двухтысячном Российский институт медико-биологических проблем провел серию экспериментов, чтобы выяснить, как организм человека ведет себя в условиях изоляции в космосе. Один из тестов заключался в следующем: нескольких испытуемых на сто десять дней поместили в точную копию станции «Мир». Все, что они делали и говорили, снималось на пленку, и команда психиатров круглосуточно анализировала материал. Третьего декабря девяносто девятого года команда, состоящая из трех иностранных и одного русского космонавтов, присоединилась к трем русским, которые находились в замкнутом пространстве с начала лета. Среди вновь прибывших были австриец, японец и доктор Жюдит Лапьер, очаровательная тридцатидвухлетняя женщина, доктор медицинских наук, представляющая Космическое агентство Канады.

Эннинджер встал, подошел к бару, взял «косячок» и вернулся к столу.

— Вас угостить?

— Спасибо, нет. Вы не забыли, что я полицейский? — усмехнулся Мартен.

— Не забыл. А вот вы забыли, что мы в Испании, здесь курение марихуаны не запрещено.

Он откинул крышечку зажигалки «Зиппо», чиркнул колесиком и осторожно прикурил, после чего стал рассказывать дальше:

— Через месяц команда праздновала Новый год. Русский майор напился и начал приставать к Жюдит Лапьер — сначала лез целоваться, а потом попытался силой увлечь ее в помещение, где не было камер, чтобы вступить с нею в... сексуальный контакт. Другой русский космонавт решил его утихомирить, и произошла ссора с

кровавым мордобоем. Жюдит сделала снимки и отослала их по электронной почте домой, в Канаду, а австриец и японец обратились к своему руководству с просьбой вмешаться. Им ответили, что подобное поведение вполне естественно для русских, так что решений два — смириться или выйти из эксперимента. На следующий день произошел новый инцидент, в ходе которого одному из космонавтов пришлось забрать из кухни все ножи, потому что те двое грозились зарезать друг друга. Напряжение росло, словесные и физические стычки участились, и японец принял решение прервать свою миссию. Лапьер сдаваться не хотела: она добилась, чтобы в ее дверь врезали замки, и решила остаться. Координатор проекта доктор Валерий Гущин обвинил женщину в нагнетании обстановки: мол, ничего не случилось бы, если бы она позволила майору себя поцеловать (а могла бы и перепихнуться!). Когда Жюдит вернулась в Канаду, она подала иск против Космического агентства, отказавшего ей в помощи. Разбирательство длилось пять лет, но она выиграла.

Эннинджер наклонился еще ближе. Его глаза азартно сверкали:

— Во втором инциденте была замешана Лиза Мэри Новак, опытный астронавт НАСА, летавшая на челноке «Дискавери». Пятого февраля две тысячи седьмого года полиция задержала Лизу и обвинила ее в нападении и попытке похищения в аэропорту Орlando офицера ВВС США, капитана Колин Шипмен, состоявшей в связи с астронавтом Уильямом Офилейном, бывшим любовником Новак. В машине Лизы нашли резиновые перчатки, парик и темные очки, а также пневматический пистолет, патроны, перцовый баллончик, нож с четырехдюймовым лезвием, большие мусорные пакеты и резиновый шланг. Новак напала на Колин Шипмен, когда та прилетела из Хьюстона и села в свою машину, чтобы ехать домой. Она брызнула ей в лицо перцовым спреем, но Колин удалось вырваться и позвонить в полицию. Камеры наблюдения зафиксировали Лизу Мэри в парике, плаще и очках. До этого дня ее работа и поведение были безупречными. Я не получил доступа к досье, однако, принимая во внимание найденный в машине «арсенал», она явно готовилась к убийству. Но прокурор решил иначе. Он снял все обвинения, в том числе и в попытке похищения. И хотя Колин Шипмен утверждала: «Она хотела меня убить», люди начали думать, что, возможно, все было не так уж и страшно... Ну вот представьте. Вы — блестящая,

умная женщина, и вам все удастся — за исключением личной жизни. Вы садитесь в машину, едете через пять штатов в парике, плаще и темных очках, везя в багажнике резиновые перчатки, нож, газовый пистолет, шланг и мешки для мусора — и собираетесь всего лишь брызнуть в лицо сопернице перцовым спреем? Лиза Новак отделалась двумя днями ареста и годом испытательного срока.

Эннинджер затаился и с прищуром посмотрел на своего гостя. Образ сверхлюдей в глазах Мартена потускнел. Сервас отметил для себя, что в обоих случаях речь шла о мужчинах и женщинах и в обоих случаях дело было в ревности, преследовании и сексуальном вожделении.

— После этого случая НАСА пересмотрело все процедуры психологического тестирования астронавтов, — продолжил журналист. — Были проведены исследования стрессоустойчивости, ученые разработали антикризисные методики, позволяющие оказать помощь находящимся на орбите космонавтам в случае возникновения у них суицидальных позывов или психосоматических симптомов. В две тысячи девятом году было решено рассмотреть вопрос об уголовной юрисдикции виновного — или виновных — в преступлении, совершенном на борту МКС, поскольку на станции работают космонавты разных национальностей. Дискуссии были жаркими, и, насколько мне известно, французы ни к какому решению так и не пришли, считая эту тему слишком скользкой.

Сыщик вздернул бровь:

— А... в инциденте с Фонтеном тоже была замешана женщина?

— Женщина? — Маленький человечек внимательно посмотрел на него и кивнул. — Была.

— Когда?

— В две тысячи восьмом, в России.

Струйка голубоватого дыма растаяла в воздухе.

— В Звездном городке... — добавил писатель.

По спине майора пробежал холодок.

— Что там случилось?

— Позвольте для начала рассказать вам одну историю. Историю отношений между мужчинами и женщинами в эпоху покорения космического пространства. Историю долгой борьбы женщин за свое место в космосе... Вы тотчас же поймете, к чему я веду. В девятьсот

шестидесятом году, еще до полета Гагарина, военный врач Уильям Рэндольф Лавлейс провел исследование о возможном участии женщин в космических программах. Некоторых женщин-пилотов серьезно тестировали — по той же системе, что и мужчин, — и тринадцать из них продемонстрировали поразительные результаты, во многом превзойдя коллег мужского пола. Все они должны были отправиться в Пенсаколу в штате Флорида для тестирования в Высшей медицинской школе ВМФ, но за два дня до отправки командование флота и НАСА внезапно все отменили, мотивировав это тем, что проект был негосударственным, а женщины — гражданскими пилотами. Как вам известно, первым американцем, облетевшим Землю по орбите, стал Джон Гленн. Это случилось через десять месяцев после полета Гагарина и через пять после полета Германа Титова. Этот самый Джон Гленн сказал тогда: «На войну и в космос отправляются мужчины, женщинам там делать нечего». Времена изменились, а с ними и нравы... В восемьдесят третьем году в космос отправилась первая американка — Салли Райд, на борту «Челленджера». В две тысячи двенадцатом она умерла от рака поджелудочной железы. Глава НАСА сказал о ней: «Она разрушила барьеры с невероятным изяществом и профессионализмом и кардинально изменила американскую космическую программу...» Странный набор слов, согласны? «Барьеры... изящество... профессионализм...» Райд была не первой женщиной-космонавтом. Первой и второй стали русские вернее, советские — женщины Валентина Терешкова, полетевшая в космос за двадцать лет до Райд, и Светлана Савицкая, полетевшая за год до Салли... После грандиозного успеха полета Гагарина Хрущев решил послать в космос женщину, и Валентину Терешкову отобрали из нескольких десятков кандидаток. Но орбитальный полет корабля «Чайки», на котором она летела, прошел совсем не гладко. Условия были очень тяжелые, Валентина — как и Титов за год до нее, чувствовала себя плохо, заснула, а на второй день по команде с Земли дважды пыталась сориентировать корабль вручную и честно призналась, что ориентация по тангажу у нее не получается. Поведение Терешковой вызвало серьезную обеспокоенность у ЦУПа, но тем не менее ей устроили триумфальную встречу и дали звание Героя Советского Союза. Потом она объехала весь мир, и в каждой стране первую женщину-космонавта ждал восторженный прием.

Между тем в Звездном городке коллеги-мужчины Терешковой и отвечающие за программу ученые сочли ее полет лучшим доказательством того, что женщины пока не готовы покорять космос, а возможно, никогда не будут готовы. В Советском Союзе женщин-инженеров, женщин-военных и женщин-пилотов было больше, чем в любом другом государстве, они тренировались в Звездном городке, но их полеты неизменно отменялись в последнюю минуту. Только в восемьдесят втором году в космос отправилась вторая русская космонавтка, Савицкая. Советы в очередной раз опередили американцев, готовивших к полету Салли Райд... В семьдесят девятом году президент Жискара д'Эстен приехал с официальным визитом в СССР. Брежнев предложил, чтобы французский космонавт принял участие в экспедиции на борту «Союза». Из четырехсот кандидатов тогда отобрали пятерых: четырех мужчин и одну женщину, но русские согласились принять только мужчин.

Журналист вздохнул и не сразу продолжил свой рассказ:

— Положение дел практически не изменилось: за пятьдесят лет на орбите побывали пятьдесят семь женщин — в том числе сорок три из Америки и три из России. Когда в десятом году на Международной космической станции одновременно оказались четыре женщины, русских среди них не было. А нынешний русский отряд космонавтов состоит только из мужчин. Последняя из русских женщин-космонавтов, Надежда Кужельная, готовилась десять лет, но в две тысячи четвертом году ушла в отставку: ее полеты множество раз отменяли либо посылали вместо нее космонавтов Европейского космического агентства, а иногда даже пассажиров-миллиардеров вроде Денниса Тито. — Рассказчик откинулся на спинку кресла. — Только в одной стране существует такой же дисбаланс по, так сказать, «гендерному» принципу, и страна эта — Франция. Так-то вот.

— Если я правильно понял, большинство космонавтов — мачо и «фаллократы», а отсюда до преследования один шаг, верно? — спросил Мартен.

— Нет-нет-нет, — энергично запротестовал Эннинжер, — этого я не говорил! Большинство наших космонавтов — джентльмены, обаятельные, образованные, научившиеся уважать женщин и ценить их профессиональные достоинства. Ситуация постепенно меняется. Но Фонтен — человек старой закалки, и у него много друзей среди

русских и американских ветеранов — именно они научили его всему, когда он был новичком. У всех этих людей, ну, почти у всех, было... как бы это поделикатнее выразиться... *средневековое* представление о месте женщины в обществе. Этакая смесь рыцарства и дискриминации.

— Вы так и не сказали, что же произошло...

— В этом вся сложность, — кивнул писатель. — Сами знаете, как все происходит в этой стране: мы очень любим указывать на чужие ошибки и недостатки, а о собственных старательно умалчиваем. Европейское космическое агентство и Национальный центр космических исследований ни одним словом не обмолвились об этом деле. Никто не подал жалобу, так что, если бы не утечки... Они постарались все «замести под ковер».

— Что именно? — попытался уточнить Сервас.

— Повторяю: точно известна лишь дата — две тысячи восьмой год. Европейское космическое агентство отправило Фонтена и молодую франко-русскую космонавтку в Россию. После тренировок в Звездном городке они полетели в «Союзе» на МКС. Там что-то произошло, и их миссию свернули. Фонтен вернулся во Францию другим человеком... Российские полицейские фактически обвинили его в преследовании и жестоком обращении с молодой коллегой. Всех деталей я не знаю. ЕКА замяло дело, дабы не замарать репутацию одного из самых выдающихся своих *героев*, русские поступили так же — ради сохранения репутации Звездного городка. Как бы там ни было, из программы Фонтен выпал. Агентство задействует его в медийных мероприятиях, он стал VIPом номер один, таким Томом Крузом, но «спалился» как космонавт...

— Вам известно имя женщины?

— Конечно, — кивнул Эннинджер. — Мы встречались, но она отказалась входить в детали... Это выглядело... — Он замолчал, пытаясь подобрать слово... — Странно... Я чувствовал, что она, с одной стороны, боится сказать лишнее, а с другой — жаждет избавиться от груза прошлого... На мой вопрос: «Правда ли, что имело место жестокое обращение?» — она утвердительно кивнула, но, когда я попросил уточнений, отказалась их дать.

Сервас почувствовал холодок азарта: возможно, он нашел негодяя.

— Вы совершенно уверены в своих словах? — спросил Мартен. — Неужели подобный человек может быть порочным манипулятором?

— Если вспомнить происшествие девяносто девятого года — попытку изнасилования Жюдит Лапьер — и дело Новак в две тысячи седьмом, это перестает казаться таким уж невероятным. Был слух, что один космонавт слетел с катушек на станции «Мир» и попытался открыть люк и его с трудом уладили. С чего бы космонавтам быть другими, майор? Им свойственны обычные человеческие слабости, среди них попадаются «паршивые овцы». Имидж не имеет ничего общего с истинной сутью человека.

Сервас несколько минут переваривал услышанное. Он вдруг почувствовал себя как человек, случайно сорвавший шторы с окна и увидевший небо, полное звезд, и ночь, глубины которой неведомы и непостижимы.

— Дадите мне адрес и телефон той женщины? — спросил он.

Журналист встал.

— Конечно, сейчас принесу.

Он вышел из комнаты, и майор воспользовался его отсутствием, чтобы пораскинуть мозгами. Возможно ли, что Селию не просто преследовали, что, если ее изнасиловали? Судя по всему, он имеет дело с «рецидивистом»: в таком случае могут быть и другие жертвы...

В комнату вернулся Эннинджер и протянул ему листок. Сыщик прочел:

*Мила Болсански
Дорога де ла Метери Нёв*

— Мила — славянское имя, — заметил он.

— Да, она француженка только наполовину. В том-то и проблема.

— Не понимаю...

— В Звездном городке русские космонавты ведут себя с русскими коллегами-женщинами совсем иначе, чем с иностранками. Клоди Эньере, например, всегда была очень высокого мнения о русских партнерах, таких «веселых и милых», таких предупредительных, а старого генерала Леонова вообще называла «душкой». Того самого

Леонова, который в семьдесят пятом был командиром «Союза-19», участвовал в первой американо-советской экспедиции и заявил журналистам, что русская космонавтика в услугах женщин не нуждается. Шеннон Лусид, работавшая на борту МКС с двумя русскими космонавтами, называла их «мои Юрии». До Шеннон доходили слухи о мачизме и женоненавистничестве русских, но ее опыт пребывания в квазизамкнутом пространстве с двумя мужчинами оказался идеальным. А вот русские женщины часто жаловались, что к ним относятся как к космонавтам «второго сорта»... Милу в Звездном городке считали скорее русской, чем француженкой. Если хотите узнать больше, советую обратиться к ней напрямую. — Писатель посмотрел Сервасу в глаза. — А теперь моя очередь задавать вопросы. Почему офицер криминальной полиции внезапно заинтересовался Леонардом Фонтеном?

Пауза затянулась.

— Эй, майор, мы же договорились; я рассказал все, что знал, так что выкладывайте! — потребовал хозяин дома.

— Видите ли... это неофициальное расследование... — неуверенно начал объяснять полицейский.

— В каком смысле?

— Ну, скажем так: я веду его по собственной инициативе.

Оба мужчины немного помолчали.

— Гм-гм... И оно касается Леонарда Фонтена? — спросил наконец журналист.

Сервас кивнул.

— Изнасилование? — уточнил его собеседник.

Сыщик покачал головой: «Нет...»

— Преследование? Домогательство?

Утвердительный кивок.

— И почему я не удивлен? Привычка — вторая натура. Больше ничего не скажете?

— Слишком рано...

— Проклятье! Ладно. Дайте слово, что я первым узнаю подробности, когда вы раскроете дело!

— Обещаю.

— С женщиной случилось то же, что с Милой Болсански? Ее изнасиловали?

— Нет, она мертва.

Серо-стальные   глазки-бусинки   Эннинжера   загорелись
любопытством:

— Что значит — «мертва»? Убита?

— Покончила с собой.

27. Дива

Он выехал без четверти четыре пополудни. Небо потемнело, горы заволокло туманом, пошел редкий снег...

Сервас торопился миновать перевал до наступления темноты. Он включил дальний свет и дворники и сбросил скорость, чтобы не вылететь с дороги. Как Фонтен выбирает свои цели? Милу Болсански ему «подставили» случай и Космическое агентство, встреча с Селией тоже была случайной — как и множество других встреч, которые не заканчиваются домогательством и насилием. Существуют ли другие жертвы Фонтена? Какова его тактика? Он за ними наблюдает? Пытается выяснить их привычки? Старается узнать как можно больше, прежде чем знакомиться? Или всегда ждет «подарка судьбы»? На длинном подъеме к границе с Андоррой Мартен застрял позади автобуса. Он никак не мог обогнать его и в конце концов решил остановиться у поста полиции, чтобы позвонить Миле.

Она ответила почти сразу — голос ее звучал сдержанно, даже робко. Сыщик где-то читал, что воспоминания о физическом насилии со временем стираются из памяти жертв, а вот каждодневные унижения и оскорбления невытравимы.

— Добрый день, меня зовут Мартен Сервас, я майор полиции. Мне необходимо встретиться с вами. Номер телефона я получил от журналиста Эннинжера.

— О чем вы хотите говорить? — насторожилась женщина.

— О Леонарде Фонтене.

Полицейский ждал ответа и машинально считал проезжавшие мимо машины: четыре легковушки и три большегруза.

— Эта тема мне неприятна, — наконец сказала его собеседница.

— Я знаю, что в свое время вы отозвали жалобу и не захотели обсуждать тот... эпизод с мсье Эннинжером, но сейчас возникли новые, обстоятельства, — сказал майор.

— Что вы имеете в виду?

— Предпочитаю объяснить все при личной встрече, если не возражаете.

За спиной Серваса истерично загудела машина — у кого-то из водителей сдали нервы.

— Я вряд ли сумею быть вам полезна, — заявила Мила. — Для меня дело закончено и закрыто. Не хочу возвращаться в прошлое. Извините...

— Понимаю, мадам Болсански.

— Мадемуазель...

— Что, если я скажу, что другим женщинам пришлось пережить то же, что вынесли вы, только теперь у Леонарда Фонтена еще и кровь на руках?

Еще одна пауза.

— У вас есть доказательства? — спросила женщина.

— Думаю, да.

— Вы его арестуете?

— Пока об этом рано говорить.

— Ясно. Благодарю, майор, но я предпочту не вмешиваться.

— Понимаю.

— Меня заставили забрать жалобу. Я испытывала чудовищное давление. Почему вы думаете, что теперь все будет по-другому?

— Потому что я — не они.

— Я не сомневаюсь в чистоте и благородстве ваших намерений, но...

— Уделите мне всего пять минут. Как я уже сказал, есть другие пострадавшие. Если удастся тем или иным способом связать их между собой, я сумею его прижать...

Дожидаюсь ответа, Мартен насчитал еще четыре легковушки и два грузовика.

— Я согласна, — услышал он наконец голос Милы. — Приезжайте.

Машина катила по длинной, прямой, обсаженной платанами дороге к большому дому в долине. Вокруг было совсем темно. Трехэтажное строение с одинаковыми окнами напоминало старую ферму. Подсобные помещения снесли, а пустое пространство обсадили тополями. Свет был зажжен только над крыльцом. Сервас хлопнул дверцей и огляделся: вокруг было пустынно, огоньки горели только вдалеке, в километре, если не больше.

«Смелый выбор для женщины, пережившей то, что пережила Мила Болсански», — подумал сыщик, но тут же вспомнил, что, по

просвещенному мнению авторитетного специалиста, женщины, неоднократно подвергавшиеся насилию, часто замыкаются в себе, поскольку внешний мир кажется им враждебным. Даже много лет спустя любое пустячное происшествие может вернуть их в ужасное прошлое. Мартен понимал, что разговор с ним причинит Миле боль — если она не вышвырнет его через две минуты.

Машины перед домом он не заметил, но угадал гараж метрах в десяти, под брезентовым навесом, и пошел к крыльцу. Дверь открылась. На пороге стояла высокая худощавая женщина, но ее лицо оставалось в тени. Она молча смотрела, как гость поднимается по ступенькам, а потом сказала:

— Входите...

Голос ее прозвучал спокойно и твердо — не так, как по телефону.

Бесконечно длинный, похожий на шахтную галерею коридор был погружен в темноту. Свет шел из дальней комнаты, и тень женщины тянулась за ней, как черная вуаль невесты-вдовы. Сыщик воспользовался возможностью получше разглядеть Милу. Спортивная, широкоплечая, с изящной длинной шеей. Майор заметил чугунные батареи и картины на стенах — в полумраке они могли сойти за полотна старых мастеров. Хозяйка провела Мартена в огромную, оборудованную в современном стиле кухню с потолочным освещением.

Сервас прислушался, но не уловил ни малейшего шума, хотя в доме наверняка было не меньше тридцати комнат.

— Вы живете одна? — поинтересовался полицейский.

— Нет. С Тома. — На губах женщины мелькнула улыбка. — Это мой сын.

На вид хозяйке дома было лет тридцать пять. У нее были каштановые волосы, карие глаза, высокие скулы, несколько морщинок в углах глаз, но лицо красивое, с большим, четко очерченным ртом, матовой кожей и квадратной челюстью. Волевое лицо, в котором виден характер. И взгляд особенный — пронизательный и понимающий, серьезный и снисходительный. Так смотрят люди, много пережившие, познавшие всю низость и убожество мира людей и решившие все всем простить — раз и навсегда. Умная женщина... Одета Мила была в толстый свитер с высоким горлом и джинсы.

— Выпьете кофе? — предложила она. — Спиртного, извините, не держу.

— Спасибо, с удовольствием.

Болсански повернулась спиной к гостю, достала из шкафчика чашку и поставила ее на стол, за которым легко могли бы уместиться десять человек, а сама села на другом конце, в метре от гостя. «Интересно, она всех мужчин держит на расстоянии?» — спросил себя Сервас и подумал о фотографии Селии и Леонарда Фонтена, сделанной на приеме в Капитолии, где они стоят так близко друг к другу.

— Спасибо, что согласились встретиться, — сказал он негромко.

— Я готова вас выслушать, но не обещаю, что стану отвечать на вопросы.

— Понимаю.

— Начинайте, майор, расскажите о «новых обстоятельствах».

Сыщик отметил для себя, что женщина запомнила их разговор по телефону, но последняя фраза далась ей с усилием.

— Вы когда-нибудь слышали такое имя Селия Яблонка? — спросил он Милу.

— Нет.

— Эта молодая женщина покончила с собой в прошлом году. У нее был роман с Леонардом Фонтеном. Я подозреваю, что он сыграл не последнюю роль в ее трагическом конце...

— Почему?

— Вы мне скажите...

Мадемуазель Болсански не сводила глаз с гостя. В ее взгляде не было ни робости, ни недоверия — только непримиримость.

— И это все? — спросила она. — Все, что у вас есть? Смутные подозрения? Вы ради этого меня потревожили?

Тон ее изменился, стал язвительно-резким, и Мартен понял: «Если не найду нужных слов, она закроется». Он достал из кармана магнитный ключ от гостиничного номера, фотографию и подтолкнул их по столу к Миле.

— Что это? — удивилась она.

— Это вы их мне послали?

Несколько мгновений женщина смотрела на предметы — и явно ничего не понимала.

— Ключ и фотографию мне прислали по почте... — объяснил Сервас. — Они вам что-нибудь говорят?

Болсански долго рассматривала ключ, а потом постучала пальцем по снимку:

— Конечно. МКС, Международная космическая станция... А это что такое?

— Ключ от номера, где покончила с собой Селия Яблонка. Вы никогда не были в этом отеле с Леонардом Фонтеном?

Хозяйка дома еще раз взглянула на карточку и молча покачала головой:

— Ни с ним, ни с кем бы то ни было другим...

— Некто, пожелавший остаться неизвестным, сначала прислал мне этот ключ, а потом фотографию. А еще были письма, побуждавшие меня снова открыть дело о самоубийстве Селии Яблонки. Единственное связующее звено между ключом и фотографией — Леонард Фонтен.

— Объясните...

— Леонард Фонтен был любовником Селии Яблонки. И работал на МКС.

Наступила тишина. Мадемуазель Болсански могла прервать разговор, отказаться пустить его в свое прошлое. Внезапно справа от Серваса слабо скрипнула дверь. Он повернул голову и увидел, что в коридоре (войдя в кухню, сыщик его не заметил) появился маленький мальчик в красно-синей бархатной пижамке. Выражение лица Милы изменилось: она протянула руки, и малыш забрался к матери на колени и прижался щекой к ее груди. Болсански поцеловала сына в пушистую макушку:

— Поздоровайся, милый.

— Привет, — сонным голосом произнес ребенок и снова сунул большой палец в рот.

— Привет, меня зовут Мартен, а тебя? — обратился к нему полицейский.

— Тома.

— Рад знакомству, Тома.

«Ему не больше пяти...» — подумал майор. У мальчика были светлые шелковистые волосы, карие — материнские глаза и кукольное личико с не оформившимися до конца чертами.

— Ты меня уложишь, мамочка? — повернулся он к Миле.

— Прошу меня извинить, — сказала та своему гостю, — я на минутку.

Женщина увела сына, и сыщик услышал, как они тихо переговариваются.

Его что-то беспокоило. Память подала знак. Тома кого-то ему напоминал. Лицо, которое он совсем недавно видел — вживе или на фотографии. Мартен напрягся — и понял. Открытие высветило неожиданные перспективы, значения которых он пока оценить не мог.

— Сколько лет вашему сыну? — спросил Сервас, когда хозяйка дома вернулась.

— Пять, — сказала она.

«Две тысячи восьмой год», — быстро подсчитал майор. Болсански смотрела на него и как будто догадывалась, о чем он сейчас думает.

— Вы считаете, что женщина покончила с собой из-за Лео? — спросила она.

— Я в этом уверен. Думаю, были и другие. Не одна, не две, а гораздо больше, учитывая возраст Фонтена... Проблема в том, что осудить одного человека за самоубийство другого нельзя, даже если он виноват в жестоком обращении, а вот за преступление посадить можно — пока не истек срок давности...

Мила кивнула.

— Вы пострадали в две тысячи восьмом году, — не торопясь продолжил сыщик. — Побой и сексуальная агрессия — преступление, срок давности по которому истекает через три года; изнасилование — другое дело, за такое нарушение закона человека можно преследовать десять лет. *Вопрос в том, имело ли место преступление...*

Он внимательно посмотрел на свою собеседницу. Та выдержала его взгляд и снова кивнула.

— Если вы расскажете, что именно с вами случилось, я пойму, где искать, с какими службами связаться, какие дела изучить... — продолжил майор.

Женщина не отвечала, и Сервас решил не давить, дать ей время обдумать его слова.

— Рассказывать я ничего не стану, — произнесла она и конце концов. — Просто не могу. Это выше моих сил...

— Ясно...

— Вы действительно думаете, что сумеете его прижать?

— Зависит от того, что я раскопаю...

— Но шанс есть?

— Я довольно хорош в своем деле.

Мадемуазель Болсански в третий раз кивнула, выражая согласие с его словами.

— Думаю, да.

— В каком смысле — да? — не понял ее Мартен.

— В том, что вы и вправду неплохи... Я дам вам кое-что, если пообещаете не разглашать полученную информацию.

— Конечно...

Хозяйка встала и вышла из комнаты. Через минуту она вернулась и положила перед ним толстый томик в кожаной обложке, перевязанный лентой. *Личный дневник*... Почерк очень аккуратный. Дата первой записи...

— Когда вы его вели? — уточнил полицейский.

— В тот год...

— Здесь всё?

— Да.

— После того происшествия вы больше не летали в космос? Вас уволили?

— Дали понять, что я теперь персонa нон грата. *Заявить* об изнасиловании было все равно что *совершить* изнасилование. Классическая схема: возможно, вы своим поведением дали повод...

Сервас медленно выдохнул:

— Значит, изнасилование имело место?

— Все гораздо сложнее... Там все есть. — Мила кивнула на дневник. — И помните — вы дали слово.

— Могу поклясться еще раз, если хотите.

— Не стоит. А теперь, если позволите, я пойду и прочту сыну историю на ночь.

Мартен встал, сунул дневник под мышку и вдруг улыбнулся:

— Какую историю?

— «Маленького принца».

— «Моя звезда будет для тебя одной из звезд, — процитировал полицейский. — Поэтому ты полюбишь смотреть на них. Все они

станут твоими друзьями».

В глазах Болсански мелькнуло веселое удивление.

— Кто отец Тома? — осторожно спросил сыщик.

— Вы догадались, не так ли? — с вызовом бросила женщина. —

Мой мальчик похож на него...

— Он отказался признать сына?

Мила кивнула с задержкой в полсекунды.

— Почему? — не удержался Мартен еще от одного вопроса.

— Читайте, майор... До свидания.

28. Интермеццо

Она разделась, почистила зубы, натянула пижаму и вернулась в комнату. Игги спал, втянув голову в дурацкий пластиковый воротник. Из окна в комнату проникал бледный свет. Кристина отдернула штору, и луна улыбнулась ей из-за Капитолия. «Интересно, что сейчас делает Макс? Тоже спит, закопавшись в коробки?»

«Твой единственный союзник. Бездомный... А тебе не приходило в голову, что за всей этой историей стоит именно он? Судя по всему, не приходило».

Кристина взглянула на две таблетки в своей ладони и на стакан воды в другой руке. Проглотив лекарство, она заперла дверь и прислушалась к шагам в коридоре. Ее жизнь все больше напоминала существование затравленных людишек, которые прячутся по норам, как крысы... Сколько времени ей придется прятаться? Мать настояла на том, чтобы оплатить проживание в гостинице, но нельзя же, в самом деле, жить здесь до бесконечности! И вообще Макс прав: этот тип не ослабит хватку, не отстанет от нее.

Они с матерью встретились в баре отеля, выпили кофе. «Ты ужасно выглядишь, постарела на десять лет за несколько дней...» — заметила Клэр. Слава богу, у нее, как всегда, было полно дел — фитнес, маникюр, педикюр, массаж лица, массаж горячими камнями, парикмахер, психоаналитик... Встреча с журналистом, пишущим статью «Что с ними случилось?», встреча с председателем благотворительного общества и с тренером по развитию личности, посещение мастерской арт-терапии, распродажа... Остаток дня Кристина бродила без всякой цели в поисках хоть какой-нибудь идеи или решения. Может, стоит попросить приюта в убежище для жертв домашнего насилия? Она брала интервью у его директрисы, и та наверняка не откажет. Но проблема в том, что ее никто не бил. Пока... Кроме того, сотрудники приюта наверняка звонят в полицию, желая удостовериться, что к ним обратилась жертва насилия, а не мифоманка. Наверное, стоит поставить себе пару синяков, чтобы выглядело поубедительней. Штайнмайер всерьез обдумывала такую возможность... Потом она зашла в магазин, где торговали огнестрельным и холодным оружием (даже саблями и японскими

мечами-катанами), тазерами, электрошокерами и газовыми баллончиками. От жирного продавца ужасно воняло потом. Когда он подошел, ей в голову пришла мысль, что подобные типы запросто могут обидеть беззащитную женщину. О, конечно, не следует судить о людях по внешности, но с тех пор, как выяснилось, что мир — это ад для самых слабых и уязвимых, журналистка усомнилась в принципе презумпции невинности и с каждым днем становилась все вульгарней, агрессивней и нетерпимей.

«Добро пожаловать в джунгли, старушка...»

Лекарства подействовали — ее клонило в сон. Она не знала, что станет делать завтра, и уж тем более — послезавтра и на следующей неделе. У нее не было убежища — совсем как у старины Ричарда Кимбла.^[60] Даже голову негде приклонить...

«Ты сбежала из собственного дома, тебя обвиняют в преступлениях, которых ты не совершала, а твой преследователь тоже может быть одноруким, как знать?»

Женщина глупо хихикнула и закрыла отяжелевшие веки. По ее щеке скатилась горячая слеза. Она обняла руками колени и уронила голову на матрас. Страхи испарились, как утренний туман, и она провалилась в ночь, в темноту, в забытьё...

Передышка. До завтра.

29. Либретто

Сервас устроился в изголовье узкой кровати, включил Малера, убрал звук до минимума, посмотрел в окно на полную луну, вздохнул и взял с тумбочки дневник Милы.

Откинув кожаную обложку с нарисованной розочкой, он подумал о красивой брюнетке и маленьком белокуроем мальчике, которые живут вдвоем в большом доме на отшибе. Сын Леонарда Фонтена... Сыщик надеялся, что эти записи помогут ему понять, что именно случилось не только с Милой Болсански, но и с Селией Яблонкой. Возможно, он найдет ответы на все свои вопросы. Что за человек Леонард Фонтен? Как он действует, чтобы подтолкнуть этих женщин к самоубийству или заставить их отгородиться вместе с детьми от мира? Откуда взялся этот оборотень? Мила и Селия — умные сильные личности, но космонавт приворожил их и сломал. Как ему это удалось?

Ночь рисковала затянуться. Мартен не был трусом, но его одолевали дурные предчувствия. Он не забыл дневник Алисы Ферран, который пять лет назад нашел в комнате девушки, там, в горах. Ее слова тогда каленым железом отпечатались у него в мозгу.

Сыщик перевернул две первые пустые страницы и приступил к чтению. Рассказ Милы начинался с описания приезда в Москву.

20 ноября 2007. Прилетели в 8.30 утра, в терминал С нового здания «Шереметьево». Оно совсем не похоже на старый, огромный и мрачный, аэропорт. Долго проходили таможенный досмотр. Я немного нервничала, Лео же был совершенно спокоен. У входа нас ждали руководитель проекта «Андромеда» Геннадий Семенов и ответственный сотрудник Звездного городка Роман Рудин.

Мы сели в новенький автобус — не чета прежнему, где ужасно воняло бензином, миновали Москву и поехали на северо-восток. По обеим сторонам дороги в палисадниках стоят дачные домики — кокетливые кукольные избушки голубого или красного цвета соседствуют с жалкими развалахами. Судя по всему, москвичи очень привязаны к земле, несмотря на загазованный воздух, подъемные краны, бетон, машины и сотни рекламных щитов, уродующих

пейзаж... Здесь, как и повсюду в мире, бал правит унификация, воистину бетон придумал дьявол...

В автобусе я наблюдаю за Лео. Он разговаривает с Романом и Геннадием и не обращает на меня внимания: мне даже кажется, что как-то **НАРОЧИТО** не обращает... Что происходит? У меня появляется дурное предчувствие, и я вспоминаю вчерашнюю сцену. Не понимаю... Такого раньше не случалось. Мы собирались на вечер, который Национальный центр космических исследований устраивал по случаю нашего отъезда в Москву, я уже оделась и красилась, сидя перед зеркалом. Он подошел, встал у меня за спиной и сказал:

— Хочешь выглядеть как шлюха?

В первый момент я подумала, что ослышалась. Он не мог произнести **ТАКОЕ СЛОВО!** Невозможно. Немыслимо. Я взглянула на его отражение в зеркале.

— Что ты сказал?

— Ты слышала...

— Господи, Лео, надеюсь, ты пошутил?!

Он положил руки мне на плечи, но жест не был ни нежным, ни дружеским.

— Конечно, пошутил, но ты действительно переборщила...

Я хотела взорваться, возмутиться, но была слишком удивлена, ошарашена. Никогда прежде Лео не вел себя так грубо и... нелепо. Да, он признал, что пошутил, но... я почему-то не поверила. Это не Лео — не тот Лео, которого я знала. Мы вместе три месяца, и он всегда был милым, любящим, предупредительным... Три месяца идиллии, три месяца безоблачных отношений. Ни с одним мужчиной мне не было так хорошо. Я люблю его. Да, люблю этого надежного, сильного и нежного человека.

Он — мужчина моей жизни, я это сразу поняла.

Мне нужно сконцентрироваться на работе, только она имеет значение. Это самый важный опыт в моей жизни, а на подготовку вместо двух лет будет всего девять месяцев — короткий срок! Я не имею права дрогнуть, расслабиться, развалиться, ведь нагрузка предстоит чудовищная. Но сегодня утром, в автобусе, по дороге в Звездный городок, на длинной лесной аллее и на посту военной охраны, я не могла не думать о вчерашней сцене и о том, как он меня обозвал. Может, он не произносил того слова? Наверное, мне показалось...

20 ноября, вечер. Звездный городок, город звезд... Неподходящее название для серого города с длинными пустынными проспектами и серыми домами — точь-в-точь французское предместье, переместившееся в глубь русского леса! Здесь есть торговый центр, кинотеатр, школа, почта, дискотека, ну и, само собой разумеется, комплекс для подготовки космонавтов: планетарий, гидролаборатория, учебные аудитории, центрифуга, тренажеры, имитирующие установки и приборы «Союза»... Местечко уродливое, но мне оно кажется прекраснейшим на свете. Здесь работают японские, канадские, американские, немецкие, итальянские космонавты... Нас с Лео поместили в профилакторий, клинику-отель для космонавтов, но скоро мы переедем в Дом 4. К Лео тут относятся как к звезде и всячески ему угождают. Я заняла своими вещами весь шкаф, и Лео пошутил насчет трех чемоданов, которые я с собой притащила. Сейчас в небе над Звездным городком не летают «Аны» и «Илы», как было в прошлый раз: тогда шла война в Чечне и они базировались на военном аэродроме, по другую сторону от железной дороги. Сегодня вечером Лео ушел на встречу с русскими, у него здесь много «старых корешей». Я одна, сижу и смотрю на темную воду озера и простирающийся за ним необъятный лес. Тысячи и тысячи елей и берез в белых «чулочках» переговариваются друг с другом в русской ночи... Славянская половина моей души впадает в меланхолию. Что происходит? Лео изменился. Нагрубил вчера вечером, а сегодня ведет себя холодно, отстраняется от меня...

Я боюсь... Жить и работать здесь очень непросто, и я не выдержу, если он сейчас меня бросит.

21 ноября. Сегодня начались занятия — интенсивный курс русского, по восемь часов каждый день, с перерывом на обед. Мои опасения подтвердились — язык я знаю очень плохо... Лео, в отличие от меня, бегло говорит по-русски и считает его красивейшим из языков. Он, безусловно, прав, но как можно усвоить грамматику, склонения, спряжения, параллельно заучивая все технические термины? Есть от чего прийти в отчаяние!

Приятный момент в столовой: Лео меня представил — очень мило и весело. После занятий мы бегали на лыжах по лесу; лыжня

петляла между деревьями, снег был белым, и небо тоже, а вокруг стояла звенящая тишина, которую нарушали скрип лыж, наши крики и шорох отяжелевших веток. Мы смеялись, целовались, играли в снежки, а вернувшись в номер, занялись любовью. Потом долго лежали, обнявшись, и Лео рассказывал мне о своем первом полете на МКС, о том, как смешно новички дрыгают ногами и руками в невесомости и носятся по станции, как марионетки. Он вспомнил смешной случай, когда каждый из четырех космонавтов что-то потерял (один — часы, другой — зубную щетку, третий — наушники, четвертый — что-то еще), и они повсюду искали свои вещи и то и дело сталкивались носами.

Я снова обрела надежду. И веру в будущее. Мой Лео вернулся ко мне: кажется, он начисто забыл о том неприятном инциденте.

28 ноября. Он снова начал. Обвинил меня в том, что я кадрую русских. Мы отправились поужинать небольшой компанией. Сделали исключение из правил, хотя за день все очень устают, а по вечерам готовятся к завтрашним занятиям. Первую рюмку по традиции выпили до дна, и я попросила больше мне не наливать, а Лео и русские еще долго накачивались пивом и крепким алкоголем. В номере, когда я раздевалась, он вдруг спросил — очень зло: «Думаешь, я ничего не заметил?» Его лицо было красным от водки, а глаза метали искры. Я была потрясена:

— О чем ты?

— Не держи меня за дурака! Я все видел!

Я не верила своим ушам:

— Что именно ты видел?

— Что ты вела себя как ШЛЮХА...

Снова это слово. Лучше бы он меня ударил! Я чувствовала себя как боксер, которого послали в нокаут. Оглушили.

Никогда бы не подумала, что он может быть таким ревнивым. Я смотрела на него — и не понимала. Не знала, что сказать. Он пожал плечами и пошел спать.

Я думала о случившемся весь день. Возможно, Лео прав... возможно, я действительно флиртвала с русскими — о, совершенно неосознанно! — вернее, держалась так, как здесь держаться не принято. Поди узнай... Русские любят красивых женщин и иногда

бывают чуточку слишком назойливыми. Я должна следить за собой и не посылать сигналов, которые могут быть неправильно истолкованы. Многие мужчины болезненно ревнивы. Другие очень жестоки. Но Лео не такой. Только не он. Лео — уверенный в себе, обаятельный мужчина. Наверное, он был чем-то расстроен или плохо себя чувствовал, а мне говорить не хотел. Или, может быть, он боится, что постарел, что на этот раз может оказаться не на высоте. Или его нервирует присутствие красивых и гораздо более молодых мужчин, чем он сам.

У него нет причин для ревности. Я люблю его.

Сервас посмотрел на часы: без семи минут полночь. Луна несла дозор в ночном небе, выглядывая из-за туч. Нужно дочитать до конца — во что бы то ни стало. Рассказ Милы обещал неминуемую трагическую развязку — впрочем, все дело может быть в том, что он и так уже знает. Как в Шестой симфонии Малера, где тучи сгущаются с первых нот. Здесь действует та же зловещая сила.

Майор вздрогнул, когда в одной из комнат кто-то вдруг захохотал, как безумный. Потом снова наступила глухая тишина.

Мартен вернулся к чтению.

Игги поднял голову.

Ему показалось, что он услышал какой-то шум. Зрение у пса было монохромное, и залитая лунным светом комната выглядела бледно-серой, а проклятый пластиковый воротник не позволял оглядеться.

Хозяйка спала рядом, тихонько посапывая. На долю секунды песик забыл, почему проснулся, его отвлекла более насущная потребность — *голод*... Он попал на чужую территорию, места здесь было гораздо меньше, чем дома, и он быстро обнюхал все углы. Хозяйка поставила миску с кормом в ванной. Дверь открыта... Может, там что-нибудь осталось? Хвост Игги пришел в движение, и он решился. Спрыгнул с кровати и заковылял по ковру, подволакивая левую заднюю лапу с лангеткой. Ночью собака видела раз в пять лучше людей, и ей хватало света, проникавшего из окна через шторы.

Когти зацокали по кафельному полу. Вот она, возжеленная миска, прямо под раковиной, на вид пустая, но вдруг на дне есть еда? Игги ткнулся носом в миску и почувствовал горькое разочарование: ничего!

Он полакал теплой воды и поплелся назад в комнату, опустив хвост, но на пороге остановился. Что это? Шерсть у песика на загривке встала дыбом. Он оскалился, не решаясь идти дальше. Собака разрывалась между двумя чувствами — страхом перед опасностью и вековым инстинктом защитника. *Здесь кто-то есть...* Инстинкт кричал: «Чужой, чужой, чужой!» Этот чужой не двигался, и пес не видел его, но слышал размеренное дыхание, а острый нюх подсказывал: там, за шторой справа... Тень. В темноте. Это вполне могло оказаться иллюзией, созданной лунным светом, но иллюзии не пахнут! Игги повел носом. Да, там человек. Но есть еще какой-то запах — непривычный, противный, химический: так пахли лекарства в ветеринарной клинике. Собака зарычала — сначала тихонько (страх куда не делся!), потом громче. И тут из-за шторы донесся шепот — нежный, ласковый, дружелюбный:

— *Хороший песик ИГГИ... хорошая собачка, милый пусик... проголодался?*

Пес весело твякнул и завилял хвостом. Последнее слово было одним из главных в его собачей жизни.

— *Тс-с-с... умная собачка, ИГГИ... не шуми... сейчас я тебя покормлю, договорились?..* — шептал невидимый незнакомец.

Хвост Игги забарабанил по полу. Чужак дважды произнес его имя. Он медленно вышел из укрытия, и пес на всякий случай отступил в ванную. От человека пахло лекарствами, так что... И зачем он прятался? Опасность? Но слово «*Проголодался?*» победило все остальные чувства, и собака подпустила чужака к себе.

1 декабря. 6 часов утра, еще темно, и я совсем без сил, но заснуть не могу — думаю о вчерашних словах Лео. Восемь часов лекций, два часа гимнастики ежедневно плюс сеансы на крутящемся табурете. На самом деле это кресло, где человека превращают в живую юлу! Тебе на лоб приклеивают электроды и вертят все быстрее и быстрее, а вокруг стоят люди в белых халатах и дают указания: голову вперед, назад, налево, направо... Пока ты не обольешься холодным потом и не потеряешь сознание.

Русские врачи удивились моей выносливости и сказали, что я справляюсь лучше большинства мужчин. Я обрадовалась и вечером похвасталась Лео (у нас разное расписание, ведь он не занимается

русским). Он посмотрел так холодно и угрюмо, что у меня упало сердце, а потом улыбнулся и сказал: «Все русские — ужасные бабники. Ты должна следить за своим поведением и не провоцировать их...»

3 декабря. Снег валит, не переставая. На затихший город снизили мир и покой, которого, увы, нет в моей душе. Лео ведет себя все более странно. Он с каждым днем отдаляется от меня, говорит обидные вещи, отпускает грубые замечания. Сегодня у меня был первый сеанс в центрифуге. Она установлена в большом здании цилиндрической формы. Гигантская восемнадцатиметровая «рука» прикреплена к центральной оси и заканчивается кабиной в форме каски. Трехсоттонный тренажер. Дверь закрывается. Пуск. «Рука» начинает двигаться по кругу, набирает скорость. Центрифуга может достичь ускорения в 30 G, но на тренировках не превышает 8 G, то есть нагрузки, привычной для летчиков-истребителей, в том числе и для Лео. Но я чувствую себя в ней глиной, которую разминает пальцами великан; сердце у меня колотится в горле, грозя выскочить наружу. И даже в центрифуге я думаю о Лео.

О том, во что превращается наша любовь...

Мужчина, прятаясь за шторой, переместился в ванную. Он стоял на пороге совершенно неподвижно и как будто никуда не торопился. Лунный свет падал на расслабленное лицо неизвестного, и исходившее от него спокойствие разливалось по комнате, как ледяной ручеек по галечному руслу.

Мужчина смотрел на спящую женщину и ощущал восторг и возбуждение римского триумфатора. Кровь стучала в висках, дыхание перехватывало. Всю одежду он снял в ванной и остался в одних трусах, после чего натянул резиновые перчатки и снова надел часы.

Войти в номер оказалось очень легко. Тип, продавший ему оборудование, объяснил, что электронный замок, закодированный на 32 бита, обеспечивал более чем относительную безопасность. Программируемый микроконтроллер марки «Ардуино» плюс штепсельный разъем — и дело в шляпе. В гостиницу он пришел с чемоданчиком и снял номер — все честь по чести.

Мужчина посветил фонариком на голые плечи и спину спящей Кристины, обвел взглядом изгиб бедер под ночной рубашкой,

залюбовался длинными ногами и почувствовал возбуждение. С сожалением оторвавшись от соблазнительного зрелища, он прошел босиком к мини-бару, открыл его, и свет из холодильника отразился в его черных зрачках. Он взял маленькую бутылочку водки, скрутил пробку, поднес горлышко к губам и выпил в три глотка. Любимый прохладный напиток. Затем мужчина поставил пустую бутылочку на стол — «*Не забыть забрать с собой*» — и вытер горлышко. Мало ли что...

1.45.

Он вытряхнул содержимое сумки мадемуазель Штайнмайер на журнальный столик и методично изучил каждый предмет, светя себе фонариком: банковская карта, удостоверение личности, кошелек, пачка жвачки, ключи, ручки, мобильный телефон... Его пустой безжизненный взгляд остановился на фотографии с загнутыми уголками. Улыбающаяся Кристина сидит на замшелой стенке, а внизу видна небольшая гавань. Кто ее снял? Где? Незнакомец сдвинул все в сторону, расстегнул молнию на плотном целлофановом чехле, вынул шприц, каттер, две ампулы кетамина^[61] по 50 миллилитров и уродливую резиновую маску, после чего разбил ампулу и профессионально точным движением набрал препарат в шприц.

Покончив с этим делом, он потянулся, достал вторую бутылочку водки и выпил. Рыгнув, сходил помочиться. Он улыбался, чувствуя себя сильным, ловким и готовым к действию... Воду он спустит потом.

Рядом с унитазом лежало тельце Игги. Шея над воротником-воронкой была перерезана каттером — так глубоко, что в зияющей ране виднелась трахея. Кровь из-за положения головы песика стекала внутрь воронки, окрасившейся в цвет коралла. Глаза собачки были закрыты, язык вывалился из пасти, и густая темная кровь растеклась по плиткам.

Мужчина взглянул на часы — пора было начинать. Он натянул на лицо маску красного демона с длинным носом, острыми клыками и рогами, постарался сделать так, чтобы она не мешала дышать, и повернулся к Кристине.

7 декабря. Дача. Красивейший дом с красными резными узорами, белыми наличниками окон и мансардной крышей, как у американских

амбаров. Он стоит в самом сердце леса, на заснеженной поляне, и похож на сказочное жилище фей.

Я посмотрела на Лео. Меня одолевали смешанные чувства — удивление и беспокойство. Волшебное зрелище должно было очаровать меня, но я могла думать об одном: он хочет отгородить нас от остальных. Мы в лесу, в нескольких сотнях метров от Звездного городка, но это ничего не меняет.

Вполне закономерно, что Лео предоставили не четырехкомнатную квартиру, а целый дом: он один из самых знаменитых французских космонавтов и у него много связей в России. Кроме того, за наше пребывание в Звездном городке платит Франция. Дачи начали строить несколько лет назад, первыми «новоселами» были американцы.

Лео не поинтересовался моим мнением, не спросил: «Тебе нравится?» Эту стадию мы давно миновали. Наше общение сошло практически на нет. Возможно, я не сумела показать, как сильно к нему привязана, недостаточно часто повторяла «я люблю тебя»... А может, он считает, что я его использую, сплю с ним ради карьеры... Не знаю, что и думать.

Ситуация повторяется, а я чувствую себя одинокой, опустошенной, отупевшей. Кому я могу довериться здесь? Я никого не знаю, а Лео делает все возможное, чтобы это не изменилось. Дача — очередное тому доказательство... Во Франции я радовалась, что мы с Лео вместе полетим на МКС и переживем потрясающее космическое приключение, а сейчас мечтаю жить отдельно от него. Осмелюсь ли я сказать ему об этом? Лео меня пугает.

— Знаешь, чего я хочу, прямо сейчас? — спросил он, войдя в дом.

Я подняла глаза. Его взгляд выражал возмездие. Это НОВЫЙ взгляд. Лео смотрит на меня как на вещь. На игрушку. Он хватается за мою руку и заворачивает ее за спину. Я прошу: «Нет, Лео, остановись», но он не слушает. Слишком сильно его желание. Лео делает мне больно, прижимает к подоконнику, стаскивает с меня джинсы вместе с трусами. Я не сопротивляюсь — это бесполезно. Скорей бы все кончилось.

Лео лижет мне щеку и ухо, крутит сосок через лифчик; в его жестах нет ни нежности, ни ласки.

Вот и всё. Он отходит, а я плачу, глядя сквозь запотевшее от моего дыхания стекло на ледяные слезы сосулек.

9 декабря. *Наконец-то начинается вторая фаза подготовки к полету.*

Тренировки на борту тренажера-симулятора: проверка корабельных систем после выхода в атмосферу, контроль связи, контроль температурного режима, измерение уровня кислорода и углекислого газа на борту, определение высоты в системе орбитальных координат. Мы четыре часа, снова и снова, выполняем стандартные процедуры и пробуем решать технические проблемы, которые могут возникнуть во время полета. У меня теперь есть дублер, молодой русский пилот Сергей. Лео все время спрашивает, как прошел мой день, требует подробного отчета: что делали, о чем говорили. Это ужасно изматывает. Мне все труднее запоминать все, что необходимо выучить назубок, тем более что преподавание ведется на русском и записывать ничего нельзя.

А Лео и дела нет. Прошлой ночью я открыла глаза и увидела, что он стоит в изножье кровати. В темноте. Не знаю, сколько времени он там проторчал. Я спросила: «Что ты делаешь?», но он не ответил.

В другой день Лео вернулся около двух ночи и принес с собой целый «букет ароматов»: водка, пиво, табак и ЖЕНЩИНЫ... Он не лег спать и не набросился на меня, как голодный, а усадил на стул в центре комнаты и начал допрашивать. Это длилось всю ночь. Вопросы о тренировках с Сергеем, о преподавателях, о мужчинах, с которыми мне приходится работать... На самом деле Лео пытался выяснить, трахаюсь я с другими или нет, такая ли я чокнутая шлюха, какой он меня считает, подстилка, готовая лечь под первого встречного... но обзывать не обзывал. Лео был в странном состоянии: я уверена, он что-то принял, иначе не впал бы в такое возбуждение... Потом мне пришлось выслушать нескончаемые объяснения. Он оправдывался, говорил, что ему и самому не нравится то, как он со мною обращается, что я должна подумать над его словами, что он «не такой» и что это я (!) довожу его своим поведением, но он изменится, будет стараться... В какой-то момент мне показалось, что Лео сейчас разрыдается, забьется в истерике,

как капризный ребенок перед матерью. Так прошла вся ночь, а на завтра у меня назначена очень важная тренировка.

Я плохо сплю: вздрагиваю от малейшего шороха. Мне снятся кошмары — я их не помню, но по утрам чувствую необъяснимый страх и ужасную слабость. Я начинаю ненавидеть это место. И Лео...

13 декабря. Какой потрясающий опыт! Моя первая имитация выхода в космическое пространство... Это происходит в Гидролаборатории, в круглом бассейне водоизмещением пять тысяч тонн. Освещение такое яркое, что вода становится практически невидимой. На глубине двенадцати метров установлен макет отсека МКС в натуральную величину. Я надеваю комбинезон, и меня опускают в бассейн на длинной лебедке — как марионетку в окружении пловцов — и запирают в темноте. Открыв люк, я пережила уникальный момент, хорошо знакомый всем космонавтам, которые совершают выход в открытый космос. Меня ослепил белый «солнечный» свет, нырять гнали волны, имитируя инерцию безвоздушного пространства, а я пыталась завинчивать гайки руками в огромных перчатках... Мне все удалось — несмотря на усталость и сомнения, — и я воспрянула духом. У меня получится. Я выдержу. Моя мечта исполнится — чего бы это ни стоило...

18 декабря. Не могу поверить: Лео меня ударил. Я снова и снова повторяю эти слова: ЛЕО МЕНЯ УДАРИЛ...

Невозможно. Немыслимо.

Это чистый кошмар.

Вчера вечером, когда я вернулась домой, позвонил Сергей — он хотел обсудить завтрашнюю программу. Лео переменился в лице и, как только я закончила разговор, отобрал у меня телефон, чтобы прочесть сообщения. Я воспротивилась. Тогда он сказал: «Хочешь всех заарканить? Всех этих молодых русских самцов... Скучаешь со мною? Предпочла бы быть там, с ними, чтобы любой оказался на расстоянии протянутой руки... совсем близко от твоей ЩЕЛКИ!» Не

веря своим ушам, я ответила пощечиной. Он выпучил глаза, тронул себя за щеку, а через мгновение ударил меня кулаком. В живот.

Я задохнулась, согнулась пополам и получила второй удар — по затылку, упала, а Лео наподдал мне ногой:

— Мерзавка, грязная ШЛЮХА! Соска многоразовая! В следующий раз я тебя убью!

Лео швырнул мой сотовый через всю комнату и вышел, хлопнув дверью.

Я долго плакала, лежа на полу. У меня просто не было сил подняться. Не знаю, где ночевал Лео. У меня жутко болят ребра, живот и шея. Не знаю, как переживу этот день...

Мрак. Ее что-то разбудило. Кристина рывком садится на кровати. В комнате... *темно! Совсем темно!* Ледяная дрожь, ощущение падения... Она протягивает руку к ночнику. Нащупывает выключатель. Свет не зажигается...

Темнота. Кто-то задернул шторы и погасил свет в ванной. Ей трудно дышать. Рот, ноздри, глазные впадины заполняет тьма. Так вода заливается во все отверстия в теле утопленника. Кристина задыхается, вдыхает тьму, глотает ее. Страх обострил все чувства, подсознание уловило нечто, чего она пока не видит...

Темнота. Сердце бешено колотится. Она кричит:

— Кто здесь?!

Идиотский вопрос! На другом конце комнаты внезапно зажигается свет, луч слепит ее, она моргает, заслоняет глаза рукой.

— *Это... это вы?* — произносит Кристина еле слышным голосом.

Она прекрасно знает, что это ОН. Кто же еще? Свет движется. Медленно огибает кровать, не переставая слепить ее. Женщина моргает, как сова, хочет закричать, но крик застревает у нее в горле. Она зажмуривается, отказываясь признать реальность: *в ее комнате мужчина.* Тот, кто уже много дней преследует ее. Он здесь, *рядом...* Нет, нет, нет — она не желает этого признавать!

Все это дурной сон...

Она жмурится из последних сил, морщит брови.

— Открой глаза, — произносит голос.

— Нет!

— ОТКРОЙ ГЛАЗА, или я убью твоего пса.

Игги! Где он? *Она его не слышит...* Кристина открывает глаза и едва не теряет сознание. Ужас кидается ей на грудь, жестокий спазм перехватывает горло: в нескольких сантиметрах от ее лица маячит отвратительная гротескная маска. Красная резиновая маска. Длинный толстый нос-клюв вот-вот коснется ее носа. А улыбка — чистая жуть! Толстые губы, острые желтые зубы! Женщина судорожно сучит ногами, пытаясь отодвинуться как можно дальше, прижимается лопатками и затылком к стене, как будто надеется вжаться в нее.

Она отворачивается от маски, ее лицо перекашивается от страха, губы дрожат:

— Прошу вас... умоляю... не делайте мне больно... пожалуйста...

Все тело в поту, ее трясет. Боже, боже, боже, сердце не выдержит, взорвется! А мужчина молчит, смотрит на нее, и она решается спросить:

— Зачем вы это делаете? Что вам нужно? Чего вы добиваетесь? Почему пытаетесь свести меня с ума?

Вопросы, вопросы... Она не может остановиться.

— Потому что меня об этом попросили, — отвечает незнакомец.

Она умолкает. Ей трудно дышать, как будто из комнаты выкачали весь кислород.

— Потому что мне за это платят... И я должен закончить работу...

Голос звучит спокойно, бесстрастно. *Закончить работу...* Формулировка пугает Кристину до икоты. Она хочет кинуться на него, поколотить, лягнуть, как взбрыкнувшая лошадь, выцарапать глаза, побежать к двери, но ее руки и ноги стали ватными, силы покинули тело. Кажется, что ее приклеили к кровати и стене, а мозг замер, отключился. Фраза *закончить работу... закончить работу... закончить работу...* висит в воздухе, эхом отзываясь в голове.

— *О, нет-нет-нет-нет,* — ничего другого она произнести не может.

— А вот и да.

— *Пожалуйста... нет...*

Мужчина вдруг кладет руку в резиновой перчатке ей на бедро, и она смотрит на него — не на маску — маска слишком страшная! — ниже, и видит хрупкое бледное тело. Сплошь покрытое татуировками.

Он возбуждился. Рука в перчатке ползет дальше, и она может разглядеть другие татуировки, даже на пальцах. Корделия... У Корделии тоже татуировки. Мозг Кристины твердит, как заведенный: «*Нет-нет-нет-нет!*», но из ее разинутого рта не вылетает ни звука. Она дышит часто, со всхлипами.

Мужчина хватается обеими руками полы ее ночной рубашки, заворачивает наверх и гладит ее грудь. Долго. Щупает. Взвешивает. Бормочет: «Мне нравится твоя грудь, и соски тоже, у тебя чертовски сладкое тело, вот уж я полакомлюсь...» Он хочет раздвинуть ей ноги, и она из последних сил сжимает колени в последней попытке оказать сопротивление, плачет, умоляет:

— Нет, нет, нет... Не делайте этого... Ну пожалуйста...

Она видит его плоские глаза в прорезях маски. Пустые глаза. Он отодвигается, кладет фонарик на тумбочку, берет что-то другое.

Это... *шприц!*

Она вскрикивает, когда ОН зажимает ей рот, втыкает иглу в плечо и говорит:

— Сейчас улетишь, детка. Это супер К, настоящий *ке*, чистый как слеза. Самый лучший.

Он нажимает на поршень, и Кристина с ужасом чувствует — у нее фобия на шприцы и иглы, — как тончайшая иголка впивается в тело. Сейчас она потеряет сознание.

— Начнем с пятидесяти миллиграмм «кет-ката» внутримышечно. Поглядим, что выйдет. А потом по пятьдесят каждый час. Готов спорить, это будет твой первый «приход»...

30. Опера-серия ^[62]

Рождество. Снег идет, не переставая. Огромные влажные хлопья, слой за слоем, опускаются на лес — бесшумно, безмолвно... В Звездном городке царит праздничная атмосфера, а в нашей темной холодной даче нет ни елки, ни гирлянд, и я чувствую себя опустошенной и усталой. Сил совсем не осталось.

В последние дни Лео все чаще на меня нападает. Да, это именно нападения. Он ужасный человек, злой, жестокий. Он хочет меня уничтожить. Лео полон яда, желчи и недоброжелательства. Как ему удастся быть таким двуличным?

Мне следовало бы доложить руководству... Так не может продолжаться. Но если я это сделаю, с миссией «Андромеда» будет покончено... И второго шанса мне никто не даст. Больше всего на свете я хочу полететь в космос. Будь проклят Лео, я не сдамся, я буду держаться, чего бы мне это ни стоило!

27 января. *Начался третий этап. Каждая команда работает парами. Мы весь день проводим на разных тренажерах. Наш командир Павел Коровьев — опытный космонавт, бывший летчик-испытатель. В ракете командир сидит в центре, а по левую руку от него — бортиженер, отвечающий за контроль всех систем. Как правило, место инженера достается тоже русскому, но в этот раз в экипаже будет двое французов. Я космонавт-исследователь, мое место справа от командира. Я должна следить за качеством воздуха и радиосвязью. Коровьев — человек старой закалки, надежный, серьезный, суровый, мне с ним легко — легче, чем с Лео. Мы зажаты, как сардины в банке, сидим, подтянув колени к груди, так что свобода движений крайне ограничена. Мы с Лео не одни, и он нервничает. Это заметно только мне: внешне Лео совершенно спокоен, весел, доброжелателен, у них с Павлом полное взаимопонимание. А вот меня он все время пытается уколоть, унижить, дискредитировать — под видом шутки. «В постели Мила будет покруче, чем в кабине», — сказал он сегодня. Я покраснела от стыда, почувствовала себя грязной, но сдержалась. Лео пытается спровоцировать меня, выставить истеричкой. Но я не доставлю ему такого удовольствия.*

Рядом был Павел, и я осмелилась ответить: «В отличие от тебя, мой дорогой...» Лео смолчал, Павел смущенно хмыкнул.

28 января. Не стоило его провоцировать... Я и не предполагала, на что он способен.

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК — СУМАСШЕДШИЙ...

Вечером, после тренировки, Лео сказал Павлу, что у него есть дела, и исчез. Мы выпили по стаканчику с Сергеем — он очень хорошо ко мне относится, — и я пошла пешком на дачу. Было очень темно, и я светила себе под ноги фонариком. Дача выглядела мрачной, необитаемой, ни в одном из окон не горел свет. Мне вдруг захотелось повернуть назад, но я справилась с собою, поднялась по скрипучим ступеням, открыла дверь, потянулась к выключателю, и в этот момент к моему горлу приставили нож.

— Не зажигай свет.

Голос Лео в темноте. Протяжный, угрожающий. Зловещий — как всегда в моменты безумия. Такой тон означает: «Я способен на все... мы оба знаем, что моему сумасшествию нет предела...» Меня охватывает ледяной ужас. Я одна с его «темной стороной» в этом старом мрачном доме посреди леса. Далеко, очень далеко от остальных людей... Он потащил меня в угол по пыльному полу и зажег лампу. Я вздрогнула. Лео был голым. На груди у него была кровь или краска — не знаю откуда, — но она была повсюду, от груди до лобка. Он вцепился мне в волосы, заставил встать на колени и провел холодным лезвием по щекам.

— Ты — ничтожество, уродина, ты унижаешь меня в присутствии Павла, выставляешь дураком и импотентом... Я знаю, что ты желаешь мне зла, ненавидишь меня. Ты — жалкая тварь. Ты за все заплатишь, грязная шлюха. Знаешь, что я мечтаю сейчас сделать? Убить тебя... Я тебя убью, убью, клянусь, что убью!

— Нет, Лео, прошу тебя! Умоляю... Ты прав: я не должна была так поступать. Это не повторится. Клянусь. Никогда. Никогда. Никогда... — Я изо всех сил пыталась переубедить его.

Он сильно дернул меня за волосы, встряхнул и вlepил мне пощечину, так что зубы лязгнули и в ушах зашумело.

— Ты психопатка. Ты хоть понимаешь, насколько ты опасна? — спросил он, и прежде, чем я успела хоть что-то понять, сунул нож

мне в руку, сжал мои пальцы вокруг рукоятки и с силой ударил себя в бедро. А потом пошатнулся и заорал:

— Ты меня ранта, гадина! Чокнутая тварь, ты меня достала!

Я впала в ступор. Он достал телефон и снял меня с окровавленным ножом в руке, а потом сфотографировал свою рану.

— Не вздумай еще хоть раз унижить меня в присутствии посторонних! — прошипел он и ушел в ванную.

Он сказал, что не желает делить постель с проституткой, и велел мне спать на диване. Было очень холодно, и я всю ночь дрожала под тонким одеялом. Утром у меня был легкий жар, и я запаниковала: все космонавты боятся микробов, боятся простудиться и заболеть. Грипп, вирус — и ты вылетаешь из программы. Русские врачи не станут рисковать, не захотят, чтобы один заразил всех. О, нет, только не это...

Кристина поднимает глаза. Смотрит на мужчину. Он лежит на ней. Она чувствует его дыхание. Сколько времени он здесь? Она на какое-то время отключилась, потеряла сознание. Он движется ритмично и совершенно бесшумно. Кристина замечает, что комната меняет цвет: оранжево-красный, флуоресцирующий зеленый, синий электрик, розовая фуксия, лимонно-желтый... Краски сливаются и растекаются, как акварель под каплями дождя.

***15 февраля.** Возможно, Лео оговаривает меня перед русскими коллегами. Их отношение явно изменилось. С рыцарством покончено, никакой тебе милоты и любезности, остались только намеки с сексуальным подтекстом да мачистские ухватки. Вчера Павел даже осмелился положить руку мне на бедро в тренажере. Я вздрогнула, как от прикосновения электрошокера, и он не решился продолжить... Я чувствую, что меня уважают все меньше, во взглядах мужчин сквозит похоть, они пересмеиваются за моей спиной, прищелкивают языками...*

Вчера Лео вернулся около полуночи. Я спала. Он был мертвецки пьян, зажег повсюду свет, снял штаны и накинулся на меня. Я почувствовала духи и запах кожи другой женщины, почти такой же сильный, как смешанный «букет» водки с пивом. Он прошептал мне на

ухо: «Веселого Валентинова дня... Я только что трахался с проституткой... она настоящая женщина... не то что ты...»

Кристина странно себя чувствует, у нее кружится голова, мутятся разум и зрение. Маска больше не пугает ее — скорее *забавляет*. Она хихикает. Нос-клюв веселит ее. А где же все остальное? Похоже на бракованное видео... Женщина потеряла всякое представление о времени. Ее тело утратило чувствительность, отяжелело. Она опускает глаза и видит свои соски, а все остальное расплывается, как в тумане.

17 мая. Неделя проходит за неделей. Как мне удалось продержаться так долго? Вчера вечером я нашла в Интернете историю Андромеды, подарившей свое имя нашей миссии.

*Они наверняка выбирали наугад, но не ошиблись... У древних греков и вавилонян созвездие Андромеды олицетворяло богиню плодородия, у латинян она звалась *Mulier Catenacta* — «женщина прикованная». По легенде, молодую женщину приковали к утесу в открытом море, принеся в жертву чудовищу, но Персей освободил ее. А кто освободит меня?*

30 мая. Начались бесконечные медицинские обследования. Врачи очень дотошны. Лео не решается меня трогать, знает: если по медицинским показателям отстранят меня, отстранят и его. У русских и американцев разный подход. В Штатах заболевшего члена экипажа заменяют дублером, а русские долго и тщательно подбирают команды, принимая во внимание симпатии, родство души и взаимодополняемость, поэтому, если отстраняют одного, замене подлежат все.

Новое неожиданное ощущение: тело тает, как теплый воск. Оно перекачивается и течет по кровати, следуя за волнообразными движениями комнаты. Она слышит свой смех — странный, глухой, замогильный. Мозг раскалился, а руки и ноги заледенели. Она «выходит из своего тела» и парит над кроватью, а потом возвращается. Кристина поворачивает голову и видит сидящую рядом Мадлен. Сестра говорит: «Ну вот, теперь ты знаешь, сестричка, как это бывает... свидание через девять месяцев...» Кристине хочется плакать.

Она всхлипывает, смотрит на потолок, а он вдруг начинает отдаляться со страшной скоростью, стены вытягиваются, удлиняются, их оконечности разбегаются на многие километры друг от друга. Сама же она становится маленькой, крошечной, как бывало в детстве, во время болезни, когда ее держали в постели из-за температуры.

10 июня. Сергей в ярости. Я не выдержала и доверилась ему, а он сказал, что набьет Лео морду, и признался, что у него давно появились такие подозрения. Сергей считает, что так дальше продолжаться не может, что необходимо найти какой-то выход, тем более что все в Звездном городке видят, в каком я состоянии. Он объяснил, что у него есть кое-какие... связи. Один из его кузенов работает на мафию, и он с ним поговорит. Я забеспокоилась — если с Лео что-нибудь случится, нас обоих отстранят. «Не волнуйся, я попрошу их не слишком усердствовать, ничего страшного с этим гадом Моки не случится...» Моки — прозвище, которое русские дали Лео. От французского «мокёр» — насмешник. Лео ведь обожает всякие шутки и розыгрыши...

Сервас резко выпрямился и перечитал две последние фразы. Затем он положил открытый дневник на серое покрывало и спустил ноги на пол. Встал, подошел к столику, взял ежедневник, полученный от Дегранжа, и начал быстро перелистывать страницы. Вот оно: «Моки, 16.30», «Моки, 15.00», «Моки, 17.00», «Моки, 18.00»...

«Попался, Моки!»

25 июня. Лео в госпитале. Его избili скинхеды. Обычно они нападают на цыган, африканских студентов или гомосексуалистов. Это случилось на выходе из стрип-клуба. У Лео несколько трещин в ребрах, ему выбили три зуба, но все это поправимо. Сергей ничего мне не говорит, но я уверена, что его кузен приказал своим головорезам «работать» аккуратно.

Я навестила Лео, но он не захотел со мною разговаривать — только посмотрел ненавидящим взглядом, чем ужасно меня напугал.

Она не сразу замечает, что поднялся ветер, взметнув вверх сухие листья, что животные бегут от невидимой опасности. Комната вдруг

превращается в лужайку, продуваемую ледяным ветром, грозные тени затягивают небо и опускаются на землю. Ее охватывает тревога, она чувствует приближающуюся опасность. Хочет убежать. Как животное. Но не может. Она парализована, пригвождена к проклятой кровати в центре поляны. Пытается освободиться, оттолкнуть рукой лежащего на ней человека, получает пощечину, моргает, открывает глаза и с ужасом обнаруживает над собою гомункула, маленькое отвратительное существо, женоподобное, злое... Он не получает никакого удовольствия от того, что делает, смотрит не на нее, а прямо перед собой, в стену.

1 июля. В Москве очень жарко. Вчера мы с Сергеем ходили в Парк Горького. Там было полно посетителей: молодежь играла в пляжный волейбол, люди гуляли с детьми, студенты катались на велосипедах и скейтах, загорали, лежа на траве. К аттракционам и киоскам, торгующим едой, стоят длинные очереди... Говорят, парк скоро закроют на реставрацию и реконструкцию и он будет выглядеть не хуже Центрального парка в Нью-Йорке. Сергей предложил покататься на лодке, но я побоялась, что нас может случайно увидеть кто-нибудь из знакомых по Звездному городку. Что обо мне подумают, ведь Лео до сих пор в госпитале?

...Мы сидели на скамейке, и Сергей взял мою руку. На этот раз я его не оттолкнула.

3 июля. Вчера Лео выписали. Ходит он пока на костылях, но русские заверили, что скоро можно будет возобновить тренировки. Старт отложили на две недели, но русская медицина творит чудеса, так что все будет в порядке.

Как это ни странно, со мной он ведет себя почти нормально — возможно, случившееся чему-то его научило. Интересно, ему пригрозили? Велели оставить меня в покое? Он спросил, как в его отсутствие шла работа, и я объяснила, что его заменили дублером, дабы не терять время. «Правильно сделали, — одобрил он, — миссия — самое главное...» Лео даже не попытался тронуть меня, не сказал ни одного обидного слова, и я тоже сделала вид, что всё в порядке, как будто между нами никогда не происходило ничего ужасного. Лео ушел спать на диван, а на завтра даже пожелал мне удачного дня. Я

ненавижу этого человека и глубоко его презираю. Он жестоко заблуждается, если думает, что может вернуть мою дружбу и тем более любовь. Но в одном я с ним согласна: мы должны сконцентрироваться на работе, только это сейчас и имеет значение...

Он выбрасывает в нее свое семя, наклоняется к самому уху и произносит скрипучим голосом:

— Я положительный...

— Что? — хрипит она, и он повторяет:

— Я ВИЧ-положительный...

Кристина чувствует, что улетает в бесконечный туннель, ее сердце замедляет ход, бьется все реже... как буд-то... сейчас ос-та-новится... вот сей-час... че-рез секун-ду-у-у-у-у...

4 июля. Случилось нечто ужасное... Мне кажется, что вокруг все рушится, что меня подстерегает безумие. Сергея сбила машина. Насмерть. Водитель скрылся... Я уверена, что за этим стоит Лео. Как он узнал, что нападение на него организовал Сергей? Неужели Лео сам был за рулем? Нет, не может быть, он наверняка кого-то нанял. Где он сейчас? Я целый день его не видела. Время за полночь. Не могу заснуть. Деревья вокруг дачи шумят на ночном ветру, я подхожу к окну, вглядываюсь в темноту. Никого, только тени ветвей на земле. И вдруг... Что это? В гуще леса сверкнула звезда...

Нет, показалось — или приснилось, там только мрак и ветер... Я снова замечая вдалеке мигающий огонек. Это фонарик, кто-то идет по тропинке. Нервы взвинчены до предела, голова гудит. Я бросаюсь к входной двери, поворачиваю ключ в замке, возвращаюсь к окну. Свет приблизился, и я могу различить силуэт. ЭТО ОН... Быстро шагает через поляну. Внезапно тишину ночи разрывает крик: «Мила-а-а-а-а-а-а!!!» Я в ужасе, горло перехватил спазм, во рту пересохло. Что делать, что делать, что же мне делать?! Выхода нет...

Деревянные ступени жалобно скрипят, ручка двери яростно вращается. Он толкает створку, осознает, что она заперта, начинает трясти ее, яростно барабанит кулаками по филенке:

— Мила, открой дверь... ОТКРОЙ ЭТУ ЧЕРТОВУ ДВЕРЬ, НЕСЧАСТНАЯ ТЫ ИДИОТКА! ЖАЛКАЯ ДУРА! ТВАРЬ!

ОТКРЫВАЙ!!!

Он наваливается плечом, но дверь не поддается. Наступает тишина... у меня сейчас сердце выскочит из груди. Ветер свистит, ветки стучат о крышу. Что он делает? Где он? В этот момент раздаётся звон разбитого стекла. Я кидаюсь к двери, пытаюсь вставить ключ в замочную скважину, но рука дрожит так сильно, что ключ падает на пол — о, черт! — я наклоняюсь, чтобы поднять его, распрямляюсь, поворачиваюсь, тяну на себя разбухшую створку... Тяну, тяну — сильнее, еще и еще. Дверь наконец открывается... Собираюсь выскочить за порог, и тут он обхватывает меня сзади, прижимается щекой к щеке:

— Куда собралась? Ты принадлежишь мне, Мила. Нравится тебе это или нет, но мы связаны. Навсегда.

Я дрожу от страха. Он хватает меня за лицо и сжимает так сильно, что я пугаюсь, как бы зубы не вылетели из десен.

— Ничто нас не разлучит, ты разве не поняла? — говорит Лео.

Внезапно тишину разрывает рев мотора, и в ночном небе появляется «Ил», взлетевший с военной базы по соседству.

— ТЫ НИКОГДА ОТ МЕНЯ НЕ ИЗБАВИШЬСЯ, МИЛА. ДАЖЕ ЕСЛИ СЯДЕШЬ В САМОЛЕТ И УЛЕТИШЬ НА ДРУГОЙ КОНЕЦ ЗЕМЛИ. Я БУДУ ПРЕСЛЕДОВАТЬ ТЕБЯ ДО АДСКИХ ВРАТ. ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ, Я УБЬЮ ТЕБЯ, А ПОТОМ И СЕБЯ.

Около четырех утра Сервас прервался.

Он чувствовал, что попал в ловушку слов, стал заложником кошмара, пережитого Милой. Физическое и психологическое насилие кого угодно выведет из равновесия, и в его душе разгорался гнев на человека, который не гнушался использовать устрашение, угрозы, побои и унижение как оружие массового уничтожения. Майор предчувствовал трагический конец истории. Он включил кипятильник и насыпал в чашку растворимого кофе. За черным стеклом снова пошел снег. Очевидно, что после гибели Сергея Мила смирилась. Несчастливая наверняка считала дни до своего первого полета в космос, как узник, ждущий скорого освобождения. Она поняла, что Фонтен не может позволить себе бить ее: чем ближе был день старта, тем чаще космонавтов осматривали врачи. Он угрожал, срывался, как цепной пес, но границу не переходил.

Но в конце июля, за четыре недели до старта, неожиданное происшествие изменило весь расклад.

31. Гранд-опера

22 июля. Четвертый день задержки... У меня бывали задержки — на двое суток, не больше... Господи, сделай так, чтобы все рассосалось!

Сервас оторвался от чтения, посмотрел на потолок и вспомнил малыша Тома на коленях у матери. Белокурый мальчик с сонным личиком... «Почему Мила оставила ребенка???»

Я сама во всем виновата. Забыла принять пилюлю — из-за усталости, взвинченного состояния, растерянности... Боже, пусть это будет просто задержка! Иначе придется делать аборт — ребенка от этого пса я рожать не стану...

25 июля. Я беременна! В кармане лежит тест, купленный в московской аптеке. Мне все еще не верится... Если русские узнают, все будет кончено. Не знаю, что делать. Появились симптомы, подтверждающие результаты теста. Никогда еще я не чувствовала такой усталости.

26 июля. Лео нашел тест. Какая же я дура! Нужно было сразу выбросить, но я понятия не имела, что он систематически шарит в моих вещах. Ищет доказательства измен. Чертов псих... Вышел из комнаты, демонстративно помахивая полоской, и спросил:

— Что это такое?

А ты как думаешь, болван? Тест рН для воды бассейна?!^[63] Свой вопрос он сопроводил такой оплеухой, что у меня чуть голова не оторвалась и глаза на пол не выпали.

— Я беременна, — сказала я ему.

— Что?!

— Ты слышал. Сделаю або...

Еще одна затрещина — с размаху, наотмашь.

— Как ты могла?

Я потеряла щеку, но боль не ушла.

— Кто отец? — потребовал ответа Лео.

— Ты.

— Врешь!

Он схватил меня за волосы и сдернул со стула:

— Ты врешь, мерзкая тварь!

Я не хотела плакать, но боль была такой сильной, что слезы прихлынули к глазам, как молоко к соскам кормящей матери.

— Клянусь тебе, Лео, это твой ребенок! Прости... прости меня!

— Ты что, не понимаешь? Не понимаешь, что натворила? Идиотка! Ты все погубила! Думаешь, они не заметят? Это ведь не случайность, да?.. Ну, ты мне за все заплатишь! Я убью этого ублюдка, богом клянусь, прикончу прямо в утробе.

— Я полечу, Лео. И ты тоже. Мы оба отправимся на Станцию...

В кои-то веки мой голос прозвучал твердо.

— Да неужели?

— У тебя нет выбора: расскажешь кому-нибудь — и нашу команду отстранят, заменят дублерами. Сейчас аборт исключен — слишком плотное расписание и слишком пристальный врачебный надзор.

Лео прищурился.

— Что ты предлагаешь?

— Вести себя как ни в чем не бывало. Я выдержу.

— Нам предстоит провести наверху целый месяц, несчастная ты дура!

— Некоторым женщинам удавалось скрывать беременность до самой последней минуты. Даже если потом все раскроется, будет поздно. Возможно, это даже станет сенсацией: беременная женщина на орбите!

Лео не оценил моего сарказма.

— Ты не оставишь ребенка, — отрезал он. — Вернемся на Землю, я сам найду врача. Даже через три месяца будет не поздно...

10 дней до старта. 15 августа. Мы приехали на Байконур. Гостиница «Космонавт». Я сумела увильнуть от последних часов на наклонном столе и вращающемся табурете: сказала, что уже несколько дней мучаюсь мигренью. Давать задний ход поздно, так что меня освободили от тренировки. А вот от кровати с наклоном в 10°, где приходится спать, задрав ноги вверх, чтобы организм привыкал,

отвертеться не удалось. Космические экипажи прибывают дважды в год, и это настоящее событие для города, у которого после развала Союза возникли проблемы с безопасностью и кадрами. Весь персонал только что на руках нас не носит. Я ни на секунду не остаюсь наедине с Лео.

***1 день до старта.** Последний вечер. По заведенному обычаю мы смотрели «Белое солнце пустыни», советский вестерн а-ля Джон Уэйн. День пролетел со скоростью света. Я собрала последние вещи: блокнот, увлажняющий крем, необходимый в искусственной атмосфере станции, наушники, оперные диски... Все вокруг нас — техники, врачи, персонал базы — пребывают в эйфории.*

Бросаю взгляд на Лео — каменное лицо, на меня ноль внимания. Он встревожен. Бойтся, что я сорвусь. И напрасно. Я чувствую себя как никогда сильной и живой. Мы с моим ребенком поднимемся наверх, на орбиту...

Я возвращаюсь к себе. На двери комнаты расписались мои предшественники. Меня переполняют чувства.

***День старта, 26 августа.** Великий день наступил. Подъем в 7.30. Медосмотр, раздевание, мытье, дезинфекция. Внезапно меня охватывает страх за ребенка, и я покрываюсь холодным потом. Доктор спрашивает, всё ли в порядке, я киваю и улыбаюсь со стиснутыми зубами. Мы отправляемся на Байконур, он в 30 километрах от нашего дома.*

За три часа до старта в помещении с коричневыми стенами начинается процедура надевания скафандров. Каждый весит 35 кг. Вокруг суется люди, нас снимают на камеру, проверяют, всё ли в норме. Садимся в автобус, выслушиваем последние советы, техники снова и снова проверяют какие-то детали, меня только что не тошнит от волнения. Выходим и видим небольшую группу людей: они стоят на солнце, неподалеку от стартового стола. Объятия, пожелания, напутствия... Я ощущаю жуткое одиночество: Павла и Лео окружили родные, а со мной прощаются только «официальные лица»... Как странно, что в эту минуту я вспоминаю горькие моменты жизни: безрадостное детство, беспокойная юность, приемные семьи, одноклассники, с которыми никогда не удавалось

подружиться, потому что они сторонились меня, как чумной, все — кроме одной уродливой толстухи (не помню, как ее звали); она ко мне липла, а я ее отпихивала... Потом были романы-однодневки, пустые глупые мечтания — пока не появился Лео... Он простился со своими и смотрит на меня — жестко, даже с ненавистью. Плевать. Лео ничего мне не сделает — я лечу. Я победила...

Последние метры мы проходим медленно, враскачку, держа в руках индивидуальные кондиционеры, ^[64] похожие на маленькие серебристые чемоданчики. Последние рукопожатия. Начинаем взбираться по ступенькам к старому лифту, останавливаемся на середине. Очень жарко, и я сильно потею. Мы оборачиваемся, машем толпе, люди кричат, жестикулируют, а в нескольких метрах от нас могучий зверь ревет, выдыхает пар, кричит, готовясь устремиться в небо.

Вот оно, то ощущение, которого я всегда жаждала: оказаться на СВОЕМ месте...

Сервас сделал пометку в блокноте. У него возникло смутное чувство, что... Смутное, но неотвязное... Он поставил три вопросительных знака.

6

5

4

3

2

1...

Я — ПТИЦА. Я — ангел.

Насекомое.

Существо, скукожившееся в куколке. Я пытаюсь расслабиться в крошечном стальном «гробу».

6-5-4-3-2-1...

Ракета отрывается от ступеней, выбросив струю пламени, издает могучий рев. Удары, вибрации, искры, скрип. Стремительный толчок под задницу. 118 секунд — крестообразно отделились четыре блока первой ступени. Скорость — 1670 м/сек. Через 286 секунд

следует новый резкий удар — отделилась вторая ступень. Скорость — 3680 м/сек. Вибрация усиливается. Черт... 300 секунд: отделение третьей ступени. Скорость — 3809 м/сек.

Еще один миг — и «Союз» на орбите.

Скорость — 7700 м/сек.

Последний пинок под кресло, адский скрежет металла и... божественная тишина... Невесомость... Ослепительно сверкают звезды. С шипением циркулирует воздух в скафандре «Сокол». По кабине плавают разные предметы. Я поворачиваю голову и вижу ЕЕ — ту, с которой мы взлетели. Землю. Величественную, сияющую холодным голубым светом планету. Я вижу континенты, океаны, клубящиеся облака... Мы в космосе, вокруг все черно.

Царство пустоты...

«Красота, да?» — произносит Павел с забавным акцентом уроженца Казани. Я едва слышу его голос. Шумят вентиляторы, непрерывно гонящие воздух через сменные патроны-фильтры. Вид из иллюминатора завораживает. Бескрайний горизонт, слепящее солнце, ночь, подобная звездному полю, громада континентов, океаны, облака, горные края, реки, города...

К полному моему изумлению я больше не чувствую ни ненависти, ни гнева, ни страха — осталась только любовь, загадочная, необъяснимая.

28 августа. Пристыковка к МКС прошла в штатном режиме. Экипаж — русский и двое американцев — встретил нас хлебом-солью, как велит обычай. Девятьсот квадратных метров станции разделены на четыреста отсеков, из которых открывается феерический вид на Землю и гигантские солнечные батареи. Здесь две отдельные зоны: первая состоит из американских герметизированных модулей, как принято в НАСА, и европейского модуля «Коламбус». Модуль «Юнити» соединяет первую зону со второй, составленной из русских модулей по образцу станции «Мир». Американский модуль «Хармони» и европейский «Коламбус» размещены в передней части станции и чаще сталкиваются с «космическим мусором», русские «Заря» и «Звезда» находятся на корме. Павел, Лео и я поселимся именно здесь...

4 сентября. Мы уже неделю живем на станции. Большую часть дня я провожу в «Звезде»; здесь выгорожено небольшое помещение для работы, до ужаса захламленное. В другой части станции я была всего один раз. Чтобы попасть туда, нужно миновать «Зарю» (13 метров в длину, служит складом), ГСП-1^[65] и модуль-узел «Юнити» (здесь мы чаще всего едим), а вот Лео с Павлом нанесли туда уже четыре визита. У меня складывается впечатление, что они хотят меня изолировать, держать в стороне от остального экипажа. Они как будто сговариваются у меня за спиной, и Лео поощряет Павла на все более неуместные слова и жесты в мой адрес...

11 сентября. Мне очень нравится необычный вид из иллюминатора... Яркий свет вокруг станции, безграничное и безразмерное пространство, бездонный мрак космической ночи... Я люблю смотреть на земной изгиб, «затыкающий» горизонт, на голубые океаны и темный африканский континент. Там, где царит ночь, миллиардами огоньков светятся города и маленькие, восхитительно хрупкие деревеньки Зондских островов.

С орбиты хорошо видно, какой ущерб мы наносим планете: пустыни наступают, лесов становится меньше, атмосфера над Китаем ужасно загрязнена, тут и там на поверхности океана плавают нефтяные пятна...

12 сентября. Я смотрю в иллюминатор, как делаю каждое утро, и вдруг чувствую, что кто-то пристраивается сзади — неловко, ведь мы в невесомости. Решив, что это Лео, говорю: «Прекрати» — и слышу голос Павла. Он шепчет мне на ухо:

— Лео у американцев... Мы одни.

Его руки оказываются на моей груди...

— Хочешь заняться любовью в невесомости? — предлагает он. — Уверен, тебе понравится...

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он не отпускает, и мы кувыркаемся в воздухе, Земля вращается в иллюминаторе. Павел хочет меня поцеловать, и я со всего размаха влеплю ему пощечину. Он выглядит изумленным, но наконец отпускает меня и «отплывает» в сторону «Зари». В ярости.

13 сентября. Я продолжаю вести дневник, но тщательно его прячу, когда Павел и Лео засыпают. Я чувствую себя немного лучше, чем в первые дни, тошнота и головокружение прошли (не знаю, было мое недомогание связано с беременностью или со смещением отолитов^[66] во внутреннем ухе). Я привыкла к постоянному шуму, к невозможности принять душ, к тому, что приходится глотать зубную пасту, а к унитазу нужно пристегиваться, чтобы не улететь. Привыкла даже к беспорядку. Хуже всего мне приходится, когда мы с Павлом и Лео остаемся одни в русском отсеке. Я надеялась, что это прекратится, но после той пощечины Павел стал угрюмым и непредсказуемым — совсем как Лео. В каждом его слове и взгляде сквозят презрение и недоверие. Сегодня они попросили меня демонтировать вышедший из строя дистиллятор мочи и перешучивались по-русски на мой счет.

14 сентября. Мне кажется, они сходят с ума. Лео удалось внушить Павлу, что им не следует доверять другим обитателям станции. Официально миссией руководит Павел, но Лео полностью подчинил его себе. Однажды я случайно услышала обрывки их разговора: Лео убежден — или притворяется убежденным, — что американцам поручено проводить над нами психологические опыты. Мне известно, что между Павлом, Лео и остальными произошла размолвка, но точно ничего не знаю...

15 сентября. Сегодня вечером я хотела отправиться на другую половину станции, но Лео остановил меня, схватив за запястье:

— Куда собралась в таком виде?

— Решила пообщаться с остальными, — ответила я.

Лео перевел Павлу мои слова, а тот посмотрел равнодушным взглядом, от которого у меня заледенела кровь, и молча кивнул. Тогда Лео сказал:

— И речи быть не может! Ты останешься здесь.

19 сентября. Дела идут все хуже. То один, то другой отпускает в мой адрес сальные шуточки, делает двусмысленные предложения, пытается меня лапать... Я сорвалась на Павла, а он наорал на меня

— почище Лео, так что я ушам своим не поверила, побледнела и задрожала. А он выплюнул мне в лицо:

— Думаешь, я не понимаю, что ты пытаешься сделать? Расскажешь кому-нибудь о том, что здесь происходит, станешь «жертвой» несчастного случая...

21 сентября. Я смотрю в иллюминатор, как на вогнутом горизонте поднимается солнце. Оно подобно огненной черте с шаром в центре и напоминает ядерный взрыв. Цвет неба переходит от густо-лилового к бледно-розовому, а земля оранжевая там, где на нее падает свет, и коричневая в тени. Солнечный свет льется через иллюминатор внутрь модуля. Глаза застилает пелена слез.

23 сентября. Все кончено. После случившегося пути назад нет. Game over. Вечером Лео и Павел накачались вусмерть. Это был день рождения Павла. Они достали припрятанные в разных местах бутылочки водки — все космонавты ухитряются провозить «контрабанду», несмотря на строжайшую проверку всего багажа перед стартом! — и выпили их через соломинку. На борту всё пьют через соломинку...

В какой-то момент они стали как-то странно на меня поглядывать. Я вспомнила, что оба весь день выглядели как заговорщики, и почему-то испугалась. Взгляд у Павла и Лео был остекленевший. Я не хотела пить, но они заставили меня чокнуться за сорок третий день рождения Павла. Их шуточки становились все более сомнительными, а взгляды — липкими. Я решила уйти спать, и тут Лео вдруг сказал:

— Ты прав, она шлюха, переспала с половиной Звездного городка... А ты «отметился», Павел?

Тот покачал головой.

— Да она же с первого дня на станции пытается тебя завлечь! — не успокаивался Лео. — Она ни одного мужика не пропускает... Ведет себя, как те телки, что напяливают мини-юбки и стринги, напиваются, флиртуют, целуются, а потом вдруг «зажигают красный свет»: «Прекрати, не хочу, ты меня неправильно понял, я не собиралась ложиться с тобой в койку, нет-нет, все и так зашло слишком далеко...» Лицемерные мерзавки манипулируют нами,

распаляют, а потом динамят... Их это забавляет, они думают, им все дозволено, а мы не имеем права реагировать по-мужски... ХОЧЕШЬ ЕЕ ТРАХНУТЬ, ПАВЕЛ?

Я испугалась. Павел смотрел на меня, не отрываясь. Я снова попыталась уйти, но Лео схватил меня за запястья. Я сказала, что буду кричать и что меня услышат на другом конце станции. Я хотела заорать, пыталась вырваться, но Лео держал меня за пояс, а Павел зажимал рот потной, пахнувшей металлом ладонью. Все это напоминало какую-то дикую фантасмагорию — ведь мы плавали в невесомости.

Думаю, то, что случилось дальше, может сильно продвинуть вперед их гребаную науку: два допившихся до чертей негодяя доказали, что в невесомости можно совершить изнасилование, если действовать на пару.

Все кончено. Finita la comedia. Утром, во время сеанса связи, обе стороны произнесли немало резких слов. Звучали угрозы, и американцы, и второй русский потребовали, чтобы меня немедленно отозвали.

Когда Лео и Павел явились за мною, чтобы увести назад, эти трое повели себя безупречно, не дали меня в обиду, а потом один из американцев и русский даже сходили за моими вещами.

ЦУП в растерянности.

Работа станции основана на четком распределении обязанностей и зависит от того, насколько точно работает каждый член экипажа, а наша жизнь превратилась в хаос. Командование наверняка больше всего на свете боится, что историю не удастся замять, но я впервые за долгое время чувствую себя в безопасности.

32. Освистывание

— Просыпайся! Просыпайся, дрянь!

Он дал ей пощечину — ударил еще сильнее, чем в первый раз. Кристина открыла глаза, но не смогла сфокусировать взгляд. Еще один удар по потной щеке:

— Приди в себя! Давай, очнись! Где ты, детка? Ну, ты меня и напугала!

Он попытался усадить ее, но она вдруг икнула, перегнулась через край кровати, и ее вырвало.

— Какая гадость, малышка!

Он отодвинулся, спрыгнул с кровати, ушел в ванную и вернулся со стаканом воды в одной руке и таблеткой в другой:

— Неудачный «приход», крошка? Вот, глотай. Успокоишься, будешь спать без задних ног... Черт, ну и напугала же ты меня!

Он положил ладонь ей на затылок и приказал:

— Открой рот.

Кристина подчинилась — кетамин недаром называют «наркотиком насильников». Он положил таблетку ей на язык, и она жадно выпила всю воду.

— А теперь поспи, — и он подложил ей под спину подушки, чтобы она, в случае чего, не задохнулась рвотными массами: эта женщина должна закончить свои дни иначе. Дождавшись, когда успокоительное подействует, он принес из ванной мертвое тельце Игги, взглянул с порога на устроенный в номере разгром и закрыл за собой дверь.

7 ДЕКАБРЯ — ПАРИЖ.

В Руасси идет дождь. Меня никто не встречает. Само собой. Случилось то, чего я боялась. Допросы, комиссия по расследованию происшествия. Я несколько недель провела в изоляции, в одной из квартир в Звездном городке. Они задавали мне вопросы, много вопросов, и лица у них при этом были враждебные и суровые, а голоса звучали визгливо и резко. Все были настроены скептически и в конце концов пришли к выводу, что я все выдумала. ПАРАНОИДАЛЬНЫЙ

ПСИХОЗ — такой диагноз мне поставили. Ответственные лица назвали смерть Сергея трагическим несчастным случаем, а мой рассказ о происшествии на орбите — смехотворным бредом мифоманки и попыткой дискредитировать Лео и Павла.

Русская полиция закрыла дело. Меня заставили пройти психиатрическое освидетельствование в Институте медико-биологических проблем. Болваны-докторишки решили все заранее. Представитель Европейского космического агентства позвонил мне в Москву и ясно дал понять, что все кончено. Во мне что-то сломалось. Лео никак не наказали, он остался в программе, хотя, как я поняла, русские были не слишком довольны. Я уничтожена...

У меня нет ни работы, ни будущего, и я БЕРЕМЕННА...

Сервас закрыл дневник. Так вот что произошло на станции! *Изнасилование...* В космосе. Такого Мартен вообразить не мог. Он снова спросил себя, почему Мила сохранила ребенка. Скорее всего, когда Лео пригрозил, что убьет и ее, и ребенка, если она не сделает аборт, душа несчастной женщины возмутилась. Никакой паранойи у нее, конечно, нет, это доказывает «рецидив» Фонтена, который довел до самоубийства Селию Яблонку. Никто не сопоставил два этих случая, ведь уголовное дело не открывали. А если б и открыли, ни один сыщик не сумел бы связать одну историю с другой. Не сумел бы — без помощи провидения.

Или осведомленного человека...

Кто прислал Мартену ключ и фотографию? Мила? Не похоже — она искренне удивилась, когда он об этом заговорил. Кроме того, она живет, отгородившись от мира, одна, с маленьким сыном. Даже если Болсански известно о самоубийстве Селии — история была громкая, — о ее романе с Леонардом Фонтеном она вряд ли знала.

Что ж, личность анонима сыщик вряд ли выяснит, но зато он знает имя виновного. Только это сейчас и важно. Привлечь Фонтена к ответственности будет крайне трудно, почти невозможно: ведь российский суд его оправдал. Космонавт умен и хитер, так что запугать его не удастся.

Значит, нужно его переиграть. Стать дьявольски хитрым. Полицейский положил дневник на одеяло и откинулся на подушки. Сна не было ни в одном глазу. Он чувствовал, что наконец вернулся,

чувствовал себя *живым*. Ему предстоит сражение. Скорей бы наступило утро... Он взглянул на улыбающуюся с ночного неба луну и стал ждать рассвета.

АКТ 2

*О, как больно
вы мне делаете,*

*Как больно,
как больно!*

*Ничего,
ничего.*

*Я чуть не
умерла... Ничего,
все быстро
пройдет.*

*«Мадам
Баттерфляй»*

33. Королева ночи

Она открыла глаза. В комнате было совсем темно.

— Кто тут?

— Тс-с-с!

— Это ты, Мадлен?

— Да.

— Я испугалась!

— Говори тише, Крис. Чего тебе бояться?

— Зачем ты пришла?

— Ш-ш-ш... Можно я сегодня посплю с тобою?

— Конечно, можно.

— Спасибо, малышка. Я люблю тебя, ты ведь знаешь... Давай поцелуй меня и засыпай.

— А почему ты хочешь остаться здесь?

— Ну, мы с тобой давно не спали в одной кровати... Я соскучилась... А ты разве нет?

— Это из-за папы?

— Что-о-о?

— Ты из-за него пришла?

— Что за глупости ты болтаешь?

— Не хочешь, чтобы он тебя нашел?

— Крис...

— Я его видела.

— Когда?

— Прошлой ночью...

— Что ты видела?

— Как он заходил в твою комнату.

— Ты кому-нибудь сказала?

— Никому!

— Слушай меня внимательно, Крис: ты не должна говорить об этом маме, поняла? Никогда.

— Почему?

— Хватит задавать вопросы! Дай честное слово, пожалуйста.

— Ладно, Мэдди, только не сердись.

— Папа спал в моей комнате, потому что мне приснился кошмар, только и всего.

— Что с тобою, Мэдди?

— О чем ты?

— Ты плачешь?

— Вовсе нет!

— Значит, если мне приснится кошмар, я тоже могу позвать папу?

— Боже тебя упаси, Крис... *Никогда*, ты меня слышишь? ОН НЕ ДОЛЖЕН СПАТЬ В ТВОЕЙ КОМНАТЕ. НИКОГДА! Поклянись.

— Но почему?

— Клянись!

— Ладно... ладно... я обещаю...

— Если увидишь плохой сон и испугаешься, придешь ко мне, ладно?

— Ладно...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Мэдди.

Она открыла глаза... Пришла в себя... Ей не тринадцать, а тридцать два... Дневной свет просачивается через шторы, все лампы зажжены. Гудят машины. Она зевнула. Господи, как болит голова... И живот. Все болит. Как будто стадо слонов на ней оттопталось. Она взглянула на потолок — и опустила глаза.

34. Лирическая драма

ЭТО... ЭТО невозможно... они не могли так поступить... Что?..

Подожди, Крис, подожди. Не смотри... Не смотри на это, старушка... Иначе увиденное отпечатается на сетчатке и ты никогда этого не забудешь. Не смотри. Пожалуйста.

Она не послушалась. Посмотрела. И ее мозг взорвался и начал завывать, как помешавшийся телефон. Прямая линия с коммутатором безумия. Иным словом увиденное не назовешь. Сумасшествие. Психоз. Извращение.

Еще один шаг к ее собственному безумию. Они ведь этого добиваются, не так ли? Воображения им не занимать; они создали вокруг нее ад, видеть который могла только она, этакий утонченно-изошренный кошмар. Из лекарственного сна Кристина вынырнула, чувствуя себя разбитой, с воспоминанием об ужасном сне, а потом увидела засохшие желтые пятна на простыне и поняла, что кошмар был реальностью. Взгляд скользнул ниже — и череп словно бы раскололся надвое. В буквальном смысле слова. Она не закричала, не заплакала — она вообще не смогла издать ни звука. Завыл ее разум. Труп Игги... *Он лежал у нее между ног.* С песика сняли воротник-воронку, ему закрыли глаза, но резаная рана на шее не оставляла никаких сомнений.

Кровать была усеяна содержимым мини-бара: пустые бутылочки из-под водки, арахисовая скорлупа, пивные жестянки, чипсы. Поверх всего этого вывалили мусор из урны в ванной, и даже пальцы у нее на ногах были запачканы какой-то липкой дрянью. Женщина начала судорожно сучить ногами, как будто хотела стряхнуть скорпионов.

Ее трясло, зубы у нее выбивали дрожь, и она, выскочив из кровати, ринулась в ванную, с трудом удерживая рвоту, хотя ее желудок был пуст. Рот наполнился горькой, как желчь, слюной.

Спустив воду, Кристина пошла назад. На пороге ей в нос ударила вонь — невообразимая смесь запахов: алкоголь, засохшая кровь, сперма, рвота, пот с легкой примесью хлороформа... Женщина

пошатнулась под ударом этой обонятельной агрессии и отступила назад.

Сначала нужно очиститься от того, кто ее запачкал...

Штайнмайер встала под душ — сперва вода была ледяной, а потом стала обжигающе горячей, — намылилась и принялась яростно оттирать тело губкой. Она терла снова и снова, скребла себя ногтями, вымыла голову и начала чистить зубы, так что из десен пошла кровь, а потом долго полоскала рот антисептическим средством.

Ей хотелось стереть все следы Другого, все следы того, что ОН сделал, что оставил на ней. Вот только то, что попало *внутри нее*, смыть было невозможно...

«Я — ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ».

Воспоминание об этой фразе было подобно пощечине. Женщина окаменела. Ноги у нее подкосились, и ей пришлось ухватиться за раковину. Он действительно произнес эти слова или они почудились ей в наркотическом угаре?

«Это просто глюк, подружка, вроде потолка, что отъезжал вверх, менявшей цвет комнаты, поляны...»

Нет... Это был не глюк, а *жестокая реальность*. Она все еще слышала голос у себя в ухе — тот же самый, что по телефону.

«Глупости!.. Ты была в улете, не забыла?»

Нужно сделать тест... Пойти к врачу... Нужно...

«А Игги? Его ты куда денешь?»

От этой мысли у Штайнмайер снова скрутило кишки. *Игги...* Нельзя бродить по коридорам с мертвым псом на руках! А если оставить Игги здесь, горничная его найдет. Может, положить трупик в чемодан? И что дальше? Не выбрасывать же любимую собачку в помойку, как обычный мусор... В голове промелькнула новая мысль: *«Никакого теста, никакого врача, никакого чемодана...»* Журналистка не стала отмахиваться от неожиданной идеи. Думать об этом было все равно что идти по тонкому льду, но она больше не чувствовала страха. Разве в Писании не сказано — «не бойтесь убивающих тело»?^[67] Внезапно все прояснилось. Почему бы и нет? С самого начала все именно к этому и шло.

Женщина села за стол, оторвала листок от блока с логотипом отеля и написала несколько фраз, но рука у нее так сильно дрожала, что пришлось повторить попытку. Покончив с одним делом, она

взялась за другое. Пошла в ванную и, из последних сил сдерживая рыдания, разложила на полу два пахнущих лавандой полотенца.

Потом пошла за *ним*. Просунула ладони под безжизненное тельце со слипшейся шерстью и подняла его, поддерживая локтем голову песика, чтобы та не оторвалась. Положила Игги на пол душевой кабины, взяла шланг и пустила воду. Она долго смывала кровь и экскременты, потом намылила шерстку шампунем и еще раз ополоснула собаку, стараясь не смотреть на жуткую рану на ее шее. Теперь песик выглядел так, как будто искупался в море и уснул. Хозяйка переложила его на чистые белые полотенца (по какой-то непонятной причине ей казалось, что здесь уместен только белый цвет), взяла расческу, включила фен и окончательно привела Игги в порядок.

И только после этого закричала.

Она кричала, как безумная. Орала, пока не лишилась сил. Затем сползла по стене на пол, молотя ногами по воздуху, как будто отбивалась от невидимого врага.

Она посмотрела вниз. Три высоких этажа... Голова кружилась, ноги дрожали... И не только ноги — руки, пальцы, живот вибрировали, как натянутая на барабан кожа. Она снова посмотрела под ноги и тут же об этом пожалела. Стоявшие внизу машины выглядели игрушечными, по улице шли люди — крошечные человечки перебирали ножками и топали по своим делам, — а она стояла на карнизе, прижавшись спиной к стене и все еще держась одной рукой за раму окна.

Казалось невероятным, что ее до сих пор не заметили, но было ясно, что с минуты на минуту кто-нибудь поднимет голову и тогда...

Она сделала глубокий вдох. *Чего ждешь? Прыгай...*

Ветер завывал в ушах, а город вибрировал-гудел-жужжал, сочась энергией и жаждой жизни. Сколько людей думают о ней в этот момент — помимо тех, кто хочет, чтобы она прыгнула? Что она оставит после себя? Кто будет ее вспоминать? Единственный верный спутник жизни лежит мертвый на полотенцах в ванной, где его и обнаружат служащие отеля и полицейские. После ее падения. Прощальная записка была

короткой: *«Похороните Игги в Бомон-сюр-Лез, на кладбище животных. Обратитесь к Клэр Дориан».*

Кристина застонала. Она чувствовала ужасающее, запредельное одиночество в центре города, где живут семьсот тысяч человек, — и понимала, что прыгнет. Сделает *это*. Дело за малым — собрать жалкие остатки мужества.

И тут в голове снова зазвучал голосок: *«Давай, прыгай... Но учти — если прыгнешь, никогда не узнаешь ни кто, ни почему... Разве тебе не хочется узнать? Собираешься умереть, не поняв интриги этой истории?»*

Впервые за все время женщина с невероятной ясностью осознала, что голос, много лет звучавший у нее в голове, принадлежал ее сестре. Мадлен... Мадлен, тайно повзрослевшей внутри ее собственного существа, Мадлен, которая поучала, раздражала своими наставлениями, требовала к себе внимания — совсем как живая Мадлен в их детстве. Новая Мадлен, желающая ей добра, возможно, единственный человек на земле, который ее по-настоящему любит. И у этого человека были другие планы насчет судьбы младшей сестры.

Кристина долго сидела, застыв в неподвижной позе — спиной к перилам, свесив ноги в комнату — и смотрела перед собой пустым взглядом. А когда она вынырнула из этого транса, то поняла, что *стала другой*.

Кристина, пытавшаяся отражать удары и понять, искавшая помощи и нашедшая опору в бездомном алкоголике, исчезла.

«Ты не нуждаешься в поддержке. Сама справишься. Тебе нужно одно — ярость, что разгорается в твоём сердце».

Да. Она придвинулась к окну и осторожно, скребя ногтями по шероховатой поверхности стены, скользнула назад в комнату — в тот самый момент, когда один из прохожих наконец заметил что-то неладное и указал на нее пальцем.

Женщину накрыла «возвратная волна» страха. Слава богу, она сумела остановиться, пусть и в последний момент. Кристина промерзла до костей, но виноват был не только ледяной ветер. Она с ужасом думала, что могла бы сейчас лежать на тротуаре с переломанными костями и обратившимися в кисель внутренностями. Но она удержалась — и почувствовала, что возродилась, полная

решимости действовать. Они хотят ее смерти? Очень хорошо. Прекрасно. Она, может, и умрет, но уж точно не убьет себя сама. Они за все заплатят... Тот, кто не боится смерти и питается ненавистью, превращается в очень опасного противника. В припадочного камикадзе. В Кристине произошли глубинные изменения, она теперь понимала все гораздо яснее. Плевать на смертельную опасность! Они совершили ошибку — разбудили сущность, долго находившуюся в анабиозе внутри нее. Палачи, сами того не ведая, закалили ее, дотянули до момента, когда ее сила и ярость слились воедино и вырвались наружу. Они вполне могли преуспеть с человеком послабее, с тем, кто отчаялся и позволяет собой манипулировать, но Кристина сделана из другого материала.

«Ты сильная, гораздо сильнее, чем они думают, чем думаешь ты сама, сестричка». Мадемуазель Штайнмайер обрела первозданную чистоту: мучители отняли у нее все и терять стало нечего.

Луч солнца вырвался из-за свинцовых туч, осветив пол у ее ног, и над красным ковром закружилась золотистая пыль. Лучик переместился на пустую корзинку Игги, и она все-таки заплакала.

Но эти слезы не были проявлением слабости.

Кристина закрыла чемоданы и покинула номер. Спустившись в холл, подошла к стойке портье и спокойно дождалась своей очереди.

— Вы нас покидаете? — удивился дежурный администратор. — Мы надеялись оказать вам гостеприимство на несколько ночей... Что-то не так?

— Все просто замечательно, — ответила женщина. — Я возвращаюсь домой. Рабочие сотворили чудо — все починили. С утечками покончено.

Портье бросил на постоялицу удивленный взгляд: заселяясь, она сказала, что к ней в квартиру залезли воры, и поэтому ей придется поменять замки.

— Рад за вас... — протянул он неуверенно.

— Запишите на счет мадам Дориан.

— Конечно. Вы пользовались мини-баром?

— Да. Включите все в тот же счет.

А потом Кристина шла по улицам Тулузы, везя за собой чемоданы. Ее дом был недалеко, и спускаться в метро не хотелось.

Мертвый Игги весил немного, а торопиться ей было некуда.

«Все это прекрасно, — произнес голос Мадлен, — но с чего ты начнешь?»

Она знала, с чего следует начать. Это же так очевидно. Никакой альтернативы...

На рассвете Сервас был на месте. Он сидел в машине, напиваясь адреналином. Читать дневник полицейский закончил за полночь, после чего принял душ, оделся и спустился вниз, чтобы сварить на кухне крепкий кофе и залить его в термос. Со стоянки он выехал, не зажигая фар.

Мир просыпался. Тысячи дорогуших кофеварок булькали в огромных кухнях богатых домов, принадлежащих инженерам, техникам и руководителям аэрокосмической промышленности. Невыспавшиеся мелкие сошки, трудяги пунктов оплаты дорожной пошлины на национальных шоссе, готовились к встрече с их седанами, спортивными купе и кроссоверами последней модели. Сервас въехал на холм, припарковался на краю поля и налил себе кофе — весьма средний на вкус. Он увидел, как в доме зажегся свет, и подумал, что такое здание мог бы спроектировать сам Мис ван дер Роге: набор бетонных кубов с большими прямоугольными окнами и застекленными балконами со стороны бассейна. Рядом находилась маленькая конюшня. Вокруг, за белой оградой, простиралась луга. Полная луна — пухлощекая, вечная — снисходительно взирала на пейзаж, небо на востоке медленно светлело, купы деревьев оставались черными, а холмы окрасились в темно-голубой цвет.

В освещенном окне появился силуэт, и Мартен взял бинокль. *Он...* Половина седьмого утра, «жаворонок». Сыщик смотрел, как мужчина в халате спокойно пьет кофе, сидя у окна. Папарацци и соседи его явно не волнуют. Затем хозяин дома перешел в другую комнату, зажег свет и следующие полтора часа провел за компьютером. Небо постепенно светлело, и из темноты медленно, как театральная декорация, выплывал окружающий пейзаж. Сервас сдал назад, за деревья, взял термос и вылез из машины. Холодный воздух обжег ему щеки. Он поежился, поднял воротник, перешагнул через электрическую изгородь и побрел по тающему снегу к холму, поросшему высокой мокрой травой. Больше всего на свете ему сейчас

хотелось закурить, вдохнуть полной грудью горьковатый дым, «отравиться».

В 7.28 солнце наконец выкатилось на небо, и его косые бледные лучи осветили замерзшие окрестности. Через полчаса распахнулась застекленная дверь в передней части дома, и Леонард Фонтен вышел на деревянную террасу — босиком, несмотря на холод. Сервас настроил бинокль и увидел вьющийся над чашкой в его руке дымок и горящую на полу подсветку.

Фонтен допил кофе и пошел вдоль бассейна к пул-хаусу, ^[68] ступая осторожно, чтобы не оскользнуться на плитке. Зажег свет, вошел, и в тишине зимнего утра раздалось урчание электрического мотора. Плавающие жалюзи, прикрывающие чашу бассейна, начали медленно сворачиваться. Мартен был заморожен происходящим и чувствовал себя вуайеристом, подглядывающим за красивой женщиной.

Не собирается же он плавать...

Полицейского ждало новое потрясение: космонавт вышел из пул-хауса голым, присел на корточки, чтобы отключить охранную систему, и ровно через секунду нырнул, пробив тонкий ледок на поверхности воды.

Ну ничего себе!..

Кроль, спина, баттерфляй. Целый час без остановки, как заведенный. Судя по тому, что над водой поднимался пар, бассейн был с подогревом. Утро выдалось ясным, солнечный свет заливал долину, но Сервас успел промерзнуть до костей. Наконец Фонтен закончил тренировку и вернулся в дом, а сыщик воспользовался моментом, чтобы оглядеть окрестности. Соседняя ферма находилась метрах в пятистах от владений космонавта.

Леонард появился на улице в толстом свитере, брюках-галифе и сапогах для верховой езды и направился вдоль белого забора к конюшне. Минут через пятнадцать он появился в воротах, ведя под уздцы великолепную лошадь, и, с невероятной легкостью вскочив в седло, поскакал к холму. Мартен сообразил, что может не успеть вернуться в машину, и его пробрала дрожь, но все его сомнения заслонила мысль о том, что дом теперь пуст, а хозяин будет отсутствовать минут тридцать, не меньше. Майор знал, что у космонавта есть семья — жена и двое маленьких детей, — но этим утром он явно был один в доме. Искушение провести разведку было

очень велико, но стоило подстраховаться, ведь следы на снегу сразу заметят.

Если только... если только не поставит машину перед дверью... Фонтен увидит, что кто-то приезжал в его отсутствие и уехал, не застав хозяина, но не узнает, кто именно. Он человек публичный, так что посетителей у него наверняка бывает много.

Сервас смотрел на дом и не видел ничего, хотя бы отдаленно напоминающего охранную систему — не было даже прожектора с датчиком движения. Вокруг было тихо, скованная холодом природа застыла в неподвижности, и людей полицейский тоже не заметил. Он прекрасно понимал, что, если войдет без ордера («по-мексикански», как говорят легавые) и его застукают, на карьере можно будет поставить большой жирный крест. Может, начать подыскивать место охранника уже сейчас? *Для начала можно постучать в дверь.* Это ни к чему не обязывает. Майор добежал до машины по заснеженному полю, скользнул за руль и тихонько тронулся с места. Он медленно спустился по дороге к аллее позади дома, обогнул два вековых дуба и заглушил двигатель перед крыльцом.

Ладно, что дальше?

Вдруг жена и дети все-таки дома и спокойно спят в своих постелях? Готов ли он сказать этой женщине: «Ваш муж — чудовище, опасный сумасшедший»? Мартен вышел из машины, еще раз взглянул на холмы и зимний пейзаж и выдохнул облачко пара. Его пульс слегка участился. Он поднялся на две ступеньки и позвонил. Внутри было тихо, и большой палец Серваса снова надавил на кнопку. Нет ответа. Дверь как будто дразнила его: *«Ну давай, чего ждешь?»* На дереве за спиной у сыщика неожиданно громко каркнула ворона, и он вздрогнул.

Давай, сделай это. Докажи, что жив и все еще кое-что можешь...

Когда-то давно один вор показал Сервасу, как за тридцать секунд открыть любую дверь. Замок, с которым ему предстояло справиться, был на вид несложным, но в доме могли быть установлены детекторы движения. Если Фонтену есть что прятать, он вряд ли устроил тайник там, куда так легко проникнуть. Мартен спросил себя, что, собственно, надеется найти. Времени покопаться в компьютере у него точно не будет, и в бумаги он заглянуть не успеет. Сыщик взглянул на замочную

скважину: выглядит совсем новой. Тем лучше. Окисление и грязь могут заблокировать ход шплинтов в замке.

Что ты пытаешься доказать? Мужчина вернулся к машине, открыл пассажирскую дверцу, залез в бардачок и достал связку с дюжиной ключей, завернутую в мягкую тряпку. Ключи были не обычные, а так называемые «ударные»: взломщики используют их, чтобы зацепить шплинты. По логике вещей для каждой марки замка должна была бы требоваться своя отмычка, но на практике, чтобы открыть добрую половину моделей, хватало и десяти. Мартен приступил к делу. На восьмом ключе он все еще не преуспел и весь взмок, девятый же чуть не выскользнул у него из потных пальцев, зато подошел. Есть! Дверь распахнулась, и сыщик увидел длинный коридор.

Сервас взглянул на часы: Фонтен отправился на верховую прогулку четверть часа назад.

Стены из навощенного бетона, без единой картинки или фотографии, и пол антрацитового цвета выглядели просто великолепно. Никакой мебели. Ни одного детектора движения в пределах видимости... Полицейский решил и пошел вперед. Справа он заметил ванную, словно бы сошедшую со страниц дорогого каталога — душевая кабина, галечный пол. Все здесь было очень простым (дорогая простота!) и... исключительным.

Мартен двинулся дальше — и вдруг замер, даже перестав дышать. Миска на полу... Пустая. И большая... *«Большая миска — большая собака...»* — подумал Мартен и почувствовал, как по спине его пробежал холодок. Он ненавидел собак. Как и лошадей. Можно было развернуться и уйти — пока не поздно... Но все же он вошел в гостиную. Высоченный потолок, черно-белая гамма в отделке, абстрактные полотна на стенах, хай-течный письменный стол перед небольшим книжным шкафом, огромный плазменный телевизор над таким же огромным камином, работающим на биоэтаноле: веселый огонь плясал на гальке... Через балконную дверь виден бассейн. Справа — дверь в спальню. Никакой сигнализации... Но собака... *Где же живущий здесь пес?* Сервас несколько секунд постоял неподвижно, оглядываясь по сторонам. Ажурные ступени из светлого дерева как будто висели в воздухе — они вели на антресоли, нависающие над кухонной стойкой. Он поднял глаза...

И увидел ее.

Большую сторожевую собаку. Породу он определить не сумел, но голова у пса была массивной, а морда — плоской. Чудовище мирно дремало на верхней площадке лестницы, но размер его клыков не оставлял сомнений: домашний питомец Фонтена принадлежал к семейству молоссоидов. Вывели эту породу древние греки, подарившие Александру Великому щенка, способного разорвать на куски льва. Питбули, ротвейлеры, бульдоги и другие им подобные мерзкие твари со стальной хваткой и маленькими злобными глазками были потомками тех древних собак. Сыщик похолодел. Если пес откроет глаза, он мгновенно увидит чужака. У майора пересохло в горле, и во рту не осталось ни одной капельки слюны...

Вали отсюда, болван, развернись и ступай по коридору на цыпочках... пока не поздно...

Малейший шорох, одно неосторожное движение — и сторож проснется. Да еще с минуты на минуту может вернуться Фонтен... *Беги!* Сервас прокрался в кабинет. На столе, рядом с включенным компьютером, лежала стопка малоинтересных бумаг. Незванный гость оглянулся на собаку и бесшумно открыл ящики стола — один за другим. Однако не нашел там ничего, кроме счетов, квитанций и пустых конвертов... Ничего! Полицейский наугад снял с полки несколько книг и тут же поставил их на место, снова покосившись на собаку. Тоже мне сторожевой пес — и ухом не повел! Сервасу показалось, что он даже слышит легкое похрапывание... В голове у него «фонило», как в колонках компьютера, когда рядом находится другой электрический аппарат. Ему показалось, что вся кровь прихлынула к ногам. *Уходи немедленно, не трать время попусту...*

Мартен быстро обошел кухню, мельком взглянув на огромный холодильник цвета «серый металлик», индукционные плиты, прозрачные шкафчики и календарь с надписью «Почта Франции», и продолжил осмотр в спальне. Эротическая литография на стене. Комод. Пухлое покрывало из буклированной шерсти. Шкафы... Майор открыл дверцы одного из них — на вешалках висели пиджаки и рубашки (в голову почему-то пришла мысль о вымокших штанинах собственных брюк: *нельзя оставить следы*) и несколько комплектов формы с погонами; на полке лежала летная фуражка. Как и

большинство космонавтов, Фонтен был летчиком-истребителем и командиром эскадрильи, прежде чем прийти в Агентство.

На тумбочке у кровати лежала книга.

Сервас подошел ближе, прочел название и оторопел: «Порочность в действии, моральное преследование на работе и в семейном кругу». На обложке была изображена колючая проволока. Книга была оставлена на видном месте. Она могла заинтересовать как тех, кто пытается защититься от извращенцев, так и самих извращенцев.

Мартен почувствовал себя всемогущим — так бывает с любым сыщиком, взявшим след, — но тут же ударился в панику, взглянул на часы и обнаружил, что хозяин дома отсутствует уже двадцать пять минут. *Смывайся, рви когти — сию же минуту!* Резкий звук разорвал тишину, и полицейский подпрыгнул, как будто ему под ноги бросили петарду. Телефон! Через минуту в гостиной включился автоответчик. «Оставьте сообщение после сигнала...» Женский голос, очень напряженный: «Лео, это Кристина. Нам нужно поговорить. Перезвони мне».

Кто такая Кристина? Будущая жертва?

Собака... Наверное, звонок ее разбудил... *Уходи!* Сервас наконец внял воплю рассудка и тут почувствовал под ногами вибрацию, как от близящегося землетрясения. Что это? Возможно, включился котел в подвале или какой-то другой агрегат? Нет, это стук копыт посланной в галоп лошади...

Беги!

Мужчина ринулся в коридор и заметил боковым зрением, как приоткрывается один заспанный глаз «машины для убийства». Вибрация отражалась от стен, накрывая сыщика звуковой волной. Сервас был уже у двери, когда увидел, что по аллее к дому приближается машина. Проклятие! Кровь застучала в висках. Он оглянулся в сторону гостиной и заметил на лугу силуэт Фонтена. Машина остановилась «нос к носу» с его автомобилем. Попался, как крыса в ловушку!

Из машины вышла женщина, хлопнув дверцей. Через минуту она будет в доме! Господи, ну почему Мартен — не пожарный и не почтальон, явившийся за новогодними подношениями? *Почтальон...* Ну конечно! Это его последний шанс! Сервас вернулся в спальню, открыл дверцу шкафа, схватил фуражку, побежал на кухню, сорвал со

стены календарь и... *услышал цоканье когтей*. Он обогнул стойку и окаменел. Огромный пес медленно спустился по лестнице и, глядя на чужака исподлобья, пошел на него. Маленькие глазки блестели, как начищенные оловянные монетки. Громадная черная башка пса была самым страшным, что майор видел так близко — за исключением разве что пистолетного дула. Сыщику показалось, что его позвоночник превратился в соляной столб, а коленные чашечки решили расстаться с телом, и он подумал, что собака наверняка почует его страх. А это, если верить народной мудрости, «не есть хорошо»...

Пес зарычал и показал клыки. Низкий звук ударил Серваса в поддых. Он как загипнотизированный уставился на жуткий оскал зубов (ну чистая акула!), а собака, тоже не отрываясь, смотрела на него. Пятьдесят кило неразбавленной злости, готовые прыгнуть, вцепиться в глотку, порвать... Полицейский дрожал и потел, как свинья. Свинья на закланье...

— *Дархан!*

Зверь отреагировал на женский голос. Зов повторился: «Дархан!» — и он радостно потрусил к двери. «Благодарю тебя, милосердный Боженька!» — мысленно воскликнул Сервас. Больше всего на свете ему хотелось бежать в обратную сторону, но он справился с собою, схватил по пути кипу бумаг со стола, положил сверху календарь и оказался в дверях одновременно с женщиной и псом. Незнакомке было около сорока, она была одета со вкусом и явно уверена в себе — майор сразу отметил ее властную манеру держаться. Она замерла на пороге, и на ее лице появилось выражение недоверчивого недоумения. Мартен молился, чтобы она не опознала фуражку — и не заметила испарину у него на висках.

Он улыбнулся и показал ей календарь:

— Добрый день, мадам...

Его голос после всего пережитого испытания прозвучал удивительно спокойно, профессионально и на редкость твердо. Он быстро пошел мимо — пес посмотрел на него с подозрением, но не зарычал, — почувствовал спиной, что женщина обернулась, и спустился по ступеням к своей машине, ожидая оклика. Сбежать, как вор, он не мог — в этом случае дама почти наверняка запишет номер его автомобиля... Сердце майора билось, как загнанная лошадь. Он бросил фуражку и календарь на пассажирское сиденье, спокойно

обогнул машину, сел за руль и поехал по аллее. В зеркало ему было видно, что ни женщина, ни клыкастое чудовище его не преследуют. Она, должно быть, играет с собакой или сообщает Фонтену о визите подозрительного почтальона. Через несколько минут — или часов — хозяин дома обнаружит, что со стены в кухне сорвали календарь, а с письменного стола забрали бумаги. Позже он, возможно, заметит, что пропала его фуражка, и оба придут к выводу, что это была попытка ограбления — к счастью, неудавшаяся. Женщина наверняка не сообразила записать номер машины — ей это было ни к чему. Сервас счел, что ему повезло: из полиции его не выгонят, живая машина для убийства не разорвала его на куски, и он выяснил, что Леонард Фонтен интересуется темой преследования...

Она вышла из лифта и позвонила Илану:

— У тебя получилось?

— Да, — ответил ее коллега.

— Отлично. Можешь переслать мне на почту?

— Конечно. Кристина...

— Да?

— Как у тебя дела?

Женщина хотела было рассказать об Игги, но не стала.

— Все хорошо, — сказала она коротко. — Спасибо за запись.

— Держи меня в курсе.

— В курсе чего?

— Ну, не знаю... Того, что происходит...

— Угум...

Мадемуазель Штайнмайер открыла дверь и, как это ни странно, почувствовала облегчение: раз уж для нее не осталось ни одного безопасного места в этом городе, нет смысла скитаться по углам. В любом случае со страхом она рассталась — там, над пустотой.

Она быстро обошла квартиру. Ничего необычного. Ни CD с очередной оперой, ни других следов вторжения чужака. Она открыла один из чемоданов, вынула оттуда запеленутое наподобие мумии тельце Игги и отнесла его в ванную, после чего сделала еще один звонок.

— Слушаю вас... — ответил ей хорошо знакомый голос.

— Жеральд? — все же уточнила журналистка.

На другом конце провода замолчали.

— Я знаю, ты не хочешь со мною разговаривать, — решительным тоном произнесла женщина, — и понимаю, почему. Но все, что тебе рассказали, все, что ты принял за истину...

— *Принял за истину?* — немедленно ошетинился Ларше.

«Отлично! — обрадовалась Кристина. — Именно такая реакция мне и нужна. Прояви праведный гнев, ты ведь такой безупречный, такой непогрешимый, верно? Ты никогда не ошибаешься, дружок... Никогда или крайне редко... Ты всегда поступаешь именно так, как следует, то есть благоразумно... Ты — благоразумный человек, чертовски, дьявольски благоразумный...»

— То, что я принял за истину? — повторил мужчина, как будто услышал самую большую глупость на свете.

— Да. То, что принимаешь за правду, таковой не является. И у меня есть доказательство.

Тяжелый вздох в трубке:

— Господи, Кристина, о чем ты?

— Пораскинь мозгами, Жеральд! Подумай, что ты знаешь *точно*, а что только *предполагаешь*. Тебе известно, что люди часто отдают предпочтение информации, которая ближе всего к их собственным изначальным гипотезам? Это называется «склонность к подтверждению своей точки зрения»... Что скажешь, если я предоставлю тебе информацию, которая все меняет самым кардинальным образом?

— Кристина, я...

— Удели мне пять минут своего драгоценного времени, пожалуйста. Ты кое-что послушаешь и сам решишь, чему верить, а чему нет. После этого я оставлю тебя в покое. Навсегда — даю слово. Мне нужно всего пять минут; думаю, я это заслужила.

— Когда?

Штайнмайер выдохнула и назвала время и место. Закончив разговор, женщина вдруг осознала, что умоляющий тон, который она использовала в разговоре с Жеральдом, был на этот раз не более чем уловкой: она ломала комедию. Ее жених (бывший?) обожает мольбы... *Но больше она никогда никого ни о чем не будет умолять.*

Когда она вошла в кафе на улице Сент-Антуан-дю-Т и увидела Жеральда, вид у него был разгневанный и одновременно испуганный. «Он похож на мальчишку», — подумала Кристина.

— Привет, — сказала она вслух.

Ларше поднял голову, но не ответил. Женщина пододвинула стул и села напротив.

Она не дала себе труда накраситься, не попыталась быть соблазнительной, Кристина знала, что выглядит просто ужасно — волосы сухие, как солома, покрасневшие глаза обведены темными кругами, как у лемура, — но Жеральду, похоже, было плевать. Он хотел одного — побыстрее уйти.

— К Денизе приходила полиция... — заговорил он первым.

Кристина напряглась.

— По поводу стажерки, которую ты избила... Они показали ей снимки, — добавил Ларше.

— Я ее и пальцем не тронула, — спокойно ответила его собеседница.

— Тебе нужно лечиться, Кристина, ты больна.

— Вовсе нет.

Жеральд одарил ее неприязненным взглядом. Она включила смартфон и вошла в электронную почту.

— Помнишь письмо, которое бросили мне в ящик? — спросила Штайнмайер. — С него все и началось... Так помнишь?

— В полиции считают, что ты сама его написала...

— И зачем бы я стала это делать?

— Не знаю... наверное, потому, что ты... *больна*...

Кристина наклонилась к нему.

— Прекрати повторять эту чушь, черт бы тебя побрал! — рыкнула она.

Жеральд отшатнулся. «*Господи, он и вправду меня боится!*» — с удивлением подумала женщина.

— Надень наушник, — произнесла она подчеркнуто сухо.

Ларше кивнул с видом безнадежной покорности судьбе и подчинился. Кристина включила запись, которую прислал ей Илан: звонок неизвестного мужчины в прямой эфир. Ее собеседник слушал, опустив глаза и нахмурившись, а потом вынул наушник, но ничего не сказал.

— Ну что, этот звонок я тоже выдумала? — спросила журналистка.

Мужчина не ответил.

— Передача вышла в эфир двадцать пятого декабря — на следующий день после того, как письмо оказалось в почтовом ящике. Можешь проверить, подкаст все еще есть, — не моргнув глазом соврала Кристина. — А теперь объясни: если письмо написала я, как этот человек мог узнать о его существовании?

Жеральд упорно молчал, но выглядел уже не так самоуверенно.

— А если автор письма не я, как получилось, что звонивший знал не только о существовании письма — ему было известно его содержание! И это при том, что оно лежало в бардачке *твоей* машины?

Ларше покраснел.

— Возможно, это совпадение, — буркнул он. — Он говорит не о письме... а о некоем самоубийце.

— Побойся бога, Жеральд! — вспыхнула мадемуазель Штайнмайер. — Вот что он говорит дословно: *«Тебя не мучит тот факт, что ты позволила человеку умереть... Ты позволила человеку покончить с собой в рождественский вечер, а ведь он просил о помощи...»* Конечно, он говорит о письме! О чем же еще? Говорит вполне достаточно для того, чтобы понять намек могла только я!

Жеральд молчал, и она заметила на его лице тень сомнения.

— Ладно, ты права, он имеет в виду именно злосчастное письмо... Но то, что ты сказала Денизе... — пробормотал он уже менее уверенно.

— Дениза заявила, что я тебе не подхожу! Да, она меня разозлила, а как бы ты реагировал на моем месте?

— Еще был мейл...

— Я не посылала тот мейл и не писала то письмо, — сухо отрезала Кристина. — Ты что, правда не понимаешь? Он не только звонил на радио, но и влез в мою почту... и вломился ко мне. Чертов *сталкер*...

Теперь Ларше не просто удивился — он изумленно уставился на собеседницу и на некоторое время задумался.

— Когда? — спросил он наконец.

— Что когда? — переспросила журналистка.

— Когда он вломился?

— Ночью, когда я звонила тебе насчет Игги. Я нашла пса в подвале, в мусорном баке, и у него была сломана лапа. Игги лаял, скулил, и я решила, что звук идет из соседней квартиры, пошла туда среди ночи... Кстати, старая карга не преминула заявить полицейским, что я чокнутая.

— Как сейчас Игги?

— Игги умер.

— Что?!

— Его убили, Жеральд. И, к слову сказать, я не знаю, что делать с его телом. Оно все еще... в квартире. Не веришь — приходи и убедись сам.

Ларше пытался переварить полученную информацию, и Штайнмайер по его глазам поняла, что «благоразумнейшим из благоразумных» медленно, но верно овладевает паника.

— Господи, Кристина, нужно предупредить полицию! — воскликнул он.

Женщина издала горький смешок:

— Полицию? Да неужели? Ты же сам только что сказал, что легавые считают меня виновной! И сумасшедшей!.. Даже ты поверил, что я «избила бедняжку», чтоб ей провалиться!

Жеральд смотрел на нее округлившимися от тревоги и недоумения глазами.

— Что ты намерена делать?

— Узнать две вещи: кто и почему. Помочь в этом может только один человек...

Жеральд прищурился:

— Стажерка. Конечно... Чем я могу быть тебе полезен?

— Думаю, они за мною следят. Отправляясь сюда, я все время «проверялась». Надеюсь, им пока неизвестно, что мы снова общаемся.

— «Они»? Ты думаешь, что... Ну да, стажерка и тот тип...

— Я уверена, есть кто-то еще, а эти двое — мелкие негодяи, наемники, которые работают за деньги. У них нет причин ненавидеть меня, и — главное — без посторонней помощи они не добыли бы информацию...

— Есть идеи насчет того, кто это может быть?

Журналистка задумалась:

— Возможно... Нужно, чтобы ты последил за этой девкой.

— Перестань, Кристина, я же не легавый! Я не сумею!

Женщина посмотрела на гладкое лицо Ларше, его модные, строго-элегантные очки, отлично сшитое зимнее пальто и красивый шелковый шарф. Она вдохнула исходящий от него запах чистоты и аромат дорогого одеколona... *«Когда ты перестанешь быть благовоспитанным маленьким мальчиком, Жеральд, когда наконец повзрослеешь?»*

— От тебя требуется походить за нею день-два. Будешь звонить, если Корделия с кем-нибудь встретится, и сообщать, когда она будет дома одна...

— Где она живет?

— В Рейнери.

— Блеск! — Мужчина вдруг схватил руку Кристины и крепко сжал ее пальцы. — Прости... Мне очень жаль. Я должен был разобраться, прислушаться к тебе. Ужасно, что с Игги так вышло. Я попробую загладить свою вину. — Он улыбнулся. — Я согласен быть «филером». А типчики из Рейнери пусть поберегутся; они еще не знают, на что способен парень, выросший в районе парка Пеш-Давид!

Столь типичное для Жеральда бахвальство развеселило Кристину. Она догадывалась, что ему страшно, но он все-таки хотел ей помочь, быть рядом. Жеральд улыбался и вообще держался молодцом. Эта улыбка как будто говорила: *«Можешь на меня рассчитывать, я не храбрец, а самый обычный человек, но все сделаю ради тебя...»*

Штайнмайер ответила на его рукопожатие. Ей хотелось перегнуться через стол и поцеловать Жеральда, но пока она была не готова простить его.

— Позволь дать тебе один совет, — сказала она. — Переоденься, прежде чем отправишься на «охоту».

Сервас смотрел на самолеты, каждые пять минут взлетающие из промышленной зоны Бланьяка. Он ненавидел самолеты...

Его что-то тревожило. Дневник Милы лежал рядом, на пассажирском сиденье, и не давал ему покоя. *Почему все-таки она оставила ребенка?* Мартен вспомнил, как малыш в бархатной пижамке сидел у нее на коленях, доверчиво прижимаясь к ее груди. Любовь между матерью и ребенком «крепка, как смерть», связь между ними не разорвать. Полицейский безошибочно определил, что Милу и Тома

связывает именно такое чувство. *Почему она передумала, черт бы ее побрал?! Почему не сделала аборт?*

Сыщик перевел взгляд на здание из стекла и бетона, выстроенное во «взаимозаменяемом» стиле, который был так популярен повсюду — от Токио до Сиднея и Дохи. На крыше горели буквы названия — GOSPACE. Леонард Фонтен все еще находился внутри. Сервас достал телефон, чтобы позвонить Эсперандье.

— Венсан? Мне нужно кое-что еще, — попросил он, когда его коллега ответил на вызов. — Поищи среди недавно поданных заявлений жалобу некоей Кристины на жестокое обращение или преследование.

— Кристина? Фамилию случайно не знаешь? — спросил лейтенант, но затем, после паузы, добавил: — Ладно, забудь...

35. Бис

Интерн в отделении «Скорой помощи» выглядел очень молодо, гораздо моложе Кристины. Его темные волосы, черты лица и смуглая кожа наводили на мысль о восточном происхождении. Индус? Пакистанец? Да какая, к черту, разница... Похоже, ему тоже требуется отдых, а может, и лечение. Интересно, сколько часов бедняга не спал?

— Итак, — сказал он, бросив на пациентку короткий взгляд. — Вы сказали медсестре, что ночью у вас был сердечный приступ. — Он заглянул в карточку. — Судя по описанным вами симптомам, я склонен считать это обычной тахикардией.

— Я солгала, — заявила журналистка.

В глазах смуглого парня промелькнула тень удивления. Всего лишь тень — он явно не был новичком.

— В чем именно? — уточнил он невозмутимо.

— Это... деликатная тема...

Медик откинулся на спинку стула и поправил ручку в кармашке халата, изображая непринужденную расслабленность, хотя к дверям кабинета сидела длиннющая очередь:

— Рассказывайте...

— У меня был... сегодня ночью у меня был секс... незащищенный, — стала объяснять женщина. — Я выпила и...

— Наркотики?

— Да... — Штайнмайер изобразила лицом стыд за содеянное.

— Какие?

— Не имеет значения. Я здесь по другой причине. Из-за... *возможного заражения.*

— Понимаю. Хотите сдать анализ?

Пациентка кивнула.

— Я бы предложил тест ИФА^[69] — через три недели, раньше его делать бессмысленно, — пустился в объяснения интерн. — Второй — контрольный — тест делается через шесть недель. А сейчас мне нужно задать вам... э-э... ряд вопросов... Решить, какую схему лечения выбрать: стандартную постэкспозиционную профилактику^[70] или высокоактивную противоретровирусную мультитерапию, чтобы попытаться остановить инфекцию. Понимаете, о чем я?

— Думаю, да.

— Тогда начнем. Какой контакт имел место: оральный, вагинальный или анальный?

— Вагинальный.

— Анального точно не было? — переспросил врач.

— Нет.

— Что можете сказать о партнере? Вы хорошо его знаете?

— Совсем не знаю. Это был... незнакомец, понимаете? — ответила Кристина, покраснев от стыда.

— Как вы встретились?

— В баре... за два часа до секса.

На долю секунды у женщины появилось неприятное чувство, что собеседник ее осуждает.

— Извините за настойчивость, но я вынужден уточнить: знакомство произошло в баре, и вы подозреваете, что он мог быть ВИЧ-инфицирован? Как по-вашему, этот человек входит в группу риска? — спросил медик.

— Он занимался со мною сексом без презерватива, — сухо отрезала пациентка. — Мы не были знакомы, так что ответ на ваш вопрос: весьма возможно...

«*Не занимался сексом, а насильствовал!*» — задохнулся от возмущения ее внутренний голос. Она вспомнила, как *тот человек* прошептал ей в ухо: «Я ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ», — и внутренне содрогнулась. Молодой интерн стал пунцовым от неловкости, нахмурился и взял рецептурный бланк.

— Я выпишу вам несколько антиретровирусных препаратов — их нужно будет принимать в течение четырех недель. Потом вы сделаете перерыв на три недели и сдадите тест. У вас есть лечащий врач?

— Да, но...

— Послушайте, мадемуазель, меня не волнует частная жизнь моих пациентов, так что просто выполните предписания, договорились?

Штайнмайер кивнула.

— Все препараты принимаются во время еды, — стал рассказывать интерн. — Обязательно соблюдайте часы приема и дозу. Возможны побочные эффекты — диарея, тошнота, головокружение, —

но лечение прерывать нельзя. Ни в коем случае... Через несколько дней неприятные симптомы исчезнут.

— Я поняла.

— Если пропустите прием...

— Не пропущу.

— ...если пропустите, — продолжил он, — дождитесь следующего и не удваивайте дозу.

«Он наверняка считает меня совершенно безответственной или законченной идиоткой, — подумала Кристина. — Тетка моего возраста ложится в постель с незнакомцем из бара, трахается без резинки... И кто она после этого?»

— Если через полчаса случится рвота, снова примите таблетку, — говорил тем временем врач. — Я назначу вам серию анализов крови, чтобы выявить возможные осложнения.

Он поднял глаза, и журналистка прочла в его взгляде смущение и строгость.

— Имейте в виду: лечение не защитит вас от нового заражения. Ни вас, ни... вашего... э-э-э... очередного партнера... понимаете?

Все ясно. Он решил, что она нимфоманка. Однако внезапно выражение лица доктора смягчилось:

— Знаете, есть большая вероятность, что вы не заразились, так что прием лекарств — обычная мера предосторожности. Но даже если — не приведи господь! — ваши опасения подтвердятся, лучше пройти четырехнедельный курс, чем потом лечиться всю оставшуюся жизнь.

Они оба знали, что лекарственная терапия — не страховой полис и ничего не гарантирует, но Кристина кивнула в знак того, что поняла.

«ОТПОР». Название было написано над дверью. «Р» в форме автомата. Миленько... Она толкнула застекленную дверь, и вместо полицейской сирены, привычной для улиц Чикаго или Рио, раздалось вполне дружелюбное звяканье колокольчика.

Штайнмайер вошла и увидела запертые на ключ витрины, прилавки и стеллажи под армированным стеклом, заполненные лучшими образчиками смертоносного оружия, которое человек изобретал с начала времен. Огнестрельное: охотничьи и помповые ружья, пистолеты и револьверы категории Б — вороненая полированная сталь, мужественная и энергичная. Дробовики,

пневматическое оружие, шариковые пистолеты... Любые калибры. Оптика: приборы ночного видения, прицелы... Холодное оружие: кинжалы, метательные ножи, мачете, катаны, томагавки, топоры, «звездочки» ниндзя — сверкающие, прекрасные, тонкие, резные, почти произведения искусства... Подарочные варианты: мягкие игрушки, аптечки первой помощи и *ручки для самозащиты*... А еще арбалеты, рогатки, пращи, нунчаки, сарбаканы, дубинки... Даже фляги для энергетических напитков имели воинственные названия: «Монстр», «Гризли», «Темный лес», «Акула», «Калашников»... Большая часть товара — в свободной продаже. Сумасшедший дом...

Высокий бородатый толстяк был в той же бейсболке, что в прошлый раз. «Можно подумать, мы в каком-нибудь маленьком городке на Среднем Западе или на стенде Национальной стрелковой ассоциации. Этот тип — ходячий штамп, олицетворенная банальщина».

— Я могу вам помочь? — спросил мужчина по-мальчишески ломким голосом.

Запах пота все так же окружал его на манер газовой туманности, и Кристина невольно поморщилась.

— Очень на это надеюсь, — ответила она.

Продавец несколько секунд изучал лицо посетительницы, а потом задал следующий вопрос:

— Не чувствуете себя в безопасности, так? Всем нам нужно больше безопасности, — заявил он веским тоном. — Все мы жаждем жить в мире, где негодяев и преступников наказывают по закону, а полицейские защищают честных людей. Всем нам нужны покой и порядок. Увы, мир устроен иначе... Никто нас по-настоящему не защищает. Никто не помогает. Никто не заботится.

«Уж не имеет ли он в виду “я”, когда говорит “мы”?» — спросила себя журналистка.

— Значит, человек должен все делать сам, — продолжал между тем продавец. — Взять судьбу в собственные руки. Особенно если ты женщина в мире мужчин...

— Именно так, — поддакнула покупательница, подумав, что этот шут гороховый невольно изрек истину.

Собеседник послал ей многозначительный взгляд, словно хотел сказать: «Я сразу просек, дамочка, что мы найдем общий язык».

— Вы попали в нужное место, — горделиво заявил он.

— Да я уж вижу. — Кристина решила подольститься к нему. — А вот скажите: всем этим оружием можно торговать по закону?

— Да кладем мы с прибором на закон! — Продавец улыбнулся, извиняясь за грубое словцо, и женщина едва не хихикнула: ротик у мужика был крошечный и толстогубый, совсем как у карпа! — Где он, этот закон, когда мы в нем нуждаемся, а? Не беспокойтесь, все, что я вам покажу, можно на законных основаниях продавать «лицам после восемнадцати». Вам ведь уже исполнилось восемнадцать?

Надо же, у него и чувство юмора имеется... Толстяк подвел журналистку к витрине с огромными автоматическими пистолетами — в фильмах Джона Ву и Тарантино такими пользуются наемные убийцы.

— Стартовые и газовые, — пояснил он. — Убить из таких нельзя, но внешний вид впечатляет, согласны?

Сильнее всего такие игрушки впечатляют ювелиров и мелких торговцев, когда их приходит грабить мелкая шелупонь, подумалось Кристине.

— Интересно, но мне нужно не это, — сказала она и протянула продавцу листок бумаги. — Вот список.

— Что же вы сразу не сказали... — разочарованно прогундел тот. — Идемте.

Десять минут спустя мадемуазель Штайнмайер покинула магазин, приобретя слезоточивую гранату «Мейс», электрошокер на 500 000 вольт со встроенным LED-фонариком и телескопическую дубинку «Пиранья» из нержавеющей стали длиной 53 сантиметра с рукояткой из неопрена. Все это «богатство» толстяк уложил в спортивную черную сумку. Кристина зашла в бар выпить кофе, а потом спустилась в метро и поехала в сторону дома, чтобы зайти в москательный магазинчик и купить широкий скотч и каттер.

На выходе ожил ее мобильный. Это был Жеральд.

— Она дома, — сообщил он кратко. — Одна.

Кристина едва не расхохоталась, увидев его у выхода со станции Рейнери: бесформенная толстовка с капюшоном, широкие черные штаны-багги с мотней и кроссовки «Пума» с леопардовым принтом — все шмотки размера на четыре больше необходимого. На голове у

Жеральда была кепка «Снопбэк» с плоским красным козырьком, а довершали картину темные очки. Брюки его закручивались и сползали вниз, так что их края промокли от снега. Он напоминал карикатуру на рэпера из мультсериала «Южный парк».

— Откуда у тебя эти тряпки? — с ужасом спросила женщина.

— Йо, — ответил ее друг.

— Тебя выпотрошат, чтобы завладеть таким «богатством»!

— Не бойсь, мамашка, ты тоже отпадно выглядишь.

Штайнмайер подумала, что из-за нелепого прикида в Жеральде мгновенно вычислят чужака, и встревоженно оглянулась на дома за эспланадой и маленьким прудом. Снегопад прекратился, но от земли поднимался влажный ледяной туман.

— Кажется, те типы меня заметили. Наверное, принимают за легавого «под прикрытием», — сообщил ей Ларше. — Я настороже...

Женщина искоса взглянула на него и улыбнулась:

— Ни один полицейский не додумался бы до подобного маскарада... Она все еще одна?

Жеральд кивком указал на один из домов, рядом с которым мелькали те же подозрительные тени, что и в прошлый ее визит в Рейнери.

— Да, с малышом.

— Хорошо. Спасибо тебе, возвращайся домой.

— А ты что будешь делать?

— Езжай... если рискнешь спуститься в метро в таком виде... Здесь все равно опасней — могут раздеть до трусов.

Лицо мужчины сделалось обиженным.

— Ни за что! — с вызовом бросил он. — Я с тобой.

Кристина резко остановилась:

— Слушай меня очень внимательно, Жеральд, и не перебивай, прошу тебя. Знаешь, на кого мы оба сейчас похожи? На двух кретинов! Нас раскроют через тридцать секунд, а нападут еще быстрее. Ты в зеркало смотрелся? Даже в костюме и при галстукке ты выглядел бы незаметней!

— Ладно, но что ты будешь делать?

— Не волнуйся, у меня есть план.

— План? О каком плане ты говоришь? Кроме переодевания...

— Спасибо тебе большое — за все, за поддержку и помощь, но сейчас ты отправишься домой, и это не обсуждается!

— Не-а, я остаюсь здесь. — Мужчина прислонился к дереву, оттянул рукав и посмотрел на часы. — Жду пятнадцать минут, потом иду за тобой.

Нервы журналистки были на пределе, и ситуация была слишком опасной, но желание Ларше доказать свою мужественность вызвало у нее невольную улыбку.

— Ладно, — сдалась она. — Сойдемся на двадцати минутах.

Ее собеседник нахмурился:

— Не уверен, что продержусь так долго...

Кристина взгляделась в сгущающийся туман.

— Я тоже не уверена. Тебя могут принять за члена другой банды, с которой они враждуют... Однако будем надеяться на лучшее. — Женщина улыбнулась и решительно направилась в сторону домов.

Она попыталась подбодрить Жеральда, но на душе у нее было беспокойно: их, конечно же, давно заметили и не выпускают из поля зрения.

Кристина шла, сунув руки в карманы и крепко сжимая в руке брелок-баллончик с перцовым газом и электрошокер. Она прекрасно понимала, что, если ее возьмут в кольцо, это не поможет. В висевшей у нее на плече сумке лежали скотч, каттер и дубинка. Трудно даже представить, что будет, если «враги» решат заглянуть внутрь.

До подъезда, как это ни странно, она добралась без помех. Мальчишек, которые в прошлый раз возились с машиной, не было. Ветер разогнал облака, а снег начал подтаивать. В холле никого не оказалось, и мадемуазель Штайнмайер прошмыгнула к лифтам. В ушах у нее зашумело — то ли кто-то врубил на полную мощность стереосистему, то ли кровь побежала быстрее. Да нет, *все дело в адреналине...*

Двери кабины закрылись, и Кристина достала свой арсенал. Вставила в дубинку две батарейки, повесила ее на запястье и сняла с предохранителя. Продавец советовал использовать не спрей, а гель («... если ветер поменяется, есть риск надыхаться...»), но журналистка все-таки выбрала спрей: он требовал меньшей точности, да и использоваться будет не на улице, а в помещении. На всякий случай она обмотала вокруг шеи шарф, чтобы при необходимости

закрыть лицо. Теперь все зависит от точности исполнения и скорости движений: женщина раз десять репетировала перед зеркалом порядок действий, но не могла быть уверена, что готова. Подобные трюки классно смотрятся только в фильмах. Кристина сглотнула слюну и сжала в кулаках свое «оружие», стараясь справиться с дурнотой. Лифт остановился, она сделала глубокий вдох и пошла по коридору.

Звук работающих телевизоров. Граффити...

Квартира 19 Б. «Возьми себя в руки, дыши ровно...» Из-за двери неслась музыка. Как тогда... Сердце работало на ста шестидесяти оборотах. *Бух-бух-бух...* Штайнмайер позвонила и вскоре услышала шаги и поняла, что ее разглядывают в глазок. *Дыши...*

Дверь распахнулась.

— Какого черта ты сюда приперлась?! — Корделия смотрела на гостью с высоты своих метра восьмидесяти. На этот раз она была одета — в майку и легинсы. С ее лица еще не сошли следы побоев: синяки всех оттенков, от горчичножелтого до черного, лопнувшие сосуды в глазах, нос картошкой... «Интересно, кто над нею “поработал”? — подумала Кристина. — Сообщник? Дружок? За деньги или “за идею”?»

— Ты оглохла? — переспросила стажерка.

Гостья откинула капюшон. Ее обведенные черным карандашом глаза, губы, жирно покрашенные черной помадой, и по-клоунски набеленное лицо произвели впечатление на хозяйку. То ли *гот*, то ли чокнутая идиотка. А может, она нарядилась для Хэллоуина...

— Черт, не знаю, во что ты играешь, но... — В голосе Корделии звучали злость и страх. — Если он узнает, что ты сюда заявила...

Рука резко поднимается, и струя спрея летит ей в глаза. «Гадина-а-а-а!» — кричит дылда. Она отшатывается и едва не падает. Складывается пополам. Закрывает лицо ладонями и надсадно кашляет. Кристина закрывает половину лица шарфом, толкает девицу ладонью внутрь квартиры, входит за ней и захлопывает дверь. Корделия судорожно трет веки, из глаз у нее текут слезы, она захлебывается кашлем, а Кристина тыкает электрошокером ей между лопатками на уровне шеи. Майка у стажерки такая тонкая, что ее противница чувствует позвонки. Удар в пятьсот тысяч вольт: потрескивание, голубой свет электрической дуги... Тело Коринны Делии сотрясает дрожь, ноги у нее подкашиваются, и она падает, как марионетка, у

которой обрезали ниточки. Еще пять секунд — и дело сделано. Конец игры. Девушка валяется на полу — она в сознании, но совершенно дезориентирована и не способна подняться. Электрический разряд мгновенно купировал связь между ее мозгом и мышцами.

Кристина ставит сумку на пол и открывает молнию. *«Ну что, каково это — превратиться из палача в жертву? Странное чувство, да? Вряд ли тебе понравилось. Подожди, то ли еще будет...»*

Мумия. Широкий металлизированный скотч обмотан вокруг лодыжек и икр, груди и рук.

«Мумия» лежит на полу. На боку. В позе эмбриона. Руки образуют букву L, запястья и ладони склеены вместе. Видны только колени, локти, ключицы — и верхняя часть головы. Шея, подбородок и рот тоже скрыты под несколькими слоями клейкой ленты, поэтому дышит жертва довольно шумно.

Глаза ее мечут искры, в них застыли злоба и изумление. Корделия мычит, дергается, извивается, как червяк на крючке. Кристина сидит в метре от нее, на журнальном столике, и наблюдает, похлопывая дубинкой по ладони.

— Ну как, не слишком больно было? — спрашивает она. В инструкции сказано, что эта штука не оставляет ни следов, ни физических травм. Вруны.

— Гггrrrrмммхх... — пытается ответить связанная.

— Заткнись.

Конец дубинки касается обнаженного места на спине Корделии, рядом с ожогами от электрошокера. Стажерка вздрагивает.

— Это не планировалось, — равнодушным тоном сообщает ей мадемуазель Штайнмайер.

— Гггrrrrммммхх...

— Заткнись!

— Дда... ппош... ла... ттты... ввв...

Кристина вздыхает и смотрит на одну из коленных чашечек своей жертвы. Выпуклая треугольная косточка под тонкой бледной кожей. Ей не по себе, она колеблется, и на секунду у нее в голове мелькает мысль: «Остановись — сейчас, сию же минуту, пока не поздно!» Она, конечно, представляла, как все будет, но одно дело — воображать, и совсем другое — совершать реальные действия. Руки вдруг задрожали,

а ноги стали ватными, так что пришлось напрячься, чтобы не выдать слабину. Штайнмайер прицелилась и ударила: дубинка с легким шумом рассекла воздух. Кость отозвалась странным, похожим на всхлип звуком. Стажерка выпучила глаза и закричала, но скотч превратил ее вопль в сдавленное ржание. По щекам Корделии текли слезы, а глаза девушки теперь выражали страдание и ненависть. Кристина испугалась, что раздробила дылде колено, и дала ей время отдышаться.

— Я сейчас сниму скотч. Если начнешь звать на помощь, закричишь — даже голос повисишь, я выбью тебе все зубы рукояткой дубинки, — ледяным тоном сообщила она... и не узнала собственный голос: жесткий, металлический... *«Другая»* мадемуазель Штайнмайер вытесняла прежнюю. *«Она ведь тебе нравится, разве нет? Себе ты можешь в этом признаться. Частица цивилизованной, благоразумной, полной добрых — и лицемерных! — чувств Кристины осуждает твое поведение, но ты не можешь не думать, как сладко вершить правосудие собственными руками. Отвечать ударом на удар. Как в Ветхом Завете. Признайся — тебе нравится новая Кристина».*

Корделия наконец осознала, что расклад изменился, и энергично закивала. Ее противница наклонилась к ней и сорвала ленту с ее губ. Стажерка поморщилась от боли, но не издала ни звука.

— Спорим, ты такого не ожидала, а? Не думала, что Кристина-идеальная-жертва, Кристина-удобнейшая-мишень, бедная-несчастливая-Кристина превратится в опасную-психопатку-Кристину? — усмехнулась ее коллега. — Видишь, я теперь даже разговариваю иначе. То, что вам удалось сотворить со мною за несколько дней, воистину достойно восхищения...

Стажерка не вымолвила ни слова. Она смотрела снизу вверх и лихорадочно пыталась оценить свои шансы.

— Главный вопрос, — вкрадчивым тоном продолжила Штайнмайер, — заключается в следующем: что скрывается за этим самым «вы».

Бывшая сотрудница не спускала с нее глаз — и ничего не говорила.

— Это был вопрос... Ты что, не уловила интонацию? — поинтересовалась Кристина.

Ответа по-прежнему не было.

— Корделия... — угрожающе начала женщина, поднимая дубинку.

— Не спрашивай меня об этом. Пожалуйста! — подала наконец голос ее противница.

— Ты не в том положении, чтобы отказываться.

— Можешь снова ударить, я все равно ничего не скажу...

— Мне придется причинить тебе боль...

— Зря потратишь время.

— Я так не думаю. Да и времени у меня теперь предостаточно...

Тон Кристины был ледяным, голос звучал все спокойней, и в глазах замотанной скотчем девицы заплескалась паника. Она была почти уверена, что Кристина рехнулась.

— Умоляю, остановись... Он на все способен... Я знаю, что он за мною следит... — забормотала стажерка. — Сматывайся, пока не поздно... Ты сама не понимаешь, что творишь. Не знаешь, с кем имеешь дело, и не представляешь, насколько он опасен.

Штайнмайер сокрушенно вздохнула:

— Я не о том спрашивала, Корделия. *Кто?* Больше я ничего не хочу знать.

— Уходи. Уходи, пока не поздно... Я ничего не расскажу о случившемся, обещаю.

Кристина не шевельнулась, и стажерка повторила:

— Ты даже вообразить не можешь, на что он способен...

Вооруженная дубинкой женщина вздохнула и снова заклеила своей жертве рот, прижав скотч как можно плотнее. Глаза стажерки округлились.

Мадемуазель Штайнмайер посмотрела на ее костлявое плечо, выступающее из-под рукава футболки, примерилась, подняла дубинку и нанесла удар по ключице. Кость хрустнула, и лицо Корделии исказила невыносимая боль, а из-под ресниц ручьем полились слезы.

Кристина подумала, что девушка могла потерять сознание, и освободила ей рот:

— Уверена, что ничего не хочешь сказать?

— Иди на хрен...

Склонившаяся над стажеркой женщина задумалась. Да, она стала другим человеком — но не палачом же! Можно ли квалифицировать ее действия как «незаконное лишение свободы и пытки» — с точки

зрения правосудия? Безусловно. «В конечном итоге, — подумала она, — каждый руководствуется собственными принципами и моралью. У каждого свои правила...» Настоящая пытка — вовсе не то, что происходит сейчас, худшее может начаться потом...

— Уходи, — молящим тоном произнесла Коринна Делия. — Он причинит тебе зло. И мне тоже.

— Похоже, что мне он его уже причинил... — с горькой усмешкой ответила Кристина и вернула скотч на место. Однако сомнение и страх уже просочились в душу. Ее жертва выглядела по-настоящему испуганной. Что за человек способен наводить подобный ужас?

Нужно действовать. И способ добиться результата есть. Омерзительный, тошнотворный, но есть.

Штайнмайер достала из сумки каттер и перехватила обезумевший взгляд стажерки:

— Антон спит?

В глазах девушки плескалась свирепая ярость.

— Хочешь, чтобы я занялась твоим малышом? — Кристина снова сняла скотч с ее рта.

— Убью тебя, сука, если с его головы упадет хоть волосок! — прошипела Корделия. — Ты этого не сделаешь... Ты блефуешь, играешь в игры. Ты не из тех, кто способен на подобное.

— *Была* не способна. *Раньше* была... *До того как...*

— Ты не сможешь... — Голос девушки дрогнул.

— Неужели? Тогда смотри: *вот что вы со мной сделали.*

Журналистка встала и пошла в соседнюю комнату. Толкнув приоткрытую дверь, она почувствовала, как ее ноги наливаются свинцом. Ребенок мирно спал в коляске, над которой висели погремушка и подвеска с месяцем и планетами. Кристина подошла ближе: ее рука с ножом задергалась, как у больного паркинсонадой, а в висках застучала кровь. Корделия не ошиблась — это был блеф чистой воды, хотя... Женщина протянула руку... Ч-ч-ч-ерт!.. И тихонько ущипнула малыша за пухлую розовую ладошку. Антон открыл глаза и заплакал, Штайнмайер повторила попытку, и он заорал во все горло.

— Вернись! — крикнула молодая мать. — Умоляю тебя! Я все скажу!!!

Она зарыдала.

Не поддавайся. Сконцентрируйся на своем гневе.

Кристина вернулась в гостиную. Ребенок орал как резаный. Корделия посмотрела на нее глазами больной собаки и заговорила, захлебываясь словами:

— Имени я не знаю... Этот тип сам вышел на нас с Маркусом и предложил денег. Сначала речь шла только о звонке на радио, о письме — он точно объяснил, что и как делать... А потом захотел, чтобы мы тебя напугали, чтобы...

По лицу стажерки ручьем текли слезы.

— Чтобы... твоему псу сломали лапу... Я была против... — всхлипывала она. — Но не отступать же, когда столько бабок на кону... *Много, очень много денег.* Мне правда жаль, я не знала, что все пойдет так далеко, клянусь, что не знала!

— Кто такой Маркус?

— Мой друг.

— Это он меня изнасиловал? Он убил мою собаку?

Корделия оторопела:

— Что?.. Он должен был... должен был только... *накачать тебя наркотиками!*

Она качала головой, как боксер в состоянии «тrogги».

— Что за человек ваш «заказчик»? — задала Штайнмайер следующий вопрос.

— Да не знаю я! Ничего не знаю, жизнью клянусь!!!

— Как он выглядит?

Стажерка посмотрела через плечо Кристины:

— Компьютер... Там есть фотография... Он садится в машину. Маркус щелкнул его — незаметно, на всякий случай — после первой встречи... Файл называется...

Штайнмайер обернулась. На журнальном столике стоял ноутбук, открытый и включенный. Она встала и вдруг почувствовала, что не так уж и жаждет узнать правду. Чье лицо посмотрит на нее с экрана? Вдруг это окажется кто-нибудь из знакомых?

— На рабочем столе иконка, — сказала ей в спину Корделия. — Написано «X»...

Кристина медленно обошла стол и наклонилась к экрану. Взялась за мышку и подвела курсор к иконке. Дважды кликнула дрожащим пальцем по клавише. Папка открылась. Снимки. Штук шесть.

Она узнала его, даже не успев толком разглядеть первый кадр.

Все ее мысли и чувства исчезли.
Лео...

36. Балкон

В этот момент открылась входная дверь.

— Корди, ты дома? — позвал хозяйку мужской голос.

Кристина резко повернулась и встретила взглядом со стажеркой.

Проклятие! Она схватила баллончик и шокер.

— МАРКУ-У-УС! НА ПОМОЩЬ! — заорала Корделия.

Не обращая внимания на корчившуюся на полу жертву, Штайнмайер рванулась к вошедшему и брызнула ему в лицо слезоточивым газом. Коротышка успел заслониться ладонью, но зашелся в приступе кашля, заморгал, и Кристина послала ему в плечо 500 000 вольт. Маркус застыл, потом задергался и рухнул как подкошенный. Кристина еще пять секунд жала на кнопку, но батареи уже начали разряжаться, и она, схватив дубинку, нанесла ему два удара по коленным чашечкам и последний, завершающий, между ног, оказавшийся не слишком действенным: ее противник успел принять позу эмбриона.

«Узнаю тебя, сестричка: ничего не делаешь наполовину. Bravo-брависсимо! Бегать он сможет нескоро... А теперь сматывайся».

Штайнмайер сгребла весь свой арсенал в сумку, рывком закрыла молнию и побежала к двери.

— Сволочь, гади-и-и-на! — простонала ей в спину Корделия. — Ты нам за все заплатишь! Маркус тебя достанет!!!

Кристина неслась к лифтам, как спринтер на стометровке, сердце бухало у нее в груди африканским тамтамом. В кабине она привалилась к стенке и попыталась унять дрожь. Затем, когда двери наконец открылись, она заставила себя замедлить шаг, а оказавшись на улице, вдохнула полной грудью холодный влажный туман и тут... О, ужас! Рядом с Эхнатоном-Жеральдом толкались два парня в капюшонах. Электрошокер все еще висел у женщины на запястье, и она убедилась, что он снят с предохранителя, но с тихим ужасом в душе подумала: «Батареи наверняка совсем разрядились...»

— А вот и она... — сказал Ларше.

Кристина напряглась, услышав его голос, но, приглядевшись, поняла, что ее сообщник не выглядит ни нервным, ни испуганным.

— Обязательно пришлите мне резюме, парни, посмотрим, что я смогу сделать, договорились? — сказал он своим собеседникам.

— Круто, мсье, спасибо! — откликнулся один из них.

— Да не за что. Желаю удачи.

— Вам тоже. Здравствуйтесь, мадемуазель.

Кристина кивнула, и молодые люди быстро пошли в сторону метро.

— Ты теперь проводишь собеседования на улице? — с нервным смешком поинтересовалась она.

— Они были моими студентами, — объяснил ее друг.

— И узнали тебя, несмотря на этот... прикид? — изумилась журналистка.

Жеральд коротко хохотнул:

— Ребята поинтересовались, что я тут делаю, пришлось сказать: «Жду подружку...» Тогда они спросили: «На маскарад собрались?» — Он вдруг резко остановился и посмотрел Кристине в лицо. — Ну и?.. Сработал твой план?

— На все сто. — Ее голос не дрогнул.

— И что ты узнала? — Глаза Ларше загорелись азартом.

— Имя мерзавца-«кукловода»...

Тон женщины был ледяным. Они с Жеральдом встретились взглядом, но от дальнейших объяснений Кристину спас завибрировавший в кармане джинсов мобильник. Она взглянула на экран. Что за черт, никакого вызова... Ага, понятно. Это был *другой* телефон — с предоплаченной картой, который она купила, чтобы звонить Лео. Она достала его из другого кармана и прочла сообщение:

*Встречаемся в «Макдоналдсе», в Компансе,
Лео.*

Кристина смотрела на экран и пыталась понять, в чем хитрость. Где ловушка. Успели Маркус и Корделия предупредить Фонтена? Если стажерка и впрямь так его боится, к чему было торопиться? Но это не может быть совпадением: она «расколола» девчонку — и сразу получила приглашение... Что-то не так. Предположим, Лео решил заманить ее в ловушку — но тогда зачем он назначил свидание в «Макдоналдсе», где всегда полно народу?

Логика событий ускользала от Кристины, и это ее дико раздражало. Она чувствовала себя капитаном, чей корабль попал в шторм, сбился с курса и оказался невесель где...

— Эй, что происходит? — Голос Жеральда вывел ее из задумчивости.

— Мне нужно идти... Я потом все тебе объясню... — пробормотала Штайнмайер.

Ларше ошарашенно смотрел, как она быстро удаляется в сторону метро, а потом опомнился, крикнул: «Черт, Крис, подожди меня!» — и побежал следом.

Кристина обернулась.

— Я должна пойти туда одна! Не обижайся...

Она толкнула дверь «Макдоналдса», по непонятной причине оформленного в модернистском стиле — этакий урок пространственной геометрии, — нашла глазами Леонарда и начала пробираться между столиками. Он был в уютном бушлате из серой фланели и свитере грубой вязки с высоким горлом. Кристина села напротив и посмотрела на его серьезное лицо:

— Привет, Лео.

Космонавт выглядел озабоченным... *Потому что знает, что она знает?*

Леонард взглянул на свой истекающий сыром, горчицей и кетчупом «Роял бэкон», поднял глаза и прищурился:

— Я должен перед тобой извиниться...

Женщина удивленно вздернула брови.

— За то, что сказал по телефону, — добавил Фонтен. — Это было несправедливо. И жестоко...

No comment...

— Тому была веская причина... — Космонавт огляделся, как будто хотел удостовериться, что их никто не слышит, и понизил голос. Кристина поняла, почему он назначил ей свидание в столь экзотическом для себя месте: стечение народа и уровень шума гарантировали некоторую конфиденциальность.

— ...мне нужно было выиграть время, — объяснил ее собеседник. — Кроме того, я опасался, что... *мой телефон на прослушке.*

Сидевшие за соседним столиком мальчик и девочка лет десяти шумно спорили из-за последних куриных наггетсов, а мать пыталась унять их, не переставая шумно тянуть через соломинку свое фрэппе манго-маракуйя.

— На прослушке? — переспросила журналистка.

— Да.

Штайнмайер задумалась и несколько секунд молча смотрела на Лео.

— Так для чего же ты хотел выиграть время? — Ей пришлось повысить голос — в зале стало совсем шумно.

— Чтобы кое-кого проверить...

Фонтен наклонился совсем близко и посмотрел Кристине прямо в глаза, так что она увидела в его зрачках собственное крошечное отражение.

— Тебе что-нибудь говорят имена Маркус и Коринна Делия? — спросил он.

Женщина кивнула. Ее взгляд был ледяным.

— Только что их видела, — сообщила она космонавту.

На его лице отразилось неподдельное удивление.

— Когда?

— Минут десять назад.

— Но как...

— Они назвали мне имя, Лео...

Мужчина не отвел взгляд — только желваки заходили у него под скулами.

— И?.. — спросил он нетерпеливо.

— *Твое имя...*

— Что?..

— За что ты так со мною? Дело в Жеральде? Я бросила тебя ради него, и твое мужское самолюбие, твоя гордыня этого не вынесли? Или дело в другом? Ты со всеми женщинами, кроме жены, затеваешь подобные извращенные игры?

Леонард моргнул, и Кристина подумала, что он подбирает слова для ответа.

— Маркус был в гостинице — в тот день, когда мы встречались, — продолжила она. — Я вспомнила его по татуировке. Запоминающаяся деталь, как и его рост... Я выходила из лифта и

налетела на него. Как он там оказался? Я была уверена, что за мною не следили. Кто — кроме тебя, конечно, — знал о нашем свидании? — Женщина с вызовом посмотрела на космонавта.

Тот покачал головой.

— Господи, Кристина, тебе не приходило в голову, что он мог кому-то поручить «вести» тебя, что ты не профессионал, что твой телефон могли слушать?!

— Я звонила по одноразовому...

— Они могли сунуть «жучок» в твои вещи... потерять тебя, а потом найти... в конце концов, мы встречались не в лесу, а на площади Вильсона!

Кровь отхлынула от лица мадемуазель Штайнмайер, и она упрямо покачала головой:

— Корделия во всем призналась... я пригрозила, что займусь ее малышом, и она сломалась.

— Что ты сделала?.. — Леонард явно был ошарашен. — Ты ошибаешься. Во всем. Ничего не понимаешь...

— Чего я не понимаю, Лео? Почему ты так поступаешь? Да, не понимаю. Так объясни мне.

Фонтен помрачнел и вдруг постарел лет на десять.

— Это длинная история...

Кристина не знала, что думать. По дороге домой она перебирала в голове объяснения Леонарда, пытаясь найти пробел в его доводах, и чувствовала, что совсем запуталась. Трудно, почти невозможно поверить, что кто-то способен затеять столь сложную интригу из обычной ревности, злости или даже ненависти. Она как будто приоткрыла дверь в незнакомый мир, полный теней и ловушек, мир, который всегда существовал, но оставался скрытым от ее глаз.

Космонавт рассказал ей о женщине, которая много лет преследует его. По его словам, она и есть «кукловод». *«Странная история...»* Некто преследует Лео. Терзает близких ему людей. Не людей — женщин. Превращает их жизнь в ад. Фонтен выглядел всерьез обеспокоенным, но назвать имя своей недоброжелательницы не захотел. «Я должен проверить кое-какие детали... Нужны доказательства... тот сыщик, вернее, “сыщица”, о которой я тебе говорил, проследила за нею — и вышла на Корделию с Маркусом...»

Голос Леонарда зазвучал глуше, а потом он и вовсе замолчал, уйдя в свои мысли, однако затем встряхнулся, как будто принял решение, и сказал:

— У меня на банковском счете тридцать тысяч евро. У тебя есть отложенные деньги?

— Страховой полис на двадцать тысяч... А что? — удивилась Штайнмайер.

— Сними их. Завтра же. Как можно раньше. Нам могут понадобиться наличные...

— Зачем?

— *Чтобы выкупить твою свободу*, Кристина. Вырвать тебя из ее когтей. Покончить с этой историей — если я не ошибся, если все обстоит так, как я думаю...

Ей казалось, что мир вокруг превратился в одну большую ловушку. Пошел дождь, и город заполнили тени, отсветы, свет фар, блики на мокром асфальте... Картинка стала резкой и *обманчивой*. Кристина шла, как в трансе, и пыталась переварить слова Лео. Он рассказал ей о другой женщине: у них был роман, а потом она неожиданно покончила с собой. Тогда Фонтен ничего не заподозрил, тем более что Селия — так ее звали — как-то вдруг от него отделилась, и они расстались. Теперь он думает, что это звенья одной цепи.

Главную новость космонавт приберег на конец разговора: он разводится. Его жена забрала детей и уехала. У них давно не ладилось, но они не расставались ради сына и дочери, и вот теперь решили, что тянуть дальше бессмысленно, договорились об опеке над детьми и уже встретились с адвокатом.

Можно ли ему верить? Корделия указала на Лео, он обвиняет какую-то *загадочную женщину*... Штайнмайер спускалась по улице Лангедок к кварталу Кармелитов, шла мимо кафе, куда забежали погреться студенты, мимо погрузившихся в сон дорогих особняков и напряженно размышляла. Из-под колес машин на тротуар летел грязный подтаявший снег, и асфальт влажно блестел в желтом свете фонарей. Кристина свернула на свою улицу и резко замедлила шаг: по фасадам, балконам из кованого железа, карнизам, лепнине, кимам и медальонам («богатый» декор всегда напоминал ей витрину кондитерской) шарил свет фары, вращавшейся на крыше полицейского

автомобиля. В большинстве окон горел свет, а балконные двери были распахнуты — жильцы наблюдали за происходящим, как из театральных лож.

В мозгу журналистки прозвучал сигнал тревоги: желтая лента огораживала ту часть улицы, где находился *ее дом*. Она откинула капюшон и пробралась через толпу к полицейскому в форме.

— Я живу вот там, — сказала она, кивнув на свой подъезд.

— Минутку, мадам.

Полицейский повернулся к одному из членов выездной бригады, и Кристина сразу узнала лейтенанта Больё. Того самого Больё, который посадил ее под замок.

Сыщик подошел и процедил сквозь зубы:

— Мадемуазель Штайнмайер...

Его «пуделиные» кудри промокли от дождя, и вода стекала по лицу на «дежурный» галстук, больше всего напоминающий половую тряпку. В круглых глазах мужчины отражались оранжево-синие всполохи.

— Вы его знаете? — спросил он все так же злобно.

Треск и бульканье раций, вспышки фотоаппаратов, радуга водяных брызг на линзах прожекторов, возбуждение, суета... Кристина попыталась дышать спокойно, чтобы унять дурноту. Макс... Лежит среди своих коробок. Она могла видеть только его лицо и глаза — широко открытые, глядящие то ли на небо, то ли на тучи, но уж точно не на тот крошечный кусочек суши, где осталось его брненное тело. Над ним склонились эксперты в белых комбинезонах, перчатках и синих пластиковых бахилах. Они делали снимки и переговаривались, то и дело перемещаясь между трупом и фургоном с высокой крышей.

— Да. Его звали Макс, — ответила журналистка.

— Макс?... — переспросил лейтенант.

— Фамилия мне неизвестна. Мы иногда беседовали... Когда-то он был учителем... Потом волею судьбы и обстоятельств оказался на улице... Что произошло?

Больё сделал «значительное» лицо и посмотрел на собеседницу со всей возможной суровостью, которую сумел изобразить:

— Начнем с того, что его имя — вовсе не Макс...

— Что?!

— Этого человека звали Хорхе До Нассименто, и он никогда не работал учителем. Хорхе тридцать лет был бездомным. Когда я учился в школе, он уже жил на улице... Этот человек был своего рода звездой, городской знаменитостью. И токсикоманом. Его часто «заметали» за пьянство в общественных местах. Помню, как он однажды разулся при мне... Видели бы вы его ноги, мадемуазель Штайнмайер, до чего же они были изуродованы... Знаете почему? Политоксикомания. Денег, сами понимаете, у бездомных нет, вот они и употребляют что придется. Алкоголь, таблетки — бензодиазепины и антидепрессанты, их прописывают не слишком совестливые врачи. Гашиш. Героин — он дешевле «кокса». Уличный товар высоким качеством не отличается, его смешивают со всякой дрянью — парацетамолом, кофеином и даже мелом. Чтобы усилить действие кокаина, наркоманы «дозаправляются» спиртным и таблетками, поэтому «отходняк» бывает очень тяжелым. Чтобы это пережить, бедняги всю ночь бродят по улицам, стаптывая ноги. СПИДа у Макса не было, только вирусные гепатиты В и С. Наверняка подцепил от другого наркоши, нюхали через одну и ту же соломинку, вот и... А еще Хорхе лечился от туберкулеза... Вы наверняка замечали, какой он тощий и изможденный. Ему было сорок семь, а выглядел он лет на пятнадцать старше.

Кристине показалось, что лейтенант внезапно утомился, сдался, признал себя побежденным в абсурдном сражении с несправедливостью мира.

— А вот книги он любил — что правда, то правда... — Больё показал ей пакет для улик, в котором лежал томик Толстого, и Штайнмайер содрогнулась, заметив засохшую кровь на обложке. — И классическую музыку. Хорхе мог без конца рассуждать о русских писателях, барочной музыке и опере... Многие коллеги терпеть не могли его болтовню, а я записывал названия и фамилии авторов... Этому человеку я обязан доброй половиной своего «культурного багажа», — заключил полицейский с печально-ироничной улыбкой.

— Он был... у него была семья? — с трудом выдавила из себя журналистка.

Полицейский смахнул каплю дождя с кончика носа и покачал головой:

— Насколько я знаю, нет.

— Зачем же он мне солгал?

Лейтенант пожал плечами.

— Хорхе обожал сочинять истории и байки, придумывать для себя... фиктивные биографии. Почти как вы... Возможно, пытался заполнить пустоту, приукрасить грубую реальность. Или дело было в его склонности к романтике, кто знает?.. Он врал и превращался в героя романа Диккенса или Дюма. — Больё сделал паузу. — Хорхе открыл для меня многих авторов. Этот человек мне нравился. Очень. — Он бросил очередной взгляд — недоверчивый — в сторону Кристины. — А теперь он умер. По словам соседей, вы часто с ним разговаривали.

Ее соседка Мишель... Придушить мало мерзкую старую ханжу!

Дождь усилился, тяжелые капли били мадемуазель Штайнмайер по макушке, но она не реагировала.

— Как это случилось? — спросила она.

— Его ударили ножом. Прошлой ночью. Никто ничего не видел и не слышал, но потом люди заметили кровь на тротуаре.

Прошлая ночь... Та самая ночь, когда убили Игги, а ее накачали наркотиками и изнасиловали... Кристине показалось, что она превращается в ледяную статую.

— Вы сегодня ночевали дома, мадемуазель Штайнмайер? — поинтересовался полицейский.

— Нет.

— Где же вы были?

— В «Гранд-Отель де л'Опера».

— Почему?

— Не ваше дело...

Снова этот подозревающий взгляд.

— Зачем вы приглашали Хорхе к себе? — задал страж порядка новый вопрос. — Бездомного вонючего пьяницу, совершенно незнакомого человека...

Кристина задумалась.

— Из сострадания? — подсказал полицейский. — Пожалели бедолагу? Зима холодная, снежная, а вы каждое утро видели его в окно, так? Вот и решили накормить горячим, поделиться, так сказать, человеческим теплом?

— Что-то вроде того.

Больё наклонился, и журналистка почувствовала на щеке его дыхание.

— Не вешайте мне лапшу на уши. Ничего не выйдет... Вы не умеете врать. Я сталкиваюсь с вами второй раз — и снова по печальному поводу. Не знаю, кто вы на самом деле такая, чем занимаетесь и что замышляете, но я буду не я, если не выясню ваш маленький гадкий секрет.

Лейтенант простуженно шмыгнул носом. А может, он хотел таким образом выразить презрение? Его собеседница встряхнула мокрыми волосами и надела капюшон:

— Это всё?

— Да — на данный момент...

Фасад дома потемнел и казался глянцевым от дождя. Кристина так разозлилась, что сумела набрать код только со второго раза.

Сервас достал платок и высморкался. Холодные струйки воды стекали за воротник его рубашки. Он ужасно замерз.

Кто эта женщина? Мартен заметил, как побагровел от злости лейтенант Больё, обычно совершенно невозмутимый и даже скорее равнодушный. Эта же самая женщина встречалась в «Макдоналдсе» с Леонардом Фонтеном, и разговор у них был очень напряженным. Сыщик сидел достаточно далеко, и время от времени кто-нибудь из посетителей заслонял ему обзор, но от него не укрылось, что вид у космонавта был весьма озабоченным. А его собеседница, уходя, выглядела встревоженной. Кто же она? Следующая жертва? Сервас по наитию решил проследить за ней и тоже вышел из забегаловки: в конце концов, ему известно, где живет и работает Фонтен, он изучил его привычки, так что никуда эта сволочь не денется.

И вот незнакомка привела его на «место преступления» и уже успела взбесить лейтенанта криминальной полиции. Больё... Майор предпочел бы иметь дело с Венсаном или Самирой. Он огляделся, убедился, что никого из прокурорских поблизости нет, поднырнул под ленту ограждения и сунул значок в нос жандарму.

— Мартен? — Больё заметил его. — Я думал, ты в отпуске по болезни. Что ты тут забыл?

— Мои друзья живут в этом доме; они забеспокоились, позвонили, а я был поблизости, решил взглянуть... — на ходу сочинил

предлог сыщик.

Его коллега на это не купился.

— Пусть в следующий раз смотрят местные новости, — хмыкнул он, кивнув на оператора, прятавшегося под большим зонтом.

Зеваки тоже снимали место происшествия на камеры мобильных. Чертовы вуайеристы... Лейтенант достал пачку сигарет и протянул ее Сервасу.

— Спасибо, я бросил, — отказался тот.

— Прошлой ночью тут зарезали бездомного, — рассказал Больё. — Никому не было до него дела, так что кровь на коробках заметили только несколько часов спустя... Его звали Хорхе. Когда-то он ошивался неподалеку от Центрального комиссариата, рядом с Каналом дю Миди и садом Компанс.

Сервас кивнул.

— Он спал на этой улице?

— В последнее время.

Мартен чихнул и снова достал платок.

— Ты только что разговаривал с женщиной... Выглядел... очень *раздраженным*. Кто она?

— С чего это ты вдруг заинтересовался? — насторожился Больё.

Майор делано-беззаботно пожал плечами:

— Сам знаешь — работа ведь как наркотик. Лишаешься ее — начинается «ломка».

Взгляд лейтенанта был более чем красноречивым: «Не знаю и знать не хочу». Но на вопрос он все-таки ответил:

— Психопатка... Недавно была замешана в другом деле, я даже задерживал ее на сутки... Странноватое совпадение...

— В каком смысле?

— Одну девицу здорово отделали, и она подала жалобу на эту самую бабу. Они вместе работали на «Радио 5», были... подружками, любили сексуальные игры, но это плохо закончилось. Жертва взяла... *«предоплату»*... а партнерша захотела отобрать у нее деньги... после того как... Обычное дело — потасовка между двумя ненормальными лесбиянками.

Больё сокрушенно покачал головой: «В каком мире мы живем...»

— Но это еще не все... — добавил он. — Мерзавка дважды заявлялась в комиссариат. В первый раз принесла письмо — его якобы

бросили ей в почтовый ящик, — автор которого грозил покончить с собой. Она потребовала, чтобы мы провели расследование. Голову даю на отсечение — она сама и сочинила эту бредятину. А во второй раз мне пришлось выслушать целую детективную историю: мужик нассал ей на коврик, проник в квартиру, звонил на радио и на домашний телефон... Дальше — больше: пострадавшая стажерка якобы накачала ее наркотой, раздела догола, а потом каким-то образом доставила домой, где она и пришла в себя. Чувшь дичайшая! А теперь мы нашли труп прямо напротив ее дома, причем она часто разговаривала с беднягой Хорхе и, если верить соседке, однажды он даже был у нее в квартире... Можешь объяснить, что за женщина зовет к себе бездомного и покупает секс-услуги двадцатилетней девчонки?

Лейтенант бросил взгляд на фасад дома: свет не горел только в нескольких окнах, и все балконы были забиты публикой, как в театре «Ла Фениче»^[71] в вечер премьеры.

— Как ее фамилия? — поинтересовался Сервас.

— Штайнмайер. Кристина Штайнмайер.

Кристина...

— Она упоминала оперу? — задал Мартен еще один вопрос.

Его собеседник резко обернулся.

— Что ты сказал?

— Она произносила слово «опера»?

Большё сощурился и несколько секунд смотрел на свой намокший галстук, а потом перевел цепкий взгляд на майора.

— Черт, как ты узнал?.. Она сказала, что преследователь — ну, тот, что якобы побывал у нее в квартире, — оставил на журнальном столике CD-диск с записью оперы... Ты все-таки не просто так сюда заявился, я прав?

— Да.

— Проклятие! Ты меня достал, Сервас! Мог бы сразу сказать... Что тебе известно? Если ты не в курсе, это *мое* расследование.

Мартен немного помолчал, глядя на водосточные трубы, извергавшие на тротуар потоки воды, и на горящие в квартирах люстры, но в конце концов решился:

— Позволь мне задать твоей... подозреваемой несколько вопросов. Вдруг она говорит правду? Я ничего не стану утаивать.

У лейтенанта от возмущения отвалилась челюсть. Он побагровел и гаркнул на всю улицу:

— Ты такой же псих, как она, если думаешь, что я тебе это позволю! Никто, кроме меня, допрашивать эту бабу не будет!

— Назовешь код домофона? — невозмутимо попросил его майор.

— Черт, Сервас, что за игру ты затеял?!

— Ты не видишь картину в целом и идешь не в том направлении. Скажи, я часто ошибался? Садился в галошу?

Теперь Большё колебался.

— Я не при исполнении, у меня отпуск по болезни... Слава достанется тебе... — пообещал его коллега. — Я всего лишь хочу задать ей пару-тройку вопросов.

Лейтенант кивнул:

— Один-девять-четыре-пять...

— Без дураков?

— Да чего уж там...

Она зажгла верхний свет и вслушалась в тишину. *Он приходил...* Она сразу это поняла. В ее отсутствие. Нужно быть чертовским наглецом, чтобы заявиться на место своего преступления, когда на улице лежит труп Макса... То есть *Хорхе*. Хозяйка дома задержала дыхание, поискала глазами следы пребывания своего врага, увидела на журнальном столике диск и подошла взглянуть на него.

«Поругание Лукреции». Бенджамен Бриттен. [\[72\]](#)

Финал наверняка трагический — самоубийство...

Рядом с диском лежал листок бумаги. Послание, написанное от руки... Кристина заставила себя прочесть его:

*Теперь ты видишь, что тебя ждет. Лучше
сделай все сама. Давай покончим с этим.
Взбрыкнешь еще раз — возьмемся за твою мать...*

У мадемуазель Штайнмайер закружилась голова. Ей захотелось кинуться к окну и позвать на помощь круглоглазого полицейского, но она вовремя спохватилась: текст был написан *ее* почерком. У женщины подкосились ноги. Первоклассная подделка — во всяком случае, на взгляд дилетанта. Может не распознать и графолог. Она снова угодила

в ловушку. Легавый придурок наверняка решит, что она и это письмо сама состряпала. Что она опасная психопатка. Да-да, чертовски опасная...

Враг опять опередил ее на один ход...

Несколько дней назад Кристина наверняка разнюнилась бы, начала бы жалеть себя, но теперь она не дрогнула и не пролила ни слезинки. Нужно решить, что делать с Игги, не держать же его до бесконечности в ванной... Что подумают полицейские, если обнаружат труп собаки, спеленатый на манер египетской мумии? Враг действует стремительно: за одну ночь убил безвинного пса, изнасиловал женщину и зарезал бродягу. Его ярость вышла из берегов, и теперь у них *смертельный поединок*. Журналистка застонала, а потом вспомнила о той женщине, что убила себя. *Селия*. Ее звали Селия. Спасительный гнев вернулся: терять ей нечего, так что она не сдастся, она будет драться. Нужно рассказать Лео о случившемся, *предупредить его об опасности*. И Жеральда тоже...

Тишину квартиры разорвала трель звонка, и Кристина застыла на месте.

Ее взгляд метнулся к двери. Неужели ее противник настолько безумен и нагл, что явился сюда, когда на улице полно полицейских? А собственно, почему бы и нет? Это был бы настоящий апофеоз... Штайнмайер на мгновение представила, как он выталкивает ее из окна. Все решат, что психопатка почувствовала себя загнанной в угол и предпочла свести счеты с жизнью. Финал, достойный оперы... Может, он даже поставит музыку, прежде чем перейти к делу...

«Нет, — прозвучал у нее в голове голос Мадлен. — У тебя разыгралось воображение. Он слишком осторожен, чтобы прийти сейчас. Этот человек хочет взять тебя измором, Крис, и рисковать не станет».

В дверь снова позвонили. Кто-то настаивает на встрече...

«Полицейские, — подумала она. — Решили меня арестовать...»

Кристина прокралась к двери и посмотрела в глазок. Она никогда не видела этого мужчину. Лет сорок, густые темные волосы и недельная щетина. Под глазами синяки, впалые щеки, но лицо приятное. На убийцу не похож. На больного тоже.

Перед глазком появился полицейский жетон, и хозяйка отшатнулась.

Дерьмо...

Она накинула цепочку и приоткрыла створку. Незнакомец моргнул, как недоспавший человек, и посмотрел ей в глаза.

— Да? — спросила женщина.

Неожиданный гость снова моргнул, не торопясь убрал значок и... улыбнулся. В его взгляде не было даже намека на враждебность.

— Меня зовут Мартен Сервас, — сказал он Кристине. — Я майор полиции. И, в отличие от моих коллег, я верю в вашу историю.

37. Вторичные детали картины

В какой-то момент она свернулась калачиком на диване и забылась сном. «Адреналин упал», — подумал ее собеседник. Как давно эта женщина не чувствует себя в безопасности? Она лежала, натянув плед до подбородка, а он сидел в кресле, молчал и наблюдал.

По сравнению с ней Мартен был почти в форме: щеки у нее ввалились, под глазами темнели круги, скулы выступали из-под кожи, как окаменелости из-под слоя земли на палеонтологическом раскопе... Ей сильно досталось, это очевидно, но она сильная, если устояла, когда стихийное бедствие за несколько дней почти разрушило ее жизнь. Как *блицкриг*... Мерзавец знает толк в молниеносной войне — что да, то да.

Несчастливая рассказала майору о встрече с Фонтеном, о своих подозрениях и о признаниях Корделии. Она ничего не знала только об одном — о дневнике Милы. Почему же сам Мартен промолчал и не рассказал ей об этом? Он налил себе великолепного «Кот-Роти» из бутылки, которую Кристина открыла два часа назад, и снова задал себе тот же вопрос. Почему? По очень простой причине — не хотел признаваться, что собирается поймать космонавта с поличным, а ей уготовил роль «живца».

Завибрировал телефон. Снова Больё — уже четвертое сообщение. Сервас встал и перешел в другую комнату. Огни фонарей на крышах полицейских машин светили в окна, окрашивая потолок и покрывало в яркие цвета.

— Слушаю тебя... — сказал майор, набрав номер лейтенанта.

— Что ты творишь, черт бы тебя побрал?! — завопил тот, едва услышав его голос. — Ты сказал — три вопроса! И почему ты шепчешь?

— Тс-с-с, она заснула!

— Что?!

— Ты ошибаешься. Она не убивала.

— Да неужели? И откуда такой вывод?

— У меня есть догадка насчет личности убийцы.

В трубке раздался тяжелый вздох.

— Мартен, ты бредишь или как? Что за чушь ты несешь? Выныриваешь из ниоткуда — и знаешь больше всех! А как же показания соседей? Заключение судебного медика? Ты даже на тело не глянул!.. И кто же, по-твоему, убийца?

— Если скажу, ты не поверишь.

— Я сыт по горло твоими загадками, Сервас! Выкладывай!

— Леонард Фонтен.

Больё на мгновение онемел, а потом с трудом выговорил:

— Тот самый космонавт?

— Угу.

— Ты ведь пошутил? Скажи, что это шутка...

— Вовсе нет.

— Не знаю, что происходит, Мартен, но если ты водишь меня за нос...

— Я никогда не был так серьезен. Ты и представить не можешь, во что замешан Фонтен... Он хитрый, изворотливый сукин сын, настоящий псих. Именно он стоит за всем происходящим. Помнишь художницу, которая в прошлом году покончила с собой в «Гранд-Отель Томас Вильсон»? Она была его любовницей. Как и Мила Болсански, бывшая космонавтка. Мила доверила мне свой дневник, где описала все, через что он заставил ее пройти... Фонтен неоднократно бил и насиловал ее, когда они работали в Звездном городке, но русские и Европейское космическое агентство замяли скандал — полагаю, ради великого дела покорения космоса. Кристина Штайнмайер встречалась с ним в кафе сегодня днем — по его просьбе, — после чего поехала домой и столкнулась с тобой...

— Как ты узнал?

— Я там был.

На сей раз пауза продлилась дольше.

— У меня не было ни одного шанса прижать эту скотину, — продолжил Сервас. — Но если мы докажем, что убийство Хорхе заказал он, это все изменит...

Больё присвистнул.

— Ну и дела... А ты не врешь?

Майор услышал тихое треньканье — ему пришло сообщение.

— Значит, звонки на работу и домой, выброшенная в мусоропровод собака, преследование — все правда? — допытывался

его собеседник.

— От первого до последнего слова. Эта женщина — жертва порочного психопата, очень умного и очень больного.

— Тут и самому рехнуться недолго, — растерянно прокомментировал лейтенант.

— Кто бы спорил!

— Что будем делать?

«Ну наконец-то...» — Сервас облегченно вздохнул. Больё, конечно, не гений, но хватка у него есть, а на карьеру, циркуляры и директивы ему плевать.

— Коринна Делия... — сказал Мартен. — С завтрашнего дня станешь ее тенью. Следи за ней и — главное — за ее дружкой, неким Маркусом. Он — приоритетная цель. Маркус, скорее всего, и есть убийца Хорхе. Леонард Фонтен вряд ли сам делает грязную работу... Если получится их прижать, они выведут нас на него.

— А ты что будешь делать?

— Посмотрю, что еще удастся вытащить из этой женщины.

— Что доложим начальству?

— Ничего. Я в отпуске по болезни, не забыл? Если всплывет имя Фонтена, все захотят прикрыть свою задницу, и у нас ничего не выйдет.

— Я вел себя с мадемуазель Штайнмайер... излишне жестко, — сокрушенно признался Больё.

— Извинись при следующей встрече.

Сервас открыл почту. Там было письмо от Марго:

Буду завтра. В 8 ч. Целую.

Мартен улыбнулся. Она не спрашивает, удобно ему это время или нет, встанет он рано или хотел поспать подольше, будет ли в форме, не собирался ли уехать по делам... Она вообще ни о чем не спрашивает, так что выбора у него нет. Дочь никогда не оставляла ему выбора... Он еще раз улыбнулся и напечатал «ОК» — это было короче, чем «согласен».

Потом сыщик нажал на кнопку. Отправлено.

Чертовы смартфоны...

Она проснулась и не сразу поняла, кто он такой: Сервас увидел в ее глазах тень животного страха, которая, впрочем, тут же исчезла.

— Я спала... Долго? — спросила женщина.

— Меньше часа.

Ее лицо приняло совсем детское выражение, и сыщик успел понять, какой застенчиво-красивой может быть эта женщина, когда не напоминает Эмму Бовари на смертном одре.

— Здесь холодно. Сейчас подкручу батарею, — сказал он ей.

Кристина откинула плед, встала и заметила бутылку на столике.

— Мне казалось, мы не так много успели выпить.

— Каюсь — доливал себе дважды, пока вы спали, — признался полицейский.

Затем он кивком указал на сложенные на диване упаковки с лекарствами:

— Вы что... принимаете все это?

Штайнмайер покраснела:

— Начала недавно. Мне это было необходимо, чтобы продержаться.

— Понимаю.

Мартен подошел к окну и прислонился лбом к холодному стеклу. Ночь была расцвечена огнями, а в стекле отражалось его собственное лицо. Озабоченное, встревоженное. Где-то там притаилось изобретательное зло, которое нельзя недооценивать... Все жертвы Фонтена были сильными и умными женщинами, но «палач» оказался сильнее их. Он опасный противник. Этот человек притаился в тени и ждет следующего жеста, новых сигналов. Как акула. А значит, им придется действовать как можно незаметней.

— Я знаю одно место, — сказал он. — Чудесное место у Черной горы. Над озером Сен-Ферреоль. Там очень красиво — осенью, весной... И даже зимой, когда выпадает снег... Можно будет похоронить его наверху, что скажете? Час пути — и вы там.

— Вы приедете? — спросила она.

— Обязательно.

Сервас освободил морозилку от коробок с пиццей «Домино», упаковок кантонского риса и горшочков сливочного желе с резанцем, оливковым маслом и трюфелями, приготовив место для Игги.

Укладывать тельце песика в *импровизированный* морг пришлось по диагонали.

— Не заглядывайте в нижнее отделение, договорились? — попросил Мартен хозяйку. — До моего возвращения...

— Хорошо, — отозвалась та.

— Дайте слово.

— Даю.

Сервас взглянул на часы:

— Сегодня ночью он не придет. Слишком много полиции вокруг — не решится.

— Вы уверены? Ваши коллеги закончат и уедут. Все в доме лягут спать. Улица опустеет и... Какие у меня гарантии? Вы не могли бы остаться? Один раз... Пока я не соображу, что делать...

Мартен понимал, что не может вызвать наружку: он не при исполнении, а вступать в объяснения с начальством ему не хотелось.

— У меня завтра встреча, — сказал он и начал искать в телефоне номер Больё. — Очень рано... — Вздохнув и помолчав немного, вдруг решил: — Ладно, согласен. Но спать буду на кровати — ненавижу диваны.

Кристина улыбнулась.

Женщина достала сигарету, щелкнула зажигалкой, и язычок пламени на мгновение осветил ее лицо. Она стояла на тротуаре, метрах в ста от дома, и могла следить за происходящим, не привлекая к себе внимания. Когда раздалось завывание полицейских сирен, она сочла за лучшее вернуться к своей машине, которую оставила на третьем этаже парковки у площади Кармелитов.

Потом молчаливая зрительница снова вернулась на улицу и припарковалась достаточно далеко от места преступления, чтобы не быть замеченной, но и достаточно близко, чтобы видеть подъезд. Через два часа, когда сыщики, проводившие опрос соседей, проходили мимо нее, она вышла из машины и начала старательно запирать дверцу. Ее спросили: «Давно вы здесь, мадам?», и она ответила: «Только что приехала...», после чего поинтересовалась: «А что случилось?», и о ней тут же забыли.

Позже наблюдательница села за руль и перебралась поближе к месту происшествия: эксперты уехали, зеваки разошлись, и на улице

стало тихо. Было три часа ночи. Инспектор так и не вышел... Она курила, часто и глубоко затягиваясь, выдыхала дым в потолок и размышляла. Кристина оказалась гораздо упрямей, чем можно было ожидать. Она бы никогда не подумала, что эта девка устоит в подобном катаклизме. Да еще и окажет сопротивление. Сегодня ей позвонила Корделия: подельница нервничала, была на взводе, так что с нею тоже придется что-то решать. Все вдруг пошло не так, но ничего, она это поправит! Больше всего ее заботила встреча Кристины с майором. У мерзавки появился надежный союзник, она больше не изолирована от мира, так что на самоубийство рассчитывать не приходится. Проклятье... Возможно, она ошиблась, наведя легавого на след Селии Яблонки и Леонарда. *Она знала, почему так поступила*, но теперь эта идея не казалась ей такой уж удачной... Хотя подозрение на Леонарда она навела, и теперь ему не отвертеться. Не в этот раз.

Но Кристина себя не убьет. Женщина задохнулась от ненависти, и ее рот наполнился горькой слюной.

Успокойся...

Пора с этим кончать. Другим способом... более радикальным. Инстинкт подсказывал: игра слишком затянулась. Черт с ней, с идеей самоубийства, плевать на тщательно продуманный план: сойдет и исчезновение.

Она в очередной раз затянулась дымом, вдохнула последнюю, самую сладкую порцию отравы...

Ненависть, ревность и гнев — тоже яд, и ничуть не менее сильнодействующий.

38. Уход со сцены

Будильник прозвонил ровно в семь, но Сервас уже принимал душ: он не хотел опоздать на встречу с дочерью. Если Марго приедет в дом отдыха раньше него, она наверняка спросит, где он провел ночь.

Значит, нужно действовать «на опережение». И сделать вид, что он спал сном младенца в своем временном обиталище. Мартен посмотрелся в зеркало: было бы неплохо привести себя в божеский вид, но под рукой нет ни бритвы, ни даже расчески. Сыщик провел ладонью по мокрым волосам, подумав, что еще успеет переодеться. На комод в гостиной стояла фотография в рамке: Кристина и мужчина лет тридцати в очках. Оба щурились на заходящее солнце и улыбались.

Сама Кристина пила кофе, поставив локти на барную стойку и держа пиалу в ладонях.

— Кто это? — спросил ее полицейский.

— Жеральд. Мой... друг, — ответила женщина после некоторой заминки.

— У вас хорошие отношения?

В глазах женщины промелькнуло сомнение. Но затем последовал кивок:

— Ну, как у всех... бывают взлеты, случаются падения... Но Жеральд — хороший человек.

— Чем он занимается?

— Наукой. Космическими исследованиями.

Один ящичек открывается, другой закрывается. Жеральд... Замигала сигнальная лампочка в мозгу: *космическая отрасль...* Сервас почувствовал возбуждение.

— Мне пора, — сказал он. — Дверь не открывайте, никого не впускайте — кроме меня или лейтенанта Больё. У вас есть мой номер, звоните в любой момент. Вот телефон Больё — на случай, если не сумеете связаться со мною. Если кто-нибудь сунется, позвонит в дверь, покажет удостоверение, посылайте его куда подальше — сейчас полно фальшивых документов.

Штайнмайер кивнула, но вид у нее был озабоченный.

— Может, попробуем заманить его в ловушку? — предложила вдруг она.

Мартен недоумевающе вздернул бровь.

— Я уйду из квартиры, а кто-нибудь из ваших будет его поджидать, — пояснила его собеседница.

Майор покачал головой:

— Он не купится. Слишком хитер.

Кристина сжала челюсти, опустила глаза, отвернулась и сделала глоток кофе. Она явно пала духом.

— Я вернусь, как только закончу с делами, и мы выработаем стратегию, — пообещал ей Мартен.

«Фу ты, как напыщенно... — подумал он. — И глагол выбран неудачно... Незачем ей знать, что у тебя нет никакого плана».

Четверг. Утро. Туман. Влажный и плотный туман окутал поля и лес. Вороний грай разрывал тишину, как сирена маяка.

Он пулей влетел в комнату, сменил одежду и успел спуститься в холл в тот самый момент, когда красный с белой крышей «Ситроен DS3» въехал на стоянку. Марго просияла улыбкой, и у Серваса сжалось сердце. Но это было сладкое чувство.

Высокая тоненькая девушка в джинсах и толстом свитере ничем не напоминала прежнюю Марго. Сказать, что за последнее время его дочь изменилась, значило ничего не сказать. Три года назад Марго оказалась в эпицентре истории с трагическим финалом: один ее соученик покончил с собой, а другой сел в тюрьму за убийство. Она тогда носила пирсинг, татуировки и красила волосы в дикие цвета. Ее приняли на подготовительное отделение самого престижного лицея (Мартен хорошо помнил тот великолепный летний день, когда впервые привез ее в Марсак), где царили древние традиции и почти монастырская строгость, а она украсила свою комнату постерами фильмов в жанре «хоррор» и день и ночь слушала Мэрилина Мэнсона.

Сыщик не знал, какую музыку дочь предпочитает теперь, но в женщину она превратилась быстрее, чем головастик в лягушку, это уж точно!

— Папа... — сказала Марго и поцеловала его в щеку (у нее даже голос изменился — полицейский впервые заметил это, когда принял ее по телефону за бывшую жену).

Прежним остались только лицо, независимый вид и привычка задирать нос, производившая неотразимое впечатление на молодых

людей. Марго достала из сумки пакетик в золотой бумаге, перевязанный золотой ленточкой. Сервас просиял детской улыбкой:

— Что это?

— Открой и увидишь, — отозвалась его гостья.

Он поежился — на улице было сыро.

— Идем, я что-то замерз.

Они устроились в гостиной в северном крыле, где пока никого не было, хотя в доме уже звучали голоса других пансионеров.

Мартен разорвал бумагу и увидел коробку, оформленную в климтовском, читай — китчевом — стиле с профилем Малера. Полное собрание сочинений. 16 CD-дисков... «И-эм-ай классике». Сервас слышал об этом сборнике, выпущенном в 2010 году, и помнил, что там не было его любимых интерпретаций — ни Бернстайна, ни Хайтинка, ни Кубелика, — но, бросив взгляд на оглавление, с радостью обнаружил имена Кэтлин Ферье, Барбиолли, Кристи Людвиг, Бруно Вальтера, Клемперера и Фишера-Дискау.

— Ты ведь один из последних «мастодонтов», которые все еще слушают CD, — подколола отца Марго.

— Шестнадцать дисков. Лекарство от скуки? — поинтересовался тот.

— Не хочу, чтобы ты тут совсем опростился. Ну и?..

— Что — и?

— Тебе нравится?

— Не то слово. Потрясающий подарок! О лучшем я и мечтать не мог! Спасибо.

Девушка пропустила мимо ушей чрезмерно восторженную интонацию, и они поцеловались.

— Выглядишь лучше, чем в прошлый раз... — заметила Марго.

— Я и чувствую себя лучше.

— А я уезжаю, папа.

Майор поднял на нее глаза:

— Куда?

— В Квебек. Мне предложили временную работу.

В... *Квебек*? Нет, только не это! Сервас испытывал священный ужас перед полетами.

— Почему... почему не Тулуза? — Он понял, как наивно прозвучал этот вопрос, еще не успев договорить.

— За последний год я разослала сто сорок резюме и получила десять ответов — десять отказов, — вздохнула девушка. — В прошлом месяце я отправила четыре мейла в разные квебекские организации, и мне прислали два положительных ответа. Здесь все мертво, папа. У нашей страны нет будущего. Я уезжаю через четыре месяца... У меня будет право на отпуск.

Мартен знал, что его дочь хочет работать в области связей с общественностью, но понятия не имел, что именно это означает. Булочник или полицейский, пожарный, инженер или механик, даже наркоторговец или наемный убийца — все это вполне конкретные занятия. Но связи с общественностью? С чем это едят?

— Надолго? — спросил сыщик упавшим голосом.

— На год. Для начала...

Год! Сервас затосковал, представив полет над Атлантикой, экономкласс, облачность, турбуленцию, жалостливо-снисходительные взгляды стюардесс...

Его взгляд упал на фотографию Малера, и мозг услужливо напомнил о снимке в гостиной Кристины. *Жеральд...* У него появилось странное чувство, когда он его увидел.

— ...но, если получу рабочее разрешение, останусь там и...

Там... Слово прозвучало как поминальный звон по их маленькой семье.

Лицо Жеральда... Оно ему знакомо. Полицейский был уверен, что где-то его видел. Видел, но в первый момент не узнал, потому что... Почему? Ну конечно, на другой фотографии он был снят в профиль... А сделали ее на *торжественном приеме в Капитолии*. Отражение в зеркале: мужчина в очках протягивает визитку Селии Яблонке.

— ...ты меня слушаешь, папа? — донесся до него голос дочери.

— Конечно, дорогая.

Имеет ли это значение? Еще какое! Жеральд знал и Селию Яблонку, и Кристину, но неизвестно, пересекался ли он с Милой. В ее дневнике речь идет о Фонтене, а не о Жеральде, но Сервас был сыщиком и не верил в совпадения, так что эта деталь беспокоила его все сильнее.

— Знаешь, там можно сделать карьеру — если шевелиться. Не сидеть сиднем и не ждать у моря погоды... — продолжала дочь.

У Мартена зазвонил телефон.

— Извини... — пробормотал он, торопливо поднося его к уху.
Марго укоризненно покачала головой.

Это был Больё:

— У нас серьезная проблема. Я потерял Маркуса. Утром он пошел к метро. Я спустился следом. Мы доехали до Бальма. Но... там его ждала машина. Он скрылся. Я успел записать номер.

— Проклятие! — выругался майор.

— Что происходит? — спросила Марго. — У тебя проблемы? Ты вышел на работу? Я думала, ты все еще в отпуске...

Это был не вопрос, а укор. Она приняла одно из самых важных решений в жизни и приехала поделиться им с отцом, а у него, как всегда, нет времени, хотя ее выбор будет иметь последствия для них обоих.

— Пустяки, малышка, ничего важного, — заверил ее сыщик. — Продолжай.

Но это были не пустяки. Никакие не пустяки. В горле у него сжался комок.

Кристина встала под душ, чтобы обжигающие струйки воды смыли напряжение и ломоту в теле. Сон на диване не прошел даром. Войдя в ванную, она заперлась на задвижку. Положила на раковину дубинку, газовый баллончик и электрошокер. Расслабилась. И тут ей почудился шум. Кристина завернула кран, но звук не повторился. Должно быть, трубы. Она вытерла волосы большим полотенцем, выдавила пасту на зубную щетку, и в этот момент зазвонил телефон. Не *официальный* — другой, секретный.

Лео...

— Кристина, ты дома? — быстро спросил космонавт. — Нужно увидеться...

— Что происходит?

— Потом объясню... Сегодня кое-что случится. Слушай внимательно: вот что ты сделаешь...

Она запомнила место и время. Что он задумал? Может, стоит позвонить тому сыщику? Нет, Лео просил никому не говорить. Зазвонил другой телефон. Мать... Не сейчас. Сообщение на голосовую почту. «Кристина, это мама. Я видела репортаж в новостях — о том, что случилось рядом с твоим домом. У тебя всё в порядке? Перезвони

мне...» Журналистка стерла сообщение и пошла в гостиную. Открытый ноутбук стоял на барной стойке. Она не помнила, включала его утром или нет. Сходив за своим арсеналом, Кристина вернулась в кухню и увидела, что пришел новый мейл. У нее участился пульс.

Она села на высокий табурет и открыла сообщение. Горло перехватила судорога.

МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ: Я НЕ ПОВЕРИЛА,
ПОДУМАЛА, ТЫ РЕХНУЛАСЬ. НУЖНО
ВСТРЕТИТЬСЯ И ПОГОВОРИТЬ. О ЖЕРАЛЬДЕ.
НИКОМУ НЕ ГОВОРИ. ВОТ МОЙ АДРЕС. БУДУ
ДОМА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ.

ДЕНИЗА

— Приедешь меня навестить?

Самолет — турбуленция, груды облаков наваливаются и разбегаются, кресла и копчик вибрируют, напоминая, что под ним 11 000 метров пустоты, а он заточен в огромный футляр наподобие сигарного, снаряженный сверхмощными двигателями и заправленный тысячами литров легковоспламеняющегося керосина.

Сервас затосковал.

— Конечно, крошка.

Снежная буря над Монреальским аэропортом.: —5 °С на земле, —50 °С наверху, посадка запрещена... топливо на исходе... стюардессы нервничают все заметней, напряжение в салоне растет... в иллюминаторах завывает ветер, их трясет, трясет... они наматывают круги над землей, одни в целом мире...

— Ты не передумаешь? — Мартен посмотрел в глаза дочери.

— Нет, папа.

Он знал свою Марго: уговаривать ее, пытаться повлиять — значит попусту тратить время и силы. Она не испугается ни холода, ни снега, ни бесконечно долгих зим. Страх отца перед полетами ее тоже не остановит, как и жуткий квебекский французский. Мартен работал в полиции и имел дело с изнанкой жизни, о которой люди предпочитают ничего не знать, так что настроения дочери были ему понятны.

Он подумал о Кристине. Что она сейчас делает?

Несколько мгновений отец с дочкой молча смотрели друг на друга, а потом Марго сказала:

— Позаботься о себе, папа, очень тебя прошу.

Она нажала на пульт, и ее красно-белый автомобильчик отозвался веселым «бип».

— Мы увидимся перед твоим отъездом? — спросил Мартен.

— Ну конечно!

Девушка махнула на прощание рукой, лихо крутанула руль и исчезла. Сервас осознал всю важность случившегося, но его мозг был занят совсем другими мыслями. Он достал мобильный и набрал номер Кристины. Гудок. Голосовая почта.

Он припарковался в неполюженном месте, выскочил и помчался к подъезду, раздвигая плечами туман. *Код — 1945...* Кабина лифта остановилась на четвертом этаже, он резко толкнул решетку, одним прыжком преодолел расстояние до двери и надавил на кнопку звонка. Раз, другой. Ничего. Он барабанил кулаком, кричал, готов был вышибить створку...

Затем сыщик прислушался, но в квартире стояла мертвая тишина. Сердце бухало у него в груди, пот заливал глаза.

За его спиной щелкнул замок.

— Вы ищете мадемуазель Штайнмайер? — Противный фальцет, суровый тон. Сервас повернулся и встретился взглядом с соседкой Кристины: низенькая пожилая тетка с серыми волосами сверлила его взглядом.

— Да... — Он показал мегере значок.

— Она ушла, — сказала та.

— Не сказала куда?

— Дела и поступки мадемуазель Штайнмайер интересуют меня в последнюю очередь, — презрительно фыркнула достойная дама.

— Благодарю вас... — ответил Мартен, хотя тон его говорил об обратном.

Черт, черт, черт! Он был в бешенстве: Больё упустил Маркуса, а Кристина покинула квартиру, не предупредив его. Почему она не позвонила? Адреналин в крови зашкаливал, и полицейский не чувствовал усталости — только растущее беспокойство. У него

возникло предчувствие неминуемой катастрофы. Он спустился вниз и увидел, как женщина из вспомогательного состава полиции просовывает под дворник его машины штрафную квитанцию. Не говоря ни слова, майор показал ей свой жетон, и она ответила ему неласковым взглядом. Дочь улетаёт на край света, Маркус испарился, Кристина исчезла, на улице туман... Пропащее утро.

К полудню они так и не нашли ни ее, ни Маркуса. Штайнмайер не отвечала на звонки. Что-то было не так. Сигналы тревоги в мозгу сыщика звучали все громче.

— Что будем делать? — спросил по телефону Больё. Воистину, это был его любимый вопрос!

— У меня есть ее номер — сказал Мартен. — Сделай срочный запрос... «Угроза жизни человека». Следователя предупредим потом. Позвони Левеку, он всех знает, поможет ускорить дело. Скажешь, что это моя просьба.

— Держи меня в курсе.

Сервас нервничал. Точнее, был уже на взводе. Он надеялся, что Левек сэкономит им драгоценное время — у него, как у аналитика, были особые отношения со всеми тремя операторами. Deveryware специализируется на геолокации смартфонов, и полиция купила у этой компании программное обеспечение. Оператор пошлет координаты, Deveryware предоставит Левеку доступ через Интернет к картографическому portalу, и тот сможет отслеживать перемещения телефона Кристины в режиме «нон-стоп». Это займет от тридцати до сорока пяти минут — если удастся нажать на нужные кнопки. Майор не питал особых надежд: если Штайнмайер в городе, придется проверять сотни, а то и тысячи адресов. Все проверить не удастся. Остается одно — молиться, чтобы сигнал обнаружился «на природе», по одному из известных ему адресов: Фонтен, Жеральд, Корделия...

Сервас посмотрел на дверь. Ну все, плевать на правила! Он вставил гвоздодер между створкой и косяком и надавил. Раздался треск, замок поддался, и дверь распахнулась.

— Кристина? — позвал полицейский.

Ответа он не дождался, а войдя в гостиную, тут же увидел его: телефон Кристины...

Зазвонил его собственный мобильный. Сыщик ответил.

— Она дома, — сказал Больё. — Или где-то рядом. Они локализовали номер.

— Нет, не дома, — ответил Сервас. — Здесь только ее телефон.

Он вдруг все понял. Такое уже случалось. Она исчезает. Все идет не по плану. Земля уходит из-под ног. *Он ее потерял*. По своей вине. Нельзя было оставлять Кристину одну.

Электронный адрес и номер банковской карты на сайте отеля завели его в тупик, как и список клиентов, потерявших ключ от номера. Коробки, в которых ему присылали «наводки», оказались ширпотребом: тот, кто стоял за всем этим, умел замечать следы.

Мартен закрыл глаза, крепко зажмурился, глубоко вздохнул...

И проклял себя.

Он знал, что больше не увидит эту женщину живой.

39. Могила

По обеим сторонам дороги росли платаны. Деревья на мгновение выныривали из тумана и тут же исчезали, подобно сновидениям, которые растворяются в воздухе, как только мы просыпаемся.

Мир замер — как умер. Небо, земля, туман стали одного — неопределенного — цвета. Все звуки стихли: она слышала только шорох шин по мокрому асфальту и собственное дыхание. Другая дорога, еще один перекресток, большой ржавый крест на каменном постаменте... Она сбросила скорость и успела заметить ворону, клюющую падаль у подножия креста. Женщина нажала на педаль акселератора — сильнее, чем следовало в гололед на повороте, — и почувствовала, что задние колеса превращаются в коньки. Машину занесло. Руль вправо, влево. *Только не тормози...* Убери ногу с педали. Не делай резких движений. Контроль восстановлен. Уф...

Сердце билось о стенки грудной клетки, как мяч для игры в сквош, посланный рукой сильного игрока. *Дыши, все уже в порядке...* Шины снова надежно цепляются за дорогу.

Пульс успокоился не сразу. Отопление на этот раз работало исправно, и Штайнмайер, почувствовав, что ее лоб и подмышки взмокли от пота, снизила обороты. В тумане раскаркались невидимые вороны. Под вязом с оголившимися на зиму ветвями, в маленькой нише, стояла небольшая статуя Мадонны: чья-то богохульная рука пририсовала ей вызывающе непристойные груди и обвела черным угольком глаза. «Похожа на Корделию...» — подумалось журналистке, и неожиданная аналогия заставила ее вздрогнуть.

Она подумала о полицейском, который у нее ночевал. *Сервас*. Он показался ей надежным человеком, она хотела довериться ему, но Лео объяснил, что в сложившихся обстоятельствах у этого сыщика — будь он трижды профессионал и честнейший человек! — нет улик и доказательств вины ее врага, поэтому ни один судья не откроет дела и не выдаст ордер на предварительное задержание. Сервас наверняка осознаёт ситуацию, но он не может позволить им творить самосуд. Для Кристины же вопрос стоит иначе: кто кого, она или ее мучитель... Никакой альтернативы: уравнение с двумя неизвестными.

Она вспомнила о Максе-Хорхе, чей труп сейчас лежит в городском морге Тулузы, и ярость затуманила ее мозг.

Желтый дом в тумане...

GPS не подвел. Это здесь. Она сбросила скорость.

Маленький уединенный дом без всяких затей. Сад за решетчатой оградой, собачья будка, навес под высокой «облысевшей» сосной... Вокруг — запаханные на зиму поля, «припудренные» туманом. Ворота открыты.

Женщина въехала на гравиевую дорожку, выключила мотор и разложила по карманам электрошокер и баллончик, после чего вышла. Влажный холод сразу прохватил ее до костей. В воздухе пахло гарью, свежевскопанной землей и коровами. Она подошла к крыльцу.

— Здравствуй, Кристина, — голос был ей знаком.

Она резко повернулась, выбросив вперед кулак с электрошокером.

— Ну-ну, тише, тише... Ты же не собираешься снова пустить его в ход? Одного раза мне вполне хватило. — Маркус сидел на корточках в будке, почти касаясь макушкой крыши, и лицо было наполовину скрыто в тени. Черный глазок пистолета смотрел Кристине в грудь.

— Выбрось их, пожалуйста, — сказал мужчина, а затем вылез из будки, разогнулся и потянулся, скривив лицо. — Должен сказать, ты здорово меня отделала...

Маркус был одет в толстовку с изображением чернокожего рэпера Лида Уэйна. Он дохромал до Штайнмайер, поднял голову и... вlepил ей пощечину. Она покачнулась, отступила на шаг, коснулась ладонью горячей щеки и почему-то подумала о том, какая они нелепая парочка: коротышка Маркус и дылда Корделия.

— Это за мои колени, — объяснил мужчина как ни в чем не бывало и кивнул на дом. — Не питай иллюзий, никто тебе не поможет: ставни открыл я — хозяева в отпуске.

Затем он подошел еще ближе, чтобы обыскать ее.

— Не думала, что так получится? Ничего страшного... Сделаем все по-моему, если не возражаешь... Легавых я хочу видеть не больше, чем ты. Где твой телефон?

— На пассажирском сиденье.

Коротышка обошел машину, открыл дверцу, достал телефон и раздавил его каблуком, как крысу. «Дорогушие сапоги, из змеиной

кожи, — машинально отметила про себя Кристина. — А каблук — не меньше восьми сантиметров...»

— Ладно, поехали. Садись за руль, — велел ей Маркус.

В машине он сделал один короткий звонок: «Она у меня...» — и потом минут тридцать «работал штурманом», командуя: «*Направо... налево... теперь прямо...*» Они выехали на длинную прямую дорогу, напомилавшую туннель под платанами, чьи узловатые ветви были похожи на арки и нервюры собора. Вдалеке, в серой дымке, виднелся размытый силуэт дома. Он медленно выплывал из тумана — почти кубический, трехэтажный, с высокими окнами. Несмотря на простоту формы, выглядел дом очень импозантно: толстые стены, двойные каминные трубы на каждом из углов, слуховые окошки вровень с землей над подвальным этажом — наверняка просторным, глубоким и очень темным. Этот дом, в отличие от предыдущего, пережил века; он был свидетелем рождений и смертей многих поколений, целых семей, ему было ведомо множество секретов. Машины возле него журналистка не заметила, но метрах в десяти от дома стоял гараж под крышей из металлического шифера.

— Мы на месте, — сказал Маркус.

Дверь открылась в тот самый момент, когда они вышли из машины, и на пороге появилась высокая стройная женщина. Кристина была уверена, что они никогда не встречались, но по какой-то непостижимой причине лицо хозяйки дома было ей знакомо. Штайнмайер встретила взглядом с коротышкой, и тот указал пистолетом на крыльцо в три ступени. Стоящая на ней женщина улыбалась.

— Кто вы? Где Дениза? — спросила журналистка.

Улыбка незнакомки стала еще шире. Она плотнее запахнула шаль на широких плечах и сказала:

— Здравствуй, Кристина. Наконец-то мы встретились.

Из глубины дома на волю вырвалась музыка. Мадемуазель Штайнмайер вздрогнула.

Сопрано, «вокализы в тумане».

Опера...

Коридор. Бесконечный проход, ведущий на кухню — просторную, оборудованную по последнему слову техники. Станный контраст с

коридором, забитым старой мебелью и картинами.

Туман приникал к окнам, но свет нигде не горел. *Опера...* Музыка разносилась по дому, голос взлетал, падал и снова взлетал, как паруса под ветром. Кристине казалось, что звуки проникают через кожу прямо ей в кровь.

Она взглянула на темноволосую женщину с красивым, хоть и тронутым возрастом лицом.

— Ты ждала кого-то другого? — обратилась та к своей пленнице. — Думала, что вот-вот разгадаешь загадку...

— Где Дениза? — повторила журналистка свой вопрос.

— Нет тут никакой Денизы. — Хозяйка дома щелкнула выключателем, на кухне зажегся яркий свет, и Кристина увидела блестящие поверхности шкафчиков из нержавеющей стали и ряды сверкающих кастрюль. — Сообщение послала я. — Она повернулась к Маркусу. — Она чиста? Ты ее обыскал?

Мужчина кивнул — едва заметно, небрежно, давая понять, насколько неуместен этот вопрос: он свое дело знает.

Брюнетка снова повернулась к Кристине:

— Вернее будет сказать, Дениза не имеет никакого отношения к этой истории... если не считать того, что спит с твоим Жеральдом. Это началось задолго до того, как он тебя бросил. Хороший номер она сыграла с тобою в кафе!.. Брось, не злись: кто может устоять перед Денизой? Какой нормальный мужик? Уж точно не Жеральд. Слишком трусливый, слишком ленивый и слишком *нудный*: не волнуйся, он ей скоро наскучит.

Женщина говорила небрежным тоном, но Штайнмайер угадывала в ее словах нечто зловещее и даже угрожающее.

— Кто вы? — спросила она и удивилась про себя: *«Надо же, голос почти не дрожит...»*

— Меня зовут Мила Болсански, — ответила хозяйка. — Тома! — позвала она затем, и Кристина уловила справа от себя звук открывающейся двери и легких, почти невесомых шагов. В кухню вошел мальчуган лет четырех или пяти с грустными карими глазами.

— Это мой сын Тома. Поздоровайся, малыш, — сказала Мила. — *Тома — сын Лео.*

— Здравствуйте, мадам, — послушно произнес ребенок.

— А теперь возвращайся к себе, дорогой, — велела ему мать.

Мальчик исчез — так же тихо, как появился. Он явно не страдал излишним любопытством. На долю секунды Тома напомнил Кристине сестру Мадлен в последние дни ее жизни, когда она закрылась, замкнулась в себе и не проявляла никаких чувств. *Сын Лео...* Журналистке показалось, что у нее в голове возникла истерическая каша идей и впечатлений, что стрелка ее внутреннего компаса сбилась и сошла с ума, что она ищет и не может найти север.

Маркус, убравший пистолет, когда появился ребенок, снова наставил его на пленницу, а та посмотрела на мать Тома. Почему ей знакомо это лицо? Она чувствовала, что вот-вот вспомнит...

— Идем... — Женщина открыла дверь в комнату и включила свет.

Кристина увидела огромную, во всю стену, фотографию Земли, сделанную из космоса. Снимок был фантастически четким, несмотря на размеры. При взгляде на него возникало ощущение, что ты сам паришь в ночном небе и смотришь на континенты и острова, ледники и города, пустыни, циклоны и тайфуны. У стены с фотографией стояли белый диван и низкий столик с книгами. Журналистка сразу заметила, что все они были посвящены одной и той же теме. Она подумала о Лео и внезапно все поняла. Мила Болсански. Ну конечно: женщина-космонавт... Она видела ее по телевизору несколько лет назад. *Вторая французженка в космосе*. Если память ей не изменяет, на орбите тогда что-то произошло и миссия была прервана... Лео участвовал в той экспедиции, но никогда об этом не рассказывал. Они встречались два раза в неделю и говорили о множестве вещей. Но не о происшествии на МКС. Неужели мальчик — его сын? Это уж слишком...

— Слышишь музыку? — спросила Мила. — Опера «Гибель богов». В финале бывшая валькирия Брунгильда, сидя верхом на лошади, бросается в погребальный костер Зигфрида. Я всегда любила оперу... Многие из них посвящены теме самоубийства. Но ты, Кристина, слишком любишь жизнь, это твой главный недостаток.

Штайнмайер обвела взглядом комнату. Черное лаковое пианино, на крышке — партитуры и фотографии в рамках. В глубине, перед балконной дверью, беломраморный камин. Пустой, без дров. Над трубой клубится туман...

— Опера — это первозданные эмоции. Когда страсть, печаль, страдание и безумие достигают такого накала, что словами их не

выразить, в дело вступает пение. Это выше человеческого понимания, выше логики: этого не описать словами.

Музыка звучала торжественно громко, разносясь по всему дому. Кристина подумала о маленьком мальчике — стены толстые, но он тоже ее слышит. Игрушки Тома — фигурки-трансформеры, красная пожарная машинка, баскетбольный мяч — остались лежать на ковре: хозяйке дома было не до уборки...

— Знаешь, как написать хорошее либретто? — продолжала Болсански. — Очень просто: действие должно развиваться быстро, а ударные моменты — множиться до самой развязки. Трагической, само собой разумеется... Ключевой момент — это ария *da capo* в трех частях, причем третья повторяет первую. Но музыка не должна быть помехой драматизму действия, так что главное — чувство меры.

Сопрано взяла высокую ноту.

— Вот, слышишь? — сказала хозяйка.

— Что именно? — спросила Кристина, не давая вывести себя из равновесия. — Это нелепое воркование? По-моему, она перебарщивает, тебе так не кажется?

По лицу Милы промелькнула тень сомнения.

«Ну что, съела? — мысленно фыркнула Штайнмайер. — Ты думала, что сломала меня, уничтожила и можешь праздновать победу. Жаль тебя расстраивать, но в этот раз у тебя не вышло. Твой план не сработал. С Селией получилось куда “забавней”... Особенно ее самоубийство в финале. Совсем как в одной из чертовых опер, которые ты так любишь...»

Болсански повернулась к Маркусу.

— Ты достал то, что я велела?

Он кивнул, сунул руку в перчатке в карман куртки, достал маленькую ампулу и посмотрел на Кристину пустым взглядом из-под длинных светлых ресниц.

Брюнетка протянула руку к графину с водой и налила полстакана. *«Не показывай, что боишься»*, — приказала себе журналистка. Мила вылила содержимое ампулы в воду и помешала, а потом вынула ложечку.

— Пей, — приказала она.

— Снова хочешь спить меня? — огрызнулась Штайнмайер. — Повторяешься...

— Пей!

— Слушайте, я... — начала было Кристина, но затем, не договорив, взяла дрогнувшей рукой стакан.

— ПЕЙ, — угрожающим тоном произнес Маркус и наставил на нее пистолет. — Не тяни. У тебя три секунды... две... одна...

Женщина поднесла стакан к губам — вкус воды в нем напоминал витамины, которые в детстве мать покупала для нее в аптеке, — и выпила залпом.

— Значит, с Селией поработали вы? — спросила она после этого.

Взгляд Милы стал ледяным.

— Она считала, что имеет право на Лео, цеплялась за него. А он собирался бросить ради нее жену. Это была самооборона: Лео принадлежит мне, он отец моего ребенка.

— Но ведь он женат...

— Ты называешь *это* браком? Я бы сказала иначе — балаган. Кстати, они разводятся, ты не знала? — Хозяйка дома пожала плечами. — Рано или поздно он ко мне вернется. Когда поймет наконец, что осталась только я. Идиотка Селия стояла у нас на пути — как и ты... Я превратила ее жизнь в ад. Все вокруг начали считать ее сумасшедшей, она исхудала, подурнела, потускнела, перестала быть забавной умницей... и у нашего дорогого Лео открылись глаза... Приходится признать, что с состраданием у него слабовато... — Пауза. — Он ее бросил, а она этого не вынесла. Финал тебе известен...

Кристина кивнула.

— Ясно. Теперь моя очередь. Жаль только, что ты зря старалась. Месяц назад я порвала с Лео. Он мог бы тебе это подтвердить, пожелай ты поинтересоваться.

— Врешь! — воскликнула брюнетка.

— Зачем мне врать?.. Уже поздно давать задний ход, верно?

Еще один удивленный взгляд. Мила наверняка думала, что ее жертва будет рыдать, молить о пощаде...

— Как ты нашла Маркуса? — спросила тем временем Штайнмайер.

Обе женщины посмотрели на маленького человечка с бритым черепом, бледной кожей и женоподобным лицом.

— У меня есть *друзья* в Москве, — сказала Болсански. — Бесценные друзья... Мы сошлись, когда я работала в Звездном

городке. Маркус — один из их... *представителей* во Франции... Он приехал три года назад, но язык выучил в России. У него и у таких как он особый дар: они шарят по помойкам в поисках информации, проникают по ночам в дома, узнают о людях то, что те хотят скрыть, вырывают признания, вскрывают любые замки, взламывают компьютеры...

Мила коснулась ногтем татуировки на шее коротышки и продолжила:

— Маркус нелюбопытен. Он не задает вопросов. Это одно из его главных достоинств. Он интересуется только размером гонорара. Ты знаешь, что есть страны, где убийцу можно нанять за пригоршню долларов или пакетик дури?

Кристина посмотрела в окно и заметила, что на улице стемнело. Туман рассеялся. Силуэты деревьев чернели на фоне заката.

— Маркус и Корделия — та еще парочка, верно? — усмехнулась брюнетка. — Они познакомились в метро, когда он попытался обчистить ее карманы, а она приняла его за безобидного шута... Корделия — прирожденная мошенница, обман — ее стихия, поэтому, когда я узнала, что ваше «Радио 5» ищет стажерку, велела ей подделать анкету и резюме и попытаться счастья. Твой Гийомо повелся с первого взгляда. Корделия умеет нажать на чувствительные точки. Ты знала, что твой патрон обожает по вечерам смотреть стриптиз в собственном кабинете? Все мужики одинаковы...

— Я... мне что-то нехорошо... — пробормотала Кристина.

Она не притворялась. Ей показалось, что комната пришла в движение и медленно закружилась, как карусель. Почему ей так жарко?

— Я... Что было в той ампуле?.. — Она заморгала. — Вам это с рук не сойдет... Лео подозревает... И тот полицейский, он тоже до вас доберется...

На губах Милы появилась змеиная улыбка:

— Я написала дневник. Сочинила такую историю... Подделала все. О том, что якобы происходило в Звездном городке, и о том, что бедный Лео будто бы со мною сделал... — Она снова усмехнулась. — И отдала мой опус легавому. Дневник убедит его в виновности Лео.

— Зачем?..

— Когда он останется совсем один, когда все от него отвернутся, когда он окажется в тюрьме, я начну его покорять, начну отвоевывать свое — медленно и терпеливо. — На губах женщины-космонавта заиграла мечтательная улыбка. — Он поймет всю силу моей любви и преданности. Узнает, что я ради него сделала. И снова меня полюбит и будет любить как прежде — *как в самом начале...*

Мадемуазель Штайнмайер прикусила нижнюю губу. *Господи, эта женщина — законченная психопатка...* Она бросила взгляд на Маркуса, но тот с равнодушным видом держал ее на прицеле: ему заплатили, этого вполне достаточно.

— Пора, — сказала Мила своему помощнику, посмотрев на часы.

Она открыла низкую деревянную дверь у себя за спиной, и Кристина увидела бетонную беседку, которая начиналась у стены дома и тянулась до опушки леса. Беседку обвивали сухая виноградная лоза и плющ, возле нее пламенели камелии, тонко пахли бледные зимние розы... Край каменного колодца порос мхом, а между плитками дорожки росли трава и крапива.

— Давай шевели ногами, — велел Маркус, ткнув пленнице в спину пистолетом.

Журналистка сделала три шага и остановилась:

— Что вы собираетесь со мною сделать?

— Пошла, кому сказано! — прикрикнул на нее бандит.

Они добрались до леса по узкой тропинке. Солнце садилось за деревья на холме, и его бледные лучи, красные и холодные, освещали тонкие черные стволы. Маленький ручеек бежал по пухлому ковру опавшей листвы, поблескивая, как медный провод. От земли поднимался запах перегноя и разложения.

Сердце у Кристины колотилось как безумное.

— Шагай, — снова приказал Маркус.

Он шел первым и не оглядывался, прекрасно понимая, что далеко его жертва не убежит — даже если попытается.

Они миновали ручей и начали подниматься по склону.

— Господи, как кружится голова... — пробормотала Штайнмайер, после чего пошатнулась и тяжело плюхнулась на колени. К ее ладоням прилипли грязь и листья. Маркус остановился. Его кукольное личико не выражало никаких эмоций — только безразличие ко всему

происходящему. Кристина поднялась, начала отряхиваться, и в этот момент рядом появилась Мила:

— Вперед!

Пошел мелкий дождик. Холодные капли падали журналистке на лицо, и она ловила их растрескавшимися губами и языком.

— Значит, вот где все закончится? — прошептала Кристина. — В сердце леса...

Бритоголовый коротышка пригнулся, чтобы подлезть под нижней веткой, и произнес равнодушным тоном:

— Хватит болтать! У нас и без тебя много дел.

Маркус и Мила схватили Кристину под руки и потащили вперед.

— Я... кажется, меня сейчас вырвет, — простонала та.

Однако позыв оказался ложным. Все трое спустились в ложбинку, где деревья росли реже, и пленница увидела глубокую яму, выкопанную в центре поляны. Рядом валялась лопата.

— Нет! Нет! — закричала она и начала яростно отбиваться.

Бандит наставил на нее оружие.

— Прыгай в яму и ложись на спину.

Старое узловатое дерево на краю могилы напоминало гимнаста, вытянувшегося в стойку перед кульбитом. Некоторые его корни были перерублены острым краем заступа.

Кристина повернулась лицом к Болсански:

— *Нет! Подождите! Подождите!*

Маркус толкнул ее, и она упала навзничь. *Нырнула. Пошла ко дну.* Слава богу, земля в яме была мягкая, как матрас, и она не ударилась. Упав, Штайнмайер открыла глаза. В ноздри ей ударил запах разрытой земли, струи дождя били по лицу, в глаза затекала ледяная вода.

— Женщины-убийцы могут дать сто очков вперед мужчинам, — сказала Мила. — Они более утонченные, изобретательные и расчетливые.

— Ну давай, приступай... — Маркус протянул ей пистолет, держа его за ствол. Она пришла в бешенство:

— Ты рехнулся?! Делай дело, я тебе заплатила!

— Заплатила, верно, — усмехнулся ее подельник. — Но за такие деньги я на пожизненное не подпишусь. Так что придется тебе самой запачкать руки.

Болсански со злым смешком перехватила оружие:

— Я думала, ты мужик... Вырождается русская мафия, да, вырождается...

Маркус достал из кармана пачку сигарет, закурил и улыбнулся, проигнорировав издевку. Кристина повернула голову. В нескольких сантиметрах от ее щеки, под сеткой тонких белых корешков, копошились земляные черви.

— Твой черед, госпожа... — снова послышался голос бандита. — В обойме всего два патрона, так что целься лучше...

Кристина закрыла глаза.

Ее била дрожь, тело покрылось мурашками и потом, а руки и ноги дергались, как от удара электрическим током. Она хотела вскочить, выпрыгнуть из ямы и бежать сломя голову, но страх парализовал ее.

Она не видела, как Мила подошла к самому краю могилы и подняла пистолет.

Не видела, что та тоже дрожит.

Болсански прицелилась.

Нажала на спусковой крючок.

Звук выстрела эхом отозвался в лесу, спугнув птиц. Обе пули попали в грудь, и тело дважды содрогнулось в ответ. Мгновение спустя два красных цветка растеклись по мокрой шерсти свитера. Тело в последний раз выгнулось и застыло. Струйка крови вытекла изо рта на подбородок...

...все было кончено.

Просто.

Чисто.

Бесповоротно.

Дуло пистолета еще дымилось. Мила не могла оторвать взгляд от трупа Кристины. Она еще никогда никого не убивала. Во всяком случае, собственными руками.

— Добро пожаловать в наш клуб, — сказал Маркус и, подняв лопату, бросил первую порцию земли на лицо убитой.

АКТ 3

*Я знаю, ее боль
Ничем не
облегчить.*

*Но следует
озаботиться
Судьбой
ребенка.*

*«Мадам
Баттерфляй»*

40. Ария da Caro

Ясным холодным январским утром Фонтен плавал голым в бассейне, а Сервас смотрел в бинокль на его мускулистую спину, круглые ягодицы и стройные ноги, рассекающие дымящуюся воду. Вдоволь наглядевшись, он пошел назад к своей машине, превратившейся в морозильник, убрал бинокль в бардачок и на первой скорости тронулся с места.

Слишком рано. Еще слишком рано встречаться с Леонардом Фонтеном лицом к лицу, но рано или поздно это произойдет. Обязательно. Когда расклад изменится.

Куда исчезла Кристина Штайнмайер? Она уже десять дней не подает признаков жизни. Свет раннего утра был мертвенно-бледным, в машине горела только приборная доска, и полицейский ехал медленно, внимательно вглядываясь в ленту шоссе и фары шедших впереди машин, а в мозгу у него яркими неоновыми буквами мерцало одноединственное слово. *Мертва*. Кристина Штайнмайер мертва. Мертва и где-то закопана... Они все перепробовали, пытаясь восстановить ее маршрут в то утро, когда она ушла из дома и исчезла. Но ее никто больше не видел. Ни жених, ни родители, ни бывшие коллеги с «Радио 5». Было открыто дело об исчезновении при подозрительных обстоятельствах. Коринну Делия и Маркуса (настоящее его имя было — Егор Немцов) долго трясли, но ничего от них не добились.

Мартен очень сожалел, что не мог принять участия в допросах, но Венсан и Самира, а также Больё, который чувствовал себя слегка виноватым и принял решение сотрудничать с ними, все ему в деталях пересказали.

Больё и Сервас были теперь уверены, что Маркус — он же Егор Немцов — замешан в исчезновении Кристины. Сыщик вернулся мыслями к дневнику Милы Болсански, к фотографиям Фонтена и Селии Яблонки, а затем к признаниям Кристины. Мила — Селия — Кристина: три любовницы космонавта. Свидетельства мадемуазель Болсански произвели на него удручающее впечатление. Проникнув в дом Фонтена и увидев на тумбочке у его кровати книгу о проблеме манипуляторства, Сервас счел, что нашел виновного... А теперь исчезла Кристина Штайнмайер... Но ни один судья не выдаст ордер на

основании таких «жидких» улик. Он ходит по кругу. Нужно подтолкнуть Фонтена, чтобы тот совершил ошибку. Но как? Мерзавец осторожен и умен.

Тома помахал матери и побежал к товарищам, собравшимся на школьном дворе под платанами, а сама она вернулась к машине. Сегодня пятница. По пятницам она не работает. Пятница — день заупок в супермаркете. Мила поставила машину на стоянку, взяла тележку и почти час не торопясь ходила по рядам. Несмотря на ранний час, народу в магазине было очень много. Она то и дело сталкивалась с другими покупателями, раздраженно отталкивая чужие тележки, и время от времени сверялась со списком, хотя каждую неделю затаривалась одними и теми же продуктами. Правда, на этот раз кое-что изменилось: Болсански решила побаловать себя бутылкой «Кло-Вужо», а за вкусной гастрономией отправиться завтра — на фермерский рынок.

Мила выбрала самую «короткую» очередь — перед ней было человек пятнадцать — и, пока стояла, бросила в тележку ментоловую жвачку и телепрограмму.

Кассирша — молодая, с пирсингом в ноздре и с синей челкой — вежливо поздоровалась и начала считывать коды, выкладывая товар на ленту транспортера. Болсански шагнула через магнитные ворота, чтобы начать укладывать продукты, но внезапно в магазине истошно завывла сирена. Кассирша насторожилась и сказала:

— Будьте добры, мадам, вернитесь и пройдите еще раз через портик.

Мила вздохнула. Отступила назад, а потом снова сделала шаг вперед. Адское гудение повторилось, и люди в разных частях магазина оглянулись, не понимая, что происходит. Кассирша наградила Болсански злобным взглядом:

— Вернитесь, мадам! Вы уверены, что ничего не «забыли» в карманах?

Она пока не обвиняла, но вопрос ее прозвучал оскорбительно. Покупательница почувствовала на себе взгляды всех, кто стоял в очереди к кассам, и побагровела от стыда. Она сунула руку в карман пальто и... что-то нащупала... Она вытащила из кармана пластиковую

коробку с подарочной картой из парфюмерного отдела. Номинал — сто пятьдесят евро. Лицо кассирши помрачнело.

— Я не понимаю... — начала было Мила.

— Вы берете ее или нет? — резким тоном спросила сотрудница магазина.

Взгляд ее стал враждебным. Кассирша приняла ее за воровку, но объясняться не собиралась: она не первая и не последняя.

— Повторяю: я не знаю, как эта карта оказалась у меня в кармане, — с трудом скрывая бешенство, прошипела покупательница.

— О'кей. Дайте ее мне и пройдите через портик, пожалуйста.

Последнее слово девушка произнесла со злорадным удовольствием. Мила вложила карту в ее протянутую ладонь и повторила ритуал: шаг назад — шаг вперед. Комок под ложечкой.

Сирена...

Звук ударил Милу по нервам. За ее спиной раздался глухой ропот.

— Вот дерьмо! — выругалась кассирша. Испепелив нарушительницу спокойствия взглядом, она сняла трубку, что-то быстро проговорила, а затем повернула голову в сторону прохода и нетерпеливо забарабанила пальцами по прилавку.

В спину Болсански зазвучали вопросы: «Что происходит?», «Почему не двигаемся?» — и безжалостные ответы: «Воровка», «Вот она, сегодняшняя Франция»... К кассе быстрым шагом приближался высокий темнокожий охранник в костюме антрацитового цвета. Он бросил на злоумышленницу профессиональный взгляд и наклонился к кассирше, чтобы выслушать объяснения. Действовал он максимально сдержанно, волну не гнал — все его поведение словно говорило: «Нам не привыкать, мы очень эффективны...»

Ноги у Милы подкашивались, голова кружилась. Десятки глаз смотрели на нее с брезгливым осуждением.

— Прошу вас пройти со мною, мадам. Шум поднимать не будем, урегулируем вопрос спокойно, договорились? — предложил чернокожий.

— Что случилось? — произнес чей-то голос у них за спиной.

Другой охранник — белый, старше первого и тоже в костюме. Этаким располневший «зеркальный гардероб». Хитрый взгляд, щеки рябоватые, как побитый градом виноградник. Пока первый докладывал ему о происшествии, он не спускал глаз с Милы, а потом взял ее

толстой лапицей за руку. Женщина рывком освободилась и возмущенно воскликнула:

— Не прикасайтесь ко мне!

— Вот что я тебе скажу, дорогуша: кончай выпендриваться и не зли меня — я не в настроении! — рявкнул в ответ охранник. — Усекла? Вперед!

Она села в машину и вцепилась дрожащими пальцами в руль, задыхаясь от ярости и стыда. Директор магазина допрашивал ее в маленькой комнатке без окон. Он согласился не подавать жалобу, поскольку Мила не фигурировала в «черном списке» и вернула две «украденные» подарочные карты. «Вы называете меня воровкой?!» — вскинулась она тогда. Рябой толстяк беззастенчиво пялился на ее грудь, директор смотрел на нее со снисходительным презрением — Болсански с наслаждением отхлестала бы его по щекам, — а первый охранник и вовсе игнорировал «злоумышленницу». Как же ей хотелось вернуться и поджечь их гребаный магазин! Или попросить Маркуса поучить уму-разуму наглого начальничка. Она тронулась с места, и водитель выезжавшей справа «Тойоты Приус» возмущенно загудел.

Ее разбудил противный звук. Она прислушалась и поняла, что скрипит проржавевший ставень. В комнате было темно, а будильник показывал 00.45. Мила нехотя вылезла из-под одеяла и спустилась на первый этаж. В доме было тихо и жутко холодно. Она точно помнила, что закрывала все ставни, и потратила несколько минут, прежде чем обнаружила, что скрип доносится из гостиной. Ветер раскачивал ветки дерева, и их тени сплетались на окне в причудливом танце. Болсански открыла окно, и теплый пахучий ветер коснулся ее лица ароматной ладошкой. Январь еще не закончился, но зима явно решила, что ее время истекло. Женщина справилась с непокорным ставнем, вернулась в спальню, легла, но заснуть ей не удалось. Из головы не шел инцидент в супермаркете. Она до сих пор чувствовала себя униженной и запачканной, и ее душил гнев. Закрыв глаза, Мила попыталась успокоиться, и тут скрип повторился. Она рывком села на кровати. Тишина. Нет, ставень снова заскрипел! Мерзкий навязчивый звук. Болсански забеспокоилась, сбегала босиком на первый этаж, захватив из ящика тумбочки пистолет. *Другое окно...* Ставень раскачивался под

усилившимся ветром и бился о стену. Хозяйка перегнулась через подоконник, поймала его и закрыла. Еще один поцелуй ветра на коже. Больше никаких происшествий в эту ночь не было, но заснуть она смогла только в три.

В понедельник случилось новое происшествие, поставившее ее в тупик. Мила много лет работала на «Тэйлс алениа спейс», одного из мировых лидеров в области производства и эксплуатации спутников. Выстроенный в футуристическом стиле офис компании располагался на обширном участке квартала Мирай, в юго-западной части Тулузы, недалеко от национального шоссе А64. Болсански отвечала за связи с общественностью и прессой. Друзей среди коллег у нее было немного, а кое-кто из них и вовсе считал ее слишком независимой и неуступчивой, но проколоть все четыре шины на огромной стоянке, где паркуются две тысячи двести служащих...

Она вернулась домой на два часа позже обычного, кипя от злости и с гадким осадком в душе. Ко всему прочему, ей еще и пришлось срочно звонить няне, чтобы та привела домой Тома. Уложив сына и почитав ему на ночь, Мила решила послушать любимую музыку — «Дон Карлоса» Верди. Еще одна история о трудной, невозможной любви. В опере всегда найдется реминисценция с ее собственной жизнью. *Со всеми жизнями...* Все люди хотят одного и того же — денег, власти и успеха, и у всех одна-единственная цель — быть любимым. Хозяйка дома устроилась в удобном кресле, место для которого выбирала долго и тщательно, чтобы акустика была идеальной. Время было позднее, так что надо было надеть наушники, чтобы не разбудить Тома.

Болсански нажала кнопку на пульте, закрыла глаза и постаралась успокоить дыхание. Сладостные мгновения тишины, предваряющие первые такты... И вот... Что такое?

Это не «Дон Карлос».

«Лючия ди Ламмермур»!

Она, должно быть, ошиблась, когда в прошлый раз убирала диск в коробку... Мила встала, подошла к полкам, на которых хранились диски, нашла футляр с трагическим творением Доницетти, в котором главная героиня Лючия постепенно погружается в безумие, и открыла его, думая, что внутри лежит «Дон Карлос». Но там были «Сказки

Гофмана»... Что-то не так. На месте «Итальянки в Алжире» оказалась «Травиата». Мила разнервничалась. Вместо «Моисея и Аарона» Шёнберга обнаружился «Тангейзер», в футляре от «Галантной Индии» лежала «Сельская честь»... Через несколько минут на полу валялись десятки коробок, и ни в одной не было «правильного» диска! «Дон Карлос» же и вовсе не нашелся.

Либо она сходит с ума, либо...

Кто-то затеял с нею игру... *Кто-то побывал в доме...*

Болсански огляделась, как будто этот «кто-то» мог все еще находиться рядом. Ладно, давай подумаем. Случай в гипермаркете, испорченные на парковке колеса, ставни, распахивающиеся сами собой среди ночи, а теперь это... Кто-то решил отплатить ей ее же монетой. *Отомстить за смерть той илюхи.* Заставить пережить то, что пришлось вынести Кристине Штайнмайер, — совсем как в арии *da saro*, где последняя часть в точности повторяет первую. Тома... Он один в своей комнате, спит при включенном ночнике. Болсански помчалась вверх по лестнице и осторожно приоткрыла дверь. Мальчик спал, сунув в рот большой палец. В комнате вкусно пахло детским шампунем. Мать проверила ставни, подошла к кровати, погладила сына по плечу и подумала: «Какой же он нежный и хрупкий...»

Она протянула руку к выключателю и вдруг заметила открытую книгу, лежащую на стеганом одеялке. В этот вечер Мила читала Тома, как делала каждый вечер, но ей казалось, что она убрала иллюстрированный альбом на этажерку. Она протянула руку, чтобы взять томик, и вдруг отпрянула, как будто обожглась.

Это был не альбом Тома, а книга «Опера, или Поражение женщин». Мадемуазель Болсански собирала издания, посвященные опере, и у нее были Коббе, «Пять венских опер» Анри Барро, «Любовный словарь оперы» Алена Дюо и еще дюжина названий. Но Мила была почти уверена, что никогда не приносила эти книги в комнату сына. Подобная литература не для пятилетнего ребенка...

Женщина решила спуститься в библиотеку и вдруг застыла на верхней ступеньке.

Она читала этот толстый том много лет назад, но прекрасно помнила его содержание: в нем рассказывалось о множестве падших, поруганных, покинутых, преданных, униженных и доведенных до безумия или самоубийства женщин, чьи судьбы стали сюжетами опер.

В операх все женщины погибают. Все, без исключения. В операх женщины всегда несчастны. В операх их конец всегда трагичен. Принцессы, простолюдинки, матери, потаскухи — все они обречены на поражение.

Миле стало не по себе.

Этой ночью она дважды обошла дом, проверила, все ли двери и ставни закрыты, но сумела поспать всего пару часов и до утра прислушивалась к шуму зимнего ветра за окном.

На следующий день она позвонила на работу и сказала больная, после чего занялась выбором охранных систем в Интернете. Женщина долго сравнивала разные предложения и в конце концов остановилась на системе, состоящей из детекторов движения в стратегически важных точках дома, которые снимали на камеру *любого непрошеного гостя*, и мощной сирены на сто десять децибел. В случае вторжения эта система посылала сигнал в центр теленаблюдения. В пакет услуг входили контрольный звонок и выезд на место секьюрити — в случае, если ответивший по телефону человек дает неверные ответы на контрольные вопросы, а в центр с регулярными интервалами приходят «тревожные СМС». При необходимости клиент может даже проверить на расстоянии, включена ли система.

Техник появился во второй половине дня — низенький, седовласый, с хорошо подвешенным языком и ухватистыми манерами. Он установил систему за рекордно короткий срок, проверил связь с центральным пультом и сотовым Милы, объявил: «Теперь можете спать спокойно!» — и уехал в своем синем грузовичке.

В понедельник вечером, когда они с Тома вернулись домой и Мила попыталась включить свет над лестницей, лампочка не загорелась. Болсански велела сыну ждать внизу и пошла в сарай за стремянкой. Вкрутив новую лампочку, она почитала Тома «Гринча, укравшего Рождество», укрыла его и тихонько вышла из детской.

В гостиной Мила поставила диск с записью «Дон Карлоса» (во «Фнаке» не было версии с Ренатой Тебальди, Карло Бергонци и Дитрихом Фишер-Дискау, и ей пришлось удовольствоваться Пласидо Доминго, Монсеррат Кабалье и Руджеро Раймонди), прослушала оперу до конца и пошла к себе.

Хорошо, что она уже заказала билет в театр дю Капиталь на июньское представление «Дон Карлоса» с Димитри Питтасом и Тамар Ивери...

Мила размышляла о Лео и сыщике. Когда же он начнет действовать? Полиции нужно больше «фактуры», чтобы прижать Фонтена, но она никуда не торопится. Всему свое время. Придется заняться Корделией и Маркусом — это слишком неудобные свидетели. И найти способ отразить нападку невидимого противника. Неужели за всем этим стоит Лео? Весьма вероятно... Кристина ему звонила, и они встречались — Маркус проследил эту дрянь до отеля, несмотря на ее неумелые попытки оторваться. *Лео, конечно, понял, что Кристина мертва...* И догадался, кто за этим стоит... сложил два и два. Болсански взвесила его возможности. Что он способен ей сделать? Ничего. Все свидетельствует *против него*. В том числе дневник, о существовании которого он ничего не знает... Не имеет значения, сядет Лео в тюрьму или нет, главное, что он принадлежит ей. Он — отец ее ребенка. И в конце концов он к ней вернется... Так или иначе. Если понадобится, она положит на это всю жизнь. Больше ей ничего не нужно. Если Лео подойдет слишком близко к ее дому, она «поможет» полицейскому его застукать. Это станет еще одним — самым убедительным — доказательством его вины. На этом Мила успокоилась. Все встало на свои места. Она контролирует ситуацию.

Пятый акт оперы подошел к концу: призрак Карла V появился из мрака и увлек за собой в могилу Дон Карлоса. (*«Сын мой, горести земные преследуют нас и в этом скорбном месте. Покой, которого жаждет ваше сердце, вы обретете только у престола Господа».*)

Женщина погасила свет и легла.

А в два часа ночи неожиданно проснулась и едва успела добежать до туалета, где ее вывернуло наизнанку. Она спустила воду и разогнулась, пытаясь отдышаться, убрала волосы со вспотевшего лба, и тут ее снова накрыло. Горько-кислая струя ударила в унитаз. Рвота не прекращалась минут двадцать, спазмы скрутили желудок Милы, а потом у нее начались судороги, и она даже подумала, что придется вызвать «Скорую помощь».

Леонард Фонтен сидел в «Порше 911» с погашенными фарами и смотрел на дом, стоявший метрах в пятистах от него. В середине ночи

в одном из окон зажегся и снова погас свет. Лео затянулся сигаретой, и красный огонек осветил его лицо. Он миновал платановую аллею и въехал в туннель под деревьями, не зажигая фар: звезды и луна освещали дорогу. Ветер разогнал облака, и температура повысилась. Убедившись, что дом остался далеко, космонавт увеличил скорость: теперь можно было не опасаться, что Мила услышит — и узнает — звук легендарного шестицилиндрового двигателя. Она напрасно думает, что охранная система обеспечивает ей безопасность. Большинство новых беспроводных систем крайне уязвимы: банальный передатчик помех легко с ними справляется.

Опасность исходит не от Болсански, а от настырного майора. Полицейский уверен, что Лео его не заметил, но не знает, что женщина, с которой он столкнулся в его доме, — частный детектив. Настоящий профессионал, очень эффективный. Она докладывает ему о результатах своей работы дважды в неделю и не преминула записать номер машины странного «почтальона». Придется действовать очень осторожно. Рисковать он не может. Сыщик, судя по всему, убежден, что Леонард Фонтен замешан в исчезновении Кристины.

41. Sola, Perduta, Abbandonata

Лампочка над лестницей снова перегорела — наверное, где-то произошло короткое замыкание. На следующий день перегорела следующая — в кабинете, где хранились диски. Через сутки снова вышла из строя лампочка на площадке над лестницей, а в середине недели — один из светильников на кухне.

Мила так разозлилась, что швырнула лампочкой об стену, и та разбилась на мелкие осколки. После этого женщина позвонила электрику, который — конечно же! — сказал, что сможет выполнить заявку только через сорок восемь часов. Явившись к ней домой, он долго проверял выключатели, розетки, щиток и даже светильники и пришел к выводу... что всё в полном порядке. Хозяйка высказалась в ответ не самым вежливым образом, и мастер удалился, хлопнув дверью и отказавшись от оплаты.

В следующую ночь у нее снова случилась рвота, и она даже решила выбросить все продукты из холодильника, но в последний момент сообразила, что Тома ел то же самое, однако, слава богу, чувствует себя нормально. В два тридцать утра у Болсански начались жуткие боли в желудке, и ее вырвало в стоящий у кровати тазик. Комната наполнилась кислой вонью, но она так обессилела, что даже не стала прибираться, а на работу после ночи мучений пришла совершенно «выжатая». Многие коллеги проявили к ней участие (а может, хотели позлорадствовать!), но она сразу поставила их на место.

Вечером Мила решила проверить «тревожную» систему — та сработала. Она набрала код. Гудение прекратилось. Повторила попытку — тот же результат. Через минуту зазвонил телефон.

— Добрый день, с вами говорит диспетчер центра теленаблюдения. Можете назвать пароль?

— *«Что случилось с Бэби Джейн?»* — ответила женщина — так назывался ее любимый фильм. — У меня всё в порядке, я просто была невнимательна.

— Спасибо, мадам.

— А... кстати... других вторжений в систему не было?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, забудьте...

Лампочки продолжали перегорать. Болсански по-прежнему плохо себя чувствовала, хотя каждый вечер принимала противорвотное и заказывала еду в разных онлайн-ресторанах. Кончилось тем, что она вообще перестала ужинать.

Мила получала удар по нервам каждый раз, когда щелкала выключателем и свет зажигался и не гас. Мила понимала, что происходит: кто-то решил превратить ее жизнь в хаос — точно так же, как она сама поступила с Селией Яблонкой и Кристиной Штайнмайер. Но осознание проблемы ничем ей не помогало. Необходимо было найти способ справиться с врагом. С хитроумным и наглым врагом, который пробрался в дом в ее отсутствие, обманув охранную систему.

Ей нужна была помощь, но Маркус и Корделия не отвечали ни на звонки, ни на СМС, хотя она отправила им штук двадцать посланий. В субботу утром Мила поехала в Рейнери, вошла в дом своей подельницы и позвонила в дверь квартиры 19 Б. Открыл ей незнакомый парень.

— Чего надо?

— Коринна Делия дома? — спросила Болсански.

Молодой человек смерил ее взглядом, решая, стоит ли отвечать.

— Съехала... Что, не предупредила?

— А вы кто?

— Новый жилец. А вы?

Женщина развернулась и пошла прочь.

14 февраля Сервас проснулся в четыре утра. Во сне он плавал в невесомости вокруг Земли, потом перебирался из одного модуля космической станции в другой, нелепо размахивая руками и ногами, а за ним гналась женщина, на вид совсем не похожая на Милу Болсански. Но она *была* Милой Болсански — Мартен не понимал, откуда ему это известно, но знал это точно. Она не отставала и все повторяла и повторяла: «Возьми меня, трахни меня, здесь, немедленно...» Напрасно сыщик вежливо объяснял, что это невозможно, что он женат, что не хочет, нет, спасибо, мужчины тоже имеют право отказаться, правда, у женщин нет монополии на отказ — его противница не слушала и преследовала его по всей станции. Разбудил его голос матери, умершей тридцать три года назад: «Что ты

делаешь с этой дамой, Мартен?» Сервас понимал подоплеку своего сна: вечером он перечитал дневник Милы Болсански. А еще в его сне была музыка — *опера*.

Он долго сидел на кровати, чувствуя глубокую печаль: голос матери во сне звучал так отчетливо, лицо было таким *живым*...

От детства не выздоравливают. Кто это сказал? Мартен принял душ и сделал себе чашку растворимого кофе. За окном, в ночной темноте, гулял ветер. Сервас размышлял до самого рассвета, анализируя свои ощущения. Итак: ему приснился сон. С музыкальным сопровождением. Пока он спал, его подсознание проанализировало ситуацию и расставило по местам не сходящиеся детали. В четверть восьмого майор не выдержал и спустился вниз, в общую столовую, выпить настоящего кофе. Некоторые пансионеры здоровались с ним, другие нарочито его игнорировали. Сервас пил кофе и думал о том, что уже знал, о том, что с самого начала было у него перед глазами, но он *не видел*. В семь тридцать Мартен покинул центр, сел в машину и тронулся в путь, навстречу новому дню.

Леонард Фонтен рассекал воду бассейна почти бесшумно, с изяществом и мощью профессионального пловца. Вода стекала по его лицу и спине, как волна по корпусу парусника.

— Привет... — услышал он чей-то голос.

Космонавт поднял глаза на стоявшего у бортика человека. Ему было около сорока, и он явно был не в лучшей физической форме — усталым и озабоченным. Таким усталым, что даже слегка сутулится. Лео узнал незваного гостя, но не подал виду и спросил — с наигранным возмущением в голосе:

— Кто вы такой и почему вторглись в частные владения?

— Я звонил, — солгал Сервас. — Никто не отозвался, и я позволил себе... прогуляться.

— Вы не ответили на мой первый вопрос.

Мартен бросил взгляд на мускулистый торс космонавта и достал значок.

— Майор Сервас, криминальная полиция.

— У вас есть ордер? Документ, дающий право входить к людям без их разрешения? Ограды вокруг дома нет, но это не значит, что...

Гость поднял руку, чтобы прервать отдававшие театральщиной инвективы Фонтена:

— У меня есть кое-что получше. Думаю, я знаю, кто убил Кристину Штайнмайер. Она ведь мертва. И вам это известно. Но есть и хорошая новость: я не считаю убийцей вас.

Леонард посмотрел на полицейского и кивнул, а затем доплыл до лестницы и не торопясь вылез из воды.

— Идемте.

Переступив порог стеклянной двери, Сервас мысленно поежился: он вспомнил свой последний визит в дом и Дархана — пятидесятикилограммового монстра, смотревшего на него, как на сочный оковалок на прилавке мясника. Пес спустился по лестнице, но гостя не узнал и подошел приласкаться к хозяину. Фонтен погладил его по голове, скомандовал: «Место!» — и Дархан вернулся на антресоль. Висевший на стене плазменный телевизор был настроен то ли на «Евро Ньюс», то ли на «Би-би-си Уорлд». Хозяин дома облачился в мягкий пушистый халат цвета слоновой кости с инициалами на кармашке, предложил Мартену расположиться на диване, после чего спросил, хочет ли тот кофе, и пошел к стойке. Разлив кофе по чашкам, он промокнул волосы полотенцем и сел на большой пуф по другую сторону низкого столика. Сервас заметил длинный шрам на его левой ноге — сантиметров тридцать от лодыжки до колена, — давно заживший, но не ставший от этого менее устрашающим. Космонавт бросил полотенце на стул и посмотрел на сыщика. От его горделивой уверенности в себе не осталось и следа: этот сильный человек тоже выглядел потерянным и усталым.

— Итак, вы считаете, что Кристина мертва? — спросил Лео.

— А вы думаете иначе?

Фонтен покачал головой. Сыщику показалось, что он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Майор достал из кармана дневник и подтолкнул его к космонавту.

— Что это? — удивился тот.

— Исповедь Милы Болсански...

Леонард отреагировал — едва заметно, но отреагировал! Он поставил чашку на столик и взял дневник.

— Она сказала, что вела его, когда вы жили и работали в Звездном городке. Загляните, поинтересуйтесь, — сказал его гость.

Фонтен удивился, но дневник все же открыл. Он начал читать и сразу помрачнел. Через пять минут космонавт забыл о присутствии сыщика и об остывающем кофе: он все быстрее листал страницы, читал по диагонали, на некоторых местах задерживался, а другие пропускал, но потом вдруг возвращался к ним... Закончив, он произнес лишь одно слово:

— Невероятно...

— Что именно? — спросил Мартен.

— То, что она дала себе труд сочинить... *это*. Настоящий роман! Мила явно ошиблась призванием!

— Значит, ничего подобного не было?

— Конечно, нет! — возмутился Леонард.

— Может, расскажете вашу версию?

— Не *мою*, а единственно достоверную, — сухо поправил Фонтен. — Мы живем в обществе, где ложь и шельмование стали почти нормой, но правда остается правдой.

— Я вас слушаю.

— Все очень просто. Начну с главного: Мила Болсански — сумасшедшая. И всегда ею была.

— Я не знаю, как ей удалось пройти психологическое тестирование. Существует мнение, что некоторые — немногие — психически неуравновешенные личности умеют обманывать не только врачей, но и приборы. Я и сам не сразу понял, что у Милы не всё в порядке с головой.

Фонтен поставил на стол пустую чашку, и Сервас заметил, что он левша и что на его безымянном пальце осталась белая полоска от кольца, но самого кольца нет. Кожа на этом пальце слегка сморщилась, выразив суть брака как такового: близость претерпевает «усадку», общение сводится к минимуму. «Не случайно безымянный — самый бесполезный палец человеческой руки!» — подумал полицейский, проживший в браке целых семь лет.

— Проведенное расследование установило, что в подростковом возрасте Мила несколько раз пыталась покончить с собой и лечилась в психиатрической больнице. У нее диагностировали какую-то

разновидность шизофрении, — стал рассказывать космонавт. — Хотя какая, к черту, разница... Когда мы познакомились, Мила была красивой, умной, честолюбивой и очень обаятельной молодой женщиной. Напоминала солнечный лучик... Не влюбиться в нее было почти невозможно. Проблема в том, что Мила — как все подобные психопаты — носила маску: вся ее веселость и энергичность были напускными. Эта женщина «подстраивает» себя под человека, с которым общается, в этом ей нет равных. Истинное положение вещей открылось мне, когда я увидел, как она взаимодействует с окружающими. Мила производит впечатление цельного, сложившегося субъекта, но внутри она пустая. Она похожа на форму для отливки... другого человека. Превращается в зеркало желаний того, с кем общается. Мгновенно улавливает, что нужно собеседнику, и дает ему это. Я изучал проблему — после того что с нами случилось. Прочел много научных исследований...

Сервас вспомнил книгу на столике у кровати, а его собеседник продолжал:

— Я пытался понять, кто она такая — вернее, *что* она такое. Мила относится к тому типу индивидуумов, которых называют манипуляторами. Эти люди — живые ловушки: сначала — веселые приветливые экстраверты, внимательные к другим, улыбчивые и великодушные... Они часто делают вам маленькие подарочки, хвалят вас, и их предупредительность поражает воображение. Таких симпатяг нельзя не полюбить. Я не хочу сказать, что все милые улыбчивые люди — манипуляторы, но пресловутая «народная мудрость», гласящая, что первое впечатление всегда самое верное, — полный бред. Умелые манипуляторы при знакомстве *всегда* производят хорошее впечатление. Как раскрыть их истинную сущность? Сразу не получится, только со временем... Если вы входите в узкий круг близких им людей, их недостатки и ложь рано или поздно проявятся. Главное — не попасть в полную зависимость от манипуляторов...

Сервас посмотрел Фонтену в глаза.

— Хочу, чтобы вы правильно меня поняли, майор: Мила — блестящая личность, иначе она не добилась бы того, чего добилась, — сказал тот. — Она всегда много и тяжело трудилась. Мила ненавидит неудачи. В классе она была первой ученицей. На факультете занималась ночами, пока другие студентки флиртовали на вечеринках

и ходили на политические демонстрации. На первом курсе медицинского факультета с нею учились пятьсот человек, и она окончила его с лучшими оценками. В семнадцать лет! В тот же год она обручилась. Это еще один аспект ее личности: одиночество ужасает Милу Болсански, рядом всегда должен находиться человек, который ею восхищается, поддерживает ее самомнение.

Космонавт замолчал, и майор спросил себя, не противоречит ли такому психологическому портрету тот большой дом на отшибе, где он побывал. Нет. У нее есть Тома... Малыш Тома, прелестный белокурый ребенок. Мать для него — главный человек в жизни. Мила может лепить из сына мужчину, какого сама пожелает.

— Первое поражение она потерпела в личной жизни, — продолжил Фонтен. — Уделяла жениху мало времени, и тот ее бросил. Были жгучий стыд, обида, ярость... Мила была успешна во всем и очень плохо перенесла эту историю — я наводил справки. Знаете, что произошло дальше? Несчастливого жениха обвинили в изнасиловании малолетней и посадили в тюрьму. Доказательства его преступления были убийными, но он продолжал утверждать, что невиновен. До самого последнего дня жизни. Бедолага повесился. Насильникам в тюрьме приходится очень несладко, а если ты к тому же невиновен... На их с Милой фотографиях вид у него кроткий, как у ягненка. Этот человек был изначально обречен...

— Почему вы так уверены в его невинности?

— У девушки, которая заявила на него, уголовное досье длиной с Ла-Манш: кражи, вымогательство, мошенничество, ложные доносы, злоупотребление доверием, организация псевдобанкротств, уклонение от уплаты налогов... Ее взрослая жизнь — череда попыток обобрать ближнего, обворовать, выкачать из него деньги. Но в шестнадцать лет грехов за нею не числилось, вот и прокатило... Не знаю, где Мила нашла эту девицу, но не сомневаюсь, что она отвалила ей кругленькую сумму... Хотя юная умелица наверняка продала бы родную мать и за пару сотен франков.

Сервас содрогнулся, подумав о Селии Яблонке и Кристине Штайнмайер, которые имели неосторожность перейти Миле дорогу. У Фонтена определенно есть связи в полиции, раз он сумел раздобыть подобного рода информацию.

— Итак, Мила покарала отступника и пошла дальше. К успеху и — так она думала — счастью, — рассказывал космонавт. — Она хотела всегда и во всем быть лучшей. Даже в постели выделявала такие вещи, на которые решаются немногие женщины, и не потому, что ей самой это нравилось: просто знала, что мужчины любят подобные штучки. *Так Мила ведет себя в начале отношений...* Желая соблазнить, завоевать и утвердить свою власть, она выкладывается по полной, а получив контроль, сбавляет обороты и сбрасывает маску. Я видел, как эта женщина постепенно меняется. Она начала критиковать меня — не обиняком, а напрямую; она все время делала неприятные намеки, по большей части необоснованные или сильно преувеличенные. Ревность к моей семье росла не по дням, а по часам, а кроме того, она подозревала, что я завожу и другие романы... Я не святой, но у меня никогда не было нескольких любовниц одновременно. Я женился на своей нынешней жене, надеясь, что она заставит меня забыть всех остальных женщин. Не получилось... — Лео сделал паузу. — Человек более хрупкой психологической организации в конце концов почувствовал бы себя виноватым и задумался, что с ним не так; я же довольно скоро спросил себя, что не так с Милой... На меня непросто повлиять, майор. Когда она поняла, что ее обычные приемчики не работают, то впала в истерику, грозилась позвонить моей жене и все ей рассказать... К моменту отъезда в Звездный городок наши отношения ухудшились настолько, что я почти решил поставить точку, но Мила загнала меня в угол. Признаюсь честно: я боялся, что она выполнит угрозу — расскажет Карле о нашем романе — и моя семья распадется.

Взгляд Фонтена затуманился, и герой космоса на мгновение уступил место побежденному, растерявшемуся человеку, испытывающему чувство изначальной вины.

— В России мне показалось, что она становится прежней Милой — восторженной, пылкой, теплой, — вздохнул он. — Она во всем покаялась, извинилась, сказала, что сорвалась только потому, что ни один мужчина не занимал в ее жизни такого места, как я. Мила поклялась, что больше никогда не будет вести себя подобным образом, что мне ничто не угрожает. Я принял извинения и обрел прежнюю подругу — непосредственную, забавную, неотразимую... Тучи рассеялись. Перед такой Милой очень трудно устоять. Чудесная

женщина-ребенок, очаровательная, наполняющая счастьем каждое мгновение вашей жизни. Наверное, в глубине души мне именно это и было нужно. Я убедил себя, что на Милу подействовали стресс, ожидание и неопределенность: у нее была одна цель в жизнь — полететь в космос; она годами тренировалась, не зная, как все сложится. Кроме того, любая женщина чувствует себя оскорбленной, когда ей приходится держать любовь в секрете, не имея возможности показаться на людях с избранником сердца... *Каким же болваном я был...* Искал оправданий для себя, чувствовал вину... — Рассказчик поднял глаза на Серваса. — Знаю, что вы думаете, и согласен с вами: я *был* виноват. Собирался порвать с нею — но потом, позже, по-тихому. Мне хотелось, чтобы пребывание в Звездном городке оказалось успешным. Да, я был трусом, врал себе, оттягивал — и снова попал под ее власть. Повторяю — я умею противостоять чужому влиянию, но Мила обвела меня вокруг пальца. Она говорила, что пьет противозачаточные таблетки, и я принимал это за данность, поэтому, услышав признание: «Я беременна и хочу сохранить ребенка...» — понял, что меня, грубо говоря, поимели... Я взбесился, орал, оскорблял Милу и сказал, что ни при каких обстоятельствах не признаю этого ребенка, что никогда ее не любил и пусть она отправляется к черту вместе с будущим отпрыском, что все кончено и общаться мы будем только на тренировках. Я схватил ее за руку и вышвырнул вон. Она тут же отправилась к своей преподавательнице русского... — Фонтен сокрушенно покачал головой. — Не знаю, что именно и как сделала Мила, но появилась она на людях с синяками на лице, рассеченной бровью и сказала, что это я ее избил. И не в первый раз. Заявила, что я склонен к агрессии и устрашению. Скандал вышел ужасный. Я думал, что все пошло прахом — и наша миссия, и мой брак. К счастью, руководитель проекта хотел замять дело, чтобы не сорвать полет и уберечь репутацию Звездного городка. Нас разделили, и все пошло своим чередом. В тот день я понял, что если хочу отправиться в космос, то должен быть тише воды ниже травы до дня старта: наверху, на станции, Мила не сможет надо мною измываться. Я горько заблуждался, — мрачно заключил мужчина.

Входная дверь с шумом распахнулась, и в комнату вбежали двое детей. Отец распахнул им объятия и весело рассмеялся:

— Ой-ёй-ёй! Ураган! Прогноз сбылся. На помощь! А что мама?

— Она сказала, что заберет нас завтра в пять, — ответил мальчик. Сервасу показалось, что его собеседник огорчился.

— Она куда-то торопилась? — спросил хозяин дома.

— Не-а. Просто не хотела заходить, — ответила девочка. На вид ей было лет двенадцать, но выглядела она вполне сформировавшейся.

— Почему мама больше не заходит в дом? — спросил ее брат, ему Сервас дал бы не больше семи.

— Не знаю, Артур, правда не знаю, она мне ничего не говорила, — вздохнул астронавт. — Ладно, где ваши вещи?

Девочка кивнула на оставленные у порога рюкзаки.

— Отнесите их в комнаты. Мне нужно закончить разговор с этим мсье, а потом будем печь вафли, — улыбнулся Леонард. — Нравится такой план, дружок?

— Супер!.. Дархан, ко мне! — позвал мальчик.

Черный великан вскочил и начал спускаться по лестнице, виляя хвостом. Артур обнял его, как плюшевую игрушку.

— Какая у нас программа? — поинтересовалась девочка.

— Сначала позавтракаем, — сказал ее отец. — Потом покатаемся верхом. Сходим в кино и... пробежимся по магазинам. Годится?

Дочь Фонтена энергично покивала, и дети исчезли.

— Милые ребята, — заметил Сервас.

— Спасибо...

— Итак, вы сказали, что «наверху все пошло не так», я правильно понял?

Космонавт помолчал, собираясь с мыслями.

— Да... — Мартену показалось, что его собеседнику вдруг стал неинтересен их разговор, что ему не терпится выставить его за дверь, чтобы заняться детьми. — В Звездном городке Мила охмурила Сергея, а на станции начала манипулировать экипажем, пытаюсь восстановить всех друг против друга. Мы прилетели втроем — Павел Коровьев, Мила и я, и нас встретили «старожилы» — двое американцев и русский. МКС состоит из модулей, построенных русскими, американцами, европейцами и японцами, хотя в тот момент японская лаборатория Кибо еще не была до конца оборудована. Станция — длинная, разделенная на отсеки труба — чем-то напоминает подводную лодку или гигантский конструктор «Лего», плавающий вокруг Земли. «Русские» каюты расположены на «корме»; там мы

проводили большую часть дня и спали, хотя все члены экипажа свободно передвигаются по станции. Мы, конечно, не знали, что именно Мила говорит у нас за спиной, но по холодку в тоне остальных поняли: что-то не так. Сначала все собирались за столом в узле «Юнити», соединяющем две части станции, но постепенно, по непонятной причине, между «старичками» и «новенькими» стало нарастать напряжение. Мы не подозревали, что за всем этим стоит Мила. Она проводила много времени с американцами и русским и наверняка сплетничала и оговаривала нас. Я знаю эту женщину: она умна и коварна, так что ей удалось запудрить мужикам мозги — да так ловко, что они этого не заметили, а к нам стали относиться как к двум придуркам. Я читал отчет о расследовании, которое русские провели после случившегося: там были и показания членов экипажа. Те трое лопухов не поняли, что Мила ими манипулировала, и заявили, что вытягивали из нее признание только что не клещами, но в конце концов бедняжка рассказала, что мы с Павлом безостановочно ее преследуем и унижаем, пытаемся изолировать, выставаем дурой и даже позволяем себе неуместные жесты — в физическом смысле этого слова. — Фонтен издал горький смешок. — Павел Коровьев — самый прямой и честный человек из всех, кого я знаю, старомодно уважительный с женщинами. Он так до конца и не «отмылся» от диких обвинений Милы и не оправился от этой истории...

Лео поднял глаза, услышав смех и веселые возгласы детей, доносившиеся со второго этажа.

— На орбите у нас с Милой состоялся еще один разговор, — заговорил он снова. — Она заявила, что аборт делать поздно, а я повторил, что не признаю ребенка. Она умоляла, кричала, плакала... Совсем обезумела. А потом сымитировала изнасилование и отправилась «на ту сторону» в разорванной одежде и с синяками на лице. Медицинское обследование выявило у нее... *внутренние повреждения анального прохода!* Не знаю, как она это сделала... Я подозревал, что у Милы не всё в порядке с головой, но и вообразить не мог, что она настолько чокнутая, чтобы причинить себе физический вред... Наверное, она сотворила все это, пока мы с Павлом спали. Скандал вышел ужасный, и Земля прислала «спасательную экспедицию», чтобы эвакуировать нас.

Фонтен резко поднялся, сходил на кухню, налил себе стакан воды, вернулся и посмотрел на гостя; в его глазах были гнев и... *ненависть*. Сервас заметил, что у космонавта дрожат пальцы.

— Несколько недель, пока работала комиссия, нас с Павлом держали в изоляции. Потом сняли все обвинения, но мы знали, что о космической карьере можно забыть... Особенно мне. Мила была *моей* подругой, значит, я отвечаю за случившееся... Теперь я представляю Космическое агентство на коктейлях, служу, так сказать, «витриной», «торгую лицом», — закончил Леонард свою историю. — Я открыл небольшую фирму, но мне не хватает космоса. Как же мне его не хватает... У меня даже была легкая депрессия, с бывшими космонавтами такое часто случается. Некоторые впадают в мистицизм, другие отгораживаются от мира, многие топят хандру в алкоголе... Смириться с мыслью, что больше никогда не окажешься на орбите, невозможно. А если все кончается вот так...

Сыщик кивнул: «Понимаю».

— Сказав, что знаете, кто убил Кристину, вы имели в виду Милу? — спросил его собеседник.

— Да.

— Как вы догадались?

Мартену вспомнилась фраза из дневника Болсански: «*На станции я тоже слушала оперу...*» — она-то и выдала Милу.

— Опера подсказала, — ответил полицейский.

— В смысле?..

— Сегодня ночью мне снилась опера, — пояснил сыщик. — Проснувшись, я понял, что сон был навеян рассказом Милы...

— И всё?! Что же вы намерены делать?

— Прижму ее. Но быстро не получится. Хорошо бы обыскать ее дом и окрестности, но мне пока не хватает доводов для получения ордера...

На лице Фонтена появилось скептическое выражение.

— Я понимаю ваши сомнения, но поверьте: хватка у меня не хуже, чем у вашего Дархана, — сказал майор. — Я уже вцепился вашей *подружке* в ногу, хоть она этого и не знает. Помогите мне, дайте хоть что-нибудь — самую малость, — чтобы убедить судью...

Космонавт сверлил сыщика недоверчивым взглядом, как будто хотел прочесть его тайные мысли.

— Почему вы считаете, что я могу это сделать? — поинтересовался он наконец.

Сервас встал, пожал плечами.

— Ваши возможности безграничны, мсье Фонтен. Такому человеку, как вы, меньше всего подходит роль жертвы. Подумайте об этом.

Февраль выдался дождливым, ветреным и невеселым. Бесконечные косые дожди шли с утра до вечера, небо было затянуто сырыми тучами, по дорогам текли грязь и вода, и Мила чувствовала, как печаль и отчаяние проникают ей под кожу.

На прошлой неделе она вызвала техника, и тот поставил под крышей четыре дополнительные камеры с детекторами движения, но они фиксировали одно — как она уезжает на машине на работу, а вечером возвращается. Каждую ночь ей становилось плохо. И каждую ночь перегорали лампочки — по необъяснимой причине.

Этим утром Болсански взвесилась и обнаружила, что за пять недель похудела на восемь килограммов. Она потеряла аппетит и стала плохо спать. Ее не радовало даже общение с сыном. Печаль облепила ее, как клейкая осенняя паутина, а в зеркале отражался призрак: темные круги под глазами, лихорадочный взгляд, ввалившиеся щеки и прозрачная кожа — вылитая Мими в последнем акте «Богемы»! На локтях, предплечьях и запястьях женщины выступили пятна экземы, она до крови обгрызала ногти... А еще на работе дела обстояли из рук вон плохо: она забывала отвечать на важные мейлы, не могла сосредоточиться и повсюду опаздывала, за что и получила втык от начальства. Некоторые коллеги злорадно потирали руки у нее за спиной.

Забрав Тома у няни, она привезла мальчика домой, накормила его ужином, а сама ограничилась горячим и очень сладким чаем.

— Почему ты такая, мамочка? — спросил ребенок.

— Какая? — отозвалась женщина.

— Грустная.

Мила взъерошила сыну волосы и заставила себя улыбнуться, несмотря на подступившие к глазам слезы:

— И вовсе я не грустная, тебе показалось, милый.

Она читала Тома, пока малыш не заснул, а потом погасила ночник и проверила охранную систему, в действенности которой с каждым днем сомневалась все сильнее. Болсански боялась, что не заснет, поэтому приняла полтаблетки снотворного и мгновенно провалилась в сон.

Она почувствовала прикосновение ко лбу чего-то холодного, открыла глаза и не сразу поняла, во сне это произошло или наяву. Не во сне... ей на лоб, над бровями, упала капля. *Плюх.* Вода...

Мила протянула руку, зажгла свет и коснулась лба ладонью. Мокрый. Струйка воды стекала по ее лицу вдоль носа на подбородок. Женщина подняла глаза, увидела на потолке мокрое пятно, с которого готова была сорваться очередная тяжелая капля, и вытерла лицо простыней.

Ванная наверху... Сидячая.

Купив дом, Болсански обустроила на первом этаже новую ванную, но слесарь поменял не все трубы, старыми остались кафель и батареи...

Пистолет...

Она открыла ящик, достала оружие, села на край кровати и попыталась успокоить дыхание. Не до конца проснувшийся мозг (проклятое снотворное!) метался между страхом и яростью.

Надев халат, хозяйка дома пошла по коридору мимо комнаты сына к лестнице.

Проклятый дождь! Стучит и стучит по стеклам... Где этот чертов выключатель? Свет не зажегся. *Проклятие!* Женщина пришла в бешенство, но начала осторожно подниматься по ступеням, направив пистолет вверх. В коридоре второго этажа со стен свисали клочья стекловаты, напоминающие шерсть диковинного животного. Дверь в ванную открылась с сухим скрипом...

Свет... Болсански шагнула вперед.

Она почувствовала ступнями холодную воду и опустила глаза. На пол натекло сантиметра два, не меньше. Сидячая ванна была затянута паутиной с дохлыми мухами и до краев наполнена водой. Мила наклонилась, чтобы завернуть медный кран, который кто-то открутил *до самого конца.*

Она обернулась, и ее сердце пропустило один удар, а рассудок помутился. Тот, кто устроил наводнение, написал на стене огромными красными буквами:

ТЫ СДОХНЕШЬ, ГРЯЗНАЯ ШЛЮХА

Красная краска (а может, и не краска) стекала по белой, заросшей пылью плитке. Все четыре стены были разрисованы жирным маркером:

ШЛЮХА ПСИХОПАТКА
СВИНЬЯ БОЛЬНАЯ СВОЛОЧЬ
ДРЯНЬ СВИНЬЯ ИДИОТКА
ПОДСТИЛКА
НЕВРОТИЧКА
ЧУДОВИЩЕ ПРОСТИТУТКА

Слова, повторенные *десятки раз...*

Мила отшатнулась, как от пощечины. Кровь стучала у нее в висках, и все ее тело накрыла волна жара. Дьявольщина! Она ринулась вниз, добежала до своей комнаты, рывком открыла шкаф и начала бросать в дорожную сумку одежду и белье. Потом сгребла в косметичку все, что стояло на полочке в ванной, и пошла за Тома:

— Просыпайся, малыш. Мы уезжаем.

Мальчик сонно заморгал.

— Куда?

Большой желто-розовый будильник глупо ухмылялся с ночного столика. Было три часа ночи.

Ребенок сел и начал тереть глаза.

— Давай, нам пора, — торопила его мать.

Тома опустил голову на подушку, но она потрясла его за плечико, и мальчик снова сел, обиженно проканючив:

— Ну чего ты, мама?!

— Не сердись, зайчик, мы правда должны уехать... *Одевайся...*

Быстро...

По глазам сына Мила поняла, что напугала его, и разозлилась на себя: «*Не теряй хладнокровия!*»

Тома посмотрел на дверь.

— В доме кто-то есть, мамочка?

— Конечно, нет! С чего ты взял? — Мила нахмурилась.

— А я иногда слышу по ночам странные звуки...

Страх, который все эти дни подкрадывался все ближе, наскочил на Болсански, как сошедший с рельсов поезд. Значит, ей не померещилось. И с ума она не сошла. *Чертюва система безопасности!* Они с Тома одни в огромном доме, куда проник большой мерзавец, законченный псих! Достаточно посмотреть на стены в ванной, чтобы понять всю глубину его безумия... Она откинула одеяло:

— Вставай! Живо!

— Что случилось, мама? Что случилось? — окончательно перепугался ее сын.

Мила попыталась успокоиться и улыбнуться:

— Ничего страшного. Просто из-за дождей может случиться наводнение и в доме оставаться нельзя, понимаешь?

— Сегодня ночью? Прямо сейчас, мамочка?

— Тихо, мой сладкий, успокойся: мы успеем сбежать, только давай поторопимся...

— *Мне страшно, мама...*

Женщина взяла ребенка на руки и крепко прижала его к себе.

— Я здесь, с тобой... Тебе нечего бояться... Мы отправимся в гостиницу, а когда все наладится, вернемся.

Она торопливо надела на сына носки и ботиночки, спустилась вместе с ним в гостиную и включила телевизор. Детских передач в этот час ни на одном канале не было, и она сунула в плеер диск с любимыми мультфильмами Тома.

— Я пойду за машиной.

Мальчик не ответил: он лежал, свернувшись калачиком на диване, и смотрел сонными глазами на экран. Мила сорвала с вешалки плащ, открыла входную дверь и зажгла лампу на крыльце. *Надо же, горит...* Вокруг стояла непроглядная темень, да еще и ливень усилился, но до гаража было не больше десяти метров. Она никогда его не закрывает. Выбора нет — никто ей не поможет.

Болсански вымокла до нитки, пока бежала к двери. Нащупав в кармане ключи от машины, она села за руль и зажгла фары. Дождь в

лучах света превратился в мириады сверкающих искорок. Женщина подъехала к крыльцу, вышла из автомобиля, не заглушив двигатель, и уже собиралась войти в дом, как мотор вдруг икнул, подавился и заглох. Ее охватил ужас. Она метнулась назад и повернула ключ в зажигании. *Машина не завелась.* Еще одна попытка. *Не получается!* Проклятие! Они в западне... Тома! Псих может быть в доме! Болсански так сильно толкнула входную дверь, что едва не сорвала ее с петель, после чего вихрем пронеслась по коридору, оставляя за собою мокрые следы, и с облегчением обнаружила, что сын спокойно спит, посасывая пальчик.

Телефон...

На этот раз без посторонней помощи не обойтись. До сегодняшнего дня Мила старалась не подпускать полицию близко к дому и — главное — к рожице на задворках участка. Но теперь она схватила трубку — и не услышала гудка! *Он перерезал провода!* Где мобильник? Обычно ее сотовый телефон лежал на кухонной стойке или на обеденном столе, но сейчас его там не было. Ни на стойке, ни на столе, ни вообще в кухне.

Спальня... Она могла оставить его на ночном столике.

Трубка не нашлась ни в спальне, ни в ванной, ни в других комнатах, и женщина все поняла. *Он забрал ее...*

Он здесь... Он все время был здесь...

Болсански вздрогнула. Ледяная дрожь пробрала все ее тело — кости, затылок, сердце... Чистый первобытный ужас. Возможно, он притаился на чердаке — и слышит, как они каждый день возвращаются домой, разговаривают, смеются, а когда они засыпают, спускается, смотрит на них, трогает, травит еду, подсыпает ей наркотик... Миле хотелось кричать, но она зажала рот ладонью, чтобы не напугать Тома. Пистолет: куда она его дела? Пистолет лежал на кровати, и она схватила его, подумав с безнадежным отчаянием: нужно подняться, открыть чердачный люк, вытащить лестницу и... А если эта сволочь там? Он нейтрализует ее, и Тома останется один на один с чудовищем в человеческом обличье! Мила пришла в ужас и вернулась на первый этаж.

Страх гнал ее за ней по пятам. Она летала в космос, преодолела столько трудностей, всегда была сильной...

Встряхнись! Сражайся!

Она слишком устала... Это не утомление — это вековая усталость! Она так давно почти ничего не ест... практически не спит... по ночам ее мучит дурнота... *Тома! Сделай это ради него!* И инстинкт взял верх. С головы ее сына и волосок не упадет! Она будет защищать его, как львица защищает своих детенышей. В доме было тихо, и только дождь по-прежнему шумел за окнами. Зловещая тишина... Тома спал на диване. Болсански сходила за зимней курткой, шарфом и зонтом...

Ближайшая ферма Груаров находилась в километре от ее дома. Будь она одна, ей удалось бы преодолеть это расстояние за десять минут. Но со спящим ребенком на руках дорога займет все двадцать... Ночью... Под дождем...

— Иди ко мне, солнышко, — позвала женщина сына.

Мальчик сонно заморгал.

— Наводнение, да, мамочка?

— Да, зайчик. Пошли.

Мила очень надеялась, что ее голос прозвучал совершенно спокойно. Ребенок послушно дал себя одеть. Так, зонт она брать не будет, а Тома понесет на закорках. Она накинула капюшон и распахнула дверь.

— Забирайся ко мне на спину.

Мальчик обнял ее руками за шею, а она спустилась с крыльца и пошла сквозь темноту к дороге.

— А почему мы не едем на машине? — спросил малыш.

— Она сломалась, дорогой, — объяснила его мать.

— Куда мы идем, мамочка?

— К Груарам.

— Мне страшно. Давай вернемся, *ну пожалуйста...*

— Тише, малыш... Успокойся... Через десять минут мы будем в тепле и безопасности.

— *Мама...*

Мила чувствовала, как тело Тома содрогается от рыданий, слышала стук капель по капюшону его курточки... Холодная вода стекала ей за шиворот.

— Я боюсь... — хныкал ребенок.

Какая-то часть ее собственного существа — она всеми силами пыталась заткнуть этот голос — ответила: «Я тоже...» Болсански

чувствовала не просто страх, а настоящий ужас. Дождь неожиданно прекратился, и женщина подняла голову: скоро из-за туч появится луна, она уже догоняет их. Вокруг царило безмолвие, и Мила двинулась дальше по дороге. Каждый шаг давался ей со все большим трудом. Она дрожала — от холода и от страха. Тома тоже дрожал. Толстые узловатые ветки сплетались в объятиях у нее над головой, а полная луна светила из-за туч, как будто хотела помочь, указать им путь. Соленые слезы текли по щекам Болсански, и она слизывала их языком, из последних сил пытаюсь сдержать рвущийся из груди вой. Тома молчал, только дрожал все сильнее:

— *Мне страшно, мама, давай вернемся...*

Мать не ответила на мольбу своего насмерть перепуганного сына. Она лишь сжала зубы и еще крепче сцепила в замок окоченевшие пальцы под попкой Тома. Было пройдено метров сто, не больше, а она уже так устала... Мила не решалась оглянуться и посмотреть, нет ли кого-нибудь за спиной. *Человека, преследующего их в ночи.* От этой мысли у нее едва не отказали ноги. Нужно смотреть только вперед и думать только о темном туннеле, образованном деревьями. Только о нем — и ни о чем другом. Хуже всего неизвестность. Она не знает, ни кто ее враг, ни когда он нанесет следующий удар. Неизвестность терзает. День за днем, ночь за ночью. Пока она окончательно не лишится сил и не...

Она знала, что случится потом... Она сама творила подобное...

Мила вдруг поняла, что бредет «на автопилоте», и встряхнулась, чтобы проснуться. Она смотрела на носки своих кроссовок и машинально считала шаги. *Что-то изменилось...* Дорога осветилась, асфальт блестел желтым светом, как металлический лист под лампой, и Болсански могла различить каждый камешек, каждую выбоину и трещину...

— МАМА! — Тома почти кричал.

Беглянка подняла голову и моргнула, ослепленная светом фар. Машина... метрах в трехстах... Стоит на месте. Невероятно, как светло стало под деревьями! Наверное, если в соборе включить прожектор, эффект будет такой же... Что за идиотская мысль... Мозги плавятся. Фары погасли, и темнота снова окутала окрестности. Если бы не луна, она бы даже ног своих рассмотреть не смогла. Ветер свистит в ушах, сердце бухает в груди, как будто хочет проложить себе

путь на свободу. Мила попробовала собраться с мыслями и справиться с паникой. Что делать? Фары снова зажглись, заработал двигатель.

— Мама, мамочка! — Тома верещал, как подраненный заяц.

Женщина поняла, что ее мозг вот-вот взорвется, присела на корточки и поставила сына на ноги. Повернувшись, она взяла его за руку и закричала:

— Бежим! БЕЖИМ!

Машина у нее за спиной тронулась с места и перешла на вторую скорость.

42. Финал

*(«Таково
возмездие
злумышляющим,
таков конец
войн»)*

На следующий день, 24 февраля, Сервас встретился с Фонтеном в баре на площади де Карм. Свидание назначил космонавт. Увидев сыщика, он отставил пиво и сунул руку в карман куртки.

— Привет...

Затем он подтолкнул к майору фотографии.

— Это то, о чем я просил? — уточнил тот.

— Тот самый «пустячок», — улыбнулся Леонард.

Мартен сразу узнал женщину на снимке: Мила. Выходит из подъезда дома Корделии в квартале Рейнери... Выглядит раздраженной. Снимали ее длиннофокусным объективом.

— Как вы это достали? — поинтересовался полицейский, но его собеседник ответил вопросом на вопрос:

— Вы, кстати, не знаете, куда они подевались?

Сервас прищурился:

— Корделия и Маркус? Исчезли без следа. Думаю, их уже нет в стране.

— Возможно, вернулись в Россию, — предположил Лео, подумав о двадцати тысячах евро, переданных Маркусу, и о звонке в Москву — друзьям, у которых тоже есть «друзья». Немыслимый поступок... Он перевел деньги на счет в Люксембурге и назвал собеседнику номер рейса и время прилета. Труп Маркуса никогда не найдут. А Корделия сейчас в самолете, летит в Москву — и тоже никогда не вернется.

— Спрошу еще раз: фотографии сделали вы? — снова подал голос майор.

— Это так важно? Не все ли равно кто; главное, что вы получили доказательство связи Милы с Маркусом и Коринной Делия, которые в данный момент ударились «в бега». Полиция подозревает, что они замешаны в исчезновении, а возможно, и в убийстве Кристины

Штайнмайер. Мне кажется, что оснований для получения ордера вполне достаточно...

Сервас встал, собрал со стола фотографии и сказал:

— Нам нужно будет поговорить — в ближайшие дни, не откладывая.

— А мы разве не поговорили? — делано удивился Фонтен. — Ладно, нужно так нужно. Поговорим, о чем захотите и когда захотите. Например, о космосе. Тема интереснейшая.

Сыщик улыбнулся. Решительно, этот тип нравится ему все больше. Какой дурак сказал, что первое впечатление всегда самое правильное?

Мила открыла дверь и выглянула наружу. Никого. Хмурый день вставал над серой равниной, просачиваясь между тополями. Совсем недавно игру вела она. Ей показалось, что с тех пор прошел целый век. Расклад изменился. Как получилось, что она за несколько дней утратила контроль над ситуацией? В какой момент маятник судьбы качнулся в другую сторону?

Ночью, вернувшись в свой дом, Мила забаррикадировалась и выложила на стол все, что могло послужить оружием: кухонные ножи, молоток, каминную кочергу, газовый пистолет, большую двузубую вилку для мяса... Тома ужасно испугался, так что матери пришлось дать ему легкое успокоительное и долго баюкать ребенка, пока тот не заснул на диване в гостиной. Себя она «взбодрила» двумя порциями джина с тоником.

Утром Болсански чувствовала себя такой усталой, что не могла сконцентрироваться и выстроить хоть какую-нибудь стратегию поведения. Последние часы и дни подвергли ее нервы жестокому испытанию. Тома все еще спал, и Мила налила себе вторую чашку кофе. Самым правильным будет отправиться за помощью к Груарам. На улице затарахтел скутер доставщика газет, и женщина крикнула, выбежав на крыльцо:

— У вас есть телефон? Мой куда-то задевался, а машина сломалась. — Она кивнула в сторону гаража. — Мы застряли, не можем никуда выехать!

— Не повезло... — Молодой человек сочувственно покачал головой и протянул ей мобильник.

— Подождете пять минут, пока я вызову аварийщиков?
Мила ушла в дом, а когда вернулась, парень спросил:
— Может, вы забыли закрутить крышку бака?
— Конечно, нет, — покачала головой хозяйка дома.
— Ну, значит, кто-то подсыпал туда какой-нибудь дряни — сахара или песка. Дебильная шуточка...

Механик подтвердил диагноз — мотор сдох — и уехал. Болсански с отчаянием смотрела вслед грузовичку, пока тот не скрылся из виду, а потом вернулась в дом и проверила сына: мальчик все еще спал. Мила так и не переоделась и не причесалась; она бродила по дому в халате, шаркая тапочками по полу, и пыталась справиться с нервами. Решено: Тома сегодня останется дома, а она позвонит на работу и скажется больной... Проклятие, у нее же нет телефона! Идиотка! Нужно было заказать такси. Она открыла ноутбук, чтобы выйти в «Гугл», и прочла на экране приговор: «подключение невозможно». *Кто бы сомневался...* Телефонный кабель ведь перерезан. Женщина посмотрела на потолок.

Кто-то задался целью испоганить ей жизнь, и у него отлично это получается.

Болсански лихорадочно искала выход и вдруг вспомнила: *почтальон!* Он скоро появится...

Время шло, и Мила нервничала все сильнее. Что, если почты сегодня не будет? Ей стало холодно, и она поплотнее запахнула полы фланелевого халата. Сил дойти до дома Груаров у нее нет, выглядит она кошмарно. Что они подумают, увидев ее в таком состоянии? Нет, отложим до завтра. Насколько же легче сдать, опустить руки, подождать до следующего утра...

— Я сегодня останусь с тобою, мамочка? — подал голос Тома.

— Да, дорогой. Устроим себе каникулы. Иди в свою комнату и поиграй.

Мальчик убежал, а его мать осталась караулить почтальона. Увидев на дороге желтый скутер, она выскочила на крыльцо, снова «одолжила» телефон и первым делом позвонила коллеге по службе Изабель.

— Что случилось, Мила? — удивилась та, услышав ее голос.

— Я все объясню.

— Ты опаздываешь четвертый раз за месяц и дважды серьезно прокололась!

Болсански понимала, что имеет в виду ее сотрудница: она действительно подставилась, придя на встречу с важными иностранными партнерами в плохой физической форме с небрежно подготовленными документами.

— Лучше бы тебе приехать, — не успокаивалась Изабель. — На этот раз ты не проскочишь... черт... Начальство и так уже взяло тебя на заметку...

Мила пролепетала жалкие извинения и оборвала разговор — не было сил спорить и объясняться, — а потом вызвала такси. Первым делом нужно было взять напрокат машину и купить новый телефон. Прорвать изоляцию...

— Держите... — Парень протянул женщине почту и забрал телефон, окинув ее неодобрительным взглядом.

Она смотрела, как он уезжает, и чувствовала отчаяние. Свет дня угасал, с запада к горизонту ползли тучи. Небо потемнело, и где-то далеко погромыхивал гром. Стая ворон, растревоженная приближением грозы, кружила в воздухе. Мила заметила конверт без марки и адреса отправителя. *Почти такой же она бросила в почтовый ящик Кристины в канун Рождества...* Болсански открыла его дрожащими пальцами, увидела внутри фотографии и испытала шок: *кто-то снял разрытую землю у подножия старого кряжистого дерева...* Три практически идентичных кадра: три снимка могилы.

На лбу у нее выступили капли пота.

Мила в панике выбежала из дома, поднялась на холм, петляя между деревьями, и спустилась в ложбину. Поднялся ветер, и на лицо ей упали первые капли дождя. Ковер из опавших листьев, прикрывающий могилу, был не тронут.

Она услышала сигнал клаксона.

Такси! Черт, она совсем забыла, что вызвала машину!

Дождь усилился. Таксист снова нетерпеливо загудел. Хозяйка обогнула дом и подбежала к машине. Водитель изумился, увидев женщину в насквозь промокшем халате, со всклоченными волосами и безумным взглядом. Он демонстративно посмотрел на часы.

— Простите, мне очень жаль, совсем вылетело из головы! — рассыпалась та в извинениях. — Я не готова, так что поездка

отменяется, еще раз извините.

— А кто мне заплатит? Знаете, дамочка, у вас серьезные проблемы! — Мужчина постучал пальцем по виску.

— Да как вы смеете?! Убирайтесь! — крикнула Мила. — Немедленно!

— Чокнутая тварь, — процедил таксист сквозь зубы, после чего сел за руль и резко развернулся, обдав ее грязью. Потом он опустил стекло и выругался: — Дура припадочная!

Последнее слово осталось за ним, а Мила почему-то вспомнила стену старой ванной, исписанную бранными словами.

Она мельком просмотрела остальную почту: счета, уведомления, рекламный спам... А это что такое? Конверт из Службы социальной помощи детям департамента Верхняя Гаронна... Женщина вскрыла его, предчувствуя очередную пакость, и достала сложенный вдвое листок с машинописным текстом:

Мадам, к нам обратились директор школы в Неваке Валери Девинь и преподаватель Пьер Шабрийяк. Они подозревают, что вы оказываете психологическое и физическое давление на вашего пятилетнего сына Тома. Мальчик много раз появлялся в школе с синяками на локтях, коленях и лице (снимки прилагаются). Мадемуазель Девинь и мсье Шабрийяк указывают, что в последнее время Тома часто отсутствует на занятиях, не выполняет домашние задания, у него меняется настроение, и он почти все время грустен и замкнут. В беседе с психологом мальчик признался, что боится вас.

Наша служба создала расширенную комиссию, чтобы проверить факты и установить истину. Вы будете приглашены на заседание и сможете высказаться. Учитывая серьезность положения, мы решили обратиться к прокурору Республики по делам детства с запросом о передаче Тома под нашу юридическую ответственность. Мнение

мальчика тоже будет выслушано, но выбор учреждения (или приемной семьи), куда поместят вашего сына, остается за нами.

Примите заверения в нашем...

Несколько мгновений Мила не могла пошевелиться и даже дышала с трудом, а потом, не веря своим глазам, перечитала текст и просмотрела фотографии, на которых действительно были ясно различимы синяки на теле и лице ее сына. Женщине хотелось смеяться, но из груди ее вырвалось рыдание. Какой бред! Тома — отважный мальчик, сорвиголова, он бегает, прыгает и — естественно! — падает. Да, ее сын часто набивает шишки и обдирает коленки, но нельзя же делать из этого такие идиотские выводы...

В прежние времена ее реакция была бы мгновенной: звонок адвокату, а потом дуре-директрисе. Она бы всех закопала! Недоумки вообразили, что мать может причинить боль сыну! Увы, сейчас она слишком слаба и растеряна... *Завтра... это может подождать день... или два... Ей нужно набраться сил. Перебороть усталость...*

Мила бросила конверты на кухонный стол, выпила еще одну порцию джина с тоником, достала из аптечки пузырек с бензодиазепином и приняла сразу три таблетки.

Сервас просмотрел записи, которые делал во время разговоров по телефону:

Мила Элен Болсански, родилась 21 апреля 1977 года в Париже. Единственная дочь Константина Аркадьевича Болсански и Мари-Элен Жоффрей-Бертен (погибли 21 августа 1982 года в автомобильной аварии). Жила в приемных семьях, потом в пансионе, хорошо успевала по всем предметам благодаря влиянию классного руководителя мсье Вильяма. Была лучшей ученицей класса. Врач, специализируется в космической медицине, доктор наук, в 2008 году совершила полет на корабле «Союз» на Международную космическую станцию. Вторая женщина-космонавт Франции.

В 1989 году, в возрасте двенадцати лет, дважды лежала в психиатрической клинике, после того как совершила две попытки самоубийства (диагноз: депрессия, серьезные нарушения психики).

После клиники находилась под психиатрическим и терапевтическим наблюдением, от которого отказалась по достижении совершеннолетия, несмотря на резкие возражения опекунов (дяди и тети). Продолжила блестяще учиться в высшей школе, 21 апреля 1995 года, в свой восемнадцатый день рождения, обручилась с Режисом Эскандом, тоже против воли близких. Через полгода жених разорвал с нею отношения. Два года спустя Эсканд покончил жизнь самоубийством в тюрьме, куда был отправлен за изнасилование несовершеннолетней.

В 2003 году Национальный центр космических исследований отбирает ее в отряд космонавтов, в 2005 году она становится членом космического отряда Европейского космического агентства. По всей вероятности, ни НЦКИ, ни ЕКА не было известно о существовании ее психиатрического досье, а тестирование она прошла блестяще.

20 ноября 2007 года она вместе с Леонардом Фонтеном отправляется в Звездный городок.

Негусто, но подтверждает рассказ Фонтена... По какой-то непонятной причине Мартен вдруг вспомнил дом Милы: длинный и темный, как штрек, коридор, ведущий в кухню, высокий горделивый силуэт женщины, идущей впереди него. Ощутил ли он тогда холодок предчувствия? Ни малейшего.

Сыщик бросил взгляд на лежавший на столике телефон. Куда провалился Больё? Он давно должен был получить ордер. Неужели возникли какие-то препятствия?.. Нет, исключено. Полицейский достал из пачки сигарету, сунул ее в рот, но прикуривать не стал. Мобильник завибрировал.

— Сервас, — произнес майор, взяв трубку.

— Это Больё, — услышал он долгожданный голос своего коллеги.

— Ну что?

— Судья, чертова баба, хочет прикрыться, трясется за свою карьеру: мол, как же так, бывшая космонавтка, вторая француженка в космосе, знаменитость... Пришлось слегка ее тряхнуть... обменялись парочкой любезностей, но ордер я получил. Полагаю, на этот раз ты захочешь к нам присоединиться?

— Ну, раз ты приглашаешь...

Мартен смял сигарету, раскрошив ее в ладони в труху.

Ее ребенок. Они хотят забрать у нее ребенка. Отдать его незнакомым людям, в приемную семью, а он такой хрупкий... так от нее зависит... Что с ним будет? Тома, ее сокровище... Они не имеют права! Она никого не подпустит к своему мальчику! Отец не пожелал признать сына, так что мать — его единственная семья. *Тома, дорогой мой, любимый, я им не позволю...* Мила допивала то ли второй, то ли третий стакан джина с тоником — она перестала считать выпивку, и в каждую порцию наливала чуть больше джина. Мысли ее путались из-за принятых таблеток. Она должна взять себя в руки. *Завтра... завтра ей станет лучше... Она будет биться... за своего ребенка, за них обоих...* «Господи, как же я устала, как вымоталась...»

Завтра...

Мила ринулась в туалет, и ее вырвало вонючей смесью желчи, джина и кофе. Она хрипло дышала, пот стекал по ее вискам, сочился из всех пор... Влажные волосы прилипли к голове. Женщина долго сидела на полу, прижавшись воспаленной щекой к холодной стене, и судорожно рыдала.

Она бесшумно поднялась по лестнице, осторожно заглянула в приоткрытую дверь детской и увидела, что Тома сидит на кровати со своей игровой приставкой. Вид у мальчика бы сосредоточенный, но спокойный — он улыбался. Слезы хлынули у его матери из глаз: она глотала соленые капли, пытаясь не сорваться в крик, а когда вернулась на кухню, пережила самую длинную и страшную в своей жизни минуту. На столе лежали ножи, а ее голое запястье выглядывало из рукава пеньюара. Яркой вспышкой в мозгу пришло давнее воспоминание: ей двенадцать, она в «Скорой», лежит на носилках с перебинтованными запястьями...

Гроза расходилась все сильнее. Косые струи дождя заливали стекла, бледные молнии зловещими прочерками освещали небо... Звонок в дверь напугал ее до трясучки. Кто это может быть? Неужели он явился, чтобы насладиться победой? Она побрела по коридору.

— Мадемуазель Болсански? Это полиция. Откройте! — донеслось из-за двери.

Полиция... Слово пронзило ее мозг, как удар стилета. Хозяйка дома медленно потянула на себя створку двери и окунулась в шум дождя. В лицо ей сунули полицейское удостоверение. Господи, как их много... Все в прорезиненных плащах и куртках «Кей-уэй», с оранжевыми нарукавными повязками. На верхней ступеньке стоял кудрявый, как пудель, коротышка — он все время шмыгал носом и смаргивал с ресниц капли дождя.

— У нас есть ордер, мадам, — сказал этот кудрявый мужчина, сунув руку в карман парки. — Если позволите, я предъявлю его в доме.

Болсански посмотрела на трех мужчин и женщину, и ее взгляд остановился на человеке, державшемся чуть в сторонке от остальных. Она узнала его. Именно этому полицейскому она послала ключ от номера 117 и фотографию МКС, а потом дала почитать свой фальшивый дневник. О нем не раз писали на первых полосах местные и центральные газеты... А теперь он стоял под дождем, неподвижно, с опущенными руками, без головного убора. Несколько бесконечно долгих секунд они с Милой не отрываясь смотрели друг на друга.

И она поняла, что проиграла.

Все, что происходило потом, женщина воспринимала как беспорядочные отрывки, вспышки, фрагменты... Слова, напечатанные на ордере: *«Офицер криминальной полиции... действуем по поручению нижепоименованной судебной инстанции... будет произведен обыск в доме Милы Болсански (ее имя и фамилия были вписаны от руки)... обязаны предъявить ей документы, удостоверяющие личность...»* Печать, подпись... У женщины-космонавта закружилась голова. Полицейские разошлись по комнатам, надели перчатки и начали переворачивать подушки, перетряхивать книги и футляры с дисками, шарить по полкам и шкафам. Они рылись в мусорном ведре, открывали все двери...

— Кто они, мамочка? — Тома кинулся к Миле и уткнулся ей в колени.

— Не бойся, родной, это полицейские... — Она прижала сына к себе.

— А что они ищут?

— Это я позвала их, зайчик, чтобы они нам помогли, — соврала Болсански, чтобы успокоить ребенка.

Она посмотрела на человека, который впервые пришел к ней в дом в январе и получил — и, видимо, прочел — ее дневник. Тот, кем она как будто бы манипулировала. Он не принимал участия в обыске — только наблюдал — и время от времени бросал огорченные взгляды на Тома.

— Почему вы молчите? — с вызовом спросила Мила. — Вы же знаете... я показала вам дневник.

— Потому что это фальшивка... — отозвался Мартен.

Хозяйку дома накрыла волна отчаяния. Мысли ее по-прежнему путались, разбегались в разные стороны... Она еще крепче обняла Тома, взяла его личико в ладони, поцеловала ребенка в бледный лобик и сказала, глядя прямо ему в глаза:

— Я тебя люблю, мой золотой мальчик, никогда об этом не забывай.

— Все хорошо, мамочка, — ответил малыш. Он как будто вдруг стал главой семьи, осознал себя защитником.

— Ну конечно, хорошо... — повторила Мила, почувствовав, что вот-вот расплечется, и слегка отстранилась: если ноги откажут ей и она упадет, Тома не должен пострадать. Мальчик посмотрел на мать. Он не понимал, что происходит, но чувствовал: дело плохо.

Дверь в крытую галерею, обращенную к лесу, с треском распахнулась, и в комнату влетела молодая и на редкость уродливая сотрудница полиции.

— Вы должны на это взглянуть! Кажется, я что-то нашла!

Один из полицейских сделал хозяйке знак следовать за ними, а другой остался с Тома. На улице было холодно, капли дождя щелкали по капюшонам бредущих людей, а жирная земля и листья липли к подошвам. Они поднимались на холм, преодолевая сопротивление бесконечного и безразмерного мира. Миле казалось, что ее жизнь обратилась вспять и она вот-вот снова обретет мир и покой в утробе матери. Покой... Наконец-то... Она знала, куда они идут. *Они ее нашли...*

Молодая женщина стояла на коленях под старым узловатым деревом, напоминающим безумного пластического акробата, и руками в синих латексных перчатках отгребала в сторону листья. Она подняла

глаза, посмотрела на мадемуазель Болсански, и та прочла на ее лице приговор: *виновна-виновна-виновна*. Взгляды остальных выражали то же самое.

— Что здесь? — спросил, обращаясь к копающейся в земле коллеге, «пудель».

Та не стала отвечать.

— Вызывайте экспертов, — спокойным, без всякого выражения голосом произнес Сервас, глядя Миле в глаза. — И позвоните в прокуратуру.

Раскаты грома напоминали театральный эффект: казалось, что шумовик за кулисами трясет лист оцинкованного железа. Технари в белых комбинезонах взяли образцы почвы и листвы, выставили вокруг ямы градуированные рейки и начали фотографировать. День угасал, поэтому пришлось включить мощные прожекторы. Кабели валялись в грязи, как дохлые змеи. Все смотрели на могилу. *Пустую* могилу... Взбешенные эксперты рывком снимали перчатки: им здесь делать было нечего.

— Ну спасибо вам, парни. Спешу напомнить: до первого апреля еще полтора месяца, — проворчал один из них.

Сыщики обменялись взглядами и как по команде повернулись к Мартену.

— Чертовщина какая-то... — подвел итог лейтенант Больё.

Пустая яма...

Все, кроме Серваса и Больё, уехали, а они сидели в машине и пытались привести мысли в порядок.

— Но выкопали ее не ради забавы, — откликнулся майор, глядя на дом через ветровое стекло, по которому хлестал дождь.

— Да уж конечно, — согласился лейтенант, — и она чертовски похожа на могилу, эта яма, вырытая в сердце леса. Но почему она пуста?

Его коллега пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ждем.

— Чего?

— Результатов экспертизы. Нам хватит капельки ДНК...

Она пытается заснуть — и не может. Полицейские давно уехали, но гроза совсем разнуздалась, и женщине кажется, что стены ее жилища сотрясаются от раскатов грома. *Она должна поспать, но сон не идет...* Как тут заснешь, когда в лесу по соседству смотрит в небо пустая могила?

...Что это значит? Мила пытается осознать случившееся, но ее мысли путаются. *Она сама убила ту иллюху, она видела, как после выстрелов ее тело вздрогнуло и опало. Потекла кровь, и Маркус бросил на труп несколько лопат земли.* А потом Болсански ушла, оставив его доделывать грязную работу.

Куда делось тело? Наемник его перепрятал? Но зачем? Испугался, что рано или поздно до Милы доберутся и она его сдаст? Задать вопросы Маркусу не удастся — они с Корделией словно испарились.

Женщина-космонавт вслушивается в тишину. Ей холодно, и она дрожит, пытаясь «закопаться» в одеяло. Усталость давит на мозг. Молния чиркает по оконному стеклу. В доме царит мертвая тишина, и вдруг...

Звук идет снизу: поднимался по лестнице, растекался по коридору и проникал в комнату через приоткрытую дверь. Хозяйке не чудится, слух ее не обманывает — это опера... Она с первых тактов узнает третий акт «Мадам Баттерфляй», в котором Чио-Чио-сан убивает себя. Господи, как же ей холодно... Дуэт Пинкертона и Шарплеса:

ШАРПЛЕС

Поговори с этой милосердной женщиной
И приведи ее сюда.
Пусть Баттерфляй увидит ее.
Пусть все поймет.

ПИНКЕРТОН

Здесь веет смертью...

Мадемуазель Болсански узнает голоса шведского тенора Николая Гедды и Марии Каллас в постановке, которой дирижирует Герберт фон Караян. Это запись из ее коллекции дисков.

Мила садится на кровати. Голоса певцов рвутся вверх, заполняют собой все уголки погруженного в темноту дома. *Тома... Он сейчас проснется...* Женщина смотрит на красные стрелки будильника: пять или шесть минут четвертого. Стекла вздрогнули от очередного раската грома. Мила до боли в глазах вглядывается в темноту.

Да, я за мгновение понял
Всю глубину моей вины,
Я знаю, что эта мука
Пребудет со мною вечно.

Эта музыка... Ей хочется плакать.

Прощай, цветущий уголок,
Дорогое моему сердцу прибежище любви.

Хозяйка встает и накидывает халат. Сил у нее совсем не осталось, пустая голова гудит... Она, как лунатик, добирается до двери, выходит в коридор и щелкает выключателем, но свет не зажигается. Ну конечно...

Дверь в комнату Тома закрыта.

Его мать в три шага преодолевает расстояние до лестницы и замечает внизу слабый свет.

Где-то горит лампа. На лестничной площадке свет тоже не зажигается, но она все равно начинает спускаться, медленно и осторожно. Сердце ее подстраивается под ритм музыки, как у актрисы, ждущей за кулисами театра команды «ваш выход!».

Сотни взглядов обращены на нее из темноты. Зрители замерли. Они надеются стать свидетелями триумфа и слегка опасаются провала.

Раздается сильный и звонкий голос меццо-сопрано Лючии Даниели — Сузуки:

В этом испытании
Она прольет немало слез.

Мила наконец понимает, что свет горит в коридорчике, ведущем к ванной, по другую сторону от кухни. Она срывает с магнитного держателя один из ножей. О, Господи, эта музыка! Какая красота! И какая печаль! И вот наконец голос Марии Каллас — Баттерфляй:

Сузуки, Сузуки! Где ты?

Новый раскат грома: шумовик работает на совесть... Женщина пересекает кухню, входит в коридор... Свет становится ярче. На левой стороне приоткрыта дверь... Свет горит в ванной.

Он здесь, он здесь! Где он прячется?

Она толкает створку кончиками пальцев левой руки — в правой у нее зажат нож. В нос ударяет запах воска — тяжелый, одуряющий, свет множества свечей отражается на потолке и стенах, пляшет на лице покойницы, которая не умерла, на ее бритом черепе, обросшем легким пушком. Огоньки дрожат в ее зрачках, глаза, густо накрашенные черной тушью, смотрят пристально и спокойно, взгляд выражает холодную решимость. Миле начинает казаться, что она сходит с ума. Это мадам Баттерфляй! *Чио-Чио-сан*. Женщина в темном кимоно с набеленным лицом, глазами-щелочками и ртом, похожим на шрам от скальпеля!

Галлюцинация рассеивается, и она видит... о, ужас! Покойница. Привидение. Прозрачный призрак за завесой поднимающегося от воды пара наставляет на нее пистолет.

— Добрый вечер, — произносит Кристина, а Каллас поет:

Эта женщина! Чего она от меня хочет?

В голове у Болсански бьется единственная мысль: Тома, почему он не просыпается, ведь музыка звучит все громче?

— Брось нож, — приказывает Кристина. — Раздевайся и полезай в ванну.

Она могла бы сказать «нет», могла оказать сопротивление, но зачем? Всё — физическая слабость, усталость последних дней, музыка, заполнившая собой весь дом, — понуждает ее подчиниться. Она лишилась воли, утратила желание сражаться. Она просто... *устала*... Да и оружие в руках призрака не оставляет ей выбора. Мила разжимает пальцы, и нож падает на пол, звякнув лезвием о кафель. Мила сбрасывает одежду, и та тоже падает к ее ногам. Пар обволакивает ее, и тело начинает блестеть от пота.

— Давай, — спокойно повторяет Кристина.

Болсански долго стоит неподвижно, но потом поднимает ногу, перешагивает через бортик и замечает длинную «опасную» бритву. На лезвии отражается огонек свечи. Она медленно опускается в теплую воду, садится и на короткое мгновение чувствует облегчение: наконец-то можно расслабиться, «отпустить вожжи»! Ей как будто бы опять, второй раз за вечер, удается оказаться в утробе матери. Но как же Тома?

— Мой сын! — вскрикивает Мила.

— Не беспокойся. Он спит, — отвечает ее несостоявшаяся жертва. — Мы о нем позаботимся...

— *Мы?*

Баттерфляй поет:

Они хотят все у меня отнять! Мой сын!

О, несчастная мать!

Отречься от своего ребенка...

— Его отец и я, — поясняет Кристина. — Лео займется твоим сыном, признает его и воспитает: он мне поклялся. Тома будет носить обе ваши фамилии... Он пойдет в самую хорошую школу, получит лучшее образование. Мила... Тома никогда не узнает о случившемся. О том, что сделала его мать. Лео скажет, что ты попала в аварию. Он дал мне слово чести. *Но при одном условии...*

Пот заливает лицо Болсански, и она моргает, пытается осознать слова призрака. Их смысл постепенно доходит до ее сознания. Ужасный смысл.

— Что за условие? — шепчет она голосом, слабым, как дыхание птички.

Призрак переводит взгляд на бритву. Мила вздрагивает.

— Я видела, как ты умерла, — говорит она. — Я в тебя стреляла.

— Холостыми, — пожимает плечами Кристина.

— А кровь?

— Киношные штучки: мешочки были спрятаны под свитером и лопнули в нужный момент. Такое легко достать. Мне оставалось изобразить конвульсии — в нужный момент. Пришлось, правда, прикусить до крови язык, чтобы из уголка губ тоже потекла струйка...

— Но... а Маркус?

— Как только ты ушла, он помог мне вылезти. — Кристина улыбается. — А наркотик, который он мне якобы дал, был обычным витамином.

— Почему?

— Потому что Маркус продается тому, кто больше предложит, Мила, кому, как не тебе, это знать... Мы с Лео разбили наши копилки. Ты сама сказала: «Маркус нелюбопытен. Его интересует только размер гонорара». Уговорить его оказалось нетрудно, хотя страхового полиса я лишилась... Получив сообщение от Денизы, я сразу поняла, что это ловушка. Позвонил Лео и сказал: что-то готовится. Он узнал это от Маркуса, а тот — от тебя. Маркус все и организовывал. Выбора мы ему не оставили: либо помогаешь нам, либо садишься в тюрьму.

— Где он?

— Кто? Лео? Следит за сыщиком...

— А Маркус?

— Кормит червей в родной русской земле. Мы оплатили ему билет до Москвы, а там его... «приняли». Он накачал меня наркотиками... *изнасиловал*... перерезал горло моей собаке... Сволочь! *Но приказ отдала ты, так ведь?*

Мила не ответила. Она лишь бросила быстрый взгляд на бритву. Можно попробовать схватить ее и нанести призраку удар, но она понимает, что не успеет. В голову приходит мысль о Лео, о Тома, о них обоих... Отец и сын будут вместе... *Наконец-то*... Музыка звучит то

тише, то громче; зал затаил дыхание, внимая певице. Зрители в трансе, в экстазе, их чувства обострены до предела.

Начинается знаменитая заключительная ария *Con opor tuogre*: «Умирает с честью... тот, кто не может с честью жить...»

Да. Почему бы и нет?

— Значит, ампулы, тошнота и рвота, проколотые шины, случай в супермаркете — все это ты? — не может удержаться еще от одного вопроса Болсански.

Господи, как же она устала...

— Да, — отвечает ее противница.

— Как тебе удалось?

...устала от всего этого...

— Что именно?

— Мне каждую ночь становилось плохо, я мучилась бессонницей, выбрасывала продукты и лекарства, покупала новые, ела все то же, что и Тома, но он чувствовал себя нормально, а я продолжала болеть.

Призрак указал дулом пистолета на другой угол ванны. Мила повернула голову — что, о чем он? — и вдруг поняла: *соли для ванн... Она каждый вечер принимает ванну.* После того как уложит Тома. А его она моет в душе.

Призрак берет пульт, нажимает на кнопку, и музыка смолкает.

— Я наблюдаю за тобой уже несколько недель, — говорит Кристина. — Возможности современной техники безграничны: ставишь камеры в кухне, спальне и ванной — и дело в шляпе... Я знаю практически все о твоих привычках и маленьких маниях, Мила. А охранная система в твоём доме — это чистой воды «обман потребителя». — Женщина сует руку в один из многочисленных карманов брюк и достает черную прямоугольную коробочку с тремя коротенькими антеннками-усиками. — Передатчик помех. Стоит сто евро, можно заказать в Интернете. Грабителей и взломщиков ждет светлое будущее.

— Из-за тебя они хотят забрать у меня сына, сволочь проклятая! — Мила вкладывает в ругательство остатки сил, но издает не крик, а лишь тихий хрип.

Кристина смотрит на нее без всякого сочувствия. Она не скажет этой женщине, что письмо — подделка. Нет, не скажет. Она только наклоняется, чтобы Болсански могла видеть ее лицо:

— Именно поэтому ты должна отдать Тома Лео... Хватит болтать. — Кристина снова указывает пистолетом на бритву, а Мила не замечает ни слез на ее щеках, ни дрожащие пальцев. — Ты покончишь с собой... сегодня ночью... а я прослежу, чтобы Лео позаботился о Тома... воспитал его... признал... *Даю тебе слово.*

Она вытирает пот и слезы тыльной стороной ладони в перчатке. Ее подведенные черным глаза лихорадочно блестят.

— Можешь отказаться и сесть в тюрьму, и тогда Тома попадет в приемную семью — в одну, потом в другую, в третью... Представляешь, какая жизнь его ждет? *Этого ты хочешь для своего сына?* — спрашивает Кристина. — Решай сама... Теперь все зависит только от *твоего* решения...

— Можешь включить музыку? Хочу дослушать финал, — просит сидящая в ванне женщина.

Ее бывшая жертва нажимает на кнопку. Снова звучит последний акт оперы. Голоса перемешиваются, сменяют один другой, замирают.

— Мила? — зовет Кристина своего врага.

— Устала... — еле слышно шепчет та.

— Что?

— Я устала...

— Так освободись.

Ты, ты, — поет Каллас, —
Маленький бог, любовь моя, лилия и роза,
Ты никогда не узнаешь,
Что Баттерфляй умирает
Ради твоих чистых глаз.

Обе женщины слушают музыку. А потом наступает тишина, и Мила судорожным движением хватает бритву. Кристина молча наблюдает за ней. Пот заливает ей глаза, и по лицу Болсански тоже стекают липкие струйки.

Смотри внимательно,
Во все глаза, на лицо твоей матери,
Чтобы запомнить ее образ.

Смотри внимательно!
Любовь моя, прощай, прощай!
Мой любимый малыш!

- Устала... как же я устала...
- Так отдохни, Мила.
- Он любил меня.
- Знаю... — Кристина лжет, не краснея.

А ее противница улыбается. Глядя перед собой затуманенным взором, она разрезает кожу у себя на левом запястье. Бритва углубляется в мышцу, а потом одним точным медленным движением рассекает лучевую артерию. Теперь правая. С нею получается не так ловко. Две струи крови брызжут в разные стороны, окрашивают воду в красный цвет.

С каждым ударом сердца из ран вытекают новые потоки крови. Пульсации замедляются, тело леденеет... Женщина замерзает — как пруд зимой.

Мелодия достигает кульминации. Звучит прощальный возглас Пинкертон:

Баттерфляй! Баттерфляй! Баттерфляй!

По щеке Милы скатывается последняя слеза.

Следующие пять минут Кристина убирает следы своего присутствия и готовится к «отходу». Достает из кармана телефон Болсански, вкладывает его в ее холодеющие пальцы и набирает 17. Дождавшись ответа, шепчет едва слышно: «Умоляю... приезжайте скорее... умираю... мой сын... он совсем один...»

— Что вы сказали? Что? — встревоженно восклицает диспетчер спасательной службы. — Можете повторить, мадам? Мадам?

Штайнмайер повторяет, укладывает руку покойницы на бортик, резко оборачивается и вздрагивает: Тома, он здесь. *Смотрит на нее во все глаза...* Она смаргивает, и видение исчезает, *метнувшись тенью по коридору...* Женщина выходит из ванной, поднимается по лестнице, не сняв бахил с промокших кроссовок, приоткрывает дверь — мальчик

спит, посасывая большой палец. К горлу журналистки стремительно подступает тошнота, и она бежит к выходу. Жадно вдыхает влажный воздух. *Только бы не стошнило... не здесь... не сейчас...* Она оставляет дверь дома распахнутой, идет к припаркованной неподалеку машине, садится за руль и там наконец избавляется от перчаток и бахил.

Трогается с места, минует аллею-туннель, едет по прямой, поворачивает на перекрестке... Дождь прекратился, ветер разогнал облака, и луна осветила ночной пейзаж. Кристина выключила мотор, погасила фары и вывалилась из салона — ее вывернуло наизнанку в кювет у правого колеса.

Потом она долго сидела в машине и ждала, пытаясь успокоиться. Гроза уходила прочь, молнии бледнели и гасли, гром урчал, как наевшийся до отвала хищник. Через тринадцать минут женщина услышала завывание полицейской сирены. Мимо на полной скорости промчался фургон, осветив фарами деревья. Штайнмайер достала из бардачка бинокль, навела его на дом и увидела, как внутрь вошли три человека. Затем посмотрела в зеркало и не узнала себя — пустой взгляд, расширенные зрачки... Тихонько захлопнув дверцу, она уехала.

Эпилог

Чудо жизни. Кристина погладила свой чудесно округлившийся живот и в который уже раз счастливо изумилась подарку судьбы. Она была на пятом месяце. Головной и спинной мозг ее ребенка окончательно сформировались, все нейроны и извилины были на месте — полный набор, до конца жизни. «Сочувствую, Лео-младший, придется обходиться тем, что есть, красавчик. Надеюсь, ты сумеешь хорошо ими распорядиться», — у нее вошло в привычку называть малыша Лео, хотя они с Фонтеном пока не пришли к согласию в вопросе имени. Отец настаивал на Матисе или Людовике, не зная, что она уже все решила.

Кристина повернула голову к открытой балконной двери.

Солнце встало час назад, но день обещал быть жарким. Она проголодалась как волк. Аппетит у нее теперь был просто ненасытный. На завтрак она ела хлопья, яйца всмятку, гренки с маслом и джемом, пила сок и кофе... Ммм, просто слюнки текут! Кристина улыбнулась. Тошнота и вялость первых месяцев прошли, и она чувствовала себя просто великолепно.

Лежащий рядом с нею любимый человек шевельнулся и открыл глаза.

— Проснулась?

Нежность в голосе, рука по привычке легла на ее живот:

— Привет, Матис.

— Лео... — поправила будущая мать.

— Привет, Луи.

— Лео...

— Он не шевелится.

— Это нормально, все младенчики много спят.

Леонард посмотрел на нее — уже другим взглядом.

— В таком случае, он ничего не заметит, если...

Женщина молчала.

— Ты прекрасна, беременность тебе... — продолжил было космонавт, но Кристина прервала его:

— Тс-с-с...

Они поцеловались. Свет летнего солнца заливал комнату, согревая комнату и их тела. Женщина вспотела.

— Тома проснется нескоро, Карла привезет детей не раньше девяти, — прошептал любимый ей на ухо, — так что времени у нас навалом...

— *Тс-с-с...*

Кристина рассмеялась — он прав, сейчас только шесть утра! Она протянула руку и достала из ящика пачку презервативов. Прогнала горькую мысль: «Мы никогда не сможем...» В ту страшную ночь Маркус сказал правду: он сгинул навек, но оставил по себе страшную память: *она стала ВИЧ-положительной*. Лечение ей не помогло, и теперь они с Фонтеном до конца дней обречены заниматься любовью с «резинкой». Она долго колебалась, когда Лео предложил ей завести малыша: перечитала массу статей и выяснила, что риск передачи ВИЧ от матери к ребенку крайне низок (меньше 1 %), если женщина находится под постоянным наблюдением врача и со второго триместра беременности принимает *антиретровирусные* препараты. Многие инфицированные женщины обрели таким образом счастье материнства.

У Лео, благодарение Господу, здоровье было отменное, и они прибегли к старому доброму методу «искусственного оплодотворения». Процедура неприятная, что и говорить, и получилось у них не сразу, но они повторяли ее, не сдаваясь, пока богиня плодородности не вознаградила их за терпение. Третья попытка оказалась успешной... Для большей безопасности Кристине должны были сделать кесарево сечение. Кормить ребенка грудью она тоже не сможет...

Они занимались любовью перед открытой балконной дверью, наплевав на то, что их может увидеть любой проходящий по тропинке мимо дома человек. Фонтен подложил любимой под спину подушку. Он был очень нежен и неспешен — совсем как это нескончаемое лето. Кристина спрашивала себя, может ли Лео-младший чувствовать желания, страхи, надежды и — главное — любовь родителей. Она надеялась, что да, ведь они с Леонардом теперь любили друг друга как никогда сильно. Много месяцев он прятал ее от всех, в том числе от собственных детей, хотя их объединяли необходимость сохранить все в тайне и присутствие Тома, и их связь стала неразрывной. Кроме того,

Штайнмайер изменилась. Пережитые испытания сделали ее *другим человеком*. Она осознавала, что Лео влюбился именно в *новую* Кристину, и иногда эта мысль ее раздражала.

Космонавт повернулся на бок, оперся на локоть и посмотрел ей в глаза.

— Хочешь выйти за меня замуж?

— Что-о-о?! — изумилась женщина.

— Ты все прекрасно слышала, не придуривайся.

— Ты же только что развелся... Не терпится снова расстаться со свободой?

Фонтен рассмеялся.

— Я знаю, о чем ты думаешь... — Он напустил на себя серьезность, и вид у него стал очень комичный. — Чаще всего мужчины хранят верность в начале романа, а изменяют в конце. Так вот: я начал с конца.

— И что это значит?

— Что ты вполне можешь рассчитывать на мою верность.

— *Вполне?*

— Ну, скажем, на девяносто восемь процентов. Устраивает?

— А вдруг перевесят оставшиеся два процента?

— Клянусь, что никогда не буду тебе врать и скрывать тоже ничего не стану.

— Для начала неплохо, но я не уверена, что этого достаточно. Ты вообще-то понимаешь, что выглядишь... оригиналом?

— Если хочешь обыденности, встречайся с бухгалтером... Ты не обязана соглашаться. Во всяком случае, сразу...

— Я тоже так думаю.

— Значит, ты мне отказываешь?

— Не угадал. Я выйду за тебя. Но только потому, что *не обязана* этого делать.

Этим утром его, как обычно, разбудила музыка. Малер. *Печальная Песнь*. Первый романс назывался *Waldmärchen* — «Лесная сказка». Сервас улыбнулся: он знает отличную сказку... В ней тоже говорится о лесе... Музыка зазвучала громче. Подарок дочери, которая теперь живет за океаном, в стране карibu, серых белок и курочек Шантеклер.

Мартен услышал вой полицейской сирены и рычание мопеда и на мгновение потерял ориентацию во времени и пространстве, не сразу узнав комнату, в которой лежал. Не казенную, в пансионе. *Свою* комнату. В *своей* квартире. Мужчина сел на *своей* кровати, потянулся и вспомнил, что у него, между прочим, есть работа, куда надо ходить, и стол, который его ждет. Он принял душ, оделся, выпил черный кофе и через четверть часа вышел из дома.

Сойдя с эскалатора метро, Сервас пересек эспланаду, направляясь к зданию с высоким кирпичным фасадом и прямоугольной фреской загадочного содержания над полукруглым входом. Солнце блестело на пыльной листве деревьев, росших вдоль Южного канала, мимо совершали пробежку спортсмены во флуоресцирующих костюмах с наушниками в ушах... Вдоль бульвара ехали машины. Служащие комиссариата пристегивали велосипеды к решетке, поднимались по ступеням и исчезали за дверью. На опустевших набережных — «ночные бабочки» уже отправились отдыхать — происходила «приборка»: люди в комбинезонах собирали валявшиеся в кустах презервативы и иглы. Дилеры подсчитывали выручку, горожане спешили по делам... Это была партитура города, его каждодневная опера: хор машин и автобусов, ариозо часов пик, каденция слишком легко достающихся денег, лейтмотив преступлений...

Сервас чувствовал себя удивительно хорошо. Он знал эту музыку наизусть. Это был *его* город, *его* музыка. Ему была знакома каждая нота.

На его рабочем столе лежала папка.

Майор быстро прочел документы и пошел на парковку за служебной машиной. Выхав из Тулузы через северо-западное предместье, он почти час добирался по проселочным дорогам до большого дома в долине.

На траве за белой оградой стоял «Порше 911». На крыльцо с пиалой в руке вышла женщина. Джинсы, толстовка с капюшоном и тенниски на плоской подметке, короткая, «под мальчика», стрижка, лицо без косметики, узкие бедра и высокий рост делали ее похожей на андрогина, такого несостоявшегося мальчика... с округлившимся животиком. Она излучала свет, и от нее исходило очарование счастливой, уверенной в себе женщины.

— Хотите кофе? — спросила Кристина.

Полицейский улыбнулся и пошел следом за ней в дом.

Лео и Тома играли у бассейна, и мальчик звонко смеялся.

— Я достал то, что вы просили, — сказал Мартен.

Штайнмайер готовила кофе, стоя спиной к Сервасу, и повернулась к нему не сразу. Он увидел, как напряглись ее плечи.

— Вы были правы... — Сыщик подтолкнул к ней папку и вдруг вспомнил тот апрельский день, когда она «воскресла». Просто позвонила по телефону и сказала: «Я вернулась...» Они встретились в кафе, в центре города, и первый его вопрос был: «Где вы пропадали все это время?» Кристина ответила просто: «Сбежала... Мне нужно было выдохнуть, побыть одной... Я путешествовала...» Мартен не купился, но это не имело значения. Мила покончила жизнь самоубийством. Классический случай...

— Знаете, о чем я все время думаю? Совпадет ли голос женщины, звонившей в ту ночь в полицию, с голосом Милы Болсански? — задумчиво произнес полицейский, глядя хозяйке дома в глаза.

Она отреагировала мгновенно и совершенно спокойно:

— Думаете, это было убийство?

Сервас покачал головой.

— Судебный медик на сто процентов уверен, что Мила сама вскрыла себе вены. Тем не менее я считаю, что некто, пожелавший остаться неизвестным, обнаружил её мертвой в ванне и сделал звонок, выдав себя за покойницу... Думаю, *некто* поступил так из-за ребенка: одному богу известно, что с ним могло случиться, если бы не звонок в полицию. И я почти уверен, что это сделала женщина...

Мартен посмотрел Кристине в глаза, но она научилась хорошо скрывать свои чувства, и он перевел разговор на другую тему.

— Перед кремацией вашей сестры было сделано вскрытие. Вы не ошиблись: *она была беременна*. Никто не пытался выяснить личность отца: несмотря на самоубийство, уголовное расследование не проводилось. В те годы анализ ДНК делали крайне редко. Зародыш сгорел в печи вместе с матерью...

— Известно, кто распорядился о кремации? — спросила Штайнмайер.

— Да. — Сыщик протянул ей листок. — Это было в деле.

Разрешение на кремацию. Женщина взяла его в руки и прочла:

Учитывая просьбу лица, наделенного правом устройства похорон, принимая во внимание решение Прокурора Республики при Тулузском суде высшей инстанции, разрешаю провести процедуру кремации.

Она дважды перечитала фамилии — отца и того самого врача, на которого напала в двенадцать лет, их семейного врача.

— Спасибо, — ответила Кристина.

Собеседник передал ей следующий документ:

— Это касается мадемуазель Болсански. Сожгите, как только прочтете.

— Зачем?

— *Читайте.*

Штайнмайер прочла — и оцепенела.

— Почему вы...

— Потому что не понимаю, что это значит, а дело закрыто.

— Спасибо еще раз...

Мартен пожал плечами и пошел к двери.

В руках у Кристины была выдержка из полицейского отчета: в яме за домом Милы Болсански были найдены образцы не одной ДНК, а двух. Первая принадлежала Маркусу, вторая — Кристине Штайнмайер...

Сервас обернулся с порога и спросил:

— Как вы поступили с собакой?

Женщина улыбнулась:

— Мы с Лео последовали вашему совету. Вы были правы: это очень красивое место.

Он ехал по рокадной дороге, надеясь проскочить до часа пик, и вдруг задохнулся от неожиданной мысли. Крутанув руль, мужчина съехал на обочину, не обращая внимания на негодующие гудки и разъяренные лица водителей. Некоторое время он сидел и смотрел прямо перед собой, тяжело дыша и пытаясь усмирить рвущееся из груди сердце.

Две ДНК...

Возможно ли такое? Мартен смотрел в пустоту — и видел ее улыбающееся лицо. Смотрел в пустоту — и видел ее, *Марианну*.

Полицейскому показалось, что фильм запустили с конца, и события возвращаются к началу. Возможно ли нечто подобное? О да, еще как возможно!

Он не молился ни разу в жизни.

А сейчас молился.

Молился, когда нажал на педаль акселератора и на полной скорости вылетел на дорогу. Молился, не обращая внимания на ругательства и оскорбления, несшиеся из открытых окон, молился, виляя из ряда в ряд, подрезая и обгоняя не по правилам, молился, мчась навстречу безумной надежде.

Он бросил машину во дворе комиссариата и сломя голову побежал к стоявшему чуть в стороне корпусу, где находилась полицейская научная лаборатория. Пулей проскочив в дверь и толкнув кого-то, не извинился и помчался прямо к Катрин Ларше. Именно ей он несколько месяцев назад отдал на анализ сердце Марианны, и она сделала его — за двенадцать часов, в рекордно короткий срок, — поняв, насколько это для него важно. Катрин была свидетелем его срыва, видела, как он опрокинул стол и закричал, словно раненый зверь, услышав страшную правду.

— Мартен? — изумилась криминалист, когда он подбежал к ней.

— ДНК... — задыхаясь, просипел он.

Ларше сразу поняла, о чем он говорит, и напряглась: слухи о его депрессии и долгом отпуске по болезни дошли и до ее ушей.

— Мартен... — заговорила она успокаивающим тоном.

— Не беспокойся, я в полном порядке... ДНК, — повторил Сервас, — где ты ее взяла?

— Не понимаю...

— Что за образец ты использовала при анализе?

Катрин нахмурилась:

— Сомневаешься в моей компетентности?

Майор замахал руками, а потом прижал ладони к бокам и изобразил низкий — «японский» — поклон:

— Ты самый компетентный человек на свете, бесценная Катрин! Я просто хочу знать: ты делала анализ по кровному родству, так? *По*

восходящей-нисходящей?

— Да. Ты хотел, чтобы я сравнила материал с ДНК ее сына — Юго. У меня нет никаких сомнений: это была кровь Марианны, Мартен. Митохондриальная ДНК передается непосредственно от матери к ребенку, все человеческие особи наследуют ее только от матери.

Сервас вспомнил, как открыл коробку и увидел истекающее кровью человеческое сердце — кровь тогда уже начала сворачиваться. Сердце Марианны: дьявольский подарок швейцарца любимому полицейскому...

— Ты сказала — кровь? — переспросил он уже более спокойно.

— Да, кровь... Именно кровь. Кровь и сперма максимально насыщены ДНК. В одной капле крови содержится восемьдесят тысяч кровяных телец, и в ядре каждого имеется полный набор ДНК, — объяснила Ларше. — Кроме того, хочу напомнить, что ты меня подгонял, хотел получить результаты немедленно. Мы взяли кровь из предсердия — шприцем, это был лучший способ.

Сыщику показалось, что его собственное сердце вот-вот взорвется:

— Значит, дальше вы не пошли?

Катрин снова покраснела:

— Зачем? Мы получили положительный результат...

— Сердце... вы его сохранили?

— Ну конечно, ведь это улика, а дело не закрыто. Сердце хранится в Институте судебной медицины. Слушай, Мартен, тебе бы следовало...

ИСМ находился в здании Университетской клиники Рангей, на юге Тулузы. Сервас посмотрел на собеседницу.

— Можешь сделать новый анализ? Взять образец прямо из сердца?

— Ты же не думаешь, что... — Женщина наморщила лоб. — О, черт! Это будет сенсация, о которой напишут все научные журналы!

Она схватила телефонную трубку:

— Я звоню в институт.

Дениза сидела на балконе и слушала прощальное выступление сопрано Натали Дессей на сцене Тулузского театра Капитолия, где

двадцать пять лет назад состоялся ее дебют. Давали «Манон» Массне.

Аспирантка положила руку себе на живот и улыбнулась. Пятый месяц... Месяц путешествий. Завтра они улетают в Таиланд. Медовый месяц — хотя свадьбы не было. Дениза посмотрела на сидевшего рядом Жеральда Ларше. В конце концов она его заполучила. *В полное свое распоряжение*... Она хотела этого с первой встречи. А когда она чего-то хочет...

Дениза смотрела на серьезное, сосредоточенное лицо Жеральда и спрашивала себя, стоила ли игра свеч. Не переоценила ли она его? Пока Кристина сражалась за ее научного руководителя, аспирантка делала все, чтобы выиграть битву; но теперь война окончена, никто не оспаривает ее прав, а она не уверена, что... Да, Жеральд будет хорошим отцом и мужем, но она, как выяснилось, мечтала не о таком партнере. В койке он... не орел. Не то что новый стажер — «малыш» Яннис! Темнокожий, как восточный принц, с длинными ресницами, потрясающей фигурой и хищной белозубой улыбкой. Дениза не сомневалась, что в постели Яннис — Человек-паук^[73] и Джек-Воробей^[74] в одном лице. Женщины такое чувствуют.

Но она носит ребенка Жеральда. И любит Жеральда. Конечно, любит, иначе зачем все это? Но Яннис так на нее смотрит... А какие комплименты говорит, когда они остаются наедине! Даже в краску ее вгоняет, что совсем непросто сделать. Дениза попыталась сосредоточиться на опере, но все ее мысли были заняты молодым интерном — его телом, драными джинсами и сильными загорелыми руками в татуировках. Да, она будет матерью, она ждет ребенка от Жеральда. Она получила, что хотела, ведь так?

Торопиться некуда, *всему свое время*... Отпуск начнется завтра — целый месяц в Таиланде, — а ей уже не терпится вернуться.

Корделия протянула паспорт и билет стюардессе; та пригласила ее пройти и улыбнулась, увидев Антона, спящего у матери на спине в стеганом слинге «Мэй Тай». Молодая мать поднялась по трапу, везя за собой красный чемодан на колесиках, проигнорировала улыбчивого стюарда и прошла к своему креслу 29D в центральной части кабины, рядом со спасательным выходом и туалетом. Корделия страдала клаустрофобией и выбрала место у прохода, чтобы не тесниться между

двумя другими пассажирами и не сидеть у иллюминатора с Антоном на руках, уткнувшись лицом в спинку предыдущего ряда.

Женщина нервничала.

Как всегда перед полетом. За свои девятнадцать лет она летала всего три раза. Через пятнадцать минут она покинет Москву. Люди, встретившие их у трапа — и ликвидировавшие Маркуса, — поставили ей условие: хочешь жить — уедешь далеко, очень далеко. Они оплатили билет — для нее и ребенка — и новые шмотки, сделали ей документы.

Коринна Делия знала, что отец Антона мертв. Он не раз говорил, что люди его «профессии» до старости не доживают, но перспектива остаться матерью-одиночкой в двадцать лет в чужой стране, не имея ни работы, ни денег (пятнадцать тысяч евро аванса не в счет), кого угодно привела бы в уныние.

Ничего, она стойкая и еще не сказала своего последнего слова! За время пребывания в Москве Корделия избавилась от пирсинга и потратила пять тысяч евро из припрятанных в чемодане двадцати на лазерное удаление самых заметных татуировок — только черных, свести цветные было невозможно. Потом она отправилась на Цветной бульвар и выбрала одежду в дорогом магазине — простую, но фирменную, в том числе и серый костюм, в котором была сегодня. Ее прическа и макияж отвечали требованиям пассажиров, летающих бизнес-классом, и постояльцев роскошных гостиниц, чьи вкусы формируются под влиянием гляцевых журналов. Жалко, что она сегодня летит экономклассом, здесь богатенького простофилю не подцепишь!

Девушка достала бумаги, полученные в посольстве страны, где ей предстояло теперь обретаться, и начала изучать списки вакансий: няни, горничные, бебиситтеры в богатых семьях... В сумке у нее лежали фальшивые рекомендации и резюме. Она не намерена долго убирать чужую грязь или возиться с малолетними сопляками, но эта работа откроет ей дверь в безоблачное будущее. Достаточно будет заарканить одного-двух жирных котов... Корделия откинулась на спинку и закрыла глаза. Жизнь ее не щадила — так почему она должна вести себя иначе?

Улыбающийся Ги Штайнмайер вышел из своей спортивной и экологичной «Фискер Карма»^[75] стоимостью сто тысяч евро. Сегодня, когда он гулял по улицам Тулузы, три женщины узнали его и попросили автограф у «мсье Дориана». Он так долго был Ги Дорианом, что мог бы и не отзываться на фамилию Штайнмайер. Ги Дориан останется в истории как один из пионеров французского радио и телевидения Золотого века радио и телевидения. Интересно, в энциклопедии он тоже войдет под именем Ги Дориана?

Знаменитый ведущий помахал соседке, подстригавшей газон, и открыл почтовый ящик, висевший на колышке — на американский манер — в десяти метрах от их прекрасного дома по соседству с гольф-клубом, прямо напротив девятой лунки. Его внимание привлек бурый конверт без марки и адреса. Мужчина вскрыл его, развернул листок и увидел фразу, составленную из вырезанных из газет букв:

Ты покончишь с собой... Ты пока этого не знаешь, но ты это сделаешь.

Подпись отсутствовала.

Она пришла, чтобы лично сообщить ему результат. Не позвонила — пришла в его кабинет. И не застала его там. Катрин Ларше, глава биологической лаборатории полицейского научного департамента, искала его по всему комиссариату и нашла у Эсперандье. Мартен стоял за плечом своего заместителя и смотрел на экран. Катрин коротко постучала, он обернулся — и все понял без слов.

Сердце не ее. Это не она.

Он не ошибся.

— Ты был прав, — подтвердила криминалист. — Кровь ее, а сердце принадлежит другой женщине... Мы обнаружили крошечный прокол от иглы, через которую кровь Марианны ввели в мышечную ткань.

Майор стоял, как дурак, и не мог шевельнуться. Не знал, что сказать, как реагировать. В груди у него возникло чувство... нет, не облегчения, а *надежды*. Ничтожной, но реальной.

Гиртман, грязный мерзавец...

Не сказав ни слова, сыщик выскочил из кабинета, спустился в холл, выбежал на улицу и окунулся в поток густого жаркого летнего света. Ему требовалось побыть одному. На берегу канала он нащупал в кармане пачку сигарет. Достал ее и на этот раз закурил.

Сладкая отравка медленно заполнила его легкие. Надежда — он ясно это понимал — была таким же смертельным ядом.

Мартен подумал о человеке, приславшем ему тот страшный подарок, экс-прокуроре Женевы, бывшем «постояльце» Института Варнье. «Негодяй не показывается, но он где-то там, возможно, за тысячи километров, или совсем близко, *и ты по-прежнему занимаешь* его мысли. Он гений перевоплощения и маскировки, ему неведома жалость, но он умеет любить — на свой, особый манер. Он любит *тебя*. Иначе не подменил бы сердце. Этот подарок, этот дар — приглашение».

Полицейский шел, не замечая ничего вокруг. Солнце и тени скользили по его лицу, на лбу у него выступил пот, во рту пересохло, а голова была словно охвачена огнем.

«Он как нежеланный брат, старший брат, Каин. Делает ужасные вещи, похитил Марианну... Она жива. Ты знаешь, что жива, — убеждал себя майор. — Однажды утром ты найдешь в почтовом ящике очередной “привет” от него: он не оставит тебя в покое. А она ждет тебя — у нее есть только ты. Из семи миллиардов жителей планеты спасти ее может один-единственный...»

Из задумчивости Мартена вывело треньканье звонка. Он резко повернулся, едва не опрокинул ехавшего мимо велосипедиста — тот увернулся в последний момент — и почувствовал на лице ласку солнечных лучей, услышал гул бульвара... Его лицо сморщилось от беззвучного смеха, а глаза заблестели. Чудо жизни. Оно снова произошло.

Марианна...

Благодарности и основные источники

Сердечно благодарю господ Кристофа Гийомо, Ива Ле Лира, Жозе Марье и Паскаля Пасамонти из регионального управления криминальной полиции Тулузы и моего спарринг-партнера Андре Адоба, которые всегда уделяли мне столько времени, сколько требовалось. Ни один из них не несет ответственности за мои ошибки и оценочные суждения.

В изысканиях, проведенных во имя придания моему вымыслу некоторой доли реалистичности, я прибег к помощи следующих изданий: *«Женщины под посторонним влиянием»* и *«Моральное преследование, извращенная жестокость в быту»* Мари-Франс Иригуайен, *«Манипуляторы живут среди нас»* Изабель Назар-Ага, *«Извращенность в действии. Моральное преследование на работе и дома»* Жана-Поля Геджа, *«Французенка в космосе»* Клоди Андри-Дэе и Йолен де Ла Бинь, *«Бортовой журнал космонавта»* Жан-Пьера Эньере и Симона Аликса, *«Покорение космоса»* Арлен Аммар-Израэль и Жан-Луи Феллу, *«Почти Небеса. История женщин в космосе»* Бетти-Энн Хальцман Кивлз, *«Женщины: лицом к лицу с новым моральным порядком. Методы защиты»* Кристин Детрез и Анны Симон, *«Тулуза вчера, сегодня, завтра»* Фернана Кусто и Мишеля Вальдиге, *«Опера, или Поражение женщин»* Катрин Клеман, *«Вся опера, от Монтеверди до наших дней»* Гюстава Коббе, *«Пять великих опер»* Анри Барро, *«Любовный словарь оперы»* Алена Дюо и *«Энциклопедия российских тюремных татуировок»*.

Каролин Сер помогла сделать этот текст лучше. Поработали над ним и Гвенаэль Ле Гофф и Кристель Гийомо.

Я выражаю горячую благодарность командам издательств «ХО» и «Покет» и моим первым читателям — Бернару, Каролине и Эдит.

Во всех ошибках, которые могут встретиться читателям, виноват я один. Все мои герои — плод авторской фантазии. Теле- и радиоведущие, с которыми я знаком, совсем не похожи на тех, которых я описал в книге. Насколько мне известно, ни Европейское космическое агентство, ни НККИ никогда не пробовали замять какой бы то ни было скандал. Что же до музыкальных пристрастий Серваса,

то Жан-Пьер Шамбер снова провел меня по извилистым тропинкам, которые знает куда лучше меня.

Хочу уточнить, что замки в номерах «Гранд-Отель де л'Опера» открыть совсем не так легко, как описано в моей книге, но это не меняет того факта, что миллионы электронных замков в номерах отелей по всему миру обеспечивают весьма относительную безопасность и не являются проблемой для опытного взломщика.

Большое спасибо моей семье, друзьям и всем тем — эти люди себя узнают, — кто однажды сделал так, чтобы у меня появились читатели. И — последнее по счету, но не по важности — спасибо самим читателям.

---

notes

Примечания

1

Космический городок — тематический парк развлечений, посвященный освоению космоса и истории Солнечной системы. Был открыт в июне 1997 г. по инициативе мэрии Тулузы. За первые десять лет существования этого парка развлечений его посетило более трех миллионов человек. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

United Parcel Service, Inc., или UPS — американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике.

3

Герцинская складчатость (по названию горной группы Центра Европы, известной у древних римлян как Герцинский лес) — совокупность процессов интенсивного горообразования, завершившихся возникновением во второй половине палеозойской эры складчатых горных систем.

4

Инди-рок — обобщающий термин для широкого диапазона музыкантов и стилей, объединенных причастностью к контркультуре и независимых от крупных звукозаписывающих и продюсерских компаний.

5

Манга — японские комиксы, иногда называемые комикку. Манга, в той форме, в которой она существует в настоящее время, начала развиваться после окончания Второй мировой войны.

6

Данте Алигьери «Божественная комедия», пер. М. Лозинского.

7

Пер Ноэль — французский Дед Мороз.

8

Ник Кейв (р. 1957) — австралийский рок-музыкант, поэт, писатель, автор музыки к фильмам, сценарист.

9

Кайпиринья — популярный бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара; при отсутствии кашасы ее можно заменить ромом.

10

Игги Поп (р. 1947) — американский рок-вокалист, один из зачинателей и гуру альтернативного рока.

Джулиан Фернандо Касабланкас (р. 1978) — певец, вокалист и автор песен американской рок-группы The Strokes.

12

Абдоминальное дыхание — метод релаксации, который способствует снятию психического напряжения.

13

Даже у параноиков есть враги (*англ.*).

14

Спид-дейтинг — формат мини-свиданий, организованных с целью познакомиться людей друг с другом.

Этолог — человек, изучающий врожденное поведение животных, в том числе человека.

16

Kings of Leon — американская рок-группа, играющая в стиле альтернативный рок.

Льюис Алан Рид (1942–2013) — певец, гитарист, поэт, автор песен, рок-музыкант, основатель и лидер рок-группы The Velvet Underground.

Концертато — стиль, характерный для музыки эпохи барокко и подразумевающий «соревнование» групп оркестра, хоров и т. д.

Имеется в виду героиня фильма *Baby Doll*/«Куколка» (1956, реж. Э. Казан).

Жорж Делерю (1925–1992) — французский композитор, написавший музыку к более чем 350 кино- и телефильмам, за что был назван изданием «Фигаро» «Моцартом кинотеатров».

Бензодиазепины — класс психоактивных веществ с ярко выраженными снотворным, седативным, миорелаксирующим и противосудорожным эффектами.

«Форт Аламо» — вестерн (1960) режиссера Д. Уэйна о битве за крепость Аламо, произошедшей в феврале-марте 1836 г. Форт Аламо стал символом неприступности.

«Комната страха» — триллер (2002) режиссера Д. Финчера с Д. Фостер в главной роли. В доме, куда после развода переезжает главная героиня с дочерью, оборудована «паническая комната» — неприступное помещение на случай проникновения в дом бандитов.

Интерьер в стиле лаунж — один из самых востребованных в современном дизайне. Все в таком оформлении должно излучать легкость, спокойствие и умиротворение, все ориентировано на достижение максимального релакса. Как интерьерный стиль появился совсем недавно.

Асаф Авидан (р. 1980) — израильский фолк-рок-музыкант и композитор.

Local Natives — музыкальный коллектив из Лос-Анджелеса, исполняющий инди-рок.

Wave Machines — гитарно-электронная группа из Ливерпуля.

GNSS — глобальная навигационная спутниковая система.

«Галилео» — совместный проект спутниковой системы навигации Европейского союза и Европейского космического агентства, предназначена для решения геодезических и навигационных задач.

Иэн Гиллан (р. 1945) — британский рок-музыкант, вокалист и автор текстов песен; наиболее известен как фронтмен группы Deep Purple.

Фён — сильный порывистый, теплый и сухой местный ветер, дующий с гор в долины. Фёны особенно часты весной.

«К жесткому ложу печаль с бледным лицом не придет» (*лат.*).
Марциал Марк Валерий, «Эпиграммы», *пер. Ф. А. Петровского.*

«Синяя карта» — основная дебетовая карта платежной системы, работающей во Франции. Она позволяет осуществлять транзакции без требования авторизации от банка держателя карты.

Круэлла де Виль — главная злодейка в анимационном фильме студии Диснея «101 долматинец».

Паоло Уччелло (1397–1476) — итальянский живописец, мастер деревянной мозаики.

Маракана — футбольный стадион в Рио-де-Жанейро, Бразилия; до реконструкции в 2014 г. считался самым вместительным в мире.

Игра слов: по-французски полицейских называют roulets — «цыплята».

Онглёт — мясистый край диафрагмы, ещё его называют «кусоч мясника», из онглёта готовят гуляш и шашлык.

Зебда — французская музыкальная группа из Тулузы, известная своим политическим активизмом и широким разнообразием музыкальных стилей. Образовалась в 1985 г.

«Трахни меня, я знаменитость» *(англ.)*.

Grand Theft Auto IV — мультиплатформенная трехмерная видеоигра, в которой герой выполняет преимущественно криминальные задания, выдаваемые различными игровыми персонажами.

Медиатека — современное название библиотек, фонды которых содержат печатные, электронные и мультимедийные документы и книга.

ПеркуSSIONИСТ — музыкант, играющий на ударных музыкальных инструментах.

Хокку — традиционный размер в японском стихосложении, ограничивающийся 17 слогами.

Гик — человек, чрезмерно увлеченный чем-либо. В русском языке употребляется преимущественно по отношению к людям, увлеченным технологиями (обычно компьютерными), либо членам какого-либо фэндома.

46

Не высовываться (*итал.*).

Афишная тумба Морриса — уличная высокая цилиндрическая тумба для афиш. Носит имя парижского печатника Г. Морриса, получившего в 1863 г. разрешение городских властей установить такие тумбы по городу при условии, что внутри тумбы городские дворники будут прятать свои метлы и пр.

«Меккано» — серия наборов деталей для сборки и моделирования разнообразных предметов. Конструктор изобрел в 1901 г. Франк Хорнби. В набор входит множество предметов, но основой являются плиты с отверстиями, которые могут соединяться с помощью болтов и гаек.

«Все то, что я сделал» *(англ.)*.

АСД — автоматизированное средство доставки.

Речь идет об американской молодежной комедии «Проект X: Дорвались» (2012, реж. Н. Нуризаде).

«Спекюлос» — пряное хрустящее печенье родом из Бельгии и Нидерландов. Распространено также на севере Франции.

Приблизительно соответствуют 3–4-му классу российской школы.

По-французски английское имя Джеральд звучит как Жеральд.

Ученая степень в западном мире, примерно соответствующая российской степени кандидата наук.

Chemistry & Camera — высокотехнологичный спектрометр — лазерный химический анализатор, который установлен на борту марсохода «Кьюриосити». Благодаря этому прибору ученые, находящиеся на Земле, могут узнать состав породы и почвы, причем происходит это бесконтактным способом.

«Мальчи́ковая группа» (*букв.*). Обычно определяется как вокальная поп-группа, состоящая из юношей привлекательной внешности и ориентированная на девочек предподросткового и подросткового возраста.

Наука о взаимодействии живых существ и окружающей среды.

События из книги Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец. Две крепости».

Герой фильма «Беглец» (1993, реж. Э. Дэвис).

61

Кетамин — NMDA-антагонист, применяемый в качестве средства для наркоза в медицине и ветеринарии. Побочный эффект — галлюциногенное действие.

Опера-серия — серьезная опера (*итал.*) — жанр итальянской оперы, возник в конце XVII в. в творчестве композиторов неаполитанской оперной школы. Оперу-серия создавали на основе героико-мифологического или легендарно-исторического сюжета с четким распределением сценического действия и музыки.

63

Основная задача тестера рН (phenol red) — определение кислотности в той или иной среде.

Эти кондиционеры поддерживают постоянную температуру внутри скафандра.

ГСП — герметичный стыковочный переходник.

66

Часть органа равновесия всех позвоночных и человека.

67

«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Мф.
10:28.

Домик у бассейна, выполняющий разные функции, может быть даже гостевой квартирой.

Тест на ВИЧ — иммуноферментный анализ (сокращенно ИФА).

Схема терапии, применяемая к людям, имевшим контакт с потенциально инфицированным. Проводится до получения результатов анализов, но при высокой степени угрозы заражения.

«Ла Фениче» — знаменитый оперный театр в Венеции.

Бриттен, Эдвард Бенджамен (1913–1976) — британский композитор, дирижер и пианист.

Человек-паук — супергерой, персонаж комиксов издательства Marvel Comics.

Джек-Воробей — пират, главный герой киноэпопеи «Пираты
Карибского моря».

Модель спортивного электромобиля.

Table of Contents

Бернар Миньер Не гаси свет

Увертюра

Акт 1

1. Занавес поднимается

2. Партитура

3. Хор

4. Баритон

5. Концертато[18]

6. Солист

7. Вибрато

8. Мелодрама

9. Антракт

10. Сопрано

11. Крещендо

12. Поучение мрака

13. Опера-Буфф

14. Колоратура

15. Дуэт

16. Речитатив

17. Статист

18. Веризм

19. Тенор

20. Оперетта

21. Ансамбль

22. Лакме

23. Лейтмотив

24. Голос

25. Контрапункт

26. Аргумент

27. Дива

28. Интермеццо

29. Либретто

30. Опера-серия[62]

31. Гранд-опера

32. Освистывание

Акт 2

33. Королева ночи

34. Лирическая драма

35. Бис

36. Балкон

37. Вторичные детали картины

38. Уход со сцены

39. Могила

Акт 3

40. Ария da Capo

41. Sola, Perduta, Abbandonata

42. Финал

Эпилог

Благодарности и основные источники

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)

[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)

